Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ІЮНЬ. 1902 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ... 449—466
II. Сперанскій въ Великополѣ и Пензѣ. (Изъ бумагъ акад. А. Ѳ. Вѣчкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 467—486
III. Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева по управленію сѣверо-западнымъ краемъ (съ 1 мая 1863 г. по 17 апрѣля 1865 г)..... 487—510
IV. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину..... 511—519
V. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ..... 521—540
VI. Николай Карловичъ Шильдеръ. (Некрологъ). Ред. и Ѳедора Шиманна. 541—548
VII. Русскіе на островѣ Готландѣ въ 1808 г. (Разсказъ секретаря магистрата въ Висбю, А. Моландера). Сообщила Екат. Ник. Янжулъ..... 549—552
VIII. Польша въ 1814—1831 гг. (Изъ воспоминаній генер. Клементія Колачковскаго). 553—574
IX. Англійскій путешественникъ въ Россіи и его мнѣніе о русскомъ обществѣ. (1826 и 1827 гг.). Сообщилъ И. С. Шукшинцевъ..... 575—578
X. Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій. 579—588
XI. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ..... ... 589—610
XII. Записка о Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году. Сообщилъ Г. Кунцевичъ..... 611—616
XIII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. (По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ). А. Слезскинскаго..... ..... 617—628
XIV. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Дивова)..... 629—651
XV. Записная книжка „Русской Старины“: Замѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ. П. Пирлинга. (стр. 520).
XVI. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Николая Карловича Шильдера.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808 — 1825. Изданіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича.

Въ предисловіи къ этому вполнѣ роскошному изданію издатель говоритъ, что часть этихъ портретовъ была уже издана въ 1813 году Вендрамини, но теперь это изданіе сдѣлалось библіографическою рѣдкостью, которую можно съ трудомъ достать у заграничныхъ антикваровъ, и то не въ полномъ видѣ. Къ портретамъ приложены краткія біографическія свѣдѣнія. Всѣ портреты написаны съ натуры въ періодъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ 1812—1815 гг., и многіе являются новинкой, такъ какъ никогда еще не были воспроизведены. Одинъ списокъ этихъ портретовъ указываетъ на громадный интересъ изданія. Въ нихъ помѣщены портреты: императора Александра I, императрицы Елисаветы Алексѣевны, в. к. Константина Павловича, принцевъ Александра и Евгенія Виртембергскихъ; принцевъ Гессенъ Филипстальскаго, Георга Ольденбургскаго, наслѣднаго принца Ольденбургскаго, Оранскаго и Вильгельма прусскаго; графа Армфельдта, генераловъ: Багговута, кн. Багратіона, князя Барклая-де-Толли, графа Беннигсена, кн. Васильчикова, князей Витгенштейна, Воронцова, Голицына, Горчакова, гр. Дибича, Довре, гр. Коновницина, Кульнева, князя Кутузова, гр. Ламберта, гр. Орлова-Денисова, Писарева, гр. Платова, барона Розена, гр. Ростопчина, Сеславина, гр. Строгонова, гр. Тормасова, А. Фока, Б. Фока, Уварова и гр. Чернышева.

Въ заключеніи предисловія говорится, что въ недалекомъ будущемъ предположено заняться изданіемъ подробнаго собранія русскихъ портретовъ и миніатюръ, начиная съ эпохи императрицы Екатерины II до начала царствованія императора Николая I. Намъ остается только пожелать, чтобы Его Высочество не покидалъ своего намѣренія и скорѣе подарилъ, всѣхъ интересующихся, такимъ же роскошнымъ изданіемъ, какъ и настоящее. Ред.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томы первый и второй. С.-Петербургъ 1902 г.

Въ разсматриваемомъ нами историческомъ очеркѣ собранъ обильный фактическій матеріалъ по исторіи развитія нашей желѣзнодорожной сѣти (кромѣ свѣдѣній, относящихся до исторіи сооруженія Великой Сибирской дороги, которой, въ виду ея міроваго значенія, будетъ отведено особое изслѣдованіе); при чемъ по каждой отдѣльной дорогѣ приведены извлеченія изъ сужденій высшихъ государственныхъ учрежденій, разсматривавшихъ вопросъ объ ея осуществленіи или дальнѣйшей эксплоатаціи, въ томъ числѣ—и многія сужденія Комитета Министровъ.

Съ самаго водворенія у насъ желѣзнодорожнаго строительства вплоть до послѣдняго времени, Комитетъ Министровъ не переставалъ принимать дѣятельное и непосредственное участіе въ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся желѣзнодорожнаго хозяйства. Первоначально кругъ этой дѣятельности не былъ вполнѣ точно опредѣленъ: Комитетъ Министровъ участвовалъ въ разсмотрѣніи подобнаго рода вопросовъ наравнѣ съ другими спеціальными комитетами, разновременно учреждавшимися. Мало-по-малу было установлено болѣе точное разграниченіе компетенціи Комитета Министровъ и высшаго совѣщательнаго при особѣ монарха учрежденія по спеціально желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Такъ продолжалось до 1874 года, когда, съ упраздненіемъ Комитета желѣзныхъ дорогъ, всѣ дѣла, подлежавшія его вѣдѣнію, были переданы въ Комитетъ Министровъ, въ которомъ, такимъ образомъ, сосредоточилось разсмотрѣніе всѣхъ, касавшихся желѣзныхъ дорогъ, правительственныхъ мѣропріятій. Въ 1891 г. было образовано соединенное Присутствіе изъ Комитета Министровъ и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, существующее и понынѣ.

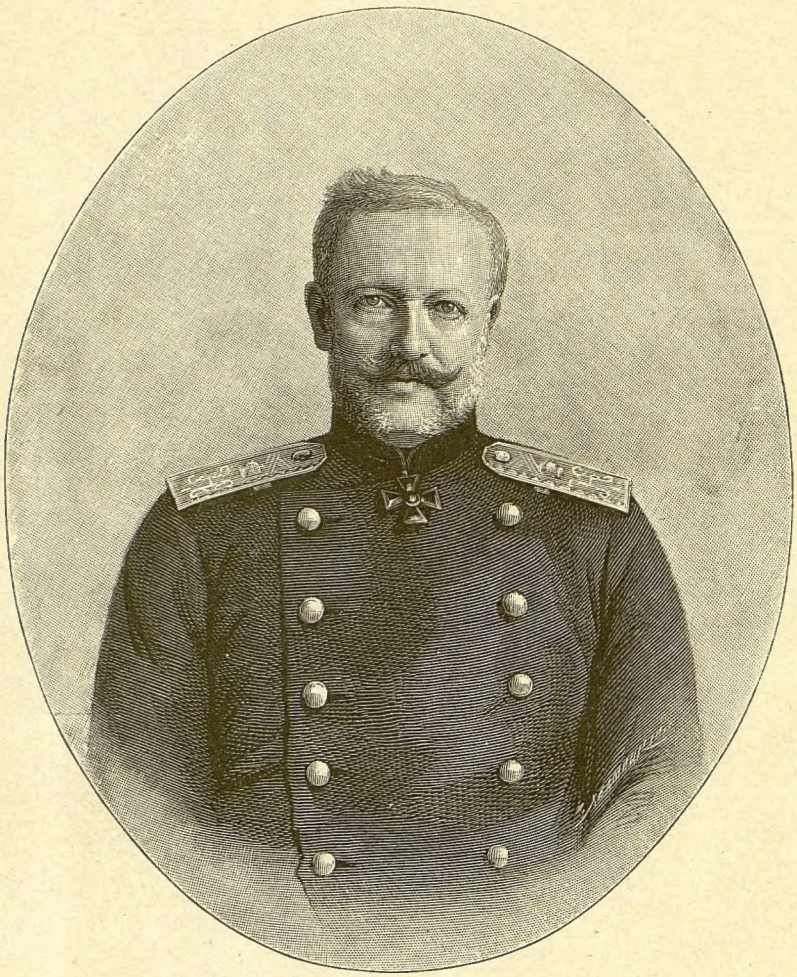
Первый томъ разсматриваемаго нами труда г. Кислинскаго заключаетъ въ себѣ исторію желѣзнодорожнаго строительства въ царствованіе Николая I и въ первую половину царствованія Александра II (до 1868 г.); во второмъ томѣ помѣщенъ обзоръ желѣзнодорожной политики въ послѣднюю половину царствованія Александра II (до 1881 г.).

1-го февраля 1842 г. императоръ Николай I, по ознакомленіи съ донесеніями вернувшихся изъ Америки инженеровъ Мельникова и Крафта, окончательно укрѣпившими его въ прежнемъ убѣжденіи о великомъ культурномъ и экономическомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ,—объявилъ о принятомъ имъ рѣшеніи приступить къ постройкѣ рельсоваго пути отъ Петербурга до Москвы, съ принятіемъ расходовъ по проложенію линіи на счетъ Государственнаго Казначейства. Для завѣдыванія сооруженіемъ этой дороги былъ образованъ спеціальный Комитетъ

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ., 20 мая 1902 г. Тип. тов. „Общ. польза" Б. Подъяч., д. 39.



НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧЪ

ШИЛЬДЕРЪ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов

ЯДК

Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича
и
великой княгини Александры Ѳеодоровны
въ 1824 году.

Въ 1824 году, 24-го іюля, великій князь Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна отправились въ заграничное путешествіе. На этотъ разъ желаніе доставить великой княгинѣ возможно спокойный переѣздъ въ Германію привело къ обратному результату. Погода не благопріятствовала морскому путешествію, и сильная буря, разразившаяся тогда надъ Балтійскимъ моремъ, обратила переѣздъ въ продолжительное почти сплошное мученіе.

Пребываніе великаго князя среди родственной королевской семьи сопровождалось, сверхъ того, еще разными происшествіями нерадостнаго свойства, грозившими нарушить семейный миръ и возбудить даже политическія страсти въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ прусскаго общества,—король Фридрихъ-Вильгельмъ III вступилъ неожиданно для семьи въ морганатическій бракъ съ графиней Гаррахъ (католическаго вѣроисповѣданія) [1]), а съ другой стороны шли нескончаемые семейные переговоры по поводу настойчиваго желанія втораго сына короля, прусскаго принца Вильгельма (будущаго императора Вильгельма I), вступить въ бракъ съ княжной Елисаветой Радзивилъ. Все это необычайное сочетаніе политическихъ, религіозныхъ и семейныхъ интересовъ а также печальныя событія, ознаменовавшія въ Россіи исходъ 1824 г., нашли себѣ отголосокъ въ сообщаемой ниже перепискѣ.

Н. Шильдеръ.

[1]) Припомнимъ здѣсь, что въ это время наслѣдный принцъ прусскій, будучи женатъ на принцессѣ баварской, ввелъ уже католическій элементъ въ королевскую семью. Это обстоятельство сильно смущало пруссаковъ, возбудивъ безпокойство въ придворныхъ сферахъ и даже среди протестантскаго населенія королевства вообще.

I.

Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру I.

1.

На рейдѣ противъ Ростока.
8-го (20-го) августа 1824 г.

Дорогой братъ. Уже два дня тому назадъ я запечаталъ письмо, чтобы увѣдомить васъ о нашемъ пріѣздѣ, и задержалъ отправку его лишь въ томъ намѣреніи, чтобы послать его, когда мы вступимъ на землю; но какъ въ высшей степени справедливо говоритъ пословица: «человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ», неимѣніе хорошей карты мало посѣщаемыхъ ростокскихъ береговъ ввело насъ въ заблужденіе, и, вмѣсто того, чтобы бросить якорь на настоящемъ рейдѣ, мы остановились почти въ трехъ миляхъ отъ него. Мы вызывали сигналами лоцмановъ, но они не явились, и только благодаря прибытію яхты великаго герцога Мекленбургскаго, который былъ столь внимателенъ, что послалъ ее къ намъ навстрѣчу, мы увидѣли свою ошибку; было слишкомъ поздно, чтобы мѣнять стоянку. На слѣдующій день, т. е., вчера, вѣтеръ былъ столь необычайно силенъ, что не было никакой возможности сняться съ якоря, а такъ какъ судно начало подаваться въ навѣтренную сторону, то мы были вынуждены отдать брамъ-стенги; этотъ мо-

---

I.

Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру I.

1.

Le 8 (20) août 1824. En rade vis-à-vis Rostock.
Cher frère!

Il y a deux jours que j'avais déjà fermé ma lettre pour vous annoncer notre arrivée, et je n'avais gardé le courrier qu'avec l'intention de vous l'expédier au moment même où nous mettrions le pied sur terre; mais, comme le dit très justement le proverbe, l'homme propose et Dieu dispose, le défaut de bonne carte des côtes très peu fréquentées de Rostock nous a induit en erreur, et au lieu d'avoir jeté l'ancre à la rade véritable, nous nous étions arrêtés à près de trois milles en deça; nous avions signalé des pilotes, mais ils n'arrivèrent point, et ce ne fut que par l'arrivée du yacht du Grand Duc de Mecklenbourg qu'il avait eu l'attention d'envoyer à notre rencontre, que nous reconnûmes notre erreur; il était trop tard pour changer de station; le lendemain, c. à. d. hier, le vent fut si extrêmement fort qu'il n'y eût aucune possibilité de lever l'ancre, et comme le vaisseau commençait à chasser dessus, nous fûmes forcés de bailler tous les perroquets; ce moment n'était pas des

ментъ былъ не изъ особенно пріятныхъ, такъ какъ вѣтеръ и дождь налетали въ высшей степени сильными порывами и въ теченіе всего дня не было увѣренности, что судно удержится на якорѣ, и мы не будемъ выброшены на низкіе и песчаные берега, близъ которыхъ мы находились. Къ счастью, въ эту ночь вѣтеръ ослабѣлъ, а лоцмана, присылки которыхъ я послалъ просить у нашего консула, прибыли и рѣшили, что возможно сняться съ якоря; это удалось намъ, такъ какъ ко времени производства этого маневра вѣтеръ стихъ, и уже полтора часа какъ мы находимся въ надлежащемъ мѣстѣ и безопасности; завтра, въ десять часовъ утра я разсчитываю свезти на берегъ жену.

Нашъ переѣздъ былъ очень долгій и, хотя все время вѣтеръ былъ противный, все обошлось очень счастливо; мы имѣли благопріятный вѣтеръ лишь до Гогланда, по эту сторону Ревеля; тамъ начались западные вѣтры и держались, съ нѣкоторыми, небольшими, измѣненіями въ силѣ, до Борнгольма; близъ Готланда выдался день съ очень сильными порывами вѣтра; день передъ нимъ и день послѣ него были спокойные. Подойдя близко къ острову Моёп, мы пять дней крейсеровали передъ нимъ; такъ и не удалось найти возможности войти безъ опасности въ Бельтъ, потому-что противный вѣтеръ былъ очень силенъ. Наконецъ, третьяго дня намъ, повидимому, удалось преодолѣть это затрудненіе, и казалось,

---

plus agréables, le vent et la pluie revenant par coups de vents d'une violence extrême, et n'étant pas sûr toute la journée, si à force de chasser sur les ancres nous ne serions pas jetés sur les rives basses et sablonneuses près desquelles nous nous trouvions placés. Heureusement, cette nuit le vent baissa, et les pilotes que j'avais envoyé demander à notre consul, nous arrivèrent et décidèrent qu'il était possible de lever l'ancre; la chose nous a réussi, le vent étant tombé pour l'instant de la manœuvre, et il y a une heure et demie que nous sommes au véritable point et en sûreté;—demain, à 10 heures du matin, je compte faire débarquer ma femme.

Notre traversée a été bien longue, et quoique nous n'ayons eu que des vents contraires, tout s'est fort heureusement passé; nous n'eûmes bon vent que jusqu'à Hogland en deça de Reval; là les vents d'Ouest commencèrent et durèrent avec quelques petites variations de force jusqu'à Bornholm; près de Gotland nous eûmes une journée de coups de vent très violents, précédée et suivie de deux journées de calme. Arrivés près de l'île de Moën, nous fûmes cinq jours à croiser devant, sans pouvoir réussir à entrer sans risque dans le Belt, le vent contraire étant trop fort; enfin avant hier nous avions réussi, selon les apparences, à vaincre cette difficulté, et il paraissait que tout était fini, quand au

*

что все покончено, тогда какъ, напротивъ того, намъ предстояло подвергнуть свое терпѣніе сильному испытанію въ теченіе цѣлыхъ тридцати шести часовъ. Состояніе здоровья моей жены было хорошо, за исключеніемъ трехъ дней морской болѣзни, сильно утомившихъ ее; но удовольствіе быть такъ близко отъ своихъ излѣчило ее. Первые дни у нея было воспаленіе глазъ, что я приписываю сырости ея аппартаментовъ въ Петергофѣ; въ настоящее время она отдѣлалась отъ него. Я отдѣлался тѣмъ, что дважды заплатилъ дань морю, а остальные изъ нашего транспорта были больны почти постоянно или же поочередно. Больные были даже среди экипажа, такъ какъ вѣтеръ, дѣйствительно, былъ очень силенъ. Я не могу, дорогой братъ, въ достаточной степени нахвалиться передъ вами достойнымъ и почтеннымъ капитаномъ судна, которому вы благоволили довѣрить насъ. Вамъ извѣстно его усердіе; я осмѣливаюсь увѣрить васъ, что онъ превзошелъ себя, такъ какъ часто ему приходилось напрягать все свое знаніе и всѣ свои способности, чтобы справиться съ тѣмъ, что требовало его вниманія. Его въ высшей степени расшатанное здоровье еще болѣе поднимало значеніе того, что онъ дѣлалъ; вотъ пятнадцать ночей, проведенныхъ имъ безъ сна, несмотря на всѣ наши старанія заставить его поберечь себя; и я опасаюсь, чтобы это не имѣло какихъ-либо послѣдствій для него. Соизвольте, до-

---

contraire nous eûmes 36 heures de forte patience à éprouver. La santé de ma femme a été bonne, sauf trois journées de mal de mer qui l'ont beaucoup fatiguée, mais le plaisir d'être si proche des siens l'a remise; les premiers jours elle eut une fluxion aux yeux, que j'attribue à l'humidité de ses appartements à Péterhof; elle en est quitte à cette heure. J'ai été quitte pour deux tributs, et le reste de notre transport a été malade presque toujours on à tour de rôle. Il y a eu même du monde de l'équipage malade, le vent étant vraiment très fort. Je ne puis assez vous recommander, cher frère, le digne et respectable capitaine de vaisseau auquel vous avez daigné nous confier; vous connaissez son zèle; j'ose vous assurer qu'il s'est surpassé, ayant eu souvent besoin de tout son savoir faire et de toute sa tête pour suffire à tout ce qui exigeait son attention; sa santé extrêmement délabrée rendait la chose encore plus méritoire; voilà quinze nuits qu'il a passé blanches, malgré tout ce que nous avons fait pour l'engager à se ménager, et je crains que cela n'aie des suites pour lui. Daignez lui donner quelque marque de contentement, cher frère; je me croirais ingrat envers lui, si je n'osais implorer ce bienfait pour quelqu'un qui sert depuis 29 ans comme officier, et toujours avec honneur. L'équipage était tout zèle; un peu plus d'habitude de la mer ne ferait pas de mal ni pour les officiers ni pour les mariniers.

рогой братъ, проявить ему какъ-нибудь свое благоволеніе; я считалъ бы себя неблагодарнымъ по отношенію къ нему, еслибы не осмѣлился умолять объ этомъ благодѣяніи для того, кто 29 лѣтъ служитъ офицеромъ и, притомъ, неизмѣнно съ честью. Экипажъ былъ—само рвеніе; нѣсколько болѣе привычки къ морю не повредило бы ни офицерамъ, ни матросамъ.

Письма изъ Доберана сообщаютъ, какъ будто бы король прусскій долженъ былъ прибыть туда третьяго дня; однако, я не могу утверждать это положительно; я оставляю это письмо незапечатаннымъ, чтобы отправить его завтра съ берега.

9-го (21-го) августа, Доберанъ.

Я кончаю это письмо здѣсь, дорогой братъ, чтобы имѣть возможность увѣдомить васъ о нашемъ благополучномъ сошествіи на берегъ. Мы прибыли въ Варнемюнде въ $11^1/_2$ ч.; король, наслѣдный принцъ, Фридрихъ Оранскій ожидали насъ тамъ съ Александриною, Павломъ, Карломъ и Луизой; это одно уже говоритъ вамъ, что моя жена счастлива! Виновникъ нашего счастья какъ постоянно, такъ и въ этомъ случаѣ—вы; да вознаградитъ васъ за это Богъ!

Я тороплюсь кончить; прощайте, дорогой и несравненный братъ; благоволите сохранить ваше расположеніе, вашу дружбу, вашу снисходительность къ тому, который на всю жизнь сердцемъ и душою, вамъ всецѣло преданный и покорнѣйшій братъ и подданный.

Des lettres de Doberan nous disent comme si le Roi de Prusse devait y arriver avant-hier; je ne puis cependant l'assurer pour positif; je laisse cette lettre ouverte, pour l'expédier demain de terre.

Le 9 (21) août, Doberan.

Je finis cette lettre ici, cher frère, pour pouvoir vous annoncer notre heureux débarquement; nous sommes arrivés à Warnemünde a $11^1/_2$; le Roi, le Prince Royal, Frédéric d'Orange nous y attendaient avec Alexandrine, Paul, Charles et Louise; c'est vous dire que ma femme est heureuse!—C'est vous qui êtes l'auteur de notre bonheur toujours et encore à cette occasion; que Dieu vous en récompense.

Je me hâte de finir; adieu, cher et excellent frère, daignez conserver vos bontés, votre amitié, votre indulgence à celui qui est pour la vie de cœur et d'âme,

cher frère,
Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet
Nicolas.

2.

Веймаръ, 5-го (17-го) сентября 1824 г.

Дорогой братъ. Я ожидалъ прибытія перваго курьера, чтобы имѣть возможность написать вамъ такъ, какъ мнѣ хочется. Я начинаю съ принесенія вамъ моихъ пожеланій по случаю дня вашего ангела. Лишенный счастья быть возлѣ васъ въ этотъ день, я тѣмъ не менѣе былъ возлѣ васъ мысленно; и я горячо молилъ Провидѣніе, чтобы оно услышало молитвы, которыя возносились къ нему со всѣхъ сторонъ о сохраненіи васъ. Для меня было большимъ счастьемъ узнать черезъ матушку, что вы благополучно совершаете свое путешествіе, и что утомленіе, нераздѣльное съ подобнымъ образомъ жизни, не повліяло на ваше здоровье. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о томъ; это долженъ былъ быть очень утомительный день для васъ; да хранитъ васъ небо!

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье писать вамъ, наши планы подверглись измѣненію. Такъ какъ время года теперь очень позднее, то врачи Доберана отсовѣтовали моей женѣ пользованіе морскими купаньями, и такъ какъ король очень сильно желалъ, чтобы моя жена

2.

Weimar, le 5 (17) septembre 1824.

Cher frère!

J'ai attendu l'arrivée du premier courrier pour pouvoir vous écrire à mon aise, cher frère;—je commence par venir vous offrir mes vœux à l'occasion du jour de votre fête; privé du bonheur d'être près de vous à ce jour, je n'en ai pas moins été près de vous en pénsée, et c'est avec ferveur que j'ai prié la Providence d'exaucer les vœux qui s'adressaient à Elle de toute part pour votre conservation. C'est avec un grand bonheur que j'ai appris par ma Mère, que vous voyagiez heureusement, et que la fatigue inséparable d'un pareil train de vie, n'avait pas influé sur votre santé. J'attends avec impatience vos nouvelles du 30; ç'aura été une journée bien fatiguante pour vous; que le Ciel vous garde!

Depuis que je n'ai eu le bonheur de vous écrire, nos projets ont été modifiés; la saison ayant été très avancée, les médecins de Doberan ont déconseillé à ma femme l'usage des bains de mer, et le Roi ayant infiniment désiré avoir ma femme avec lui en Silésie, ce voyage fut décidé; après quelques jours de répos à Doberan, ma femme partit pour

была при немъ во время его поѣздки въ Силезію, то и было рѣшено совершить это путешествіе. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Доберанѣ моя жена отправилась въ Потсдамъ; я пріѣхалъ въ Берлинъ нѣсколькими днями раньше ея, чтобы увидѣть конецъ производившейся близъ города примѣрной осады.

Мы въ тотъ же день отправились въ Силезію и 3-го сентября (22-го августа) пріѣхали въ Фишбахъ, помѣстье принцессы Вильгельмъ; для моей жены было большимъ счастьемъ увидѣться съ нею, такъ какъ она любитъ ее, какъ мать. Мѣстность, очень гористая, какъ разъ то, что она любитъ; поэтому она была какъ нельзя болѣе счастлива. Вся семья собралась тамъ 5-го числа, за исключеніемъ бѣднаго Вильгельма, котораго, вслѣдствіе сосѣдства Радзивиловъ, держали вдали подъ предлогомъ смотровъ его корпусу. Король провелъ тамъ 6-е, а 7-го уѣхалъ въ Лигницъ; мы послѣдовали за нимъ въ тотъ же день вечеромъ. На слѣдующій день, 8-го, былъ смотръ 5-му корпусу.

Такъ какъ моя жена должна была присутствовать при всемъ этомъ, то въ первый же день она такъ устала, что послѣ громаднаго обѣда была вынуждена остаться у себя, съ совершенно разстроенными нервами. На слѣдующій день я заставилъ ее остаться утромъ у себя, на что король взглянулъ не особенно благосклонно; но такъ какъ я выдвинулъ впередъ доктора, то это удалось мнѣ, и, благодаря этому, моя старушка совершенно оправилась и съ тѣхъ поръ могла очень хорошо перенести всѣ другіе дни, столь же утомительные.

Potsdam; je la précédais de quelques jours à Berlin pour voir la fin du simulacre de siège près de la ville.

Nous partîmes ce jour même pour la Silésie, et arrivâmes le 22 août (3 septembre) à Fischbach, campagne de la princesse Guillaume; ce fut un grand bonheur pour ma femme de se retrouver avec celle qu'elle aime comme une mère; le pays, très montueux, est tout ce qu'elle aime, aussi était-elle heureuse au possible. Toute la famille s'y réunit le 5, hors le pauvre Guillaume que l'on tint éloigné sous prètexte de revues de son corps, à cause du voisinage de la famille Radziwil; le Roi y passa le 6 et repartit pour Liegnitz le 7; nous l'y suivîmes le même soir. Le lendemain 8 fut le jour de la revue du 5-e corps.

Comme ma femme a dû être de tout cela, le premier jour elle en fut si accablée, qu'après un énorme dîner elle fut obligée de rester chez elle, toute nerveuse; le lendemain je la fis rester le matin chez-elle, ce qui ne fut pas fort bien reçu du Roi; mais ayant mis le médecin en avant, je parvins à le faire, et cela suffit pour remettre ma vieille tout à fait, et depuis elle a pu fort bien supporter toutes les autres journées également fatiguantes.

На слѣдующій день утромъ я готовился отправиться къ королю, чтобы поздравить его по случаю дня вашего ангела, дорогой братъ, когда его величеству было угодно самому пожаловать къ намъ; онъ поручилъ мнѣ передать вамъ увѣреніе въ нѣжнѣйшемъ расположеніи къ вамъ и всевозможныя пожеланія и сказать, какъ онъ дорожитъ сохранять навсегда нѣжную дружбу, связующую его съ вами. Вслѣдъ затѣмъ явился поздравить насъ весь корпусъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, по принятому обычаю, съ гарнизонными оркестрами и барабанами. Въ тотъ же день вечеромъ мы пріѣхали въ Лиссу, гдѣ повторилось то же самое со стороны генерала Цитена и его корпуса.

На слѣдующій день утромъ король произвелъ близъ Лейтена смотръ 6-му корпусу. Послѣ того какъ король объѣхалъ фронтъ, взяли на караулъ, съ криками «ура» въ честь дня вашего ангела. Когда парадъ былъ конченъ, весь корпусъ построился въ одно громадное карре: пѣхота заняла три фаса, кавалерія и артиллерія—четвертый, и было совершено богослуженіе.

Былъ большой обѣдъ по случаю смотровъ: во время этого обѣда король провозгласилъ тостъ за ваше здоровье съ тѣмъ выраженіемъ, которое постоянно замѣчается у него, когда рѣчь заходитъ о васъ, дорогой братъ. На слѣдующій день было произведено большое строевое ученіе всему корпусу, на тѣхъ же основаніяхъ; все было выполнено въ порядкѣ и съ точностью...

Le lendemain matin, j'allais me rendre chez le Roi pour le féliciter pour votre fête, cher frère, quand il plut à Sa Majesté de venir chez nous; il me chargea de ses plus tendres amitiés pour vous, ainsi que de tous ses vœux, et de vous dire, combien il tenait à conserver toujours la tendre amitié qui l'unit à vous. Bientôt après, tout le corps des généraux et officiers-majors vinrent selon l'usage avec les musiques et tambours des régiments de la garnison pour nous féliciter. Nous arrivâmes le soir même à Lissa, où la même chose fut répétée par le général Ziethen avec son corps.

Le lendemain matin, le Roi passa la revue près de Leuthen du 6-me corps. Après que le Roi eût passé le front, on présenta les armes avec hourra pour célébrer votre fête. La parade finie, le corps alla se placer en un seul grand carré, l'infanterie faisant trois côtés, la cavalerie et l'artillerie le quatrième, et il y eut service divin.

Il y eut grand dîner de revues, le Roi y porta votre santé avec cette expression qu'on lui voit toujours quand il est question de vous, cher frère. Le lendemain il y eut grand exercice de ligne de tout le corps, d'après les mêmes principes...

Король въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ въ Бреславль; моя жена послѣдовала туда за нимъ, чтобы провести тамъ съ нимъ слѣдующій день, а затѣмъ вернуться оттуда къ принцессѣ Вильгельмъ, а я направился въ Веймаръ, гдѣ и нахожусь уже два дня. Я нашелъ тамъ Анну и Вильгельма, отправляющихся въ Петербургъ; мы втроемъ стараемся уговорить Марію поѣхать туда же, и я еще не теряю надежды успѣть въ этомъ.

9-го (21-го), въ Берлинѣ.

Мы вернулись сюда сегодня; такъ какъ мы оба, Вильгельмъ и я, должны были отправиться въ Берлинъ, то третьяго дня мы выѣхали изъ Веймара и вчера вечеромъ нашли короля и всю семью въ Потсдамѣ.

Войска, собираемыя здѣсь для маневровъ, прибыли сегодня; три полка кавалеріи, въ томъ числѣ и тотъ, который носитъ мое имя, расположены лагеремъ близъ Шарлотенбурга; король смотрѣлъ, какъ они дефилировали, и посѣтилъ затѣмъ лагерь. Маневры начнутся послѣзавтра большимъ смотромъ, въ слѣдующіе два дня корпусные маневры, а 27-го, 28-го и 29-го двухсторонніе маневры. Его величество король приказалъ Виндлебену предложить мнѣ командовать однимъ изъ отрядовъ; я счелъ за лучшее просить короля освободить меня отъ этого, а

Le Roi partit le même soir pour Breslau; ma femme l'y suivit pour y passer le lendemain avec lui, et retourner ensuite chez la princesse Guillaume, et moi je pris la route de Weimar, où me voici depuis deux jours. J'y trouvai Anne et Guillaume en route pour Pétersbourg; nous nous évertuons à trois à décider Marie à prendre le même chemin et je ne perds pas encore l'espoir d'y réussir.

Le 9 (21), à Berlin.

Nous sommes revenus ici aujourd'hui; devant partir tous deux pour Berlin, Guillaume et moi, nous sommes partis avant-hier ensemble de Weimar, et hier soir nous trouvâmes le Roi et toute la famille à Potsdam.

Les troupes réunies ici pour les manœuvres sont arrivées aujourd'hui; les trois régiments de cavalerie, du nombre desquels est celui qui porte mon nom, sont campés près de Charlottenbourg; le Roi les a vu défiler et entra ensuite au camp. Les manœuvres commenceront après-demain par une grande revue, le lendemain et le surlendemain manœuvres de corps et le 27, 28 et 29 manœuvres en deux corps. Sa Majesté le Roi m'avait fait proposer par Witzleben de commander un des deux corps; j'ai cru bien faire en priant le Roi de m'en

если въ его намѣренія входитъ, чтобы я принималъ въ маневрахъ дѣятельное участіе,—разрѣшить, чтобы ужь лучше я поступилъ подъ команду моего зятя.

12-го (24-го).

Вчерашній смотръ представлялъ въ высшей степени красивое зрѣлище. Сегодня былъ произведенъ корпусный маневръ...

Извѣстіе о смерти короля Людовика XVIII возбудило здѣсь большой интересъ къ тому, какія послѣдствія можетъ повлечь за собою это событіе; но, повидимому, начало царствованія Карла X будетъ болѣе мирнымъ, чѣмъ начало царствованія его покойнаго брата.

Я получилъ вчера извѣстія отъ Константина; онъ пишетъ мнѣ, что находитъ, что его женѣ нѣсколько лучше, но что она еще не раздѣлалась совершенно со своей болѣзнью; онъ не большой сторонникъ эмской воды. Повидимому, онъ въ неизвѣстности относительно своего возвращенія въ Варшаву и не могъ намѣтить мнѣ времени, когда возвратится; поэтому я осмѣливаюсь просить васъ, дорогой братъ, разрѣшить мнѣ остаться здѣсь до того времени, пока я не узнаю объ его окончательномъ возвращеніи въ Варшаву.

Здоровье моей жены, слава Богу, очень хорошо и не возбуждаетъ во мнѣ никакого безпокойства. Вся семья и король въ частности поручаютъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, дорогой братъ, ихъ почтеніе.

---

dispenser, et s'il était de son intention que j'y prenne une part active, de permettre que ce fut plutôt sous les ordres de mon beau-frère.

Le 12 (24).

La revue d'hier a été fort belle; aujourd'hui eut lieu la manœuvre du corps...

La nouvelle de la mort du Roi Louis XVIII avait excité ici beaucoup de curiosité pour les suites que cet événement pourrait avoir; mais il paraît que le commencement du règne de Charles X sera plus paisible que ne fut celui de son défunt frère.

J'ai reçu hier des nouvelles de Constantin; il me dit trouver sa femme un peu mieux, mais pas entièrement quitte de son mal; il n'est pas très partisan des eaux d'Ems. Il paraît incertain de son retour à Varsovie et ne m'a pas pu marquer le moment de son arrivée; j'ose donc vous prier, cher frère, de me permettre de rester ici jusqu'à ce que je sache son retour définitif à Varsovie.

La santé de ma femme va fort bien, grâce à Dieu, et ne me donne aucune inquiétude. Toute la famille et le Roi en particulier me chargent

Благоволите разрѣшить мнѣ съ своей стороны обнять васъ и умолять васъ сохранить мнѣ ваше расположеніе и вашу снисходительность, оставаясь на всю жизнь вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ братомъ и подданнымъ.

3.

Берлинъ, 9-го (21-го) декабря 1824 г.

Дорогой братъ. Съ вечера третьяго дня я наслаждаюсь счастіемъ быть возлѣ моей жены; это постоянно бываетъ счастіемъ для меня, но въ данное время оно было двойнымъ, такъ какъ я нашелъ ее не въ такомъ хорошемъ состояніи, въ какомъ покинулъ; теперь она снова хорошо чувствуетъ себя.

Я былъ вынужденъ рѣшиться избрать дорогу на Варшаву и Ковно, потому что было невозможно думать проѣхать черезъ Пруссію и Курляндію, въ виду ужаснаго состоянія дорогъ; право, это превосходитъ всякое вѣроятіе. Поэтому было бы безуміемъ подвергать мою жену подобнымъ мукамъ; дорога черезъ Польшу, напротивъ того, хотя и болѣе долгая дорога, но предоставляетъ для насъ болѣе удобства, и, еслибъ нужно было остановиться, я предпочитаю сдѣлать это у насъ, чѣмъ на чужой сторонѣ. Я написалъ Константину, прося его устроить для насъ

---

de leurs hommages pour vous, cher frère; veuillez me permettre de vous embrasser pour ma part et de vous supplier de me conserver votre amitié et votre indulgence, étant pour la vie,

cher frère,

Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet

Nicolas.

3.

Berlin, le 9 (21) décembre 1824.

Cher frère!

Depuis avant-hier soir, cher frère, je jouis du bonheur d'être près de ma femme; toujours c'est un bonheur pour moi, mais dans ce moment c'en a été un double pour moi, ne l'ayant pas trouvée aussi bien que je l'avais quittée; maintenant elle est de nouveau bien.

J'ai été obligé de me décider à prendre la route de Varsovie et Kovno, car il est impossible de songer de passer par la Prusse et la Courlande, vu l'état affreux des routes; d'honneur, cela surpasse toute idée... C'eut donc été folie que d'exposer ma femme à de pareilles fatigues; la route de Pologne, au contraire, quoique plus longne, nous offre plus de commo-

путешествіе насколько только возможно болѣе удобнымъ образомъ; какъ только вопросъ о нашемъ отъѣздѣ будетъ рѣшенъ, я буду имѣть счастіе увѣдомить васъ объ этомъ черезъ курьера.

Я нашелъ короля очень счастливымъ, нашъ семейный кругъ, повидимому, такимъ же, какимъ я оставилъ его, за исключеніемъ лишь того, что въ комнатѣ находится одною личностью болѣе; впрочемъ, она никого не стѣсняетъ, и это-то я могу сказать въ похвалу ей. Общественное мнѣніе сумрачно, грустно, да, глубоко грустно,—и всѣ проникнуты опасеніемъ, что король не найдетъ того счастья, котораго онъ искалъ въ этомъ бракѣ. Да поможетъ ему Господь Богъ! Я вручилъ ему ваше письмо, дорогой братъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за его содержаніе; онъ оставилъ за собою право, послѣ нѣкотораго размышленія, переговорить со мною по поводу приложенной записки. Я равнымъ образомъ выполнилъ ваши приказанія, касавшіяся всей семьи и, въ частности, очаровательной Элизы; увы, она все еще не беременна и въ довершеніе всѣхъ удовольствій, она слушаетъ обѣдню съ принцессой Лигницъ.

Благоволите разрѣшить мнѣ прибавить еще, дорогой братъ, что я былъ вынужденъ уполномочить Модена увѣдомить Гурьева о состояніи нашихъ путевыхъ финансовыхъ средствъ, чтобы повергнуть это на ваше благовоззрѣніе и просить у васъ прощенія, что затрогиваю во-

---

dité, et s'il fallait s'arrêter, j'aime mieux le faire chez nous qu'en pays étranger. J'ai écrit à Constantin pour le prier de nous arranger le voyage aussi commodément que possible; sitôt que notre départ sera décidé, j'aurais le bonheur de vous en instruire par courrier.

J'ai trouvé le Roi fort heureux, notre cercle de famille en apparence tel que je l'avais quitté, éxcepté une personne de plus dans la chambre; du reste elle ne gêne personne et c'est ce que je puis dire à son éloge. L'opinion publique est morne, triste, oui, profondèment triste, et tous dans la crainte de ne pas voir le Roi trouver le bonheur qu'il cherchait dans cette union. Que Dieu daigne l'assister. Je lui ai remis vos lettres, cher frère, il m'a chargé de vous remercier pour son contenu; il s'est réservé de me parler après quelques reflexions de la note incluse. Je me suis également acquitté de vos ordres pour toute la famille et particulièrement pour la charmante Elise; hélas, elle n'est toujours pas grosse et, comme agrément de plus, elle écoute la messe avec—la princesse de Liegnitz.

Veuillez me permettre d'ajouter encore, cher frère, que j'ai dû autoriser Modène d'informer Gourief de l'état de nos finances de voyage,

просъ, заговаривать о которомъ и надоѣдать вамъ имъ постоянно стоитъ для меня усилій надъ собою; но я вынужденъ къ этому.

Соизвольте продолжить мнѣ ваше драгоцѣнное расположеніе и дружбу, дорогой и несравненный братъ, и вѣрить, что они составляютъ счастье того, кто на всю жизнь, является вашимъ всецѣло преданнымъ, покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ братомъ и поданнымъ.

4.

Берлинъ, 15-го (27-го) декабря 1824 г.

Дорогой братъ. Лишенный счастья быть возлѣ васъ 12-го числа, я осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что вы соблаговолите повѣрить, что, несмотря на это, хотя и издали, я былъ преисполненъ горячихъ пожеланій вамъ; я надѣюсь, что Провидѣнію будетъ угодно услышать насъ всѣхъ и, для нашего общаго счастья, надолго сохранить васъ. Виновникъ счастья, которымъ я наслаждаюсь вотъ уже около восьми лѣтъ, вы не можете сердиться на меня, если въ этотъ день я позволяю себѣ говорить вамъ о вѣчной признательности, которую внушаютъ мнѣ ваши милости, и крайне наглядное доказательство которыхъ вы даете мнѣ въ настоящее время, когда мнѣ приходится пренебрегать своими обязанностями. Благоволите только быть увѣреннымъ, дорогой братъ, что, несмотря на всю радость, которую я испытываю оттого,

---

pour vous le soumettre et vous demander pardon de toucher à un article pour lequel il m'en coûte chaque fois d'ouvrir la bouche pour vous en importuner; mais j'y suis forcé.

Daignez me continuer vos précieuses bontés et amitié, cher et excellent frère, et croire qu'elles font le bonheur de celui qui est pour la vie, cher frère,

Votre tout dévoué, très soumis et fidèle frère et sujet-
Nicolas.

4.

Berlin, le 15 (27) décembre 1824.

Cher frère!

Privé du bonheur d'être près de vous le 12, j'ose me flatter que vous voudrez bien croire que mes vœux ne vous en étaient pas moins offerts avec ferveur, quoique de loin; j'espère que la Providence daignera nous exaucer tous et vous conserver longtemps pour notre bonheur commun. Auteur du bonheur dont je jouis depuis près de huit ans, vous ne pouvez m'en vouloir si, à ce jour, je me permets de vous parler de la reconnaissance éternelle que vos bontés m'inspirent et dont en ce moment, où je suis dans le cas du manquer à mes devoirs, vous me donnez un si

что нахожусь подлѣ той, которая составляетъ счастье моей жизни, сознаніе моей безполезности и невыполненія мною моихъ обязанностей составляетъ для меня предметъ невыносимой муки; въ особенности меня подавляетъ мысль, что я рѣшительно не могу представить себѣ ясно продолжительности моей бездѣятельности; одно утѣшаетъ меня, что по моемъ возвращеніи мое усердіе позволитъ мнѣ наверстать часть потеряннаго времени, если только подобная потеря вознаградима.

Курьеръ, котораго я отправилъ къ Константину, еще не вернулся; письмо же, которое я только-что получилъ отъ него, до прибытія къ нему моего курьера, сообщаетъ, между прочимъ, о непроѣздномъ состояніи дорогъ и объ его опасеніяхъ на счетъ нашего путешествія въ виду состоянія полноты моей жены; и всѣ путешественники, прибывающіе съ разныхъ сторонъ, только и разсказываютъ грустныя вещи; почти все время идетъ дождь и почти каждый день бываютъ такіе ураганы, какихъ здѣсь еще не видѣли. Было бы безумiемъ думать уѣхать, пока все это не кончилось; и вотъ, я нахожусь въ самой ужасной неизвѣстности!

Со времени послѣдняго письма мнѣ пришлось услышать, какъ различныя лица отзывались по поводу женитьбы короля; такъ какъ все это честные люди и истинные слуги короля, то они плачутъ, убиваются и, въ концѣ концовъ, высказываютъ пожеланія, чтобы король не ошибся въ своемъ выборѣ и въ своихъ намѣреніяхъ. Достовѣрно, что, прежде

---

grand exemple. Daignez seulement être persuadé, cher frère, que malgré toute la joie d'être près de celle qui fait le bonheur de ma vie, le sentiment de mon inutilité et de l'absence de tous mes devoirs m'est un sujet de peine insupportable; l'idée surtout que je ne puis absolument voir clair dans la durée de ma fainéantise m'accable; l'idée seule me console, que mon zèle à mon retour pourra me faire regagner une partie du temps perdu, si pareille perte peut se réparer.

Le courrier que j'ai envoyé à Constantin n'est pas encore revenu; une lettre que je viens d'en recevoir avant la réception de mon courrier, me parle entre autre de l'état impraticable des routes et de ses craintes pour notre voyage, vu l'état d'embonpoint de ma femme; et tous les voyageurs arrivant de tous côtés ne font que des récits lamentables; il ne fait que pleuvoir, et presque chaque jour nous avons des ouragans d'une force sans exemple ici. Il serait folie que de songer à partir tant que cela dure; me voilà donc dans la plus cruelle incertitude!

Depuis ma dernière lettre j'ai eu l'occasion d'entendre parler divers individus sur le mariage du Roi; comme ce ne sont que d'honnêtes gens et de vrais serviteurs du Roi, ils pleurent, se désolent, et finissent par

чѣмъ мы узнали объ этомъ, король сдѣлалъ честь Витгенштейну, Шильдену и Вицлебену говорить съ ними о своемъ намѣреніи. Лишь послѣдній изъ нихъ осмѣлился прямо, но съ величайшей покорностью, высказаться королю противъ этого шага; король нисколько не разсердился на это, но снова спросилъ мнѣнія двухъ другихъ, а тѣ поступили какъ низкопоклонные люди; второй рѣшился отвѣтить, что король долженъ поступить такъ, какъ онъ полагаетъ это необходимымъ для своего счастья. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что король никогда не рѣшился бы на это, еслибы его не подтолкнулъ къ этому великій герцогъ Стрелицкій. Послѣ цѣлой недѣли, которую я провелъ здѣсь, я ничего не могу измѣнить въ томъ, что̀ уже имѣлъ счастье высказать вамъ по поводу принцессы. Я считаю ее дѣйствительно хорошей личностью, очень простой, скромной, но совершенно ничтожной; на мой взглядъ, ея величайшее достоинство заключается въ томъ, что она никого не стѣсняетъ,—а это много для такого семейнаго круга, какъ нашъ здѣшній; никто не замѣчаетъ, что раньше ея не было. Ея католичество во всемъ этомъ несчастномъ дѣлѣ произвело одно изъ самыхъ дурныхъ впечатлѣній, такъ какъ утвердило публику во мнѣніи, что, разъ король не постѣснялся взять себѣ жену этого вѣроисповѣданія, то еще менѣе онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы жена наслѣдника престола перешла въ вѣру страны, — обстоятельство, которому придаютъ

---

faire des vœux que le Roi ne se soit point trompé dans son choix et ses intentions. Il est positif qu'avant que nous eussions appris la chose, le Roi a fait l'honneur à Witgenstein, Schilden et Witzleben de leur parler de son intention; il n'y eut que le dernier qui avec la plus profonde soumission osa parler au Roi directement contre la chose; le Roi ne s'en fâcha point, mais redemanda l'avis des deux autres, qui firent les chiens couchants; le second osa répondre qui le Roi devait faire ce qu'il supposait nécessaire pour son bonheur. Mais il est hors de doute que le Roi ne s'y serait jamais décidé, si ce ne fut le Grand Duc de Strélitz qui ne l'y eut poussé. Depuis les huit jours que je suis ici, je ne puis rien changer à ce que j'ai déjà eu le bonheur de vous marquer au sujet de la princesse. Je la crois vraiment bonne personne, très simple, modeste, mais insignifiante tout à fait; son plus grand mérite est, à mes yeux, de ne gêner personne, et c'est beaucoup pour un cercle de famille comme est le nôtre ici; personne ne remarque qu'elle n'y eut pas été précédement. Sa catholicité a produit un des plus mauvais effets de toute cette malheureuse affaire, ayant confirmé le public dans l'idée que puisque le Roi ne se faisait plus de scrupule à prendre pour sa femme une personne de cette croyance, bien moins encore insisterait-il à ce que la Princesse Royale passe à la croyance du pays, chose à laquelle,

значеніе, чрезмѣрное для страны, слывущей за вѣротерпимую. По тѣмъ же основаніямъ, мѣстные католики сильно торжествуютъ и радуются; однимъ словомъ, это вопросъ несравненно болѣе серьезный, чѣмъ, повидимому, предполагали сначала.

5.

23-го декабря 1824 г. (4-го января 1825 г.).

Послѣдній разъ, когда я писалъ вамъ, дорогой братъ, я былъ въ ожиданіи отвѣта отъ моего брата по поводу возможности ѣхать варшавскимъ трактомъ; къ сожалѣнію, онъ былъ таковъ, что на время лишилъ меня всякой возможности думать объ этомъ, такъ какъ, по его словамъ, дороги ужасны. Курьеръ, который прибылъ къ намъ вчера изъ Петербурга и который ѣхалъ черезъ Ковно и Кёнигсбергъ, говоритъ, что эта дорога ужасна и хуже, чѣмъ остальная часть пути; у насъ каждый день лишь ураганы и ливни; все распускается и зеленѣетъ—однимъ словомъ, одна грусть.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилось небольшое сочиненіе въ двухъ томахъ о походѣ въ 1813 и 1814 годахъ такъ-называемой силезской арміи; оно производитъ большую сенсацію и написано генераломъ Мюфлингомъ, хотя онъ и не названъ; я только-что прочелъ его; оно показалось мнѣ очень интереснымъ, безпристрастнымъ и написаннымъ такъ, какъ военное сочиненіе, по моему мнѣнію, должно быть

---

pour un pays soi-disant tolérant, l'on tient outre toute conception, Les catholiques du pays, dans la même idée, triomphent et se réjouissent beaucoup; en un mot, c'est un point beaucoup plus grave que l'on ne l'avait d'abord supposé.

5.

Le 23 décembre 1824 (4 janvier 1825).

La dernière fois que je vous écrivais, cher frère, j'étais dans l'attente de la réponse de mon frère au sujet de la possibilité de partir par le chemin de Varsovie; malheureusement, elle a été telle à m'ôter toute possibilité pour le moment d'y songer, car il dit les routes horribles. Le courrier que nous avons reçu hier de Pétersbourg et qui est venu par Kovno et Königsberg, dit cette route affreuse et pire que le reste de la route; nous n'avons tous les jours que des ouragans et des averses; tout pousse et verdit—enfin, c'est une désolation.

Il a paru, il y a quelques mois, un petit ouvrage en deux petits volumes sur la campagne de 13 et 14, de l'armée dite de Silésie, qui fait grand bruit; il est écrit par le général Müffling, mais sans le nom-

написано; языкъ точный, лаконическій и въ высшей степени ясный, интересъ постоянно возростающій. Я взялъ на себя смѣлость послать вамъ его и отмѣтилъ одно мѣсто, которое прошу васъ прочесть; вы увидите, что воспоминаніе о вашихъ благодѣяніяхъ человѣчеству сохраняется всѣми тѣми, которые имѣли счастье быть свидѣтелями ихъ.

27-го—28-го.

Такъ какъ пріѣздъ князя Волконскаго замедлилъ отправку курьера, то я пользуюсь этимъ, чтобы приписать еще нѣсколько словъ къ моему письму. Я надѣялся получить возможность сообщить вамъ о рѣшеніи короля относительно дѣла Вильгельма, но до настоящаго времени король не сдѣлалъ мнѣ чести заговорить со мною объ этомъ. Все, что я знаю объ этомъ, я знаю отъ самого Вильгельма, къ которому король послалъ Вицлебена съ запиской, которая была вручена мнѣ, чтобы сказать ему, что онъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать для него и что онъ желалъ бы, чтобы Вильгельмъ считалъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ.

Князь Волконскій уѣзжаетъ отъ насъ завтра утромъ.

Прежде чѣмъ кончу, благоволите разрѣшить мнѣ принести вамъ мои пожеланія по случаю наступающаго новаго года; дай Богъ, чтобъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ болѣе счастливъ для васъ, чѣмъ тотъ, который кончается теперь, и да услышитъ Господь Богъ наши молитвы.

---

mer; je viens de le lire; il m'a paru très intéressant, impartial et écrit comme il me paraît qu'un ouvrage militaire doit être écrit; le style es précis, laconique, d'une clarté extrême et d'un intérêt toujours croissant. Je prends la liberté de vous l'envoyer; j'ai marqué un passage que je vous prie de lire; vous verrez que le souvenir de vos bienfaits pour l'humanité est conservé par tous ceux qui ont eu le bonheur d'en être témoins.

Le 27 (8).

L'arrivée du prince Volkhonsky ayant retardé le départ du courrier, j'en profite pour ajouter encore quelques mots à ma lettre. J'avais espéré pouvoir vous faire part des résolutions du Roi au sujet de l'affaire de Guillaume, mais jusqu'ici le Roi ne m'a pas fait l'honneur de m'en parler; tout ce que j'en sais, n'est que par Guillaume lui-même, auquel le Roi a envoyé Witzleben avec la note dont j'étais chargé, et pour lui dire, qu'il ne pouvait plus rien faire pour lui, et qu'il désirait que Guillaume regarde l'affaire comme terminée.

Le prince Volkhonsky nous quitte demain matin.

Avant que de finir, daignez me permettre de vous offrir ici mes vœux pour l'année prochaine,—puisse-t-elle sous tous les rapports être

По отношенію же ко мнѣ лично дай Богъ, чтобы я своимъ усердіемъ наверстaлъ потерянное время и доказалъ вамъ, что, только основываясь на сердцѣ и душѣ, я и осмѣливаюсь, дорогой братъ, называть себя вашимъ всецѣло преданнымъ и покорнѣйшимъ братомъ и подданнымъ.

---

plus heureuse que celle qui se termine ne l'a été pour vous, et que Dieu veuille entendre nos prières. Puissé-je pour mon particulier regagner par mon zèle le temps perdu et vous prouver que c'est de cœur et d'âme que j'ose me nommer,

cher frère,
Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet
Nicolas.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ.

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Съ петербургской администраціи, ко времени пріѣзда Сперанскаго въ Великополье (въ концѣ 1814 г.), сверхъ перемѣнъ, происшедшихъ съ главными врагами бывшаго государственнаго секретаря[1]), перемѣнилось и многое другое,—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».—Въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ, при полумертвомъ князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ, заступившемъ мѣсто графа Румянцова, всѣмъ распоряжался бывшій нѣкогда сослуживцемъ Сперанскаго, а потомъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Петръ Степановичъ Молчановъ. Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и записалъ сына въ его генералъ-прокурорскую канцелярію. Мальчикъ удался; онъ отличался не одними дѣловыми знаніями, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію, а, наконецъ, пріобрѣлъ и большое состояніе, женившись на дочери богатаго сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ екатерининскаго фаворита Ланскаго [2]). Въ описываемую эпоху, Молчановъ, при очень двусмысленной репутаціи касательно его

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 244—249.

[2]) „Сіе пріобрѣтенное имѣніе—пишетъ Вигель—началъ онъ слишкомъ много и скоро умножать благопріобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни, и тѣмъ возбудилъ завистливое вниманіе петербургской публики. Несмотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать“ (Записки Вигеля, часть IV, Москва. 1892, стр. 130).

правилъ, былъ одновременно сенаторомъ, статсъ-секретаремъ въ Коммиссіи прошеній и управляющимъ дѣлами Комитета министровъ; сверхъ того, Салтыковъ ничего не дѣлалъ безъ него, при бездарномъ Оленинѣ, и по Государственному Совѣту. Около этого же времени министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ, по какимъ-то неудовольствіямъ съ тѣмъ же Молчановымъ, вышелъ въ отставку, и Салтыковъ, или, лучше сказать, опять-таки тотъ же Молчановъ, вспомнилъ о старинномъ коноводѣ подьяческой партіи, Трощинскомъ [1]), который, живя въ полтавскихъ своихъ имѣніяхъ, былъ тамъ, по выбору дворянства, губернскимъ предводителемъ.

Александръ, несмотря на прежнія свои предубѣжденія противъ этого старика, согласился замѣстить имъ Дмитріева. Указъ о назначеніи Трощинскаго министромъ юстиціи былъ подписанъ 30-го августа 1814 г., т. е. наканунѣ дня, когда прежнему его подчиненному объявлено было позволеніе переѣхать изъ Перми въ Великополье. Но Трощинскій питалъ къ Сперанскому уже не прежнія чувства. И новый министръ юстиціи, и другіе враги Сперанскаго, которыхъ оставалось еще немало, боялись, что переводъ его въ деревню, по близости къ столицѣ, есть только первый шагъ, за которымъ вскорѣ послѣдуетъ полное возвращеніе милости. Въ то именно время соображались въ Петербургѣ мѣры къ исправленію указа 1809 года объ испытаніяхъ на гражданскіе чины. Отмѣны его всѣхъ настоятельнѣе требовалъ Трощинскій, который, изливаясь въ горькихъ порицаніяхъ прежняго любимца государева, обнаружилъ, при этомъ, и внутреннее свое безпокойство. «Тотъ,—говорилъ онъ гласно въ Комитетѣ—кто виновникъ этого несчастнаго указа, пріѣхалъ уже въ Новгородъ; вѣроятно, онъ скоро будетъ и сюда [2])». Такого же мнѣнія была и большая часть петербургской публики [3]). Но, вопреки этимъ предположеніямъ, Сперанскому суждено было провести въ Великопольѣ почти два года.

Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе терзали Сперанскаго продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало, вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали, наконецъ, и помыслы честолюбія. Въ іюлѣ 1816 года онъ отправилъ, черезъ Аракчеева, къ императору Александру письмо, въ которомъ

---

[1]) Записки барона Г. А. Розенкампфа.

[2]) Письмо П. Г. Масальскаго, отъ 19-го ноября 1814 г., на основаніи разсказа графа В. П. Кочубея (см. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому“, Спб. 1862 г., стр. 54).

[3]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

именемъ правосудія и милости умолялъ государя обратить вниманіе на судьбу его [1]).

Но, вѣроятно, еще прежде того, Сперанскій пытался доставить государю это самое или подобное по содержанію письмо черезъ графа В. П. Кочубея. По крайней мѣрѣ, сохранился нижеслѣдующій отвѣтъ послѣдняго (отъ 27-го іюля 1816 года), потерявшаго въ то время сына и отправлявшагося на два года въ заграничный отпускъ:

«При самомъ отъѣздѣ моемъ пишу я къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, и, дѣйствительно, едва успѣваю только написать нѣсколько строкъ, столь измученъ я распоряженіями и пріуготовленіями къ дальнему пути, предпринимаемому мною послѣ постигшаго меня самаго жестокаго несчастія. Я не имѣю нужды удостовѣрять васъ, сколь искренне участіе принималъ я въ положеніи вашемъ и сколь сокрушенъ былъ случившимся съ вами. Вы въ семъ не можете имѣть никакого сомнѣнія, зная чувства мои и сколь искренно всегда отдавалъ я справедливость и дарованіямъ вашимъ, и свойствамъ вашей души. Посему легко вы себѣ представить можете, что всякій подвигъ, какой бы я могъ сдѣлать въ вашу пользу, былъ бы для меня чрезвычайно пріятенъ, но я, по несчастію, никогда не имѣлъ къ тому случаю. Со мною ни одинъ разъ и слова не было молвлено о васъ, да, правду сказать, и вообще я никогда не имѣлъ случая и ни о чемъ говорить; все то, что до меня относилось, состояло въ однихъ учтивствахъ; впрочемъ, я совершенно былъ удаленъ и отъ всякаго участія въ дѣлахъ, исключая гнилаго комитета [2]), въ коемъ первостатейный воръ Молчановъ [3]), подъ прикрытіемъ фельдмаршала князя Салтыкова и ничтожныхъ другихъ людей, дѣлалъ все, что хотѣлъ. Нынѣ, послѣ смерти сына моего, осыпанъ я былъ милостями, коихъ я и забыть не могу, а по обращенію со мною, вѣроятно, и могъ бы я представить письмо ваше; но г. Цейеръ [4]) пріѣхалъ [5]), какъ я уже простился и, слѣдовательно, какъ я уже не имѣлъ никакого средства къ свиданію. Я предлагалъ ему при письмѣ моемъ отправить ваше, но онъ нашелъ сіе неудобнымъ, и я думаю, что онъ довольно основательно судилъ. Вы представить себѣ не можете, сколько бы я былъ счастливъ участіемъ въ перемѣнѣ положенія вашего. Независимо отъ личныхъ, къ вамъ относящихся уваженій, я бы радъ былъ паче мѣры для дѣлъ возвращенію вашему. Скудость въ людяхъ чрезмѣрная, и мы угрожаемся многими нелѣпостями со стороны тѣхъ, кои нынѣ разными частями управляютъ. Акты ихъ

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 106—110.

[2]) Комитета министровъ.

[3]) Управлявшій дѣлами Комитета министровъ.

[4]) Францъ Ивановичъ Цейеръ, служившій при Сперанскомъ.

[5]) Съ письмомъ Сперанскаго изъ Великополья.

не имѣютъ и первыхъ основаній школьныхъ, а о грамматикѣ и говорить нечего. Вы, можетъ быть, хотѣли бы знать мысли мои о томъ, могутъ ли имѣть успѣхъ настоящія ваши отношенія? По мнѣнію моему, это зависитъ все отъ минуты, и никто напередъ ни за успѣхъ, ни за неудачу ручаться не можетъ. Непріятелей вы имѣете кучу. Всѣ они боятся потерять, при ничтожествѣ своемъ, тотъ странный вѣсъ, который нынѣ по мѣстамъ своимъ имѣютъ. Они боятся видѣть въ дѣлахъ кого бы то ни было съ нѣкоторыми дарованіями, а изъ сего интриги, движенія, внушенія и пр. партій, кои всегда при дворѣ существуютъ и теперь дѣйствуютъ. Изъ числа людей, кои вамъ добра не желаютъ, Гурьевъ имѣетъ теперь большое вліяніе. Я сего никогда не пойму, послѣ того, что отъ самого государя о немъ я слышалъ. Тактику имѣетъ онъ особенную, которая ему довольно удается. Меня увѣряли, что онъ жалуется на графа Аракчеева, точно такъ, какъ прежде жаловался онъ на Васильева, на Новосильцова, на васъ, на князя Салтыкова, на Трощинскаго. Графъ Аракчеевъ имѣетъ, сколько судить могу, дѣйствительно весьма хорошія намѣренія, но жаль, что иногда не умѣетъ онъ разбирать людей, такъ, какъ и вы разбирать ихъ не умѣли; напримѣръ, нынѣ, какъ слышу я, Оленинъ подлостями своими успѣлъ найти въ немъ [1]), а вы, думаю, наконецъ, узнали Оленина и способности его. Я ѣду на два года, а можетъ быть и на долѣе, располагаясь изъ чужихъ краевъ пробраться въ деревни мои. Государь изъявлялъ мнѣ сожалѣніе, что удаляюсь я въ такое время, когда могъ бы я для дѣлъ внутреннихъ быть полезенъ, ибо намѣреніе его есть на оныя обратить непремѣнно вниманіе свое. Прощайте. Лошади мои уже приведены, и чрезъ полчаса не буду я въ Петербургѣ. Вѣрьте, что я искреннѣйшее пріемлю участіе во всемъ томъ, что до васъ касается, и что я всегда пребуду душевно вамъ преданнымъ».

Аракчеевъ, къ посредничеству котораго обратился Сперанскій, былъ, въ эту эпоху, уже могущественнымъ временщикомъ. На страницахъ 111—117 втораго тома «Жизни графа Сперанскаго» былъ данъ очеркъ характеристики Аракчеева. Въ дополненіе къ ней вотъ еще нѣкоторые другіе черты и анекдоты, заимствованные изъ Записокъ статсъ-секретаря Марченка [2]).

При назначеніи Аракчеева военнымъ министромъ (въ 1808 г.) и первомъ пріемѣ имъ, въ этомъ званіи, чиновниковъ новаго своего вѣдомства, онъ сказалъ имъ: «Я грамотѣ мало знаю. За мое воспитаніе батюшка заплатилъ 4 рубля мѣдью. Я долго уклонялся брать настоящее мѣсто,

---

[1]) Въ подлинникѣ, очевидно пропущено слово; вѣроятно: „покровителя“.
[2]) См. „Русскую Старину“ 1896 г., т. 85, стр. 480, 481, 488, 490 и 491.

но государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надо, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда».

Правило Аракчеева было: «Все гибни, лишь бы мнѣ блестѣть».

На одномъ сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ, онъ написалъ, обращая его въ свою канцелярію: «Поздравляю, чиновъ прибавилось, да прибавится ли ума и способности!» [1]). Онъ сажалъ въ крѣпость безъ доклада государю и рвалъ именные указы, продержавъ ихъ нѣсколько лѣтъ безъ исполненія.

Аракчеевъ стоялъ такъ высоко въ царской милости отъ того, что никогда не хотѣлъ принять ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена, а съ пожалованнаго ему портрета государева возвратилъ назадъ брильянты. Онъ не хотѣлъ быть ни съ кѣмъ равенъ.

А вотъ вѣсти и изъ противнаго лагеря, именно изъ Записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія, который душою былъ преданъ Аракчееву и самъ имѣлъ надъ нимъ нѣкоторую власть: «О графѣ Аракчеевѣ кратко сказать можно то одно, что онъ, по примѣру своихъ предковъ, былъ преданъ царю, церкви и отечеству: слово царево для него было законъ. Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого болѣе не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ; ему одному всѣ дѣла государственныя, тайны сердца царскаго были болѣе откровенны и извѣстны, а посему самая императорская канцелярія съ тайными дѣлами вся была въ рукахъ его, всѣ дѣла о церкви и вѣрѣ въ сіе время ему же тайно ввѣряемы были дѣйствовать».

Замѣчателенъ еще слѣдующій разсказъ объ Аракчеевѣ въ Запискахъ графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, находившагося въ свитѣ государевой въ началѣ кампаніи 1812 года. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли Аракчееву, что государю необходимо бы оставить армію и ѣхать въ Москву, и что въ этомъ только средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: «Что мнѣ до отечества, скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?». Они ему отвѣчали, что, конечно, такъ, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что́ тогда будетъ съ государемъ? А если разобьетъ Барклая, то бѣда еще не велика. Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его на отъѣздъ изъ арміи. «Можно ска-

---

[1]) Въ pendant къ этому—пишетъ баронъ М. А. Корфъ—мы слышали изъ другаго источника еще слѣдующій анекдотъ. Разсердясь какъ-то на своего начальника штаба П. А. Клейнмихеля, онъ сказалъ ему при всѣхъ: „То-то, и сюда-то я тебѣ далъ, и сюда (указывая на обѣ стороны его груди, т. е. на Владимірскую и Аннинскую звѣзды), а сюда (указывая на голову) уже ничего не могъ дать“.

зать,—прибавляетъ Комаровскій—что душа и чувства графа Аракчеева совершенно царедворца: онѣ чужды любви къ отечеству» [1]).

30-го августа 1816 года послѣдовалъ извѣстный указъ, коимъ Сперанскому повелѣвалось быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ [2]).

Если оглянуть однимъ общимъ взглядомъ переходы въ опалѣ Сперанскаго и фазы тогдашнихъ событій,—замѣчаетъ по поводу этого указа баронъ Корфъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»—то нельзя не подмѣтить опять и здѣсь такого совпаденія эпохъ, которымъ снова подтверждается мысль, что его низверженіе было преимущественно—жертвою народному мнѣнію, или по крайней мѣрѣ мнѣнію тѣхъ классовъ, которые, въ то время, имѣли у насъ какое-нибудь мнѣніе. Пока грозныя опасности войны, рѣшавшей вопросъ быть или не быть Россіи, настоятельно требовали угожденія волѣ и мыслямъ общественнымъ (1812—1814 гг.), Сперанскій, какъ изверженный парія, томился въ заточеніи на рубежѣ Европы. Потомъ, когда военныя бури умолкли, но въ умахъ еще отзывался ихъ гулъ и внѣшнія опасенія не совсѣмъ еще прекратились (1814—1816 гг.), несчастный изгнанникъ, хотя и былъ возвращенъ въ составъ гражданскаго общества, даже въ близость столицы, но еще не признавался достойнымъ быть снова допущеннымъ къ государственной дѣятельности; наконецъ, когда миновала надобность привязывать къ себѣ и, такъ сказать, обольщать народъ угодливостію его желаніямъ; когда правительство стало опять болѣе или менѣе равнодушнымъ къ общему мнѣнію; когда главные враги прежняго временщика исчезли съ поприща и все опять возвратилось въ обычную колею, тогда вдругъ, какъ бы какимъ-то чудомъ, всѣ причины къ подозрѣніямъ отпали, и Сперанскій, свергнутый безъ обвиненія и возстановленный безъ оправданія, явился снова «способнымъ и достойнымъ» къ продолженію службы! Послѣ этого не позволено ли прямо сказать, что «внимательное и строгое разсмотрѣніе», о которомъ говорилъ указъ, заключалось въ одной лишь перемѣнѣ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Но почему въ указѣ было такое странное, явно бросавшееся въ глаза противорѣчіе? Если не оказывалось не только вины, но даже и убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ, то почему тѣ лица, которыя прежде ихъ на себя навлекали, не были торжественно очищены, не были возстановлены въ прежнемъ, или соотвѣтственномъ ему достоинствѣ? Почему, напротивъ, требовалось дальнѣйшее еще

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 г., т. 70, стр. 60.
[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 119.

очищеніе и, въ видѣ способа къ тому, государственный секретарь низводился на степень губернатора, а статсъ-секретарь [1]) — на степень вице-губернатора?—Потому, думаемъ мы, что Александръ чувствовалъ свою вину и не находилъ въ себѣ довольно твердости, можетъ быть и довольно великодушнаго самоотверженія, чтобы вполнѣ ее провозгласить и загладить; потому что, сдѣлавъ послѣднее, онъ какъ бы всенародно сознался въ пожертвованіи невиннымъ человѣкомъ единственно съ цѣлью уловить умы.

Аракчеевъ, пересылая Сперанскому копію съ указа о назначеніи его пензенскимъ губернаторомъ, такъ заключилъ свое препроводительное письмо: «Государю императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную вамъ губернію». Александръ—замѣчаетъ по этому поводу Корфъ,—видно, еще страшился очной ставки съ тѣмъ, который такъ недавно, изъ ссылки и уничиженія, призывалъ его «на судъ передъ Богомъ, въ вѣчной Его правдѣ!» (Пермское письмо). Не Аракчееву было противорѣчить въ томъ государю!

Въ Пензу Сперанскій прибылъ 20-го октября 1816 года.

Приводимъ нѣсколько любопытныхъ писемъ, полученныхъ Сперанскимъ по случаю назначенія его пензенскимъ губернаторомъ.

1. Отъ министра юстиціи Д. П. Трощинскаго, отъ 16-го октября 1816 года.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ. Получивъ почтенное письмо вашего превосходительства съ извѣщеніемъ объ отправленіи вашемъ къ должности, высочайше вамъ ввѣренной, и благодаря васъ за оное, я съ удовольствіемъ пріемлю сей случай для принесенія вамъ, милостивый государь мой, искренняго привѣтствія со вступленіемъ вновь на путь государственнаго служенія, на которомъ извѣстныя достоинства ваши, конечно, возвратятъ вамъ въ полной мѣрѣ довѣренность монарха.

Вѣрьте ваше превосходительство, что я никогда не увлекался никакими на счетъ вашъ толками, которыхъ, впрочемъ, человѣку, хотя нѣсколько отдѣляющемуся отъ круга людей обыкновенныхъ, избѣжать почти невозможно; но, зная васъ лучше другихъ, сохранялъ всегда неизмѣнное къ вамъ уваженіе, и по сему чувствованію пріятно мнѣ возобновить съ вами сношенія, какъ по службѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ могу удостовѣрить васъ въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

---

[1]) Магницкій тѣмъ же указомъ 30-го августа 1816 года былъ назначенъ воронежскимъ вице-губернаторомъ.

2. Отъ князя Александра Борисовича Куракина, отъ 23-го ноября 1816 года, изъ Петербурга.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичь. Какъ скоро узналъ я объ опредѣленіи вашего превосходительства къ управленію Пензенскою губерніею, къ которой принадлежу моимъ кореннымъ помѣстіемъ и многими пріятными воспоминаніями свободнаго, безмятежнаго времени жизни моей, и радовавшись, что тѣмъ возвращенъ вамъ способъ быть паки трудолюбіемъ и дарованіями вашими отечеству полезнымъ, поспѣшилъ я изъявить вамъ, нарочнымъ моимъ письмомъ, мое искреннее въ томъ участіе и послалъ сіе письмо къ управляющему моими городищенскими деревнями, титулярному совѣтнику Колоколову для собственноручнаго врученія вамъ онаго по пріѣздѣ вашемъ въ Пензу, и его самого, какъ и ввѣренныя ему дѣла мои осмѣлился тогда въ особливое покровительство ваше препоручить. О немъ и о производимыхъ имъ дѣлахъ моихъ симъ паки принесенную вамъ просьбу мою возобновляю. Съ удивленіемъ вижу, что Колоколовъ, не поспѣша въ Пензу явиться при первомъ извѣстіи о вашемъ туды прибытіи для доставленія вамъ лично вышепомянутаго письма моего, оное исполнить до установленія лутчей дороги отложилъ. О семъ много скорблю, ибо чрезъ то оцѣнить могли бы вы первое движеніе души моей при перемѣнѣ вашего положенія! Но тѣмъ живѣе было мое удовольствіе получить сегодня письмо ваше, коимъ вы равномѣрно изъ собственнаго же побужденія меня отъ 7-го текущаго удостоили. Пріймите за оное и за всѣ изъявленія памяти и дружбы вашей чувствительную благодарность мою.

О случившейся съ вами неожиданности, во время еще бытія моего въ Парижѣ, никто, конечно, болѣе меня не сожалѣлъ, и никогда не отдѣлялъ я отъ васъ той совершенной, уважительной довѣренности, къ которой вы столько лѣтъ обращеніемъ со мною и отличностію способностей вашихъ меня пріучили. Сему вѣрьте, милостивый государь мой, какъ и тѣмъ чувствіямъ непоколебимаго почтенія и древней преданности, съ коими быть никогда не переставалъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Куракинъ.

3. Отъ бывшаго до 1810 г. государственнымъ казначеемъ Ѳ. А. Голубцова, отъ 5-го декабря 1816 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я дружеское письмо ваше отъ 14 ноября, за которое и принятіе подъ покровъ вашъ управителя деревень моихъ, чувствительнѣйше васъ благодарю. Такъ, точно, милостивый государь мой Михайло Михайловичь, я препровождаю жизнь спокойную и безмятежную, и если бъ иногда болѣзненые мои припадки, проистекающіе отъ долговременной и тяжкой службы, не тревожили меня, былъ бы еще покойнѣе. Я хочу открыть вамъ душу и надѣюсь,

что вы мое чистосердечіе примете съ доброй стороны. Въ первой годъ моей отставки винилъ я въ душѣ моей Михайла Михайловича [1]); но по прошествіи года, когда чадъ изъ головы вышелъ, когда мракъ, отягчавшій мои мысли, исчезъ, тогда не только не винилъ, но благодарилъ Михайлу Михайловича. При всегдашней моей ретивости и заботливости къ дѣламъ и по чувствительному моему характеру, не знаю, что бы со мною случилось; думаю, что меня бы на свѣтѣ не было. Благодареніе Всевышнему Создателю за спасеніе меня. Мнѣ теперь 58-й годъ, подвигаюсь къ 60 годамъ, тѣмъ лѣтамъ, въ которыя должно обращать мысли болѣе къ вѣчности, нежели къ мірскимъ суетамъ. Меня теперь утѣшаютъ священныя книги, которыми занимаюсь.

Но вамъ, другъ мой Михайло Михайловичь, рано помышлять о томъ: вы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ; Богъ наградилъ васъ отличными дарованіями и способностями; несчастіе васъ научило, и вы должны служить государю и отечеству. Вамъ ввѣрена судьба восьмисотъ тысячъ жителей мужскаго и женскаго пола, не считая дворянства и купечества; старайтесь пріобрѣсть довѣріе дворянъ: они всегда умѣли и умѣютъ цѣнить заслуги и дарованія. Обратите ваше вниманіе на казенныхъ крестьянъ; будьте имъ отцомъ и защитникомъ: они будутъ васъ благословлять, и имя ваше останется у нихъ незабвеннымъ; сему есть многіе примѣры: Оренбургъ никогда не забудетъ Ивана Ивановича Неплюева, Тобольскъ всегда будетъ имѣть въ твердой памяти Дениса Ивановича Чичерина, а Саратовъ вѣчно будетъ помнить Василія Сергѣевича Ланскаго. Вы можете, другъ мой Михайло Михайловичь, добрымъ управленіемъ отличить себя и сдѣлаться достойнымъ милостей государя; и тогда пріѣзжайте къ намъ на дальнѣйшее поприще, чтобъ быть полезнымъ для цѣлаго государственнаго состава, ибо несчастіе большею частію утверждаетъ добрыя правила, что̀ испыталъ я надъ собою, и доставляетъ государству полезныхъ членовъ. Фельдмаршалъ Минихъ гораздо полезнѣе былъ послѣ своего несчастія, нежели тогда, когда онъ въ счастіи утопалъ. Я васъ замучилъ пространнымъ письмомъ, но простите мою болтливость: она происходитъ отъ искренняго сердца. Я скажу вамъ еще, что умная и почтенная графиня Шувалова, которая давно въ Римѣ находилась, скончалась; я сообщаю объ ономъ для того, что вы всегда почитали и уважали графиню. Вѣрный вашъ слуга Федоръ Голубцовъ.

4. Отъ него же, отъ 21-го февраля 1817 г.

Благодарю васъ, Михайло Михайловичь, за дружеское письмо отъ 23 генваря, благодарю чувствительно васъ за то, что вы меня изба-

[1]) Дѣйствительно, Сперанскій былъ виновникомъ низверженія Голубцова и замѣщенія его Гурьевымъ: это не осталось тогда ни для кого тайною.

вляете отъ церемоніальныхъ сношеній, которыя всегда бываютъ мнѣ въ тягость.

Не только я не въ претензіи, но даже прошу васъ, чтобъ бѣдной и многосемейной вашъ родственникъ помѣщенъ былъ въ стряпчіе, надѣясь на дружеское ваше обѣщаніе, что по переводѣ его въ другое мѣсто Александровъ получитъ саранское мѣсто.

Всякой разъ, когда я услышу, что дворянство и всѣ весьма вами довольны въ Пензѣ, душевно тому радуюсь; я прежде увѣренъ былъ, что всѣ васъ полюбятъ.

Главные ваши непріятели: гр(афъ) Арм(фельдъ) и гр(афъ) Тол(стой) скончались; шуринъ сего послѣдняго, князь И(ванъ) И(вановичъ) Баря(тинскій), сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ графа Толстаго, что вы никогда здѣсь не будете; я спрашивалъ причину и вину вашу; признаюсь, что сказанная имъ вина ваша не сообразна съ здравымъ разсудкомъ, и того, въ чемъ обвиняютъ васъ, не только не могло приходить вамъ на мысль, но даже полагаю, что во снѣ никогда не видали; словомъ, сіе совсѣмъ на васъ не похоже. Я думаю, что сіе не что иное, какъ вздоръ и зло изобрѣтенное.

Простите мнѣ, что я хочу опять подавать вамъ мои совѣты, но сіе происходитъ отъ искренней моей къ вамъ привязанности; я буду говорить примѣрами, на опытѣ мною дознанными. Старинные генералъ-губернаторы, то-есть нѣкоторые, благоразуміемъ своимъ успѣли снискать къ себѣ любовь и привязанность отъ подчиненныхъ тѣмъ, что если кто изъ нихъ провинится, то они никогда публично не бранили и выговоровъ имъ не дѣлали, а, взявши въ кабинетъ, наединѣ наставляли, а иногда и добрую катку давали, но, вышедши изъ кабинета, ни малѣйшаго знаку о томъ не показывали и въ публикѣ обращались съ ними, какъ будто ничего не бывало. Послѣдуйте сему примѣру, и васъ будутъ бояться и любить.

Мой Платонъ Богдановичъ Огаревъ [1]), будучи молодъ, овдовѣлъ, имѣя за собою своихъ болѣе тысячи, да жениныхъ болѣе двухъ тысячъ душъ крестьянъ, да отъ тещи останется, сколько мнѣ извѣстно, болѣе тысячи душъ; онъ не веселаго нрава и нѣсколько гипохондрикъ, но человѣкъ крайне честной и самыхъ добрыхъ правилъ. Полюбите и приласкайте его, только разбудите его изъ гипохондріи и заставьте его просто и откровенно съ вами обходиться; вы меня симъ чувствительно обяжете; мнѣ его жаль, что онъ, при своихъ молодыхъ лѣтахъ и при такомъ состояніи, углубился въ задумчивость. Будьте здоровы и не забывайте меня. Ф. Голубцовъ.

---

[1]) Отецъ поэта Н. П. Огарева.

5. Отъ государственнаго контролера барона Б. Б. Кампенгаузена, отъ 2-го іюня 1817 года [1]).

Въ первый разъ послѣ пятилѣтняго промежутка времени позволяю себѣ напомнить вамъ о себѣ. Я не замедлилъ бы воспользоваться этимъ удовольствіемъ, какъ только явилась возможность снова свободно переписываться съ вами, но страшныя боли, которыми я страдаю уже нѣсколько лѣтъ, этому препятствовали, боли, которыя лишили меня силъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Прежде чѣмъ передавать вамъ о моихъ страданіяхъ, считаю необходимымъ выразить вамъ, на сколько меня трогали доходившія до меня, по временамъ, черезъ Цейера и Кремера, вѣсти о томъ, съ какою покорностію вы переносили всѣ бѣды и напасти, васъ постигшія! Терпѣнія для этого требовалось немало — я лично по себѣ это сужу, я, который съ покорностью несу крестъ, ниспосланный мнѣ Провидѣніемъ..... [2]).

Во время моей поѣздки по Крыму узналъ я въ Кафѣ о перемѣнѣ, происшедшей въ вашей судьбѣ, и такъ какъ я имѣлъ намѣреніе возвращаться черезъ Саратовъ, то я и льстилъ себя надеждою повидаться съ вами въ Пензѣ. Но Богъ судилъ иначе; послѣдніе два мѣсяца я очень былъ нездоровъ.....

Съ изможеннымъ тѣломъ и съ слабымъ здоровьемъ, какимъ пользуюсь я, нельзя быть увѣреннымъ за слѣдующій день и дѣлать планы на продолжительный срокъ. Это тѣмъ сильнѣе побуждаетъ меня напомнить вамъ о себѣ и выразить вамъ, что я навсегда сохраню глубокую признательность за ту дружбу, которую вы мнѣ оказывали въ то время, когда намъ приходилось часто видѣться. Мнѣ остается только пожелать вамъ, чтобы, по волѣ Провидѣнія, вы до конца жизни сохранили тѣ высокія свойства, которыя вы выказали въ постигшемъ васъ испытаніи, доказавъ ими на вашемъ примѣрѣ ту великую истину, что настоящее счастіе заключается не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

Лѣтомъ 1817 года Сперанскій выписалъ въ Пензу и свою дочь. До ея пріѣзда онъ жилъ въ Пензѣ, по возможности, уединенно и чуждаясь свѣтскихъ развлеченій, въ свободные часы много ѣздилъ верхомъ, а остальное время проводилъ въ трехъ домахъ: Войцеховича, предсѣдателя тамошней гражданской палаты, Столыпиныхъ и Евреиновыхъ, гдѣ мать семейства была тоже урожденная Столыпина. По пріѣздѣ дочери съ г-жею Вейкардтъ, домъ его нѣсколько оживился, и для молодой дѣвушки часто бывали маленькія собранія по вечерамъ; но большой ве-

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Здѣсь и ниже пропускаются разныя подробности о здоровьи самого Кампенгаузена.

черъ съ ужиномъ и танцами, на которомъ была вся Пенза, онъ рѣшился дать, по усиленнымъ просьбамъ дочери и г-жи Вейкардтъ, только однажды, и именно 1-го января 1818 года, въ день своего рожденія. «Впрочемъ,—пишетъ Е. М. Фролова-Багрѣева въ своихъ воспоминаніяхъ—домъ нашъ въ Пензѣ батюшка устроилъ по всегдашнему своему вкусу, т. е. съ опрятностію, но и простотою совершенно квакерскою. Вся мебель, кромѣ находившейся въ моемъ флигелѣ, была мѣстнаго издѣлія и покрыта—китайкою. Образъ жизни нашъ очень походилъ на тотъ, который мы вели въ Петербургѣ до 1812 года: такіе же маленькіе обѣды, съ тѣмъ же числомъ и родомъ блюдъ; послѣ обѣда непремѣнно домашняя музыка въ моемъ флигелѣ, съ пѣніемъ или безъ него, изрѣдка и нѣсколько постороннихъ любителей».

Между тѣмъ изъ тѣхъ же разсказовъ видно, что пензенскія дамы простирали и особые свои виды на нестараго еще вдовца. «У Евреиновой—продолжаетъ Е. М. Багрѣева—была пятнадцатилѣтняя дочка, очень хорошенькая, которая прилагала всѣ соблазны своихъ свѣжихъ прелестей и всю ловкость очень довременнаго ума, чтобы вовлечь батюшку въ свои оковы. Не съ бо́льшимъ, однако, успѣхомъ пытались на то же самое, прежде и послѣ, еще разныя другія. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что, вмѣсто ласкательствъ, которыми сперва во мнѣ заискивали, всѣ эти соперницы клялись мнѣ въ душѣ вѣчною враждою, въ увѣренности, что я одна служу препоною ихъ планамъ».

Частная переписка Сперанскаго за пензенскій періодъ представляетъ многосторонній интересъ. Между прочимъ, Сперанскій вошелъ въ оживленныя сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, по вопросу объ изданіи своего перевода сочиненія Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и по дѣлу библейскихъ обществъ, которымъ въ то время много занималось наше правительство. Въ бумагахъ А. Ѳ. Бычкова имѣются копіи, какъ съ нѣсколькихъ писемъ князя Голицына къ Сперанскому (подлинники которыхъ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ), такъ и съ черновыхъ отпусковъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ князю [1]).—Помѣщаемъ здѣсь эти письма.

---

[1]) Небольшія выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ кн. Голицыну касательно изданія книги „О подражаніи Христу“ были напечатаны барономъ М. А. Корфомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., № 3.

1.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

11-го декабря 1816.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичь.

Извините меня, что я такъ долго замедлилъ моимъ отвѣтомъ на два ваши письма; причиною тому, что я хотѣлъ кончить ваши порученіи и потомъ васъ увѣдомить о волѣ государя императора.

Его величество повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить Сергѣю Козьмичу [1]), чтобъ вынуть изъ бумагъ вашихъ перьвыя части перевода книги О подражаніи Іисусу Христу. Государь очень охотно беретъ на себя издержки по сему изданію; но прошу меня увѣдомить, кому вы поручите печатать и въ какой форматъ. Прибыль отъ распродажи сей книги вы обрекаете на дѣла благотворенія; то я не оставлю тогда, какъ напечатана будетъ книга, предложить благотворительному совѣту, а ваше превосходительство позвольте заранѣе поблагодарить за таковое назначеніе плода отъ трудовъ вашихъ въ пользу бѣдныхъ, въ лицѣ главнаго попечителя здѣшняго Человѣколюбиваго Общества.

Я читалъ доставленную мнѣ четвертую часть перевода вашего и сужу по оной, что, конечно, и три первыя таковы же, то и желаю крайне, чтобъ скорѣе оной переводъ вышелъ въ свѣтъ; ибо до сихъ поръ переводы сей изящной книги не совсѣмъ были удачны, тогда какъ она переведена столь хорошо на многіе языки.

Письмо ваше о господинѣ Цейерѣ [2]) я вручилъ государю, и его величество указать соизволилъ, чтобъ я князю Лопухину сказалъ волю его о принятіи г. Цейера въ Коммиссію законовъ [3]) съ чиномъ и жалованьемъ соотвѣтственнымъ, что̀ мною уже и исполнено, и я надѣюсь, что князь Петръ Васильевичь не замедлилъ исполненіемъ, что̀ очень нужно г. Цейеру по разстроеннымъ его обстоятельствамъ.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго моего почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Я испросилъ позволеніе государя вынуть изъ бумагъ вашихъ (такъ какъ мы должны будемъ искать книгу Подражанія) «О трехъ состояніяхъ человѣка», принадлежащія Захару Яковлевичу Карнѣеву;

---

[1]) Вязмитинову, министру полиціи.

[2]) Францѣ Ивановичѣ, служившемъ при Сперанскомъ и съ марта 1812 г. находившемся не у дѣлъ.

[3]) Предсѣдателемъ которой былъ князь П. В. Лопухинъ.

онъ меня просилъ при случаѣ доложить его величеству, что онъ вамъ давалъ для прочтенія только и которыя мнѣ онъ подарилъ.

2.

Сперанскій—князю А. Н Голицыну.

9-го генваря 1817 г.

Письмо вашего сіятельства принесло мнѣ великое утѣшеніе. Признаюсь, мнѣ горестно было считать себя отъ васъ отчужденнымъ, но я не терялъ ни довѣрія, ни надежды. Ваше сіятельство оправдали и то, и другое вниманіемъ вашимъ къ двумъ моимъ просьбамъ.

Не въ качествѣ переводчика, но въ точной увѣренности въ истинной пользѣ книги «О подражаніи», весьма обрадованъ я былъ, что сіе малое приношеніе, какъ лепта вдовицы, принято благосклонно. Г. Цейеръ донесетъ вашему сіятельству, гдѣ и чрезъ кого желалъ бы я ее напечатать; я съ нимъ говорилъ о семъ подробно.

Бывъ столь много вами ободренъ, я поступлю далѣе. Въ Перми и потомъ въ деревнѣ составилъ я «Избранныя мѣста» изъ твореній Таулера [1]). Сочинитель сей, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; множество отрывковъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ у насъ напечатано; но нигдѣ нѣтъ въ цѣлости; можетъ быть, отъ того, что онъ, по высотѣ его понятій, часто паритъ подъ облаками и скрывается почти изъ виду. «Избранныя мѣста» всѣ вразумительны. Они составляютъ книгу немного менѣе «Подражанія».

Отъ сей работы родилась у меня другая мысль: вмѣсто того, чтобъ намъ заимствовать полезное чтеніе изъ кладезей постороннихъ, для чего бы не попытаться черпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ? Я разумѣю отцевъ нашея Церкви. Слѣдуя сей мысли, я рѣшился въ деревенскомъ уединеніи пройти всѣ ихъ творенія по порядку, начиная съ перваго вѣка, выписывая и замѣчая то, что казалось мнѣ наиболѣе свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени, и имѣя всегда въ виду одну главную мысль, внутреннюю жизнь во Христѣ. Я не дошелъ еще и до средины, и имѣлъ уже кипы записокъ, но ничего совершеннаго и довольно выработаннаго, чтобъ представить публичному чтенію, и, когда Богъ приведетъ меня сіе окончить, не знаю. Увѣренъ однакоже, что работа сія была бы одна изъ полезнѣйшихъ. Одна только выписка подъ названіемъ «Избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго» кажется мнѣ довольно оконченною. Я

---

[1]) Іоганна Таулера, одного изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ XIV вѣка.

составилъ ее изъ перевода покойнаго преосвященнаго Моисея [1]), и жалѣлъ, что не имѣлъ при себѣ подлинника.

Если которая-либо изъ сихъ двухъ рукописей привлечетъ на себя вниманіе вашего сіятельства, Цейеръ по первому вашему слову можетъ взять ихъ изъ новгородской моей деревни и вамъ представить. Надобно только, чтобъ онъ потрудился ихъ перебѣлить: ибо скорописная моя рука весьма нечетка. Еще одно слово о бесѣдахъ св. Макарія. Онѣ столь изящны, что, читая и приводя ихъ въ новую и удобнѣйшую форму, я часто удивлялся, какимъ образомъ мы (или, по крайней мѣрѣ, я) ищемъ и не безъ труда и не всегда во всей чистотѣ находимъ въ новѣйшихъ писателяхъ такой истины, которая въ твореніяхъ отцевъ нашея Церкви представлена несравненно яснѣе, поразительнѣе и, что еще болѣе, безопаснѣе. Переводъ преосвященнаго Моисея, а слѣдовательно и мои выписки (ибо я удержался его словъ) не весьма изящны въ слогѣ и выраженіяхъ: онъ былъ очень молодъ, когда переводилъ сію книгу, а я не имѣлъ при себѣ подлинника. Отецъ Филаретъ [2]), или кто-либо подъ надзоромъ его, могъ бы составить нѣчто несравненно лучшее обоихъ насъ, если бы угодно было вамъ сіе поощрить.

Не бесѣдовавъ съ вами столь долгое время, я употребляю, можетъ быть, во зло и время, и терпѣніе ваше. Но не могу не упомянуть здѣсь о рукописи З. Я. Корнеева «О трехъ состояніяхъ человѣка». Ея нѣтъ въ моихъ бумагахъ; бывъ переплетена въ книгу, она пролежала спокойно вмѣстѣ съ книгами и вмѣстѣ же съ ними впослѣдствіи перевезена ко мнѣ въ Великополье, гдѣ Захаръ Яковлевичъ, на пути въ Харьковъ, посѣтивъ меня, ее видѣлъ и мнѣ окончательно подарилъ. Но я съ удовольствіемъ передарю ее вашему сіятельству. Цейеръ можетъ ее оттуда достать по первому вашему желанію.

Не предупреждая вашего о сей книгѣ мнѣнія, дозволите ли вы мнѣ по искренности, которую вездѣ, наипаче же въ сихъ предметахъ, наблюдать должно, сказать мои мысли? Рукопись сія содержитъ въ себѣ сокращеніе системы Бема, подобное тому, какое есть въ книгѣ «Пастырское посланіе». Я говорю только подобное: ибо въ нихъ много есть и различнаго. Слѣдовательно и сужденіе о ней много зависитъ отъ того мнѣнія, какое о корнѣ ихъ, самой системѣ Бема, имѣть должно.

Два главныя положенія составляютъ сію систему. Въ одномъ

---

[1]) Епископа ееодосійскаго и маріупольскаго Моисея (Гумилевскаго, † 1792). Его переводъ бесѣдъ св. Макарія Великаго былъ изданъ въ 1782 г.

[2]) Архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), впослѣдствіи знаменитый святитель московскій, былъ въ то время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи.

утверждается и объясняется великая истина внутренняго образованія и дѣйствія Христова въ человѣкѣ. Сія истина доказывается весьма твердо и разительно. На семъ основаны лучшіе трактаты Бема, и между прочими тѣ самые, которые переведены и на нашъ языкъ. Другое положеніе сей системы содержитъ въ себѣ изъясненіе свойствъ и рожденія первобытнаго духовнаго міра, отпаденія злаго духа, смятенія первобытной природы, отѣлесенія ея, хаосъ и потомъ возобновленіе и возстановленіе изъ его обломковъ міра настоящаго. Словомъ, все, что есть въ Бемѣ полезнаго, заключается въ книгѣ «Путь ко Христу». Сей родъ изъясненій, гдѣ сильное воображеніе сочинителя, не руководимое Священнымъ Писаніемъ, оставлено было собственному его паренію, представляетъ связь гаданій и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но большею частію отважныхъ и ничѣмъ не утверждаемыхъ. Послѣдователи его, чтобъ дать симъ гаданіямъ какое-нибудь основаніе, старались доказать, что Бемъ имѣлъ истинное вдохновеніе, то есть смѣлыя его догадки оправдывали еще другими догадками, еще болѣе отважными.

По сему двоякому виду сей системы, сколько, съ одной стороны, можетъ быть полезно распространять чтеніе тѣхъ его трактатовъ, въ коихъ содержится первый родъ истины, столько можетъ быть вредно вводить въ употребленіе второй родъ пытливыхъ и высокопарныхъ его соображеній. Они напыщаютъ умъ, питаютъ гордость, пріучаютъ разумъ къ пытливости и людямъ, едва еще понимающимъ первые начатки духовной жизни, даютъ ложную увѣренность и самомнѣніе. Увлекая разумъ въ блистательныя теоріи, они застѣняютъ прозрѣніе его въ пути живые и единые истинные. Ничто, можетъ быть, столько не способствовало къ утвержденію ложнаго мистицизма въ нашемъ вѣкѣ, какъ чтеніе Бема.

Да позволено будетъ мнѣ, долго блуждавшему на сихъ распутіяхъ пытливыхъ тонкостей, сказать, что одна глава изъ книги «Подражаніе», или еще лучше одна статья изъ Ефрема Сирина, изъ Іоанна Лѣствичника, изъ Макарія, изъ книги о добротолюбіи и даже изъ Іоанна Арндта, или же одинъ листочекъ изъ тѣхъ мелкихъ разсужденій, кои издаются въ Англіи отъ извѣстныхъ обществъ и коихъ и у насъ уже переведено (но, къ сожалѣнію, въ провинціяхъ почти неизвѣстно) довольное количество,—стоитъ несравненно болѣе, нежели всѣ томы Бемовыхъ умозрѣній.

Впрочемъ, что значитъ, вообще, чтеніе, когда апостолъ Петръ о чтеніи самыхъ истинныхъ пророческихъ книгъ говоритъ [1]).

Сего-то возсіянія денницы должно искать; но его должно искать и

[1]) Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ посланія апостола Петра.

къ нему идти живыми путями, а не чтеніемъ, хотя и чтеніе имѣетъ свою пользу, ибо въ недостаткѣ солнечнаго свѣта лучше, конечно, имѣть свѣтъ лампады, нежели быть совсѣмъ во мракѣ.

Сего-то возсіянія внутренняго неизглаголаннаго свѣта желая отъ всего сердца себѣ, и вамъ, и всѣмъ тѣмъ, кои исповѣдуютъ Христа, во плоти пришедша, и кои по сему отъ Бога суть и суть братія, сколько бы мірскія положенія ихъ ни раздѣляли, со всѣми чувствами христіанской любви и истиннаго уваженія къ благотворнымъ намѣреніямъ вашимъ пребуду и проч.

3.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 2-го марта 1817 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичь.

Переводъ вашъ «Подражанія Іисусу Христу» отданъ господину Цейеру, и когда отъ него получу счетъ издержкамъ типографскимъ, то дамъ дальнѣйшій ходъ по желанію вашему. Не успѣлъ я сказать г-ну Цейеру, что вы пишете о выпискахъ изъ св. Макарія, какъ онъ готовъ уже былъ ѣхать въ новгородскую вашу деревню за оными, послѣ чего онъ и занялся уже перепискою на-бѣло, и какъ получу, то отдамъ отцу Филарету, хотя напередъ увѣренъ, что вы желаете изъ скромности, чтобъ слогъ былъ пересмотрѣнъ, а вѣрно съ пользою могутъ быть сіи выписки напечатаны въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь.

Истинно странно, что наши духовные мало занимаются переводами древнихъ отцовъ; публику нужно съ ними ознакомить, и тогда бы увидѣли, что то, что находятъ новымъ въ новѣйшихъ авторахъ мистическихъ, есть очень древнее ученіе, отъ Христа и апостоловъ Его дошедшее до перьвыхъ временъ Церкви, но потомъ потерявшееся въ большой части наружныхъ христіанъ, но сохранившееся въ скудныхъ обителяхъ и въ нѣкоторыхъ душахъ. Нынѣ, благодаря Господа, кажется, понятіе о внутренней жизни во Христѣ Іисусѣ становится знакомѣе въ городахъ и столицахъ; надобно молиться, чтобъ сіи понятіи наиболѣе распространялись для разнасажденія царства Христова и спасенія душъ. Конечно, къ сему послужитъ и дѣйствіе библейскихъ обществъ чрезъ чтеніе Священнаго Писанія и переводы, взятые изъ столь хорошихъ источниковъ, каковыми вы занимаетесь. Я увѣренъ, что г-нъ Цейеръ имѣетъ довольно времяни, чтобъ привесть въ порядокъ все оное, ибо вы не имѣете способа теперь по управленію губерніи обработать всѣ собранные матеріалы.

*

Въ разсужденіи рукописи З. Я. Корнѣева «О трехъ состояніяхъ» я вамъ скажу, что онъ мнѣ ее подарилъ, считая ее въ бумагахъ вашихъ, и въ такомъ только случаѣ, ежели бы мнѣ что поручено было вынуть изъ оныхъ; но потомъ, проѣзжая чрезъ вашу деревню, узнавъ, что она къ вамъ доставлена, подарилъ вамъ. По симъ причинамъ она мнѣ не принадлежитъ, и хотя Цейеръ мнѣ ее привезъ, но я по прочтеніи ему возвращу для доставленія вашему превосходительству. Я нимало не намѣренъ былъ издавать ее въ печать и совершенно согласенъ съ вами насчетъ сего рода сочиненій Бема.

Сужденіе ваше по сему предмету, которое вы извлекли, какъ вы пишете, изъ опыта, и что предпочитаете всѣмъ пытливымъ тонкостямъ авторовъ чтеніе Ефрема Сирина и прочихъ тому подобныхъ писателей, я васъ съ симъ поздравляю и истинно радуюсь, ибо къ истинѣ одинъ только путь: Христосъ же; а тѣ распутія, о которыхъ вы говорите, что долго на нихъ блуждали, вы познали, конечно, что они никуда не доводятъ, а только измучатъ до усталости и изсушатъ сердце. Слава единому Господу, Который столь милосердно съ сихъ распутій и нечувствительно насъ направляетъ къ Себѣ, путю живому, чтобъ дать Себя вкусить, сколь Онъ благъ. И въ такомъ случаѣ остается прибѣгать къ Нему же въ молитвѣ, чтобъ Онъ сохранилъ насъ вѣрными Ему; чего вамъ и себѣ желаю, такъ, какъ и всѣмъ, ищущимъ истины, пребывая съ сими чувствами вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

4.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

20-го марта 1817 г.

Отъ искренняго сердца приношу вашему сіятельству поздравленіе мое съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Да воскреснетъ Онъ въ душахъ нашихъ и силою всеобъемлющей любви Его да соединитъ расточенное и да соберетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино тѣло Церкви Своея, соожививъ его Себѣ словомъ Своея истины.

Библейское дѣло растетъ здѣсь хотя по малу, но ежедневно; обильнѣйшей жатвы ожидаю, когда при обозрѣніи губерніи вступлю въ непосредственное сношеніе съ здѣшнимъ дворянствомъ, живущимъ большею частію по округамъ и рѣдко посѣщающимъ губернскій городъ. Въ путешествіе сіе, впрочемъ и по службѣ необходимое, пущаюсь я по слитіи водъ въ маіѣ мѣсяцѣ.

Ваше сіятельство не удивитесь одной странной просьбѣ, которую

по случаю сему вамъ принесу. Въ 40 верстахъ отъ границы Пензенской губерніи отстоитъ пресловутая Саровская пустынь. Мнѣ давно хотѣлось посѣтить ее. Много разсказываютъ примѣчательнаго о образѣ ихъ (т. е. тамошнихъ монаховъ) жизни и даже о силѣ внутренняго христіанства, въ уединеніи ихъ хранящагося. Извѣстно, что когда Церковь отъ живыхъ своихъ внутреннихъ путей начала уклоняться ко внѣшнему, тогда многіе святые (такъ во времена апостольскія назывались и таковы были всѣ христіане) удалились въ пустыни. Тамъ апокалипсическая оная жена, истинная Христова Церковь, препитана была до времени. Отсюда возникли разныя духовныя установленія, и между прочими и монастыри, кои впослѣдствіи въ свою очередь также уклонились ко внѣшнему и, подчинивъ себя письмяни закона, утратили животворящій его духъ. Но смоковница сія не вовсе еще изсохла. Я видалъ примѣры, гдѣ она была еще въ полномъ своемъ цвѣтѣ; можетъ быть, тоже найду и въ Саровской пустынѣ и сообщу вамъ мое удовольствіе. Просить на сію трехдневную изъ губерніи отлучку формальнаго дозволенія по министерству показалось бы странно (почтутъ сіе пустосвятствомъ); а потому и осмѣливаюсь просить ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ частно на сіе высочайшее дозволеніе и объявить мнѣ оное чрезъ посредство ваше.

Примите свидѣтельство совершеннѣйшаго почитанія и душевной преданности.

5.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1817 года.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичь. Принося мою благодарность за привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, взаимно васъ съ онымъ поздравляю. Да услышитъ Воскресшій желанія ваши, которыя раздѣляю отъ всего сердца. На сей почтѣ получите мои оффиціальныя отношенія по библейскимъ дѣламъ; я увѣренъ, что при обозрѣніи губерніи, съ помощію Божіею, вы доставите какъ способы, такъ и содѣйствователей библейскому отдѣленію въ Пензѣ.

Я довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи вашемъ посѣтить Саровскую пустынь, и его величество поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, что онъ на то соизволяетъ. Какъ-то вы найдете сію пустынь? Нынѣ не много монастырей истиннаго пути; у насъ въ сосѣдствѣ, въ Финляндіи, есть примѣчательная Коневская пустынь по духу, въ ней сохраняемому и по примѣрной жизни нѣкоторыхъ иноковъ.

Мы, кажется, живемъ въ такія времена, впрочемъ, что надобно спасаться не въ пустыняхъ, а искать пустыни посреди міра, и сіе уединеніе хотя трудно, но спасительно.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева
ПО УПРАВЛЕНІЮ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ КРАЕМЪ
(съ 1 мая 1863 г. по 17 апрѣля 1865 г.)

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, я призванъ былъ державною волею вашего императорскаго величества къ умиротворенію Сѣверо-Западнаго края. Имѣя въ виду, что вспыхнувшій въ то время мятежъ былъ прямымъ послѣдствіемъ польскаго безумія и снисходительности нашего правительства, я тогда же имѣлъ счастіе всеподданнѣйше повергнуть на благовоззрѣніе вашего императорскаго величества, что только энергическія мѣры, не могущія понравиться Европѣ и даже нѣкоторымъ изъ нашихъ правительственныхъ лицъ, однѣ будутъ въ силахъ возстановить законный порядокъ въ краѣ, гдѣ, подъ терроризмомъ революціонеровъ, мятежъ охватилъ всю Сѣверо-Западную окраину нашу и даже Бѣлорусскія губерніи до бывшихъ границъ 1772 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ я изъяснилъ общій взглядъ мой и систему предположенныхъ будущихъ дѣйствій, которыя удостоились высочайшаго вашего императорскаго величества одобренія.

Съ помощію Божіею и при содѣйствіи доблестныхъ войскъ вашего императорскаго величества, вооруженное возстаніе было скоро прекращено; но, такъ какъ минувшій мятежъ былъ страшенъ не числительностью вооруженныхъ шаекъ, а силою и таинственностью революціонной организаціи, покрывшей своею сѣтью всю страну, и терроризмомъ, распространеннымъ мятежниками, то главною задачею моихъ дѣйствій было открытіе и задержаніе главныхъ секретныхъ дѣятелей мятежа и огражденіе сельскаго населенія, оставшагося вѣрноподданнымъ вашему императорскому величеству, отъ насилій и неистовствъ мятежниковъ, отъ

которыхъ страдала и личность и собственность каждаго; съ достиженіемъ этой цѣли, упрочивался успѣхъ окончательнаго умиротворенія края.

Повергая на всемилостивѣйшее благовоззрѣніе вашего императорскаго величества краткій обзоръ за время управленія моего Сѣверо-Западнымъ краемъ въ теченіе двухъ лѣтъ, я считаю своею обязанностью предварительно изложить тотъ порядокъ вещей, который нашелъ я при вступленіи своемъ въ управленіе.

Возстаніе 1863 года въ западныхъ губерніяхъ не есть внезапное явленіе; оно приготовлялось систематически въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Продолжительная снисходительность правительства къ польско-католической пропагандѣ, къ разнымъ революціоннымъ заявленіямъ, явно начавшимся еще съ 1857 года, послужила поводомъ къ тому, что революціонеры получили полное убѣжденіе въ безнаказанности своихъ дѣйствій, которыя сначала, имѣя видъ частныхъ противоправительственныхъ заявленій, разныхъ публикацій и, въ особенности, воззваній къ народу и ремесленному населенію городовъ, съ 1860 года перешли въ торжественныя народныя манифестаціи, совершеніе панихидъ по убитымъ и казненнымъ въ Варшавѣ мятежникамъ. Впослѣдствіи, политическая зараза, разжигаемая ксендзами и женщинами, охватила все населеніе и выразилась въ вооруженномъ возстаніи, благодаря которому открылись у насъ глаза. Мѣстныя власти, состоявшія почти исключительно изъ поляковъ, не только вполнѣ бездѣйствовали, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыто становились на сторону мятежниковъ. Полицейскіе суды, учрежденные для сужденія лицъ, замѣшанныхъ въ политическіе безпорядки, служили только наглядною насмѣшкою надъ слабымъ правительствомъ и усиливали дерзость крамольниковъ; суды сіи не могли принести по сущности своего устройства никакихъ практическихъ результатовъ, сколько-нибудь полезныхъ для правительства. Сборы на мятежъ производились повсемѣстно въ краѣ и прикрывались именемъ благотворительности. Такъ, не смотря на воспрещеніе правительства, помѣщица Бучинская образовала общество Винцентинокъ и самопроизвольно открыла свои дѣйствія и денежные сборы; изъ заведеній дворянки Домбровской ежегодно раздавалось по цѣлому краю нѣсколько десятковъ тысячъ кружекъ для денежныхъ сборовъ, въ расходованіи которыхъ, вопреки высочайше утвержденныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ правилъ, не было представляемо никакихъ отчетовъ. Римско-католическое духовенство, разжигая вначалѣ народныя страсти и содѣйствуя тайно мятежу, дерзнуло наконецъ стать открыто во главѣ возстанія; римско-католическіе монастыри, прикрываясь недоступностью свѣтскому контролю, сдѣлались центромъ революціонной организаціи и пропаганды. Въ городахъ цѣлаго края учреждались революціонерами

публичныя библіотеки, съ цѣлью соединенія молодежи и распространенія между ними заговора противу правительства, противу котораго распространены были повсюду мятежныя брошюры и воззванія. Подъ предлогомъ хозяйственныхъ съѣздовъ, для устройства быта крестьянъ, дѣлались по всѣмъ уѣздамъ заговоры противъ законной власти вашего императорскаго величества и избирались явные и тайные делегаты для наблюденія за дѣйствіями правительства; учреждались революціонные комитеты, устраивались магазины для продажи будто бы мѣстныхъ издѣлій лицами, прибывшими изъ Варшавы съ цѣлью подготовленія средствъ къ мятежу и, подъ видомъ сношенія съ главными производителями въ краѣ, дѣлались привлеченія къ мятежу и собирались пожертвованія на оный. Мировые посредники-поляки составляли съ умысломъ отяготительныя для крестьянъ уставныя грамоты и старались внушить имъ, что свобода дарована была не вашимъ императорскимъ величествомъ, а прежними ихъ помѣщиками, и что упавшій на нихъ отяготительный оброкъ есть слѣдствіе распоряженій правительства. Польскій языкъ, введенный оффиціально въ училища, и польская пропаганда, допущенная въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ краѣ, воспламеняли юношей противу правительства и, пріучая народъ, что цѣлый край тотъ не русскій, а польскій, окончательно стали подавлять собою русскую народность, тѣмъ болѣе, что помѣщики-поляки, въ періодъ, предшествовавшій вооруженному возстанію, стараясь сблизиться съ народомъ, открывали во множествѣ польскія школы, а революціонная партія распространяла въ народѣ противоправительственныя брошюры и прокламаціи. На польскомъ языкѣ выдавались оффиціальные документы и велась даже оффиціальная переписка. Такъ римско-католическое духовенство съ 1860 года начало выдавать метрики и вести переписку, вопреки закону, по-польски; даже римско-католическая коллегія въ С.-Петербургѣ, по моему требованію, только недавно прекратила сношенія свои на польскомъ языкѣ съ духовенствомъ Сѣверо-Западнаго края. Православные храмы и помѣщенія для причтовъ находились въ самомъ жалкомъ и униженномъ состояніи; нерѣдко случалось, что въ мѣстностяхъ, исключительно населенныхъ православными, не было церквей, вмѣсто которыхъ строились великолѣпные костелы, съ видимою цѣлію совращенія православныхъ въ латинство; заявленія православнаго духовенства по этому поводу ни къ чему не служили; начатыя слѣдствія по настоящему предмету лежали безъ движенія въ теченіе десятковъ лѣтъ; православное духовенство, зависѣвшее отъ польскихъ помѣщиковъ, нищенствовало, между тѣмъ римско-католическое духовенство, во всемъ и вполнѣ обезпеченное, шло безпрепятственно къ предположенной цѣли ополяченія края, строило, вопреки закону, самопроизвольно костелы и подготовляло мятежъ, усыпляя мнимою своею покорностью и безъ того

весьма малую бдительность правительства. Польское дворянство съ самаго начала политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ отшатнулось прямо отъ русскаго общества и прервало всякія съ нимъ сношенія, съ явною дерзостью заявляя свое нерасположеніе къ законному правительству вашего императорскаго величества. Мелкіе чиновники-поляки, шляхта и городское населеніе преданы были всею душою революціи. Гимназіи и уѣздныя училища доставляли живой элементъ для шаекъ, ибо изъ сказанныхъ заведеній разбрелось по лѣсамъ и ушло въ мятежъ болѣе 2 тыс. воспитанниковъ. Короче, я нашелъ край въ самомъ сильномъ разгарѣ анархіи, такъ что личность и собственность каждаго не были обезпечены, революціонная же организація имѣла весьма прочное устройство не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ цѣлаго края; всюду были назначены воеводы, коммиссары, пристава и т. д., приказанія которыхъ исполнялись лучше, чѣмъ приказанія правительства. Даже въ самой Вильнѣ находился давно воевода, какъ главный начальникъ Литовскаго края, съ дирекціею почтъ, военнымъ министерствомъ, полиціею, гражданскою коммиссіею, бывшею въ сношеніи съ Варшавскимъ и С.-Петербургскимъ революціонными комитетами. Трудная задача состояла въ отысканіи организаціи; за уничтоженіемъ ея, уничтожились и самыя шайки, которыя безъ того, хотя истреблялись войсками, но формировались снова. Такимъ образомъ предстояло, кромѣ подавленія открытаго возстанія, предупреждать преступные замыслы и отнять самую возможность продолжать мятежъ, а съ другой стороны—способствовать всѣми силами къ объединенію края съ остальною Россіею.

Исполняя высочайшую волю вашего императорскаго величества, 14-го мая 1863 года я прибылъ въ Вильну. Къ возстановленію вполнѣ утраченной правительственной власти, вытѣсненной отовсюду подпольнымъ революціоннымъ комитетомъ, приняты были немедленно слѣдующія мѣры:

1) Я старался возвысить достоинство и права доблестнаго войска вашего императорскаго величества, которое, по волѣ начальства, переносило съ самоотверженіемъ, на всякомъ шагу повторявшееся, уничиженіе отъ польскаго населенія.

2) 24-го числа издана была инструкція, въ которой опредѣлялись власть и кругъ дѣйствій военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, поставленныхъ въ уѣздахъ, и излагались правила преслѣдованія мятежныхъ покушеній, съ соучастіемъ самихъ обывателей; главное состояло въ томъ, что каждый отвѣтствовалъ за свой участокъ, и виновные обыватели облагались денежными штрафами, независимо отъ законной отвѣтственности.

3) Штрафы служили самыми главными средствами къ остановленію мятежныхъ покушеній владѣльцевъ, ибо задѣвали за чувствительную

струну матеріальнаго ихъ быта, и мѣра эта могла быть тотчасъ приводима въ исполненіе. Такимъ способомъ были остановлены: трауръ, пѣніе, манифестаціи, попытка римско-католическаго духовенства, въ подражаніе Варшавскому, не звонить въ колокола, разныя политическія процессіи, совершавшіяся въ честь воспоминанія соединенія Литвы съ Польшею, и самая посылка городскихъ обывателей въ шайки, ибо каждый отвѣтствовалъ за свое семейство и находящихся у него людей. Собранныя контрибуціонныя суммы сосредоточивались въ казенныхъ палатахъ и расходовались установленнымъ порядкомъ, указаннымъ въ законахъ, по моимъ предложеніямъ и начальниковъ губерній.

4) Высылка изъ края главнаго духовнаго дѣятеля мятежа, епископа Красинскаго, и нѣсколько примѣровъ строгаго взысканія съ крамольнаго римско-католическаго духовенства въ скоромъ времени ослабили преступное его вліяніе на мѣстное населеніе.

5) Уничтоженіе бродяжничества и свободнаго безпаспортнаго перехода лицъ, въ особенности римско-католическаго духовенства, приведеніе въ точную извѣстность всего населенія, по участкамъ, составленіе обывательскихъ книгъ,—все это положило начало спокойствія края, ибо никто безъ отвѣтственности не могъ переходить съ одного мѣста на другое, безъ вѣдома ближайшаго начальства.

6) Обложеніе 10% сборомъ всѣхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, при самомъ разгарѣ мятежа, и отнятіе у нихъ тѣмъ средствъ поддержанія вооруженнаго возстанія, на которое они жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, скоро положило конецъ ихъ преступнымъ замысламъ по содѣйствію мятежу.

7) Призвано было сельское населеніе къ наблюденію за крамольною шляхтою и къ содѣйствію правительству по усмиренію мятежа составленіемъ сельскихъ вооруженныхъ карауловъ и сельской стражи, что и было исполнено съ усердіемъ и неподдѣльною преданностью вашему императорскому величеству.

Увѣренность, что всякое приказаніе главнаго начальника края будетъ немедленно и въ точности исполнено, окончательно поставила помѣщиковъ и прочихъ сочувствующихъ мятежу въ колебаніе, и въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда большая часть главныхъ зачинщиковъ тайной организаціи была захвачена, и правительственная власть была всюду возстановлена въ полныхъ ея правахъ, мятежъ видимо ослабѣлъ, и началась подача адресовъ къ вашему императорскому величеству, съ просьбою о помилованіи и отреченіемъ отъ соединенія Литвы съ Польшею. Адресы эти, хотя и не составляли искренняго желанія многихъ, но уже выразили торжество правительства надъ революціей, тѣмъ болѣе, что поляки, сколько бываютъ горды въ успѣхѣ, столько низки, искательны и подлы при неудачѣ крамольныхъ ихъ замысловъ.

Когда, такимъ образомъ, началъ уже смиряться Сѣверо-Западный край и всюду законное правительство пріобрѣло утраченную имъ прежде власть, тогда Варшавскій революціонный комитетъ принялъ окончательныя мѣры для возрожденія мятежа и, прибѣгнувъ къ кинжаламъ и яду противу главнѣйшихъ дѣятелей, увеличилъ терроризмъ учрежденіемъ жандармовъ-вѣшателей. Но преступныя попытки ихъ, милостію Божіею, были скоро обнаружены; еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, покусившіеся на убійство виленскаго губернскаго предводителя дворянства Домейко и на заговоръ противу меня, варшавскіе агенты были схвачены, и цѣлая шайка организованныхъ кинжальщиковъ въ г. Вильнѣ была въ теченіе 7 дней открыта, суждена и казнена въ примѣръ и страхъ другимъ. Такимъ образомъ, къ половинѣ августа уже и послѣдняя попытка варшавскаго жонда была уничтожена, и виновные преданы законной отвѣтственности; при чемъ былъ открытъ и весь тайный заговоръ Варшавскаго революціоннаго комитета, съ таковымъ же, существовавшимъ въ западныхъ губерніяхъ; были схвачены воеводы, коммиссары и т. п., и пламя мятежа видимо ослабѣло; самыя шайки, по безнадежности на покровительство революціонныхъ властей, стали расходиться, народъ же, увидѣвъ силу законнаго правительства, сталъ оному содѣйствовать; сельская вооруженная стража окончательно захватывала разбревшихся мятежниковъ.

Согласно разрѣшенію вашего императорскаго величества, я призналъ тогда возможнымъ мѣрами снисхожденія и прощенія отвлечь заблудшихся мятежниковъ изъ лѣсовъ, въ которыхъ они скитались. Такимъ образомъ было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ, возвращающимся съ чистосердечнымъ раскаяніемъ. Симъ средствомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе 3 тысячъ человѣкъ покинули шайки, приведены къ присягѣ на вѣрноподданность вашему императорскому величеству и водворены на мѣста, подъ ручательствомъ обществъ за ихъ благонадежность. Тѣ же изъ нихъ, которые, по своей неблагонадежности, не были приняты, по закону отправлены были на водвореніе въ Сибирь. Такимъ образомъ своевременными мѣрами кротости, свойственными благодушному царствованію вашего императорскаго величества, я могъ вызвать изъ шаекъ мятежа невинныя жертвы увлеченія и водворить въ семейства, изъ которыхъ онѣ нерѣдко исторгались насиліемъ и угрозами мятежниковъ; хотя впослѣдствіи и бродили еще кой-гдѣ мятежныя шайки, но встрѣчалось весьма мало случаевъ, чтобы возвратившіеся добровольно поступали въ таковыя. Неистовства же польскихъ мятежниковъ, разразившіяся на крестьянахъ, преданныхъ Россіи и престолу вашего императорскаго величества, но введенныхъ весьма часто въ заблужденіе крамольнымъ тамошнимъ дворянствомъ, именующимъ себя дворянствомъ польскаго происхожденія, римско-католиче-

скимъ духовенствомъ и въ особенности мелкою шляхтою, сословіемъ столь вреднымъ для спокойствія края, которое, по примѣру польской республики, всегда готово было на всякіе безпорядки и нынѣ оказывало дѣятельное содѣйствіе мятежу, могли быть прекращены только мѣрами строгости и взаимной круговой отвѣтственности всѣхъ лицъ, находящихся въ околодкѣ, гдѣ происходили смертоубійства и которыя допускались или по сочувствію къ мятежу, или по нежеланію содѣйствовать правительству въ поимкѣ жандармовъ-вѣшателей. Такимъ образомъ за повѣшенныхъ злодѣями въ разное время нѣсколькихъ православныхъ священниковъ и до 500 человѣкъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ и разнаго рода лицъ, преданныхъ вашему императорскому величеству, окольные жители должны были заплатить сильную контрибуцію. Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. При ея приложеніи, уходили сами жандармы-вѣшатели, а съ ними прекращался и терроризмъ, который держалъ цѣлый край въ оцѣпенѣніи и страхѣ. Такъ какъ быстротѣ умиротворенія Сѣверо-Западнаго края препятствовало царство Польское, откуда безпрерывно вторгались мятежныя шайки и высылались эмиссары для поддержанія безпорядковъ и терроризма, то по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года Августовская губернія была подчинена моему управленію. Одно появленіе туда гвардіи вашего императорскаго величества и введеніе строгаго военно-гражданскаго управленія, на основаніи вышесказанной Инструкціи 24-го мая, послужили къ окончательному укращенію тамъ мятежа, а такъ какъ оный главнымъ образомъ поддерживался дворянствомъ и гминными войтами, то я приказалъ всѣхъ неблагонадежныхъ изъ послѣднихъ замѣнять таковыми же изъ крестьянъ. Эта мѣра послужила къ окончательному подавленію революціи, а съ освобожденіемъ крестьянъ 19-го февраля 1864 года покой и законный порядокъ возстановились всюду, такъ что менѣе, чѣмъ въ годъ, губернія эта приняла видъ не принадлежности Царству Польскому, а русской губерніи. Крестьяне одного только проспли, чтобъ отдѣлиться отъ управленія Царства Польскаго и присоединиться къ Россіи, тѣмъ болѣе, что Августовская губернія, кромѣ Ломжинскаго уѣзда, исключительно населена литовцами, старообрядцами и нѣмцами. Кромѣ всего вышесказаннаго, принято было много частныхъ мѣръ, сообразно съ обстоятельствами края, клонившихся къ предупрежденію безпрестанно измѣнявшагося плана дѣйствій мятежниковъ; надобно было зорко слѣдить за ними, тѣмъ болѣе, что когда они дѣйствовали вначалѣ большими массами, уничтоженіе ихъ было весьма легко; впослѣдствіи же они разсыпались по цѣлому краю, малыми бандами, отъ 5, 10, 15 человѣкъ, производившими грабежи и неистовства всюду, и слѣдовательно были уловимы только однѣми мѣрами строгаго взысканія съ обывателей, укры-

вавшихъ ихъ и дававшихъ средства къ существованію. Вотъ почему мѣры строгости были необходимы, и хотя много было возгласовъ противу того, но этимъ только можно было прекратить окончательно къ октябрю мѣсяцу мятежъ; такъ что послѣ этого времени осталось еще нѣсколько человѣкъ разбойниковъ, которые и были уничтожены въ началѣ 1864 года.

Описывать въ настоящемъ обзорѣ цѣлый ходъ мятежа и послѣдовавшій за нимъ рядъ моихъ распоряженій какъ по военному, такъ и гражданскому управленіямъ, и излагать всѣ фазисы этого крамольнаго возстанія, безпрерывно измѣнявшіеся, я не буду. Это напрасно обременило бы только вниманіе вашего императорскаго величества, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе минувшаго мятежа составляется, по моему порученію, артиллеріи генералъ-маіоромъ Ратчемъ. Не лишнимъ однако же считаю присовокупить, что такъ какъ мятежники находили укрывательство въ лѣсахъ и болотахъ, то разновременно сдѣланы были распоряженія, къ удобному передвиженію войскъ, посредствомъ проведенія въ лѣсахъ просѣкъ обывателями, на счетъ помѣщиковъ, къ очищенію дорогъ по болотамъ, въ коихъ укрывались шайки, къ уничтоженію запасовъ и складовъ, которые дѣлали помѣщики, для продовольствія шаекъ; сдѣлано было неоднократное полное обезоруженіе края; учреждены летучіе отряды, съ пособіемъ отъ обывателей, для скораго преслѣдованія мелкихъ мятежныхъ бандъ; учреждены повсюду сельскіе караулы, подъ наблюденіемъ воинскихъ командъ и поставлены въ болѣе важныхъ пунктахъ военные начальники; словомъ, постоянно принимались всѣ, по непрестанно измѣнявшимся обстоятельствамъ, мѣры къ безпрепятственному дѣйствованію храбрыхъ войскъ вашего императорскаго величества и къ доставленію онымъ всѣхъ средствъ къ скорому передвиженію и доставленію повсюду продовольствія при преслѣдованіи мятежныхъ скопищъ. Благодаря Богу, полный успѣхъ увѣнчалъ начатое дѣло, исполненное по указаніямъ вашего императорскаго величества. Доблестныя войска арміи и въ особенности, смѣю сказать, безпримѣрная въ усердіи, мужествѣ и самоотверженіи гвардія вашего императорскаго величества могутъ засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что ничто не можетъ устоять предъ русскимъ народомъ, когда онъ движется истинною преданностью своему государю и отечеству и направляется религіознымъ побужденіемъ возстановленія и утвержденія Православія и своей народности; — польское дѣло было проиграно, какъ скоро русскіе восчувствовали свое могущество, такъ что мятежъ былъ укрощенъ не однѣми только матеріальными силами, но и моральнымъ сочувствіемъ Россіи, которая вступилась за край, едва нами не потерянный. Мы лишились бы его непремѣнно по собственнымъ нашимъ ошибкамъ и заблужденію: мы сами называли его поль-

скимъ; сами допустили торжество латинства, столь враждебнаго намъ, по своей пропагандѣ. Россія заговорила,—и Европа умолкла, увидѣвъ успѣхи скораго подавленія мятежа въ Литвѣ.

По окончаніи вооруженнаго возстанія, хотя и оставалось приступить къ возстановленію и упроченію русской народности и Православія въ краѣ, въ которомъ они были подавлены многіе десятки лѣтъ и совершенно забыты, ибо и сами русскіе, жившіе въ тѣхъ губерніяхъ, не считали себя русскими, а край тотъ считали принадлежностью Польши, но я осмѣлился просить ваше императорское величество освободить меня, за укрощеніемъ мятежа, отъ тяжкаго управленія краемъ, ибо разстроенное мое здоровье не позволяло мнѣ надлежащимъ образомъ продолжать занятія, которыя требовали свѣжихъ силъ и продолжительнаго дѣйствованія въ томъ же духѣ и направленіи; я же ни по лѣтамъ, ни по здоровью не могъ разсчитывать на себя. Но ваше императорское величество удостоили меня милостивымъ рескриптомъ и повелѣли продолжать управлять краемъ до тѣхъ поръ, пока позволятъ мои силы.

Всегда безусловно покоряясь волѣ вашего императорскаго величества, я остался въ томъ краѣ, и первою моею заботою было утвердить благосостояніе сельскаго населенія, выведеннаго изъ крѣпостной зависимости и большею частію разореннаго польскими панами, не знавшаго даже всѣхъ своихъ правъ, которыя ваше императорское величество даровали Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Еще въ самомъ разгарѣ мятежа я призналъ необходимымъ обезпечить бытъ сельскаго населенія, преимущественно русскаго и православнаго, загнаннаго, морально и матеріально уничтоженнаго польскимъ гнетомъ и латинскою пропагандою. Всѣ мировые посредники, бывшіе до мятежа изъ мѣстныхъ дворянъ, какъ главные дѣятели возстанія и угнетатели русской народности, были мною одновременно отрѣшены въ маѣ 1863 года отъ должностей, въ отвѣтъ на сдѣланное польскимъ революціоннымъ комитетомъ распоряженіе, чтобы всѣ поляки оставили службу вашего императорскаго величества; виновные изъ нихъ по участію въ мятежѣ были преданы военному суду, а за прочими былъ учрежденъ строгій надзоръ. Словомъ, я вынужденъ былъ въ маѣ мѣсяцѣ того года закрыть всѣ мировыя учрежденія и сдѣлать вызовъ русскихъ людей для занятія должностей мировыхъ посредниковъ. Россія и на это отозвалась съ свойственною ей готовностью; отовсюду явились русскіе дѣятели, съ искреннимъ желаніемъ помочь русскому дѣлу и утвердить въ краѣ русскій бытъ и Православіе; отовсюду стекались весьма замѣчательныя личности, которыя постепенно были разсылаемы во всѣ уѣзды на должности мировыхъ посредниковъ, — для объявленія крестьянамъ правъ,

вашимъ императорскимъ величествомъ имъ дарованныхъ, и для огражденія ихъ отъ тяжкаго ига польскихъ пановъ.

Еще во время мятежа сдѣлано было распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ старшинъ и устройствѣ крестьянскаго самоуправленія, въ которомъ до того времени были главными дѣятелями шляхта и лица римско-католическаго исповѣданія, поставленныя бывшими помѣщиками; приказано было возвратить крестьянамъ всѣ земли, которыя помѣщики, коварно заявившіе желаніе свое въ 1857 году устроить бытъ крестьянъ, отняли у нихъ впослѣдствіи и пустили многихъ изъ нихъ по міру, ссылаясь въ этомъ случаѣ на то, что это дѣлается по волѣ Правительства, дабы подготовить ихъ тѣмъ къ мятежу и поставить противу законной власти вашего императорскаго величества; оставлены были крестьянамъ пастбища, ибо иначе они потеряли бы свой скотъ; не дозволялось лишать ихъ права пользованія лѣсомъ, ибо въ противномъ случаѣ они были бы въ большой кабалѣ у помѣщиковъ, которые стали бы ихъ облагать отяготительными повинностями; наконецъ, сдѣлано было распоряженіе объ обезпеченіи 3-хъ десятиннымъ надѣломъ земли безземельныхъ батраковъ, которые, будучи угнетаемы помѣщиками, уходили въ шайки, въ надеждѣ, что, по обѣщанію революціоннаго комитета, имъ дадутъ землю. Всѣ эти мѣры въ совокупности, сдѣланныя въ самомъ разгарѣ мятежа, убѣдили сельское населеніе въ могуществѣ законнаго правительства и желаніи обезпечить его бытъ полнымъ огражденіемъ отъ насилія пановъ. Такимъ образомъ многія тысячи возвратились изъ шаекъ, въ надеждѣ обезпечить будущее благосостояніе своихъ семействъ. Само собою разумѣется, что мѣры эти, необходимыя для умиротворенія края и справедливыя въ своихъ началахъ, возбудили ропотъ со стороны польскихъ и нѣмецкихъ католическихъ помѣщиковъ; все возопило, и жалобы стали доходить до престола вашего императорскаго величества. Я все это зналъ, но оставался твердъ и непреклоненъ въ исполненіи начатаго дѣла, столь необходимаго для утвержденія русскаго владычества въ этомъ краѣ, ибо одно только сельское населеніе и старообрядцы того края, столь усердно содѣйствовавшіе къ потушенію мятежа, преданы вашему императорскому величеству; такъ называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будутъ всегдашними нашими врагами; ихъ преданности и увѣреніямъ не должно никогда вѣрить; крамола и обманъ есть основа ихъ чувствованій и воспитанія; они измѣняли Россіи и вѣнценосцамъ ея всякій разъ, когда встрѣчали къ тому возможность; они измѣняли и собственному ихъ правительству Рѣчи Посполитой и были виновниками ея паденія. Они и теперь ползаютъ и увѣряютъ въ преданности, тогда какъ на душѣ у нихъ таятся кинжалы, ядъ и убійства.

Въ послѣдствіи времени учреждены повѣрочныя коммиссіи, кото-

рымъ я долженъ былъ дать болѣе правъ, чѣмъ онѣ имѣли; ибо утверждать уставныя грамоты въ томъ видѣ, какъ онѣ были составлены, не представлялось рѣшительно никакой возможности; крестьяне были бы тогда окончательно разорены и покупали бы за слишкомъ дорогую цѣну клочки земель, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ и на большихъ пространствахъ отъ ихъ жилищъ и не приносившіе имъ хозяйственнаго обезпеченія. Въ этомъ-то именно и состояла цѣль тамошнихъ помѣщиковъ-католиковъ, которымъ надобно было окончательно разорить крестьянъ именемъ вашего императорскаго величества, такъ какъ въ грамотахъ, составленныхъ крамольными мировыми посредниками, скрывалась основа будущаго окончательнаго бѣдствованія крестьянъ. Я вынужденъ былъ приказать разсмотрѣть эти грамоты; уничтожить все безаконное, въ нихъ заключавшееся, повѣрить самыя угодья и произвести правильную онымъ оцѣнку; этимъ только способомъ, возбудившимъ возгласы аристократіи: Радзивилловъ, Хребтовичей, Витгенштейновъ и другихъ, я могъ положить твердое основаніе къ будущему благоустройству края и утвержденію нашего владычества въ оном. Теперь двѣ трети крестьянскаго дѣла уже окончены; надѣюсь, что тѣ, которымъ вашему императорскому величеству благоугодно будетъ поручить управленіе краемъ, не отступятъ отъ принятыхъ началъ и довершатъ окончательное утвержденіе крестьянской собственности и водворятъ на прочномъ основаніи начало русской народности и Православія. Я говорю — русской народности и Православія, потому, что все дѣло наиболѣе заключается въ сельскомъ населеніи, которое въ душѣ русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдломъ. Мировыя же учрежденія, составленныя нынѣ изъ русскихъ, возвысили въ народѣ русскій духъ, ввели, съ содѣйствіемъ мѣстнаго учебнаго управленія, русскія школы, русскую грамотность, и русская родная рѣчь всюду утверждена среди населенія, которое еще такъ недавно думало, что на вѣки уже порабощено поляками и должно забыть святую свою вѣру и родное слово.

При семъ священнымъ для себя долгомъ считаю выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что дѣло устройства быта крестьянъ въ Западныхъ губерніяхъ и Великороссійскихъ не можетъ быть одинаково. Въ послѣднихъ не должно разъединять сословія, ибо помѣщики и крестьяне суть истинно русскіе и вѣрноподданные вашего императорскаго величества,—тамъ должно всѣми мѣрами поддерживать въ законныхъ правахъ всѣ званія и сословія, составляющія могущество и основу Россіи. Въ Западномъ же краѣ наоборотъ: здѣсь ренегаты, польскіе помѣщики, бывшіе прежде того русскими, сдѣлались римско-католиками и заклятыми врагами вашего императорскаго величества, Россіи и Православія; подъ предлогомъ возстановленія о т ч и з н ы они желали

только получить прежнія права самоуправства надъ крестьянами и прочимъ податнымъ населеніемъ, которыми они неограниченно пользовались при Рѣчи Посполитой; здѣсь одни только крестьяне, сохранившіе Православную вѣру и даже насильственно принявшіе римско-католичество, остались вѣрными сынами Россіи и преданными престолу вашего императорскаго величества; ихъ необходимо поднять, возвысить и поставить въ совершенно независимое положеніе отъ польскихъ пановъ. Тогда только мы можемъ бороться съ польскою пропагандою, постоянно уничтожать ее и привести въ ничтожество. Очень сожалѣю, что правительство не исполнило неоднократнаго моего ходатайства объ увеличеніи средствъ русскихъ помѣщиковъ оказаніемъ имъ льготъ и пособія; финансы государства непремѣнно бы больше выиграли отъ умноженія къ краѣ русскаго элемента.

Положивъ главное основаніе не на бумагѣ, а на самомъ исполненіи, упроченія быта крестьянъ и русской народности въ краѣ и принявъ всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры къ возведенію и обновленію православныхъ храмовъ на счетъ состоявшихъ въ моемъ распоряженіи контрибуціонныхъ суммъ, взысканныхъ съ мѣстныхъ крамольныхъ помѣщиковъ, я въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года, съ изволенія вашего императорскаго величества, прибылъ въ С.-Петербургъ и, полагая, что исполнилъ, по мѣрѣ силъ и уразумѣнія своего, возложенное на меня вашимъ императорскимъ величествомъ временное порученіе по укрощенію мятежа, осмѣлился просить вновь объ освобожденіи меня отъ тяжкихъ занятій, превосходящихъ мои силы, при видимомъ упадкѣ здоровья. Вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть мнѣ продолжать управленіе краемъ и соизволить назначить мнѣ временно, въ качествѣ помощника по гражданскому управленію, генералъ-маіора Потапова.

Имѣя въ виду, что для края наступила эпоха будущей прочной организаціи онаго, которая могла получить полное свое развитіе съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, я осмѣлился представить вашему императорскому величеству на предварительное благоусмотрѣніе о тѣхъ мѣроположеніяхъ, которыя я признавалъ необходимыми для будущаго устройства края въ отношеніи политическомъ, съ тѣмъ, чтобы мѣры эти, требующія продолжительнаго дѣйствія, не обинуясь, продолжались бы тѣмъ лицомъ, которое меня заступитъ. Вашему императорскому величеству благоугодно было утвердить главныя представленныя мною начала и такимъ образомъ возложено было на меня:

1) Продолжать крестьянское дѣло на прежнемъ основаніи;

2) устроить и, по возможности, возвысить достоинство православнаго духовенства, для чего ваше императорское величество соизволили

приказать отпускать ежегодно по 400 т. рублей на добавочное содержаніе изъ процентныхъ сборовъ;

3) заняться устройствомъ православныхъ храмовъ, для чего я испрашивалъ еще 500 т. рублей въ добавокъ къ расходу, производимому мною изъ контрибуціонныхъ суммъ,—на что и послѣдовало впослѣдствіи разрѣшеніе;

4) умножить, по возможности, число русскихъ школъ какъ между христіанами, такъ и евреями, дабы русская рѣчь была всюду господствующею, какъ и подобаетъ быть въ русскомъ краѣ;

5) учителей гимназій и другихъ школъ, польскаго происхожденія, замѣнить вызванными изъ Россіи и закрыть тѣ публичныя заведенія, которыя были учреждены, съ цѣлью польской пропаганды, среди шляхты и мелкаго дворянства, которые, такимъ образомъ, выводились изъ обыкновеннаго круга занятій и поступали въ разрядъ чиновниковъ, ставшихъ во главѣ мятежа;

6) прекратить самопроизвольныя и самоуправныя дѣйствія римско-католическаго духовенства, которое считало себя господствующимъ въ томъ краѣ. Въ сихъ видахъ не дозволять ему:

а) строить и чинить костелы, каплицы, филіи, безъ разрѣшенія главнаго начальника края;

б) дѣлать церковныя процессіи и производить оглашенія, безъ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго гражданскаго начальства;

в) не допускать назначенія ксендзовъ въ приходы, безъ согласія главнаго мѣстнаго начальства, и болѣе того числа, которое должно быть по числу приходовъ, а также не позволять вступать въ монашество и въ семинаріи, безъ разрѣшенія главнаго начальства;

г) прекратить произвольное бродяжничество римско-католическаго духовенства, которое, пользуясь безпечностью мѣстнаго начальства, разъѣзжало свободно по цѣлому краю, безнаказанно проповѣдывало мятежъ, возставало открыто противъ правительства и, будучи безбрачно, разжигало страсти въ польскихъ женщинахъ, какъ извѣстно, столь легко увлекающихся;

7) Водворить на прочныхъ основаніяхъ русскій элементъ въ краѣ, для чего поселять русскихъ крестьянъ на конфискованныхъ за мятежъ земляхъ и приглашать русскихъ къ покупкѣ имѣній въ томъ краѣ, съ предоставленіемъ имъ льготъ на основаніи составленныхъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и высочайше одобренныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ правилъ,—съ новыми добавленіями о надѣленіи русскихъ чиновниковъ участками земли до 500 дес. и болѣе, съ разсрочкою уплаты денегъ въ извѣстный періодъ времени, дабы тѣмъ самымъ улучшить бытъ русскихъ дѣятелей въ могущихъ быть тамъ земскихъ собраніяхъ;

*

8) Для будущаго прочнаго обезпеченія власти русскаго правительства замѣщать постепенно и постоянно всѣ главныя должности, въ особенности же полицейскія и соприкасающіяся непосредственно съ народомъ, лицами русскими, вызванными изъ сердца Имперіи, дабы тѣмъ самымъ оградить себя отъ того несчастнаго и безвыходнаго положенія, въ которомъ находилось начальство при началѣ мятежа, когда всѣ должности были замѣщены поляками. Для поощренія же русскихъ дѣятелей вашему императорскому величеству благоугодно было разрѣшить имъ прибавку 50% къ содержанію. Относительно этой замѣны польскихъ чиновниковъ русскими было весьма много заявленій въ С.-Петербургѣ, гдѣ многіе находили мѣру эту несправедливою; но нельзя не высказать при этомъ случаѣ искренняго сожалѣнія, что среди правительственныхъ лицъ Россіи, испытавшей столько бѣдствій и пролившей столько драгоцѣнной русской крови отъ польской крамолы, находятся еще такіе, въ которыхъ благоразуміе по сію пору не взяло верхъ надъ чувствомъ какой-то ложной гуманности; они забываютъ, что должно служить Россіи, а не польскому дѣлу; если намъ указалъ горькій опытъ, что край, въ которомъ всѣ мѣста были почти исключительно заняты польскими чиновниками, былъ край не русскій и представлялъ обширное поле крамолѣ, то, конечно, мѣру замѣщенія мѣстъ русскими чиновниками нельзя считать несправедливою, хотя бы она и была нѣсколько стѣснительна для польскихъ уроженцевъ, идущихъ на мѣста въ видахъ собственныхъ выгодъ и къ содѣйствію всему вредному для русскаго правительства; въ этомъ случаѣ должна быть отброшена всякая мысль о гуманности. Къ сожалѣнію, я еще недавно выслушивалъ оффиціальное сужденіе одного министра, который полагаетъ, что такъ какъ Западный край остается русскимъ, то и не должно дѣлать исключенія для тамошнихъ уроженцевъ въ правахъ, принадлежащихъ вѣрноподданнымъ вашему императорскому величеству. Опытъ указалъ, что когда приказано было мною по цѣлому краю сдѣлать одновременно внезапный обыскъ въ присутственныхъ мѣстахъ, то въ оныхъ найдено было: оружіе, порохъ, прокламаціи, секретная переписка; словомъ, цѣлый мятежъ сосредоточивался въ присутственныхъ мѣстахъ подъ зерцаломъ вашего императорскаго величества, въ римско-католическихъ монастыряхъ и у польскихъ чиновниковъ. Пора Россіи и всѣмъ русскимъ убѣдиться въ томъ, что съ польскимъ началомъ не можно и не должно дѣлать примиренія, ибо крамола должна непремѣнно исчезнуть, но мира съ нею быть не можетъ; гуманность и уступки въ этомъ случаѣ суть преступленія предъ Россіею. Вотъ мои убѣжденія, извѣданныя на опытѣ, въ продолженіе 40-лѣтняго глубокаго изученія Сѣверо-Западнаго края.

Возвратясь вновь, по волѣ вашего императорскаго величества, въ исходѣ мая 1864 года, въ высочайше ввѣренный мнѣ край, я старался

въ точности исполнить вышепрописанную программу, и въ этотъ разъ Господь благословилъ начинанія мои успѣхомъ. Крестьянское дѣло быстро двинулось впередъ. Всѣ, противопоставленныя польскою и, къ сожалѣнію, нѣмецкою католическою, населяющею Ковенскую губернію и Инфляндскіе уѣзды Витебской губерніи, партіею помѣщиковъ, препоны устранены, и всѣ смирились предъ непреклоннымъ исполненіемъ одобренныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ началъ; русское дѣло восторжествовало съ благоденствіемъ крестьянъ, которые отовсюду посылали благодарственные адресы вашему императорскому величеству и сооружали церкви, престолы и часовни во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ воспоминаніе благодѣяній вашего императорскаго величества, щедро разлитыхъ на это угнетенное населеніе. Мировыя учрежденія, составленныя болѣе, чѣмъ изъ 400 лицъ, вызванныхъ изъ Россіи, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ достигали цѣли, и нынѣ осталась одна треть всей работы, которая должна всецѣло кончиться къ осени текущаго года. Но много претерпѣли гоненій и сіи дѣятели; много пущено было на нихъ клеветы и неправды, которыя доходили и до вашего императорскаго величества. Ихъ обвиняли въ идеяхъ соціализма, въ разрушеніи общественнаго порядка, въ уничтоженіи правъ собственности, словомъ, во всемъ, что̀ могло только опорочить ихъ честь и ослабить энергическую дѣятельность—подобно тому, какъ распускали клеветы и на доблестныя войска вашего императорскаго величества, противу которыхъ поляки ложно даже присягали, обвиняя ихъ въ грабежѣ, тогда какъ они свято исполняли долгъ вѣрноподданныхъ. Къ сожалѣнію, не одни поляки обвиняли мировыхъ дѣятелей, но и въ самомъ правительствѣ находились поборники тѣхъ же мыслей, увлеченные происками польской и нѣмецкой католической аристократіи. Между мировыми посредниками встрѣчались иногда люди, не оправдавшіе довѣрія, но ихъ тотчасъ же смѣняли и замѣняли достойнѣйшими. То же самое долженъ я сказать и о прочихъ русскихъ дѣятеляхъ, вызванныхъ для занятія гражданскихъ должностей въ Сѣверо-Западномъ краѣ на мѣста поляковъ. Вообще, болѣе 3 тыс. русскихъ чиновниковъ, учителей и семинаристовъ прибыло въ край. Въ подобной массѣ, безъ сомнѣнія, было не малое число недостойныхъ, что̀ весьма часто случается и внутри Россіи; но бдительное начальство зорко за ними слѣдило, и неоправдавшіе довѣрія были высылаемы изъ края. Такимъ образомъ, въ короткое время, менѣе года, обновился цѣлый край: польское начало уничтожено, пропаганда утихла, крамола смирилась, русская народность возвысилась, правительственная власть утвердилась, и недостойные чиновники были замѣнены лучшими дѣятелями. Само собою разумѣется, что предстоящій переворотъ не могъ сдѣлаться безъ ущерба. Кто понимаетъ, что значитъ управленіе, тотъ

постигнетъ, что сдѣланное съ такимъ успѣхомъ не есть дѣло случая, но дружнаго содѣйствія русскихъ людей, вызванныхъ въ край, и общаго сочувствія цѣлой Россіи; въ противномъ разѣ еще многіе годы не удалось бы этого совершить. Благодареніе Богу, храмы православные всюду воздвигаются въ краѣ на суммы не 10 и 5% сборовъ, а на контрибуціонныя и штрафныя, взысканныя съ владѣльцевъ и римско-католическаго духовенства за ихъ крамольныя побужденія и манифестаціи. Такимъ образомъ болѣе 100 церквей возобновляются и воздвигаются вновь на сказанныя суммы; на отпущенныя же вашимъ императорскимъ величествомъ 500 т. руб. будутъ окончательно возведены православные храмы въ Виленской и Гродненской губерніяхъ,—не деревянные, а каменные, дабы и на будущее время, во славу Божію, оставались они живыми памятниками въ народѣ. Въ самой Вильнѣ, въ которой было нѣкогда болѣе 30 православныхъ храмовъ, исчезнувшихъ подъ вліяніемъ римской пропаганды, нынѣ вновь воздвигаются уцѣлѣвшіе остатки отъ 2-хъ древнихъ святынь, и нѣсколько храмовъ передѣлываются и должны быть окончены къ осени нынѣшняго года; останется неотдѣланнымъ только одинъ Митрополитальный соборъ Пречистыя Богородицы, извѣстный вашему императорскому величеству, который освященъ былъ нѣкогда митрополитомъ и чудотворцемъ всея Россіи Алексіемъ; но и на устройство этого собора имѣется въ наличности болѣе 120 тыс. капитала, въ томъ числѣ слишкомъ 20 тыс., пожертвованныхъ изъ Россіи. Обращаясь за симъ къ важному дѣлу построенія церквей, я не могу не выразить искренняго сожалѣнія, что православные храмы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на которые вашимъ императорскимъ величествомъ отпускались щедро суммы, не всегда строились соотвѣтственно потребностямъ. Въ предупрежденіе будущихъ ошибокъ, я долженъ высказать, что прежніе православные храмы, оставшіеся отъ уніи, большею частію крайне убоги, построены внѣ селеній, какъ бы въ укоръ православію; на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были православныя церкви—выстроены нынѣ великолѣпные костелы, нерѣдко среди сплошнаго православнаго населенія, въ которые, при крайней убогости нашихъ русскихъ церквей, привлекается православный народъ, кромѣ римско-католической пропаганды, самымъ великолѣпіемъ костеловъ и органами. Для избѣжанія всего вышеизложеннаго и для удобства поселянъ, нынѣ, при постройкѣ церквей, постановлено правиломъ воздвигать таковыя среди селеній. Эта мѣра крайне необходима и должна быть всюду соблюдаема для исправленія собственныхъ нашихъ ошибокъ. Высказавшись о принятыхъ къ возведенію православныхъ храмовъ мѣрахъ, я не могу пройти молчаніемъ о томъ вредѣ, который происходилъ отъ безпечности и отъ такъ называемой вѣротерпимости, дозволявшей римско-католической пропагандѣ проникать

всѣми возможными путями къ достиженію преступной цѣли—ополяченія и окатоличенія края; ибо католическая вѣра того края не вѣра, а политическая ересь; римско-католическіе епископы, ксендзы и монахи не составляютъ духовенства, а политическихъ эмиссаровъ, проповѣдующихъ вражду къ русскому правительству и ко всему, что только носитъ названіе русскаго и православнаго. Такимъ образомъ имъ удалось, въ издревле русскомъ краѣ, обратить въ католичество городское населеніе и довольно значительную часть сельскаго. Не надобно никогда вводить себя въ заблужденіе и знать, что доколѣ римско-католичество будетъ господствовать въ краѣ и правительство не поставитъ его въ положеніе зависимости, что и сдѣлано уже мною, дотолѣ мы не можемъ быть увѣрены въ моральномъ преобладаніи въ краѣ, ибо всѣ политическія страсти положительно разжигаются римско-католическимъ духовенствомъ. Въ настоящее время оно смирилось и не смѣетъ явно противодѣйствовать; преслѣдовать его юридически нельзя, ибо ковы его тайны, а потому необходимо зоркое за нимъ наблюденіе и наложеніе денежныхъ штрафовъ за всякое нарушеніе установленнаго порядка. Вотъ единственная и необходимая система, безъ которой не остановится латино-польская пропаганда; она, какъ волкъ, врывается въ наше православное стадо; самопроизвольно устрояетъ алтари въ домахъ помѣщиковъ, съ одного только разрѣшенія епископовъ; перестраиваетъ таковые впослѣдствіи въ каплицы, въ видѣ фамильныхъ кладбищенскихъ склеповъ, затѣмъ обращаетъ ихъ въ филіи и, наконецъ, въ приходскіе костелы, съ приписку къ нимъ православныхъ прихожанъ. Такимъ образомъ, внутри православныхъ приходовъ встрѣчается постоянно по 5—10 филій и каплицъ, неизвѣстно съ чьего разрѣшенія построенныхъ, приписанныхъ къ отдаленнымъ приходскимъ костеламъ, въ которыхъ считается 10—15 дворовъ римско-католиковъ; живущее около нихъ русское населеніе постепенно соблазняется ксендзами и совращается въ латинство. Въ 1864 году, вслѣдствіе строгаго наблюденія за несовращеніемъ, болѣе 12 тыс. душъ православныхъ, обращенныхъ въ католицизмъ вышесказанными средствами, опять возсоединились съ православіемъ, вслѣдствіе чего много изъ вышеупомянутыхъ филій и каплицъ было закрыто, на точномъ основаніи закона, по неимѣнію достаточнаго числа прихожанъ.

Нельзя не выразить безъ прискорбія, что зло въ этомъ случаѣ происходило какъ отъ польской пропаганды, такъ и отъ безпечности гражданскаго и духовнаго начальства. Оставляя край, я долженъ высказать это съ полною откровенностью, ибо было бы весьма грустно, если, послѣ всего сдѣланнаго, страна эта обратится опять въ польскую, тогда какъ опытъ доказалъ, что въ весьма короткое время польское дѣло тамъ погибло, и никогда не возстанетъ, если только правительство будетъ

настойчиво продолжать и неусыпно слѣдить за происками латино-польской пропаганды. Но не надобно забывать, что, кромѣ опредѣленной системы для дѣйствія со стороны правительства, нуженъ и выборъ дѣятелей, способныхъ приводить въ исполненіе благія предначертанія вашего императорскаго величества; въ противномъ случаѣ усердіе, рвеніе и добросовѣстность не помогутъ. Это будутъ однѣ только отрицательныя качества. Самый лучшій инструментъ въ рукахъ плохаго исполнителя будетъ издавать одни только дисгармоническіе звуки. Распространяться болѣе о сдѣланномъ и о томъ, что̀ предстоитъ еще сдѣлать, не нахожу надобности. Скажу только одно: съ помощью русскихъ дѣятелей дѣло присоединенія того края къ Россіи значительно подвинулось впередъ; большая будетъ ошибка съ нашей стороны, если мы подумаемъ, что можно одною только силою удержать его: можетъ придти моментъ, чего Боже сохрани, что не поможетъ и сила: если не утвердится тамъ православіе и наша русская народность, особенно теперь, когда поляки, наученные опытомъ прошедшаго въ ошибочности своихъ дѣйствій, будутъ еще осторожнѣе и, пожалуй, смогутъ успѣть въ своихъ крамольныхъ ковахъ. Всѣ возгласы и осужденія противу русскихъ дѣятелей, едва призванныхъ въ край и совершившихъ столь многое для пользы Россіи, есть большею частью клевета и, смѣю сказать, преступная измѣна; надо понимать управленіе и знать, что вездѣ и всегда въ огромномъ дѣлѣ есть много недостатковъ и что тамъ, гдѣ нужно было быстро идти, не оглядываясь, впередъ, чтобы потушить все охватившій пожаръ, тамъ всѣ средства, даже въ обыкновенное время и нелегальныя, должны были быть употреблены, ибо съ законностью насъ вынесли бы изъ края, какъ выносятъ сонныхъ дѣтей. И мы въ 1863 году были точно въ такомъ же положеніи. Границы 1772 года были почти рѣшены и въ Европѣ и во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ; легальные полицейскіе суды, допускавшіе безнаказанно въ продолженіе столь долгаго времени всѣ демонстраціи и манифестаціи, клонившіяся къ явному уничтоженію Россіи, съ оплеваніемъ русскихъ людей и даже войскъ вашего императорскаго величества на улицахъ Вильны и Варшавы, конечно, свидѣтельствуютъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ которое мы себя поставили сами, а отнюдь не польскій умъ и польское знаніе.

Окончивъ, такимъ образомъ, весь періодъ прекращенія мятежа, я занялся устройствомъ крестьянскаго дѣла, установленіемъ порядка въ противность польской пропагандѣ, устроеніемъ православныхъ храмовъ и причетническихъ строеній, находившихся въ разрушенномъ видѣ, учрежденіемъ русскихъ народныхъ школъ, которыя заведены даже на Жмуди, куда началъ нынѣ проникать русскій языкъ; введеніемъ русскихъ буквъ, вмѣсто польскихъ, въ жмудскихъ и латышскихъ буква-

ряхъ, распространеніемъ русскихъ молитвенниковъ, вмѣсто польскихъ, бывшихъ въ употребленіи среди православнаго населенія, распространеніемъ для обученія народа русскихъ историческихъ и священныхъ картинъ съ изображеніемъ православныхъ святыхъ (подобныхъ картинъ распространено въ краѣ болѣе 100 т. экземпляровъ и заказано до 60 т. разныхъ молитвенниковъ въ Сѵнодальной типографіи,— что̀ еще не исполнено); введеніемъ въ обычай носить православнымъ наперсные кресты, что̀ доселѣ не было соблюдаемо; уничтоженіемъ вредныхъ жмудскихъ молитвенниковъ, клянущихъ владычество Россіи; прекращеніемъ преподаванія превратнымъ образомъ исторіи края, въ которой толковалось о наѣздѣ русскаго правительства, о томъ, что русскаго никогда и ничего тамъ не было и т. д. Съ этою цѣлью предложено, съ преміею, Московскому университету написать исторію Россіи и Западнаго края, и образована особая коммиссія для пересмотра Виленскаго музеума, въ которомъ, вопреки высочайшаго указанія въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича, всѣ предметы содѣйствовали не къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею, а напоминали бывшій польскій гнетъ и польское владычество; съ умысломъ были даже помѣщены на видныхъ мѣстахъ разныя вещи, принадлежащія Костюшкѣ и инымъ агитаторамъ, чтобы наглядным образомъ возбудить мятежныя тенденціи въ публикѣ. Словомъ, уничтоженіе всѣхъ политическихъ происковъ польской пропаганды—вотъ цѣль, которую я предположилъ себѣ и старался привести въ точное исполненіе въ теченіе періода управленія моего краемъ.

Нынѣ, оставляя оный, съ соизволенія вашего императорскаго величества, я долженъ всеподданнѣйше доложить, что съ содѣйствіемъ начальниковъ губерній, ревностно трудившихся къ умиротворенію края, цѣль была достигнута, благодаря благонамѣреннымъ усиліямъ ихъ и прочихъ русскихъ дѣятелей. Теперь остается заняться водвореніемъ на будущее время прочнаго гражданскаго управленія. Дѣла, собственно политическія, о лицахъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, поглощали почти все время начальниковъ губерній, которые обязаны были разсматривать постановленія какъ слѣдственныхъ, такъ и военно-судныхъ коммиссій и сверхъ того слѣдить и разыскивать всѣ тайныя сношенія захваченныхъ въ преступленіи лицъ съ оставшимися въ краѣ тайными крамольниками. Такимъ образомъ цѣлый 1864 годъ былъ употребленъ мѣстными губернаторами на возможно скорое окончаніе политическихъ дѣлъ и на уничтоженіе въ краѣ остатковъ тайной мятежной организаціи. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что учрежденныя по моему ходатайству, съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества, жандармскія команды, подчиненныя въ дѣйствіяхъ своихъ начальникамъ губерній, составляя самую дѣятельную и благонамѣренную, въ видахъ

правительства, полицію, въ родѣ Mavéchaussé во Франціи, окончательно послужили къ умиротворенію края; ибо жандармы успѣли заслужить довѣріе населенія, такъ что сами крестьяне приходили заявлять имъ о тайныхъ ковахъ и укрывательствѣ мятежниковъ. Такимъ образомъ, начальники губерній, слѣдя за дѣйствіями слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммиссій и разсматривая ихъ постановленія и приговоры съ содѣйствіемъ жандармскихъ командъ, успѣли открыть убѣжища крамольныхъ мятежниковъ, такъ что во второй половинѣ того года окончательно очистился край отъ бродившихъ одиночныхъ личностей и польскихъ эмиссаровъ, старавшихся еще распространять и возобновлять мятежныя покушенія. Подобнымъ-то образомъ была окончательно обнаружена тайная организація края, и взяты участники въ оной. Такъ какъ все дѣло мятежа было основано на сѣти тайныхъ сообществъ, имѣющихъ значительную связь съ С.-Петербургомъ и служащими внутри Имперіи польскими чиновниками, такъ что секретныя организаціи не только покрывали цѣлый край, но и далеко распространялись за предѣлами онаго, то, съ обнаруженіемъ таковыхъ, чему я обязанъ начальникамъ губерній и членамъ слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммиссій, оно хотя было обнаружено и подавлено, но не подлежитъ сомнѣнію, что еще тлѣетъ подъ пепломъ, ибо никогда нельзя надѣяться на польскую преданность и покорность. Дальнѣйшіе успѣхи будутъ зависѣть отъ того направленія, которое дастъ высшее правительство, и неослабно зоркихъ и энергическихъ дѣйствій главныхъ дѣятелей, коимъ поручено будетъ распоряженіе краемъ.

Мысль о возвращеніи высланныхъ за политическія преступленія изъ края лицъ, не однажды проникавшая и распространявшаяся между обывателями Сѣверо-Западнаго края и, къ сожалѣнію, поддерживаемая нѣкоторыми изъ главныхъ правительственныхъ дѣятелей, смѣю сказать, есть мысль преступная, ибо служитъ къ безполезному пролитію русской крови въ томъ краѣ. Я считаю для себя священною обязанностью предупредить объ этомъ правительство, тѣмъ болѣе, что это не однажды подтверждалось горькимъ опытомъ. Всякая милость правительства принимается поляками за слабость, и если бы правительство, при самомъ началѣ проявленія польскихъ манифестацій, вмѣсто примирительныхъ и такъ называемыхъ легальныхъ мѣръ, употребило бы мѣры справедливой строгости, то мятежъ былъ бы подавленъ прежде полнаго развитія и много несчастныхъ жертвъ было бы сбережено; неблагоразумная гуманность есть жестокость и, смѣю сказать, въ послѣдствіяхъ своихъ есть преступленіе.

Я имѣлъ уже счастіе доводить до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, чрезъ военнаго министра, о числѣ лицъ, подвергшихся по судебнымъ приговорамъ и постановленіямъ слѣдственныхъ коммиссій раз-

личнымъ тяжкимъ наказаніямъ и частью высланныхъ на жительство внѣ края, въ видѣ административныхъ взысканій. Молва, вслѣдствіе польской пропаганды, старалась увеличить, по возможности, разсказъ объ этихъ жертвахъ. Ваше императорское величество изволили видѣть изъ отчета, что число приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ и лишенію правъ состоянія едва составляетъ 3.500 человѣкъ на цѣломъ пространствѣ края, и до 5 т. простолюдиновъ, преимущественно изъ мелкой шляхты и иныхъ разночинцевъ, было выслано изъ края для водворенія на казенныхъ земляхъ сибирскихъ губерній, потому что по неблагонадежности общество не приняло ихъ на свое поручительство. Смѣю увѣрить ваше императорское величество, что всѣ возможныя мѣры снисхожденія были употреблены, дабы уменьшить число жертвъ; болѣе 9 т. человѣкъ, виновныхъ по участію въ мятежѣ и осужденныхъ на административныя взысканія, оставлены въ краѣ, подъ надзоромъ полиціи. Цифры эти, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуютъ достаточно, что управленіе Сѣверо-Западнаго края старалось соединить справедливость съ милосердіемъ, столь свойственнымъ царствованію вашего императорскаго величества. Менѣе едва-ли можно было допустить жертвъ тогда, когда цѣлый край былъ объятъ пламенемъ мятежа и не было, можетъ быть, ни одного дворянскаго и шляхетскаго семейства и духовнаго лица римско-католическаго исповѣданія, которое бы не участвовало словомъ или дѣломъ къ поддержанію крамолы, мятежа и убійствъ.

Обращаясь къ будущему положенію края, требующему продолженія выше прописанныхъ мѣръ, для политическаго благоустройства онаго, я полагаю, что съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, съ прекращеніемъ дѣйствій въ нынѣшнемъ году слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммиссій, кромѣ постоянной, которая должна оставаться въ Вильнѣ, слѣдуетъ особо заняться устройствомъ гражданскаго управленія и удержаніемъ русскихъ чиновниковъ въ краѣ, столь усердно содѣйствовавшихъ къ водворенію въ оном законнаго порядка, русской народности и православія, переводомъ ихъ туда и передачею имъ въ собственность земель. Къ сожалѣнію, должно сказать, что управленіе это всегда и искони въ Сѣверо-Западномъ краѣ было въ самомъ неустроенномъ положеніи. Мнѣ край тотъ извѣстенъ 40 лѣтъ, и я могу судить о немъ безъ увлеченій, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ распространеніемъ же мятежа были разрушены тамъ и послѣднія основы гражданскаго управленія; большая часть польскихъ чиновниковъ ушла въ мятежъ, или была взята за участіе въ оном, и только едва въ 1864 году присутственныя мѣста могли начать, хотя не вполнѣ, свои служебныя дѣйствія. Имѣя въ виду необходимость приведенія въ точную извѣстность положенія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и управленій въ губерніяхъ, я еще въ истекшемъ 1864 году преподалъ начальникамъ губерній подробныя наставленія объ осмотрѣ всѣхъ уѣздовъ, съ самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ поло-

женія управленія и принятыхъ мѣръ къ водворенію должнаго устройства въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ предложеніи этомъ я, между прочимъ, указалъ, что съ прекращеніемъ заботы объ усмиреніи мятежа и искорененіемъ крамолы предстоитъ дѣло упроченія на твердыхъ основаніяхъ законнаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ забота о благоустройствѣ края и внутренняго управленія онымъ. Съ этою цѣлью, признавая необходимымъ, чтобы каждый изъ начальниковъ губерній, не ограничиваясь свѣдѣніями, донесеніями и распоряженіями, заключающимися въ перепискѣ со всѣми подлежащими ему мѣстами и вѣдомствами въ губерніи, удостовѣрился осязательно, въ какомъ положеніи находятся всѣ части управленія, я поручилъ губернаторамъ лично обозрѣть ввѣренную имъ губернію и произвести подробную ревизію по оной всѣхъ какъ судебныхъ, такъ и административныхъ мѣстъ и учрежденій, обращая при томъ строгое вниманіе на составъ въ оныхъ чиновниковъ, въ особенности по военно-гражданскому и полицейскому управленіямъ, и на то, вполнѣ ли соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствія распоряженіямъ правительства и главнаго мѣстнаго начальства, при чемъ, если замѣчены будутъ какіе-либо безпорядки въ теченіи дѣлъ, уклоненіе отъ точнаго исполненія распоряженій, злоупотребленіе власти, а равно неблагонадежность должностныхъ лицъ, то вмѣнилъ въ обязанность принять немедленно на мѣстѣ надлежащія мѣры къ прекращенію безпорядковъ и злоупотребленій и къ устраненію лицъ, допустившихъ оные.

При обзорѣ этомъ поручено было губернаторамъ обратить особенное вниманіе:

1) На состояніе городскаго хозяйства, которое вообще, по нерадѣнію къ оному самихъ городскихъ обществъ и вкоренившемуся злоупотребленію лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается завѣдываніе онымъ, запущено и находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

2) На порядокъ, въ которомъ производится исполненіе податными сословіями лежащихъ на нихъ повинностей, и на мѣры, предпринимаемыя къ правильному и неуклонному исполненію оныхъ; на порядокъ взиманія государственныхъ податей и другихъ общественныхъ сборовъ и на причины, по которымъ, накопляясь и увеличиваясь ежегодно, тяготѣютъ на обществахъ значительныя недоимки.

3) На бытъ какъ государственныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ (крестьянъ-собственниковъ) и на правильность дѣйствій по отношенію къ первымъ,—чиновъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, а въ отношеніи послѣднихъ,—мировыхъ посредниковъ.

4) На устройство вообще мировыхъ учрежденій, а также на дѣйствія повѣрочныхъ коммиссій какъ въ отношеніи обезпеченія быта крестьянскаго сословія дарованными ему правительствомъ правами, такъ равно и землевладѣльцевъ—слѣдующею имъ по закону собственностію.

5) На городскія и сельскія школы, равнымъ образомъ на то, соот-

вѣтствуютъ ли онѣ при настоящемъ своемъ устройствѣ и личномъ составѣ наставниковъ предположенной правительствомъ цѣли; при чемъ особенному вниманію губернаторовъ поручилъ наблюсти, чтобы народныя школы тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому особыхъ препятствій, находились непремѣнно подъ ближайшимъ подчиненіемъ мѣстнаго православнаго духовенства, и чтобы отнюдь не было допускаемо обученіе въ школахъ польскому языку, а также существованія школъ, учрежденныхъ помѣщиками польскаго происхожденія, безъ особаго разрѣшенія начальства.

6) На состояніе православныхъ церквей и бытъ православнаго духовенства.

7) Такъ какъ римско-католическое духовенство было главнѣйшимъ подстрекателемъ мятежа и постоянно стремилось къ распространенію польской революціонной пропаганды съ цѣлью уничтоженія русской народности въ здѣшнемъ краѣ, и въ сихъ видахъ оно, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія начальства, строило самопроизвольно костелы, каплицы и филіи внутри даже православныхъ приходовъ, то, обращая на это особое вниманіе губернаторовъ, поручилъ имъ принять зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы подобные случаи не могли повторяться и чтобы подобнаго рода сооруженія, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія гражданскаго начальства, отнюдь не были допускаемы.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше отдѣльныхъ указаній, поручено при объѣздѣ губерній обращать тщательное вниманіе вообще на весь ходъ внутренней администраціи, на состояніе городскаго и сельскаго хозяйства и на всѣ части, касающіяся благосостоянія обывателей, и подвергнувъ всѣ эти предметы подробному осмотру, исправить тѣ неудобства и вкравшіяся злоупотребленія, которыя по оплошности, или злонамѣренности должностныхъ лицъ допускаются на мѣстѣ и ускользали до нынѣ отъ бдительности высшей власти, въ особенности же вниманіе должно быть обращено на политическую сторону управленія, и принять всѣ зависящія мѣры какъ къ прекращенію и искорененію революціонной польской католической пропаганды, такъ равно къ поднятію и возвышенію достоинства и значенія православнаго духовенства, и къ утвержденію въ краѣ русской народности.

Хотя начальники губерній и приступили отчасти къ исполненію вышеизложеннаго распоряженія, но рекрутскій наборъ, назначенный съ 15-го января 1865 года, отвлекъ ихъ отъ исполненія сего важнаго дѣла. Благополучное и безнедоимочное окончаніе рекрутскаго набора прежде назначеннаго мѣсячнаго срока, свидѣтельствуя объ особой заботливости губернаторовъ и мѣстныхъ властей, поставленныхъ въ управленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о совершенномъ спокойствіи въ краѣ, ибо и самая трудная для набора Ковенская губернія исполнила таковой безнедоимочно. Я надѣюсь, что нынѣ начальники губерній,

продолжая исполнять сдѣланныя мною распоряженія указаннымъ имъ порядкомъ, въ теченіе года сумѣютъ установить оный на лучшихъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя были до начатія мятежа. Край тотъ крайне нуждается въ хорошемъ управленіи, но, къ сожалѣнію, нужно много времени, чтобы оное водворить тамъ, ибо нѣтъ предшествующихъ началъ, которыя могли бы служить указаніемъ къ устройству; вообще тамъ, какъ сказано выше, не было никакого порядка еще давно, до мятежа, а въ городахъ не существовало никакого хозяйства. При благодѣтельныхъ указаніяхъ вашего императорскаго величества ко всеобщему благоустроенію Имперіи, конечно, будутъ оживлены тѣми же стремленіями и главные правители Сѣверо-Западнаго края Россіи; одного только должны желать, чтобы прежде, нежели вводить въ оный тѣ преобразованія, которыя признаны нужными въ Великороссійскихъ губерніяхъ, былъ бы вполнѣ потушенъ польскій элементъ, и чтобы учрежденіе правъ земства не возвратило польскимъ тенденціямъ новой силы и новаго управленія. Военное положеніе должно еще долго оставаться въ краѣ; нельзя распускать бразды управленія; польскіе помѣщики, шляхта и ксендзы недостойны никакой милости; они не могутъ быть сравнены въ правахъ, которыя ваше императорское величество даете вѣрной и преданной вамъ Россіи. Западный край и Польша,—всегдашнее гнѣздо крамолы и клятвопреступленія, не могутъ быть поставлены на-ряду съ русскими вѣрноподданными вашего императорскаго величества. Контрибуціонные сборы съ польскихъ помѣщиковъ должны продолжаться постоянно; молва о томъ, что контрибуціи разорили край, совершенно ложна и выдумана нарочно поляками; доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что, при продажѣ имѣній, за долги еще ни одно не вышло у нихъ изъ рукъ; долги контрибуціи и подати уплачиваются исправно; а что край улучшился,—доказательствомъ тому служитъ бытъ крестьянъ, которые исправно вносятъ подати. Молю Бога, чтобы главные дѣятели и правительство не увлекались общими европейскими идеями гуманности и будто бы однородностью обывателей во всей Имперіи; они должны зорко слѣдить за сѣверо-западными окраинами нашего дорогаго отечества, неоднократно возрождавшими столь значительныя для Россіи потери. Мы не можемъ быть тамъ спокойны дотолѣ, доколѣ польскій элементъ не будетъ окончательно подавленъ и польскіе пришельцы вмѣстѣ съ русскими ренегатами не почувствуютъ, что они должны покоряться не одной только силѣ оружія, но и моральному слитію съ великимъ русскимъ народомъ, который господствовалъ искони и по нынѣ господствуетъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, составить одно нераздѣльное политическое цѣлое. Для этого же нужны русскіе дѣятели, и я умоляю ваше императорское величество обратить вниманіе на постоянное возвышеніе въ томъ краѣ русскаго элемента.

Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину [1]).

36.

5-го іюня 1847 г.

Письмо твое, милый Котъ, ввѣренное тобою князю Гагарину [2]), получено мною только нынче, слѣдовательно, оно, вышедъ на свѣтъ 28-го мая, достигло своего назначенія въ осьмой день отъ своего рожденія. Гагаринъ, съ которымъ я два дни тому назадъ, т. е. 2-го іюня, обѣдалъ у Убри [3]), у котораго, т. е. у Убри, была графиня Нессельродъ [4]) (нѣсколько похудѣвшая и что-то весьма мрачная и теперь находящаяся въ Баденѣ), прислалъ мнѣ это письмо только нынче по городовой почтѣ, не заботясь, быть можетъ, о томъ, чтобы быть его вручителемъ, тобою рекомендованнымъ. И мнѣ онъ понравился въ то время, когда мы сидѣли съ нимъ рядомъ за столомъ у Убри и ѣли трюфели; отецъ его [5]) былъ мой соученикъ по пенсіону и послѣ того добрый пріятель; мать его [6]) очень замѣчательная и милая женщина, также мнѣ знакомая; братъ его [7]) могъ бы быть славнымъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1902 г.

[2]) Князю Ѳеофилу Григорьевичу Гагарину († 1853), бывшему въ то время младшимъ секретаремъ посольства во Франкфуртѣ.

[3]) Петра Яковлевича, нашего посланника въ Франкфуртѣ (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 150, прим. 3-е).

[4]) Супруга вице-канцлера.

[5]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ (р. 1782 † 1837), бывшій нашимъ посланникомъ въ Туринѣ, а затѣмъ въ Мюнхенѣ.

[6]) Княгиня Екатерина Петровна (р. 1790 † 1873), рожденная Соймонова, сестра извѣстной Софьи Петровны Свѣчиной.

[7]) Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ (р. 1810 † 1893), впослѣдствіи вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ. Имъ расписанъ Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ.

живописцемъ, если бы не осужденъ былъ быть обыкновеннымъ дѣйствователемъ на сценѣ нашего большаго свѣта. Все это служитъ предисловіемъ къ тому, чтобы тебѣ изъяснить, почему я такъ поздно откликнулся на письмо твое. Откликъ мой состоитъ въ слѣдующемъ: радуюсь, милый Котъ, что увижу тебя въ Саксенгаузенѣ. Я дожидаюсь прибытія нашего милаго цесаревича около 3-го (15-го) іюня, то есть или до или по[1]). Какъ онъ писалъ ко мнѣ, прибытіе его должно послѣдовать въ первыхъ числахъ нашего іюня. Графиня Нессельродъ сказывала, что они отправляются 28-го мая изъ Петербурга на пароходѣ, и не на Штеттинъ и Любекъ, а на Киль—почему это, не знаю. Я пробуду все это время въ своемъ Саксенгаузенѣ. По приговору Коппа[2]) долженъ остаться нынѣшнюю зиму для моей бѣдной жены за границею; хотѣлъ ее оставить и съѣздить въ Россію одинъ, и это было для меня такъ рѣшено, что я всѣмъ объявилъ о своемъ пріѣздѣ, а выходитъ напротивъ. Коппъ требуетъ, чтобы жена провела лѣто и начало осени въ Интерлакенѣ, дышала горнымъ воздухомъ и пила сыворотку. И я туда ѣду съ нею. Послѣднее время все было исполнено для меня и для всѣхъ насъ тревогою и печалью. Первая половина 1845 года была весьма худа для моего здоровья; но я теперь совсѣмъ поправился. За то и 1845, и 1846 годы для жены будутъ памятны, особливо послѣдній, и всѣ почти мѣсяцы 1847. Сверхъ болѣзни тяжкое горе: смерть сестры[3]) и четырехъ-мѣсячная болѣзнь брата[4]), который не разъ былъ у дверей гроба и только теперь начинаетъ поправляться. Все это остановило мою Одиссею, которая съ самаго дня рожденія моего сына (1-го генваря с(тараго) с(тиля) 1845) ни на шагъ не подвинулась впередъ.—Пріѣзжай, милый; весело будетъ тебя увидѣть въ моемъ домѣ. Я представлю тебя съ удовольствіемъ Павлу Васильевичу[5]). А Александра Васильевна обрадуется, увидѣвъ своего стараго друга-кривляку и танцовщика. Жена моя тебѣ сердечно, дружески кланяется. Увѣдомь наперед, когда навѣрное будешь. Наше отправленіе въ Интер-

---

[1]) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и его супруга проводили въ 1847 г. лѣто въ Киссингенѣ и Дармштадтѣ.

[2]) Іоганнъ-Генрихъ Коппъ (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ, пользовавшійся большою извѣстностью у русскихъ, ѣздившихъ за границу.

[3]) Второй дочери Гергардта Рейтерна, двадцатичетырехлѣтней Маріи (Міи) Рейтернъ († отъ тифа 10-го (22-го) февраля 1847 г.). Объ ея смерти см. въ письмѣ Жуковскаго къ Гоголю, отъ 20-го февраля (4-го марта) 1847, напеч. въ приложеніяхъ къ Отчету Императорской Публич. Библіотеки за 1887 годъ, стр. 58—61.

[4]) Одиннадцатилѣтняго Гергардта Рейтерна, который также былъ боленъ тифомъ (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild", St.-Petersburg. 1894, стр. 135—137).

[5]) Павелъ Васильевичъ и Александра Васильевна—дѣти Жуковскаго.

лакенъ послѣдуетъ въ началѣ іюля, по отъѣздѣ великаго князя; или, можетъ быть, и позже. Нашъ дружескій поклонъ милой Кошечкѣ. Обнимаю тебя. Свѣтлана.

Очарованный Челнокъ [1]) побывалъ у насъ и, кажется, полюбилъ жену мою; это заключено изъ того, что онъ весьма часто бралъ ее за руку и всякой разъ осыпалъ руку своими чмоканьями. Все тотъ же милый чудакъ; только устарѣлъ.

37.

1-го августа (новаго стиля) [2]) 1847 г. (Эмсъ).

Мой милый Сѣверинъ, сейчасъ распространился здѣсь слухъ, что будто в(еликій) к(нязь) наслѣдникъ вдругъ уѣхалъ изъ Киссингена въ Петербургъ. Правда ли это и что это значитъ [3])? Ты окажешь мнѣ великую дружбу, если немедленно мнѣ будешь отвѣчать на этотъ запросъ въ Эмсъ. Спѣшу посылать на почту и обнимаю тебя. Жуковскій.

38.

18-го (30-го) января 1848 г. [4]).

Котъ! Посылаю тебѣ просьбу, которую постарайся *исполнить*, чѣмъ очень, очень одолжишь меня. Ты будешь смѣяться, узнавъ содержаніе просьбы. И конечно есть надъ чѣмъ. Тогда какъ вся Европа стоитъ на кратерѣ вулкана, готовая встрѣтить страшную лаву, когда на развалинахъ вѣры и правды яростный радикализмъ строитъ свой лубошный театръ, чтобы въ немъ дать пиръ на весь міръ всякаго рода разбойникамъ и ворамъ и чтобъ, отпировавъ, вмѣстѣ съ ними задохнуться подъ обломками минутнаго своего зданія, когда на Альпахъ уже горятъ маяки, означающіе возстаніе черни, ему (то есть радикализму) подвластной; когда англійскіе поклонники свободы, законности и правды безъ стыда подаютъ руку греческимъ ворамъ и даютъ имъ пристанище или притонъ на корабляхъ, осѣняемыхъ флагомъ Бри-

---

[1]) Арзамасское прозвище Петра Ивановича Полетики (р. 1778 † 1849) (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 139, прим. 8-е).

[2]) Какъ это видно изъ почтоваго штемпеля на письмѣ: Bad-Ems, 1 Aug. 1847.

[3]) Наслѣдникъ цесаревичъ выѣхалъ изъ Дармштадта въ обратный путь въ Россію лишь 12-го (24-го) сентября.

[4]) Дата выставлена рукою Северина (списана, очевидно, съ почтоваго штемпеля на конвертѣ письма). Сѣвернымъ же сдѣлана на письмѣ отмѣтка: „Отв(ѣчалъ) 2-го (14-го) февр(аля)“.

танніи; когда на тронъ благороднаго датскаго короля [1]) всходитъ пьяный его сынъ [2]), когда безстыдныя плёхи преобразуются властію королей въ сіятельныя графини [3]),—въ эту важную роковую минуту шестидесятилѣтній поэтъ проситъ почти столь же престарѣлаго министра Русской имперіи, имѣющаго значительное имя между дипломатами Европы, чтобы онъ постарался найти ему для его и дѣтей его забавныя картинки, по образцу, здѣсь приложенному. Не смѣшно ли? Смѣшно. Смѣйся, а непремѣнно сыщи и пришли картинки. Почему ты именно, а не другой кто осужденъ заняться такою важною негоціаціею? Вотъ почему: эти картинки давнымъ давно, то есть за шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, были выданы въ Аугсбургѣ или въ Ниренбергѣ. Онѣ были во время о́но блаженствомъ нынѣшняго шестидесятилѣтняго поэта, тогдашняго шестилѣтняго мальчишки. Онѣ, то есть картинки, изображали между прочимъ знаменитые города Европы: Парижъ, Версаль, Амстердамъ, внутренности многихъ зданій, семь чудесъ свѣта, и прочее, и прочее. Здѣсь мнѣ удалось найти нѣкоторыя въ испорченномъ видѣ транспарановъ, и во мнѣ сильно загорѣлось желаніе пріобрѣсть всю эту коллекцію, которая имѣетъ для меня прелесть не по художественной красотѣ своей, а потому, что въ этихъ пестрыхъ листахъ сидитъ бездна ребяческихъ воспоминаній. Я хотѣлъ бы, чтобы то, что меня старика радовало, какъ ребенка, было радостью и моихъ дѣтей въ ихъ ребячествѣ. Переводя Одиссею, я не забываю самъ устраивать для нихъ Guckkasten [4]). Прошу тебя, моего милаго Кота, поручить кому-нибудь въ Минхенѣ отыскать желаемую коллекцію, вѣрно еще найдется или вся она, или хотя нѣсколько листовъ между старьемъ у антикваріевъ въ Минхенѣ, Аугсбургѣ и Ниренбергѣ. Ты меня истинно одолжишь и въ полномъ смыслѣ какъ ребенка обрадуешь. А въ награду за это пришлю тебѣ отборный экземпляръ моихъ Сочиненій; ихъ изданіе, вѣроятно послѣднее при мнѣ, печатается въ Карлсру. Оно выдетъ въ свѣтъ не прежде, какъ въ концѣ нынѣшняго года; но тебѣ доставлю, какъ скоро цѣлый томъ или цѣлые томы (ибо разомъ печатается три тома) совсѣмъ поспѣютъ; однако получишь не иначе, какъ отыскавши мнѣ мои картинки. Ты же, дипломатъ, людямъ, состоящимъ на лице при дворѣ, даришь портретъ свой, а меня, не

---

[1]) Датскій король Христіанъ VIII умеръ 8-го (20-го) января 1848 года.

[2]) Король Фридрихъ VII (р. 1808 † 1863). Онъ былъ женатъ два раза и затѣмъ оба раза разводился съ своими женами; въ 1850 г. онъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ Луизою Размуссенъ, которой потомъ былъ присвоенъ титулъ графини Данперъ.

[3]) Извѣстной авантюристкѣ Лола Монтецъ (Lola Montez, р. 1820 † 1861), плѣнившей короля Баварскаго Лудвига I (р. 1786 † 1868), былъ пожалованъ титулъ графини фонъ Ландсфельдъ (von Landsfeld).

[4]) Т. е. раёкъ, камера-обскура.

придворнаго арзамасца, и не думалъ подарить имъ; я ужъ самъ насильно отбилъ одинъ экземпляръ у Олсуфьева [1]), чтобы лишить тебя навсегда возможности имѣть счастіе поднести мнѣ лично свою харю. Вотъ еще что: скажи-ка мнѣ (я не выдамъ этого въ свѣтъ): кто будетъ на мѣсто Убриля [2])? Что̀ если бъ ты? А? Мурлыкни еще такъ—этому бы у насъ въ Саксенгаузенѣ всѣ обрадовались—и Саша моя не менѣе другихъ.

Прощай. Цѣлуй руку у твоей жены. Нѣжный поклонъ ей и тебѣ отъ меня и моей двойчатки. Жуковскій.

39.

(15-го (27-го) мая 1848 г. Франкфуртъ на Майнѣ) [3]).

Посылаю тебѣ, мой милый Сѣверинъ, свое послѣднее поэтическое стряпанье; не сочти меня Хвостовымъ, который и въ самый день Страшнаго суда написалъ бы оду на свѣтопреставленіе. То, что теперь тебѣ посылается, было отдано въ печать еще въ спокойное время; начатое надобно было кончить—это я и сдѣлалъ. Посылаю же тебѣ свои стихи теперь (когда никому нѣтъ средства думать о стихахъ), потому что болѣе, можетъ быть, не удастся этого сдѣлать; полное изданіе печатается въ Карлсру, и ты остальные томы въ свое время получишь отъ издателя Рейфа [4]). Теперь же къ стихамъ присоединяю и рыльцо стихотворца, которому прошу дать пріютъ въ твоемъ кабинетѣ, недалеко отъ той полки, на которой отведена будетъ квартира Рустему, Ивану Царевичу и Одиссею. Самъ же я уже на пути въ Россію, въ нашу мирную, смирную и могучую Россію; но этотъ путь идетъ черезъ Эмсъ, гдѣ и я и жена будемъ пить и купаться до 15 іюля [5]). Отвѣчай мнѣ на это письмо въ Эмсъ. Обнимаю тебя и твою милую жену. Когда-то намъ Богъ приведетъ свидѣться! Нашего полку весьма поубавилось. Жена тебѣ дружески кланяется изъ Эмса. Прощай. Твой Жуковскій.

---

[1]) Василія Дмитріевича (р. 1796 † 1858), гофмаршала двора цесаревича, впослѣдствіи графа.

[2]) П. Я. Убри (Oubril), бывшій нашимъ посланникомъ во Франкфуртѣ, скончался въ 1847 году.

[3]) Дата письма опредѣлена по почтовому штемпелю.

[4]) Составителя извѣстныхъ словарей, наблюдавшаго за печатаніемъ въ Карлсруэ Сочиненій Жуковскаго.

[5]) Эмсъ не помогъ Е. А. Рейтернъ, и Жуковскій, какъ извѣстно, принужденъ былъ отложить предполагавшуюся поѣздку въ Россію.

*

40.

11-го марта 1850 г. Баденъ-Баденъ.

Мой милый Котъ, я давнымъ давно сбираюсь писать къ тебѣ и все откладываю по своей благословенной привычкѣ. Теперь однако не могу долѣе откладывать, ибо долженъ отвѣчать нашему другу Стурдзѣ. Вотъ мое письмо къ нему [1]); прошу тебя его отправить немедленно, а мнѣ доставь его адресъ, дабы я впредь тебя не безпокоилъ пересылкою къ нему моихъ писемъ. Черезъ нѣсколько времени однако мнѣ надобно будетъ къ нему послать манускриптъ [2]), довольно толстую тетрадь; научи, какъ это удобнѣе сдѣлать. Не полѣнись отвѣчать поскорѣе на этотъ пунктъ, да при этомъ отвѣтѣ пришли мнѣ стихи Вяземскаго С в я т а я Р у с ь [3]), мнѣ они весьма нужны; у меня былъ экземпляръ; я его подарилъ и забылъ оставить у себя копію. Возвращаю тебѣ письмо Вяземскаго и съ приложеніями, которыя и я имѣю. Извини, что задержалъ возвращеніе всего этого. Но книгу Стурдзы о Православной Церкви [4]) позволь пока мнѣ у себя оставить: ты получишь ее со многими замѣтками моими карандашемъ. Это заставитъ нахмуриться твою кошечную чистоплотность; но, подумавъ немного, ты скажешь: благодарствую; эти черты карандашемъ въ свое время мнѣ напомнятъ, что былъ когда-то у меня другъ Жуковскій, который, держа эту книгу въ рукахъ, думалъ о многомъ важномъ и оставилъ на этихъ листахъ слѣдъ своихъ мыслей, мнѣ на добрую о немъ память. Вяземскій ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ, за то пишетъ въ Петербургъ о томъ, что я совсѣмъ не пишу къ нему. На дняхъ я возвратился изъ Франкфурта, куда ѣздилъ на свиданіе съ моимъ Радовицемъ. Видѣлъ тамъ и любезнаго князя Горчакова [5]), къ которому у меня весьма лежитъ сердце. Прошу тебя отъ меня поблагодарить твою Баварію за ея благія дѣйствія въ пользу устроенія Германіи. Обнимаю тебя крѣпко и дружески. Жуковскій.

---

[1]) Напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 543—546.

[2]) Жуковскій сбирался послать на судъ Стурдзы свои прозаическіе отрывки религіозно-философскаго содержанія (см. тамъ же, стр. 544—545).

[3]) См. Полн. собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV, Спб. 1880, стр. 311—315.

[4]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 165, прим. 1-е.

[5]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (будущій канцлеръ) былъ въ то время посланникомъ при Германскомъ Союзѣ и въ Штутгартѣ.

41.

11-го апрѣля 1850 г.

Милый Котъ, твое коротенькое письмо меня порадовало: мнѣ было очень пріятно твое одобреніе моей статьи [1]), которой автора ты такъ скоро угадалъ. Не знаю, какъ это случилось, но я выскочилъ изъ своего угла на сцену войны политической. Разумѣется, что это о д и н ъ отдѣльный прыжокъ; танцовать на этой сценѣ я не намѣренъ, да и не умѣю. Эта статья была написана какъ письмо къ фельдмаршалу [2]) въ Варшаву; въ письмѣ сама собою написалась похвала лорду Пальмерстону; мнѣ захотѣлось потомъ сдѣлать эту похвалу публичною, и изъ сего вышла статья для Allgemeine Zeitung. Прошу тебя сохранить мнѣ мое инкогнито. Впрочемъ, оно и само собою сохранится; статья уже теперь исчезла изъ памяти и конечно не произведетъ никакого дѣйствія. Было бы смѣшно и грезить о какомъ-нибудь дѣйствіи: мнѣ просто хотѣлось отвесть душу, которую давило нахальное ругательство надъ всякою правдою, ругательство, которымъ такъ дерзко обижалъ весь просвѣщенный міръ одинъ безстыдный буянъ, пьянствовавшій въ кабакѣ, называемомъ кабинетъ великобританскихъ министровъ.—Прощай, мой милый Котъ, обними себя и Кошечку за меня и примите оба дружеское привѣтствіе жены моей. Твой Жуковскій.

42.

(Во второй половинѣ іюня 1850. Франкфуртъ) [3]).

Вотъ тебѣ, мой милый Котъ,
Мой нѣмецкій Butterbrod [4]).

Я уѣзжаю въ Россію [5]). Около 20-го іюля мой выѣздъ отсюда. Прости на всякій случай.

---

[1]) Статья Жуковскаго „Englische und Russische Politik“ (Англійская и русская политика“), помѣщенная, безъ подписи Жуковскаго, въ № 92 Allgemeine Zeitung 1850 года. Русскій текстъ см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 178—192.

[2]) Князю И. Ѳ. Паскевичу.

[3]) Письмо безъ даты, имѣетъ только помѣту руки Северина: „24-го іюня (6-го іюля) 1850“.

[4]) Быть можетъ, статья Жуковскаго объ Іосифѣ Радовицѣ „Joseph v. Radowitz wie ihn seine Freunde kennen“, изданная въ 1850 году. Русскій текстъ см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 192—225.

[5]) Какъ извѣстно, въ Россію Жуковскому пріѣхать не удалось.

43.

5-го декабря (новаго стиля) 1850 г. (Баденъ) [1].

Благодарствуй, мой милый Котъ, за присылку листка изъ Инвалида [2]. Ты порадовалъ мое сердце и снова далъ мнѣ доказательство вѣрной твоей дружбы, которая всегда меня вспомнитъ въ такую минуту, когда этому быть слѣдуетъ. Письмо Воронцова прекрасно, и я радъ, что его напечатали; у насъ не водится, чтобъ извѣщать народъ объ благихъ дѣлахъ царя и его семейства; пишутъ однѣ лакейскія, оффиціальныя статьи, которыя ни въ комъ не согрѣваютъ сердца. Цензура наша свободную похвалу царю, произнесенную благородно, запрещаетъ, какъ таможенный надсмотрщикъ товаръ, вычеркнутый изъ тарифа. Благодаря тебѣ, я принялся тотчасъ за перо и написалъ къ наслѣднику мою свободную благодарность за храброе дѣло, которымъ порадуется вся Россія. Дѣло само по себѣ не знаменитое; но хорошо, что царевъ наслѣдникъ смѣло бросился подъ черкесскія пули, не для того, чтобы просто показать себя хватомъ, а для того, чтобы съ опасностію жизни доказать одинъ разъ навсегда отечеству, что въ будущемъ его царѣ есть и неустрашимость мужа. И отечество должно поблагодарить его за эту заботливость заслужить и въ этомъ отношеніи его уваженіе. Благодарствуй, Котъ, и обнимаю тебя и твою Кошку всѣмъ сердцемъ. Жена дружески тебѣ и ей кланяется. Свѣтлана.

44.

9-го (21-го) сентября 1851 г. Баденъ.

Котъ. Ты думаешь, что я давно въ Россіи; анъ нѣтъ, я опять засѣлъ на зиму въ Баденѣ. Причина тому есть глазная болѣзнь, которая овладѣла мною почти наканунѣ назначеннаго мною выѣзда изъ Бадена и теперь еще мною владѣетъ. И я сижу взаперти и въ темнотѣ, и не знаю, когда это кончится, но, какъ видишь, могу писать, и писать съ закрытыми глазами [3]. Это даетъ мнѣ возможность заняться съ помощію лектора

---

[1] Какъ это видно изъ почтоваго штемпеля на письмѣ: Baden. 5 Dez. 50.

[2] Въ № 247-мъ „Русскаго Инвалида“ 1850 года, отъ 10-го ноября, было напечатано всеподданнѣйшее представленіе главнокомандующаго кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ князя М. С. Воронцова о подвигѣ храбрости, оказанномъ 26-го октября 1850 г. цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ стычкѣ съ партіею чеченцевъ. По представленію князя Воронцова цесаревичу былъ пожалованъ за это дѣло орденъ св. Георгія 4-й степени.

[3] Письмо писано карандашомъ, крупнымъ почеркомъ, при помощи особой машинки.

переводомъ Иліады. Вотъ почему и прошу тебя возвратить мнѣ возвращеннаго мною тебѣ Гнѣдича. Постараюсь воспользоваться моимъ заточеніемъ и слѣпотою, чтобы вполнѣ быть русскимъ Гомеромъ. Пришли поскорѣе Иліаду. А я тебя сердечно обнимаю. Поклонъ тебѣ и Кошечкѣ отъ жены и отъ меня. Жуковскій.

45.

(1850-хъ годовъ [1]).

Я получилъ изъ Одессы письмо отъ Анны Петровны Зонтагъ [2]), которая говоритъ мнѣ въ немъ о князѣ Гагаринѣ и о печали его по своей женѣ. Это письмо получено мною тому мѣсяца три. Я не знаю, какой это Гагаринъ. Былъ въ Одессѣ Гагаринъ, женатый на дочери Стурдзы... [3]) Неужели? Напиши объ этомъ. Также изъясни мнѣ, кто въ твоей характеристикѣ восходящій министръ и кто царедворецъ. Сѣдаго секретаря я узналъ. Но кто другіе?

---

[1]) Эта записка, какъ кажется, составляетъ окончаніе какого-то письма Жуковскаго.

[2]) Рожденной Юшковой, извѣстной писательницы, племянницы Жуковскаго.

[3]) Дочь А. С. Стурдзы, Марія Александровна, была замужемъ за княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ; но она пережила Жуковскаго.

Замѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ.

Въ № 5 «Русской Старины» (стр. 313—316), напечатанъ «Новый документъ о Самозванцѣ», найденный г. Шамбинаго въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Этотъ документъ содержитъ рядъ вопросовъ о названномъ Димитріи, не имѣетъ ни даты, ни другой какой либо помѣты, а по бумагѣ и почерку относится къ началу XVII столѣтія. Спрашивается, откуда онъ появился. Былъ ли онъ составленъ правительствомъ или частнымъ лицомъ?

На этотъ вопросъ можно, кажется, дать довольно опредѣленный отвѣтъ. Въ томъ же архивѣ, гдѣ находится упомянутый документъ, есть письмо плоцкаго епископа Альберта Барановскаго къ Сигизмунду III отъ 6-го марта 1604 года (Литовская метрика, Новыя Книги, п^{0} 55, л. 87). Получивъ оффиціальное свѣдѣніе о появленіи Димитрія, и въ качествѣ сенатора имѣя голосъ въ совѣтѣ, Барановскій увѣдомляетъ короля, что онъ вовсе не довѣряетъ «московскому князику». Между прочимъ, онъ требуетъ, чтобы Димитрій былъ подвергнутъ тщательному разспросу. Съ этою цѣлью онъ высылаетъ рядъ вопросовъ. При самомъ письмѣ однако этихъ вопросовъ нѣтъ. Они находятся именно въ ново обнаруженномъ документѣ, который такимъ образомъ есть не что иное, какъ приложеніе къ письму Барановскаго.

Въ доказательство можно привести то обстоятельство, что вопросы составлены по докладу Вишневецкаго, который Сигизмундъ сообщилъ сенаторамъ, требуя отъ нихъ совѣта, а не новыхъ данныхъ о Димитріи. Во всякомъ случаѣ вопросы исходятъ отъ частнаго лица, а не отъ правительства, ибо изъявляютъ желаніе, чтобы королевскіе послы были привлечены къ дѣлу. А между частными лицами только про Барановскаго извѣстно, что онъ составилъ такого рода вопросы. Даже самое ихъ замысловатое заглавіе (terminata), встрѣчается въ его письмѣ (Czegobym rozumiał dopytywać się, possylam tego z ossobną terminatę).

Правительство получило эти вопросы, но врядъ ли оно ихъ разослало. Такая разсылка не могла бы пройти безслѣдно, а слѣдовъ ея нѣтъ.

П. Пирлингъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

IV.

Тайныя приготовленія къ мятежу.—Безпорядки въ Вильнѣ.—Воспитательный домъ „Іисуса Младенца".—Вопросъ о преобразованіи Виленскаго воспитательнаго дома.—Отъѣздъ семейства Назимовыхъ за границу.—Развитіе безпорядковъ.—Гродненскій губернаторъ Шпееръ.—Манифестація въ Вильнѣ 8-го мая.—Безпорядки на дворянскихъ выборахъ.—Объясненіе Назимова съ дворянствомъ и его послѣдствія.—Безпорядки въ Ковнѣ 31-го іюля.

Не смотря на собиравшуюся съ запада политическую грозу, зима 1860—1861 годовъ до начала варшавскихъ смутъ прошла въ Вильнѣ чрезвычайно весело. Послѣ новаго года шли по обыкновенію балы, рауты, спектакли. Графъ Степанъ Плятеръ и Незабитовскіе, богатые помѣщики Гродненской губерніи, дали по блестящему балу, въ воскресенье назначенъ былъ балъ у Грабовской, которому, однако же, не суждено было состояться. По обычаямъ мѣстной жизни, издавна сложившейся въ Вильнѣ, по субботамъ, обыкновенно давались маскарады, сперва въ домѣ Миллера, нынѣ Шишки, на углу Нѣмецкой и Трокской улицъ, а съ 1857 года въ дворянскомъ клубѣ. Маскарады эти въ особенности нравились среднему сословію горожанъ, артистамъ городскаго театра, чиновникамъ, офицерамъ и вообще посѣщались молодежью очень охотно. При В. И. Назимовѣ, который ѣздилъ очень часто на эти маскарады, они сдѣлались еще оживленнѣе, чему способствовало и самое помѣщеніе клуба, изящно отдѣланное дворянствомъ къ первому

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1902 г.

пріѣзду государя въ Вильну въ 1858 году. Въ субботу, предшественницу дня, въ который назначенъ былъ балъ у Грабовской, генералъ-губернаторъ пріѣхалъ въ маскарадъ съ большою свитою приближенной къ нему молодежи. Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ и весьма оживленный. Толпы масокъ сновали туда и сюда, интригуя знакомыхъ и незнакомыхъ посѣтителей; въ большомъ танцовальномъ залѣ, въ національныхъ костюмахъ, шелъ краковякъ... Кругомъ танцующихъ толпилась многочисленная публика. В. И. Назимовъ сталъ съ своими приближенными въ числѣ зрителей, неподалеку одного изъ оконъ, выходящихъ на улицу. Нѣсколько времени спустя послѣ его пріѣзда, раздался по залѣ трескъ разбитаго стекла, осколки котораго полетѣли со звономъ на паркетъ, и что-то бѣлое, ударясь въ эполетъ начальника края, упало къ его ногамъ. Оказалось, что съ улицы неизвѣстно кѣмъ была брошена въ залъ стеклянная пробка отъ графина, къ которой привязана была бумажка съ лаконическою надписью по-польски: «отечество въ траурѣ — не время веселиться». Когда слухъ объ этомъ разошелся по клубу, значительная часть посѣтителей разошлась по домамъ, но маскарадъ продолжался. На другой день, въ воскресенье, съ ранняго утра, полетѣлъ по городу отказъ назначеннаго въ тотъ день бала у Грабовской—по случаю внезапной болѣзни... Болѣзнь эта вскорѣ приняла такой эпидемическій характеръ, что балы и вечера въ Вильнѣ по польскимъ домамъ совершенно прекратились. Наступившій Великій постъ и поѣздка В. И. Назимовой въ Петербургъ прекратила обычные танцовальные вечера и у генералъ-губернатора на все время ея отсутствія. По возвращеніи Анастасіи Александровны изъ столицы, наступила середа — пріемный день Назимовыхъ, который въ столь недавно прошлое время ожидался всѣми съ нетерпѣніемъ,—такъ весело и непринуждено проводилось у нихъ время. Верхняя зала дворца, роскошно убранная множествомъ большихъ апельсинныхъ, лимонныхъ и кипарисныхъ деревьевъ и залитая свѣтомъ лампъ и свѣчей, ожидала своихъ обычныхъ посѣтителей, число которыхъ 12-го февраля 1857 года простиралось до 918 человѣкъ. Радушная и гостепріимная семья съ хозяиномъ во главѣ съ девяти часовъ вечера находилась уже въ залѣ; оркестръ бальной музыки скрытъ былъ за разными тропическими растеніями. Наступило время съѣзда. Первыми пріѣхало нѣсколько русскихъ семействъ, и въ томъ числѣ директоръ дворянскаго института М. И. Падренъ-дю-Карне. Посмотрѣвъ на часы, которые показывали половину десятаго, и обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Посмотримъ, что-то будетъ сегодня вечеромъ...

— Что будетъ? будемъ танцовать, — отвѣтилъ я ему, не понявъ, что онъ дѣлаетъ намекъ на прекращеніе баловъ у поляковъ.

Между тѣмъ время шло, а гости собирались очень медленно, не такъ, какъ бывало прежде... Къ десяти часамъ съѣхались остальныя русскія семейства, да чиновники-поляки безъ женъ. Изъ польской аристократіи явились въ одиннадцатомъ часу — графиня Плятеръ съ дочерьми, да князь Гедройцъ съ молодою женою; но и тѣ уѣхали безъ ужина домой. Вообще на вечерѣ все было какъ-то натянуто, ненатурально; куда дѣвалась непринужденность и веселость прежнихъ вечеровъ?! Однимъ словомъ, это былъ первый вечеръ, въ теченіе шестилѣтняго пребыванія Назимовыхъ въ Вильнѣ, который имъ не удался. Становилось очевиднымъ, что польское общество болѣе чѣмъ сочувственно отнеслось къ варшавскимъ безпорядкамъ 13-го (25-го) февраля. Объ этихъ безпорядковъ я узналъ отъ виленскаго коменданта А. С. Вяткина, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ родной. Бывая у нихъ ежедневно, случалось даже по нѣскольку разъ въ день, и обѣдая у нихъ почти каждый день въ 12 часовъ, я зашелъ, по обыкновенію, въ кабинетъ Александра Сергѣевича и нашелъ его сидящимъ за письменнымъ столомъ, съ сильно озабоченнымъ видомъ.

— Что это съ вами случилось такое? — спросилъ я его.

— Со мною-то, слава Богу, ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ, вставая; не скажешь никому—открою секретъ...

— Даю честное слово, буду нѣмъ, какъ рыба...

— Въ Варшавѣ бунтъ—пятьсотъ человѣкъ осталось на мѣстѣ.

— Кого, нашихъ?—спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, поляковъ... Войска стрѣляли...

— Да ты, братецъ, смотри: не проговорись кому-нибудь,—продолжалъ комендантъ, приглашая меня за собою въ столовую.

— Будьте покойны, не скажу даже и вашимъ.

На другой день оказалось, что и скрывать-то было нечего. Вѣсть о варшавскихъ безпорядкахъ разнеслась по Вильнѣ и по цѣлому краю съ быстротою молніи еще и съ прикрасами. Убитыхъ въ этотъ несчастный день, по словамъ стоустой молвы, было чуть не полъ-Варшавы... На самомъ же дѣлѣ убитыхъ было только пять человѣкъ да столько же раненыхъ. Въ числѣ первыхъ находились: нѣкто Карчевскій, братъ содержательницъ моднаго магазина, ярыхъ патріотокъ, помѣщикъ Рутковскій, ученикъ реальной гимназіи Арцихевичъ, и двое мастеровыхъ: нѣкто Адамкевичъ и одинъ съ желѣзной фабрики Брынделя. На всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 году я самъ лично видѣлъ картины о небывалыхъ русскихъ звѣрствахъ, относящихся къ тому времени; раззолоченныя рамы этихъ картинъ были украшены шифромъ седанскаго героя.

Поляки, по обыкновенію своему, не останавливались ни передъ чѣмъ: литература, газеты, живопись трудились неустанно, лишь бы напра-

вить на насъ цѣлую Европу. Вслѣдъ за полученною изъ Варшавы вѣстію о торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ тамъ лицъ въ несчастный день 13-го (25-го) февраля началась комедія траурныхъ молебствій по цѣлому краю; Вильна подавала примѣръ всякому безобразію. Сперва поляки собирались на панихиды подъ разными благовидными предлогами и съ видимою робостію, затѣмъ подстрекаемые распоряженіями «народоваго ржонда» и бездѣйствіемъ главной администраціи края, которую увѣряли предводители дворянства и вліятельные поляки, что всѣ происходящіе безпорядки въ краѣ не что иное, какъ дѣтская шалость, горожане становились все дерзче и смѣлѣе. Впослѣдствіи коноводы мятежа при содѣйствіи общества Винцентинокъ стали собирать и чиновниковъ, состоявшихъ на государственной службѣ, почти исключительно изъ поляковъ, для усиленія демонстративныхъ безобразій, въ которыхъ приняли дѣятельное участіе и лица изъ высшаго польскаго общества. Въ разныхъ мѣстахъ города и по разнымъ костеламъ служились панихиды объ убитыхъ въ Варшавѣ, и началось пѣніе революціонныхъ гимновъ. Вскорѣ городъ Вильна, а за нимъ и весь край, при содѣйствіи угрозъ, брани, сѣрной кислоты и т. п., облекся въ трауръ по оскорбленной ойчизнѣ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ, носившихъ цвѣтныя платья, сопровождали оскорбительные возгласы учениковъ и гимназистовъ; названіе пестрая свинья — было однимъ изъ самыхъ невинныхъ.

Въ 1863 году открылось, что учрежденное Бучинскою общество St.-Vincent de Paul принимало въ дѣлѣ мятежа самое живѣйшее участіе. На средства этого общества содержались цѣлыя толпы уличныхъ пѣвцовъ и пѣвуній революціонныхъ гимновъ и наблюдателей за ношеніемъ траура. Прежде чѣмъ поведу разсказъ о бывшей неурядицѣ, которой я былъ свидѣтелемъ, сдѣлаю предварительно небольшое отступленіе, имѣющее, впрочемъ, связь съ дѣломъ тайнаго подготовленія мятежа.

Въ Вильнѣ существуетъ воспитательный домъ «Ісусъ Младенецъ», основанный въ 1791 году княгинею Ядвигою Огинскою, женою трокскаго воеводы, для пріюта сиротъ и вообще покинутыхъ родителями дѣтей, которыя до того времени принимались въ госпиталь епископа Гонсѣвскаго. Для осуществленія этой цѣли княгиня Огинская купила домъ на улицѣ Суббочь, что̀ нынѣ Сиротская. Находившіеся по сосѣдству миссіонеры присоединили къ нему другой, свой собственный, а виленскій магистратъ, съ дозволенія сейма, отвелъ плацъ въ два морга земли. 3-го іюля 1787 года епископъ виленскій князь Масальскій положилъ основаніе строенію, которое соорудила кн. Огинская; постройка продолжалась до 1791 года, и 17-го октября вошли туда римско-католическія сестры милосердія; имъ ввѣренъ былъ надзоръ за учрежденнымъ заведеніемъ. По плану видно, что настоящія строенія составляютъ только третью часть былаго. Къ этому заведенію, съ мѣстомъ, усту-

пленнымъ магистратомъ, отошли и прочно выстроенные подвалы для складовъ, о которыхъ въ простонародьѣ ходили толки, что находящіяся при нихъ подземелья тянулись до самыхъ Трокъ и входили въ связь съ тамошними подземельями. Капиталъ этого заведенія былъ въ 1803 г. 44.524 руб. 50 коп.; въ этомъ же году императоръ Александръ I подарилъ ему староство Жосельское. Такъ какъ Виленскій воспитательный домъ былъ разсадникомъ совращенія въ латинство православныхъ дѣтей, то строгій ревнитель православія, митрополитъ Іосифъ, будучи еще архіепископомъ литовскимъ, обратилъ на него въ 1851 году серьезное вниманіе. По представленію его въ Св. Синодъ, объ огражденіи православныхъ питомцевъ отъ вреднаго вліянія латинскихъ монахинь, 20-го января 1852 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) чтобы въ Виленскомъ попечительномъ совѣтѣ всегда присутствовалъ членъ изъ мѣстнаго православнаго духовенства, по назначенію епархіальнаго преосвященнаго; 2) чтобы попечитель, смотритель и учитель воспитательнаго дома «Іисусъ Младенецъ» были непремѣнно православнаго исповѣданія; 3) чтобы въ училищѣ сего заведенія помѣщаемы были дѣти какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданія, соразмѣрно количеству призрѣваемыхъ въ ономъ дѣтей того или другаго исповѣданія и 4) на устройство въ заведеніи православной церкви повелѣвалось отпустить пятьсотъ рублей серебромъ изъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно было повелѣть: «Объявить римско-католическимъ монахинямъ, имѣющимъ ближайшій надзоръ, чтобы онѣ воздерживались отъ вредныхъ внушеній дѣтямъ православнымъ, а начальству заведенія имѣть за симъ наблюденіе и въ противномъ случаѣ немедленно представить объ удаленіи изъ онаго монахинь». Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что изъ предложенія генералъ-губернатора И. Г. Бибикова виленскому губернатору А. О. Россету [1]) исключено было самое главное, то-есть то, что̀ приказано было, по высочайшему повелѣнію, объявить латинскимъ монахинямъ. Канцелярія генералъ-губернатора, состоявшая исключительно изъ поляковъ, воспользовавшись этимъ, вломилась въ амбицію и старалась доказать, что латинскія монахини никакого вреда православнымъ дѣтямъ не причиняли, иначе появились бы жалобы на то ближайшаго ихъ начальства! Самой собой разумѣется, подобныя дѣйствія не могли не парализировать ожидавшійся успѣхъ дѣла; церковь православная была устроена едва въ 1859 году; русское дѣло шло такъ дурно, что высокопреосвященнѣйшій Іосифъ 19-го іюня

[1]) Отъ 20-го февраля 1852 г. № 1821. На поляхъ чернового отпуска, противъ означеннаго мѣста написано чьею-то рукою: Его высокопревосходительству благоудно было приказать исключить изъ бумаги.

того же года вынужденнымъ нашелся написать, наконецъ, генералъ-губернатору В. И. Назимову письмо, которое кончилъ такъ: «Впрочемъ, я далекъ, чтобы раздѣлять взгляды вашего высокопревосходительства на настоящее дѣло, но уповаю, что Богъ не оставитъ церковь православную въ здѣшней сторонѣ благимъ своимъ Промысломъ».

При подобномъ оффиціальномъ разногласіи взглядовъ на воспитательный домъ и опасаясь нашего православнаго архипастыря, польская пропаганда не замедлила пустить въ ходъ свои тайныя пружины. Въ виду строгаго наблюденія со стороны православнаго духовенства за крещеніемъ подкидышей по православному обряду, нѣкто дворянка Ѳекла Савицкая, при содѣйствіи частной благотворительности, начала съ 1856 г. принимать на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, дабы сохранить ихъ въ католицизмѣ. Въ 1858 году штабъ-лѣкарь Товянскій, вмѣстѣ съ Савицкою, устроили, безъ вѣдома и разрѣшенія правительства, нѣчто въ родѣ воспитательнаго дома близъ римско-католическаго кладбища «Росса», въ домѣ графини Чапской, которая уступила имъ безплатно, по контракту, свой домъ на пять лѣтъ для вышеозначенной цѣли. Ни мѣстныя власти, ни полиція не имѣли никакихъ свѣдѣній объ этомъ заведеніи, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Наконецъ, 21-го февраля 1861 года штабъ-лѣкарь Товянскій подалъ генералъ-губернатору записку, въ которой довелъ до его свѣдѣнія, что по неимѣнію въ Вильнѣ родильнаго отдѣленія и по случаю воспрещенія свободнаго пріема въ Виленскій воспитательный домъ младенцевъ, онъ съ нѣсколькими лицами, въ чувствахъ человѣколюбія, началъ принимать къ себѣ съ 1858 года безпріютныхъ родильницъ, которыя по выздоровленіи помѣщались въ услуженіе, а младенцы ихъ отдавались на воспитаніе по деревнямъ за плату пополамъ съ матерями. Несчастныя жертвы порока, видя въ этихъ дѣйствіяхъ чистое состраданіе, убѣдясь въ строгомъ храненіи ихъ тайнъ и избѣгая преслѣдованія полиціи, болѣе и болѣе стали обращаться къ нему и довѣрять ему своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, и такихъ младенцевъ въ настоящее время простирается до 150, изъ которыхъ два мальчика и одна дѣвочка находятся въ самомъ заведеніи, устроенномъ при кладбищѣ «Росса», въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ графини Чапской, а остальные розданы кормилицамъ по деревнямъ. Не смѣя продолжать дѣло въ такомъ размѣрѣ, хотя и чисто христіанское, безъ разрѣшенія правительства, и не имѣя средствъ поддержать его, г. Товянскій просилъ генералъ-губернатора: «находящихся на его попеченіи незаконнорожденныхъ дѣтей приказать принять въ Виленскій воспитательный домъ съ метрическими свѣдѣніями, не подвергая его и матерей сихъ дѣтей преслѣдованію и розыскамъ, а также дозволить ему расширить кругъ

дѣйствія по призрѣнію безпріютныхъ дѣтей незаконнорожденныхъ и ихъ родильницъ съ назначеніемъ для сего возможнаго денежнаго пособія».

Получивши подобнаго рода ходатайство, генералъ-губернаторъ поставленъ былъ въ весьма неловкое положеніе. Три года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Вильнѣ, на глазахъ главной администраціи края, существовалъ частный воспитательный домъ весьма почтенныхъ размѣровъ съ родильнымъ отдѣленіемъ, и на это никто, даже сама полиція, не обращала никакого вниманія столь продолжительное время. Учредитель, повидимому, зналъ, что дѣлалъ,—и дѣйствительно выбралъ самое удобное время для осуществленія своихъ намѣреній. Слухъ о только-что совершившейся въ Варшавѣ катастрофѣ съ быстротою молніи разнесся по краю; ополяченные обитатели Сѣверо-Западнаго края слѣдили за Варшавою съ напряженнымъ вниманіемъ и обнаруживали свое живое сочувствіе къ совершившимся безпорядкамъ, вполнѣ понимая затруднительное положеніе правительственной власти въ краѣ. Съ другой стороны было извѣстно, что, за уменьшеніемъ добровольныхъ пожертвованій со стороны поляковъ на содержаніе учрежденной А. Назимовой школы рукодѣлія во имя св. Маріи Магдалины, это заведеніе поставлено было въ безвыходное положеніе и что учредительница ея предполагала ходатайствовать при дворѣ о назначеніи пособія отъ казны. Пользуясь этимъ, Товянскій подалъ мысль, что совмѣстно съ ходатайствомъ о школѣ необходимо просить и о преобразованіи воспитательнаго дома на болѣе широкихъ началахъ и представилъ проектъ, по которому генералъ-губернаторъ не находилъ возможнымъ входить съ оффиціальнымъ представленіемъ по политическому положенію края, хотя и раздѣлялъ взгляды Товянскаго и приглашалъ его къ себѣ на частныя совѣщанія по этому предмету. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшено было, что Назимова поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ ходатайствовать о пособіи школѣ и о преобразованіи воспитательнаго дома. Я былъ тоже командированъ туда, въ званіи секретаря ея по благотворительности. Въ виду же начинавшейся неурядицы въ краѣ, въ Петербургъ поѣхала и вся семья Назимовыхъ.

Выше мы видѣли то разногласіе во взглядахъ на воспитаніе дѣтей, помѣщенныхъ въ Виленскій воспитательный домъ «Іисусъ Младенецъ», которое существовало между высшими духовною и свѣтскою властями въ краѣ. Преобразованіе воспитательнаго дома нужно было Товянскому и К° для того, чтобы сохранить младенцевъ въ латинствѣ или, правильнѣе, въ польщизнѣ—тѣмъ болѣе, что митрополитъ Іосифъ зорко слѣдилъ за неополячиваніемъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ судьба помѣстила въ этотъ пріютъ. Само собою разумѣется, предполагавшаяся реформа не упоминала и намекомъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Въ запискѣ, поданной Товянскимъ генералъ-губернатору, все было построено на

чисто благотворительныхъ и нравственныхъ началахъ, генералъ-губернаторская же канцелярія, состоявшая исключительно изъ поляковъ, искусно сгруппировала всѣ факты въ своемъ докладѣ, признавая необходимость представленной реформы. По этой канвѣ составлена была и нижеслѣдующая записка А. А. Назимовой, которую она повезла съ собою въ Петербургъ.

«Въ былое время,—сказано въ запискѣ,—когда Виленскій воспитательный домъ состоялъ подъ непосредственнымъ управленіемъ римско-католическихъ сестеръ милосердія, туда принимались безпрепятственно и тамъ воспитывались сироты и подкидыши; давался пріютъ безпомощнымъ родильницамъ и съ цѣлью сокрытія невинныхъ жертвъ соблазна была секретная родильня. Впослѣдствіи времени, по случаю отмѣны Литовскаго Статута и введенія Свода Законовъ Имперіи, а также послѣ пріема съ 1842 года всѣхъ богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, находившихся въ управленіи духовенства, въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, и Виленскій воспитательный домъ подчинился дѣйствующимъ законамъ, по силѣ которыхъ свободный пріемъ младенцевъ прекратился, а допущено было призрѣніе ихъ въ уважительныхъ только и неизбѣжныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при поднятіи младенца, не имѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитать его. По полиціямъ поставлено въ непремѣнную обязанность при поднятіи младенца живаго, а еще болѣе мертваго, дѣлать неупустительно строгое изслѣдованіе и виновныхъ въ томъ подвергать строгому сужденію по законамъ. Подобныя ограниченія имѣли вредное вліяніе на нравственность: опытъ показалъ, что въ послѣдующіе за тѣмъ годы число найденныхъ мертвыхъ тѣлъ младенцевъ значительно съ каждымъ годомъ увеличивалось; при томъ нужно замѣтить, что статистическія свѣдѣнія о совершенныхъ дѣтоубійствахъ не могли быть вѣрными указателями содѣянныхъ преступленій, которыя всегда совершаются въ тайнѣ. Сколько гибнетъ еще дѣтей въ зародышѣ, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ низшемъ классѣ народа есть старухи-обманщицы, всегда готовыя на услуги подобнаго рода. Съ другой стороны, означенныя ограниченія не доставляли удовлетворительныхъ результатовъ ни въ уменьшеніи разврата, ни въ сокращеніи расходовъ на вскормленіе и воспитаніе младенцевъ, тѣмъ болѣе, что въ 1842 году передано было сестрами милосердія 107 питомцевъ,—изъ нихъ сиротъ 82 и подкидышей 25; въ теченіе же послѣднихъ десяти лѣтъ ежегодно поступало въ заведеніе до 100 сиротъ и 650 подкидышей, при чемъ, не смотря на столь значительное число сихъ послѣднихъ, не было еще случая открытія и наказанія виновныхъ въ подкинутіи младенцевъ. Слѣдовательно, ограниченіемъ пріема въ воспитательный домъ однихъ подкидышей обходится только законъ, не только безъ всякой пользы, но

и съ большимъ вредомъ, тѣмъ болѣе, что безнравственныя матери, подбрасывая своихъ дѣтей и опасаясь за это наказанія, не стараются узнавать объ ихъ бытѣ въ воспитательномъ домѣ, какъ это бывало прежде и, не получая ни откуда наставленій объ исправленіи своего поведенія, впадаютъ въ новые пороки и тѣмъ самымъ увеличиваютъ число подкидышей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, признавалось бы болѣе соотвѣтственнымъ допустить свободный пріемъ въ Виленскій воспитательный домъ, для чего необходимо исходатайствовать отмѣну существующихъ нынѣ законоположеній. Но, подвергая кореннымъ преобразованіямъ это заведеніе, непремѣнно слѣдуетъ устроить въ немъ родильное отдѣленіе, при которомъ можно будетъ обучать повивальному искусству, такъ какъ въ краѣ чувствуется большой недостатокъ въ повивальныхъ бабкахъ. Старые питомцы бывшаго Виленскаго университета утомлены уже трудомъ и удручены лѣтами, а молодымъ негдѣ пріобрѣтать необходимыхъ познаній.

«Равнымъ образомъ при воспитательномъ домѣ необходимо образовать школу нянекъ, обученіе же грамотѣ оставить на прежнемъ основаніи. Существующій способъ раздачи питомцевъ на безвозмездное призрѣніе разнымъ лицамъ, съ обязанностью приписать ихъ, по достиженіи ими 21 года, къ извѣстному роду жизни, производящійся посредствомъ конторы воспитательнаго дома, состоявшей изъ врача и смотрителя, признавался весьма неудовлетворительнымъ, а потому предполагалось въ составъ членовъ конторы прибавить по крайней мѣрѣ двѣнадцать почетныхъ попечителей, преимущественно изъ зажиточныхъ ремесленниковъ, съ обязаніемъ ихъ пещись объ устройствѣ участи питомцевъ: отдачею ихъ въ обученіе разнымъ ремесламъ, рукодѣліямъ, садоводству и т. п. Обученіе питомцевъ воспитательнаго дома фельдшерскому искусству будетъ весьма полезнымъ не только для нихъ самихъ, но и для цѣлаго края, тѣмъ болѣе, что къ тому имѣется полная возможность въ виду находящихся въ Вильнѣ городскихъ госпиталей—св. Іакова, Савичъ и Еврейскаго. На содержаніе и одежду необходимо отпускать ежегодно по тысячѣ рублей изъ суммъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ прежнее время помѣщикъ, разсчитывая на свой живой капиталъ, уже для собственныхъ своихъ выгодъ обязанъ былъ заботиться о сохраненіи здоровья собственныхъ своихъ крестьянъ, съ освобожденіемъ же ихъ—они могутъ остаться безъ всякой помощи, при томъ распредѣленіе достаточнаго числа опытныхъ фельдшеровъ по большимъ селеніямъ оградитъ жизнь крестьянъ отъ шарлатанства знахарей».

Само собой разумѣется, что составленный на такихъ основаніяхъ проектъ не могъ имѣть успѣха, когда въ краѣ начинались волненія.

Вторая записка А. А. Назимовой касалась устройства въ Вильнѣ

дома трудолюбія, вмѣсто Остробрамской школы рукодѣлія, основанной ею 25-го марта 1857 года на средства частной благотворительности; но и тутъ ходатайство не имѣло успѣха. Въ Маріинской школѣ находилось тогда 52 дѣвицы бѣдныхъ родителей, на полномъ содержаніи и 18 приходящихъ; начавшіеся безпорядки въ краѣ и крестьянская реформа значительно сократили частныя пожертвованія и разомъ поставили это заведеніе въ безвыходное положеніе. А. А. Назимова, занимавшаяся съ любовью дѣломъ благотворенія, не могла безъ особой горести смотрѣть на охлажденіе общества къ этому полезному учрежденію, на которое она потратила, кромѣ денегъ, столько нравственныхъ силъ и здоровья; но, увы! всѣ розовыя мечты ея должны были разлетѣться въ прахъ, встрѣтясь съ черною неблагодарностью тѣхъ, въ которыхъ она привыкла видѣть своихъ друзей.

Привожу здѣсь подлинникомъ заключеніе записки, такъ какъ оно объяснитъ поводъ ходатайства. «Крайне затруднительное положеніе бѣдныхъ и искреннее желаніе помочь имъ и убѣдить населеніе въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ нашего правительства рѣшаетъ меня ходатайствовать о дозволеніи устроить въ Вильнѣ домъ трудолюбія, на содержаніе котораго ежегодно понадобится пять тысячъ рублей. Получивши такое пособіе со стороны правительства, можно будетъ устроить, при помощи частной благотворительности, столь необходимое въ здѣшнемъ краѣ заведеніе и достигнуть благодѣтельныхъ результатовъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Если же въ настоящее время по какимъ то ни было причинамъ признано будетъ невозможнымъ удѣлять для столь общеполезной цѣли по пяти тысячъ рублей ежегодно, то испросить высочайшее соизволеніе государя императора на открытіе въ Вильнѣ лотереи съ ежегоднымъ розыгрышемъ двадцати пяти тысячъ рублей по прилагаемому плану».

Дѣло по этому предмету и о воспитательномъ домѣ оставалось безъ движенія очень долго, только 23-го декабря 1861 года предложено было виленскому губернатору: «объявить штабъ-лѣкарю Товянскому, что, при настоящихъ обстоятельствахъ края, генералъ-губернаторъ призналъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе устроеннаго имъ и другими благотворительными лицами заведенія для призрѣнія безпріютныхъ родильницъ и незаконнорожденныхъ дѣтей и затѣмъ наблюсти за немедленнымъ закрытіемъ онаго. Что же касается находящихся уже на его попеченіи полутораста незаконнорожденныхъ младенцевъ, то принять ихъ въ воспитательный домъ съ метрическими свѣдѣніями и оставить его, Товянскаго и матерей сихъ дѣтей свободными отъ преслѣдованія и розысковъ».

Такимъ образомъ оба ходатайства не имѣли успѣха; да и время-то къ тому выбрано было самое неудобное: по костеламъ начиналось пѣніе

революціонныхъ гимновъ. Въ первой половинѣ мая семья В. И. Назимова возвратилась въ Вильну и затѣмъ въ началѣ іюня отправилась за границу. Я провожалъ ее до Дрездена.

Заграничная поѣздка вызвана была и политическою, такъ сказать, необходимостію: положеніе Назимовыхъ дѣйствительно становилось невозможнымъ. Польское высшее общество, въ особенности дамы, совершенно отстали отъ нихъ и веселый до того времени домъ генералъ-губернатора опустѣлъ; малочисленное русское общество составляло каплю въ морѣ. Изрѣдка приходила во дворецъ, какъ бы тайкомъ, навѣщать А. А. Назимову одна только Поморнацкая, одѣтая въ черное шелковое платье; въ передней вынимала она обыкновенно какой-нибудь цвѣтной галстучекъ изъ кармана, надѣвала его и являлась въ гостиную, какъ бы не въ траурѣ. Этого рода вниманіе принималось добродушными хозяевами за особенное одолженіе; впослѣдствіи даже дворецкій Антонъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, со слезами на глазахъ оставилъ ихъ домъ, сказавшія только, что *его вынуждаютъ къ тому обстоятельства*. Дерзость уличныхъ безобразій разгоралась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, дошла до того, что средняя дочь генералъ-губернатора, шедшая въ садъ со своею кузиною, подверглась было оплеванію гимназиста среди бѣлаго дня за неношеніе траура. Пусть же посудитъ благосклонный читатель—въ какомъ безвыходномъ положеніи находились мы, русскіе, когда дочь благодѣтеля поляковъ, ставившаго за нихъ свою голову, подверглась подобной участи...

Въ первое время, не зная, какъ посмотритъ на это правительство, злоумышленники прикрывали демонстраціи разными благовидными предлогами; затѣмъ, видя совершенную безнаказанность своихъ дѣйствій, коноводы безпорядковъ облеклись въ трауръ и, по распоряженію польскаго центральнаго комитета, стали понуждать другихъ носить жалобу по оскорбленной отчизнѣ... Въ средствахъ къ тому не затруднялись: публичныя оскорбленія женщинъ, не носившихъ трауръ, обливаніе одежды чернилами, купоросным масломъ и т. п. повторялось ежедневно; волею-неволею горожане должны были облечься въ черный цвѣтъ, порча платья была чувствительна каждому. Демонстраціи начались съ Вильны, примѣру ея вскорѣ послѣдовалъ цѣлый край; затѣмъ открылись сборы на мятежъ, подъ видомъ обезпеченія участи семействъ убитыхъ въ Варшавѣ. Основанное Бучинскою общество St. Vincet de Paul приняло самое дѣятельное, хотя и скрытое, участіе въ подготовленіи политическихъ манифестацій. Можно сказать съ достовѣрностію, что въ денежныхъ пожертвованіяхъ на мятежъ и въ моленіяхъ участвовало все шляхетское и городское населеніе въ краѣ; одни только крестьяне съ недоумѣніемъ посматривали на происходившее, да жиды потирали руки, почуявъ богатую себѣ наживу. Бѣдныхъ крестьянъ паны старались

*

обвинить въ неблагонамѣренности и запугивали правительственную власть разсказами объ ожидавшихся безпорядкахъ по случаю освобожденія крестьянъ и, какъ мы видѣли, довели дѣло до того, что губернаторы подписывали бланки на ружья для помѣщиковъ, необходимыя имъ для самозащиты отъ нападенія крестьянъ!? Очевидно, это оружіе имъ было нужно для шаекъ, и они хотѣли усыпить выраженіемъ своихъ опасеній и безъ того слабую бдительность правительства.

7-го апрѣля 1861 года, незадолго до поѣздки моей въ Петербургъ, я получилъ секретное предписаніе отправиться въ Бѣлостокъ и произвести тамъ дознаніе о политической панихидѣ по убіеннымъ въ Варшавѣ. Мой товарищъ по службѣ, адъютантъ генералъ-губернатора А. С. Павловъ, совѣтовалъ мнѣ обратиться за свѣдѣніями по этому дѣлу къ члену, завѣдывавшему хозяйственною частію въ Бѣлостокскомъ институтѣ Туманову, который, какъ русскій очевидецъ, могъ быть мнѣ очень полезенъ. Заручившись такими указаніями, я покатилъ на другой день въ Гродну. Остановился я у губернатора И. А. Шпеера. Добрѣйшій Иванъ Абрамовичъ былъ человѣкъ простой и весьма ограниченныхъ способностей, толстякъ, крикунъ, но хлѣбосолъ и съ добрымъ сердцемъ; общій голосъ прозвалъ его слономъ на воеводствѣ. Попалъ онъ на это мѣсто по желанію В. И. Назимова и губернаторскія обязанности были для него совершенная terra incognita. Не смотря на крикъ, никто изъ подчиненныхъ его не боялся; дѣла по губерніи велъ вице-губернаторъ И. И. Рожновъ, человѣкъ весьма дѣльный, котораго, впрочемъ, скоро спровадили оттуда, такъ какъ онъ былъ trop patriote et trop russe pour le pays. Впослѣдствіи времени, въ періодъ 1868—1873 гг. эта фраза была приложена ко многимъ истинно полезнымъ дѣятелямъ русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; видно, такова судьба ихъ, но объ этомъ разскажу въ свое время.

Угостивши меня сытнымъ обѣдомъ, Иванъ Абрамовичъ не пустилъ меня въ этотъ день въ Бѣлостокъ, такъ что въ семьѣ его я провелъ цѣлый вечеръ, переночевалъ и на другой день, послѣ чаю, поѣхалъ далѣе, къ цѣли моего путешествія, запасшись на дорогу нужными для меня свѣдѣніями по дѣлу.

Уѣздный городъ Бѣлостокъ—одинъ изъ лучшихъ городовъ края, но грязенъ также, какъ и всѣ города, гдѣ большинство народонаселенія составляютъ евреи. Проѣзжая по большой улицѣ, я былъ пораженъ глубокимъ трауромъ, который носилъ весь женскій персоналъ. Остановился я въ казенномъ бывшемъ губернаторскомъ домѣ и переодѣвшись отправился въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, за необходимыми мнѣ свѣдѣніями. Мѣстность института довольно уединенна, онъ помѣщается въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ зданіи съ разными пристройками, на концѣ города, близъ большаго пруда и имѣетъ великолѣпный паркъ,

обнесенный каменнымъ заборомъ. Лѣтомъ этотъ паркъ представляетъ великолѣпное мѣсто для рекреаціонныхъ прогулокъ институтокъ, такъ что онѣ не нуждаются выѣзжать на дачу; воздухъ тамъ чистый и здоровый. Пришедши на квартиру члена, завѣдывавшаго хозяйственною частію, я засталъ его дома и приказалъ человѣку доложить о себѣ. При входѣ моемъ въ залъ, вышелъ ко мнѣ весьма плотный мужчина, средняго роста, съ круглымъ краснымъ лицомъ и улыбающеюся физіономіею, который, отрекомендовавшись мнѣ хозяиномъ, попросилъ меня въ кабинетъ. Усѣвшись съ нимъ около письменнаго стола, я передалъ ему поклонъ отъ его beau frère и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу; но увы! ожидаемыхъ свѣдѣній я не получилъ отъ него никакихъ. По его словамъ, дѣло не стоило и выѣденнаго яйца. Не желая затѣмъ терять понапрасну дорогое время, я вскорѣ съ нимъ распрощался и отправился домой, чтобы заняться порученнымъ мнѣ дѣломъ, не подозрѣвая нисколько, что этому лицу въ скоромъ времени суждено было отъ квашенья капусты и соленія огурцовъ попасть на мѣсто правителя генеералъ-губернаторской канцеляріи и въ какое же время? Почти наканунѣ вооруженнаго мятежа!

Едва я пришелъ къ себѣ на квартиру, какъ дежурный полицейскій солдатъ доложилъ мнѣ о приходѣ приказчика купца первой гильдіи Забулдовскаго, тамошняго царька. Я приказалъ ему впустить посѣтителя. Вошедшій ко мнѣ, довольно высокаго росту, сухопарый еврей, послѣ обычныхъ еврейскихъ привѣтствій, обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что это значитъ, что вы изволили остановиться не у насъ?! У насъ все начальство останавливается... господинъ генералъ-губернаторъ, Иванъ Абрамовичъ... Для васъ также найдется особая комната, постель и бутылка шампанскаго на сутки...

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я ему:—шампанское не пью, останавливаться у незнакомыхъ не имѣю привычки.

— Незнакомыхъ!! Насъ всѣ знаютъ... Мы сейчасъ въ вами познакомимся, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ любезничать со мною пришедшій еврей.—Не откажите пожаловать перебраться къ намъ.

— Благодарю васъ покорно, но я останусь на настоящей квартирѣ, тѣмъ болѣе, что сегодня же уѣзжаю обратно.

Затѣмъ, пользуясь его посѣщеніемъ и зная, что на панихидѣ 16-го марта присутствовало нѣсколько человѣкъ евреевъ, я просилъ его разсказать, кого Забулдовскій посылалъ туда депутатомъ? Мой еврей, видимо, смѣшался отъ моей шутки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ онъ мнѣ,—съ нашей конторы только одинъ молодой человѣкъ пошелъ въ костелъ изъ любопытства, и

за это ему досталось отъ хозяина... О, вы не знаете, что такое Забулдовскій—это министръ.

— А можно видѣть, поразспросить этого молодаго человѣка?—продолжалъ я.

— Пожалуйте со мною, ваше высокоблагородіе, и все, что вамъ нужно будетъ знать, все узнаете, только, пожалуйста, никому ни слова, а то намъ будетъ паскудно.

Обѣщая сохранить тайну, я пошелъ съ приказчикомъ Забулдовскаго къ нему въ домъ, который считается самымъ лучшимъ въ цѣломъ городѣ. При моемъ приходѣ отперта была для меня парадная дверь, отворяющаяся только для высокихъ посѣтителей,—и потому весьма рѣдко. Лѣстница была покрыта плотнымъ слоемъ пыли, ту же самую пыль замѣтилъ я на паркетѣ, на столахъ, на золоченой мебели; паутина всюду висѣла по угламъ, затхлый воздухъ давилъ грудь. По всему было видно, что въ комнатахъ этихъ давно никого не было; что онѣ устроены только для парадныхъ пріемовъ. Милліонеръ-хозяинъ, нажившій себѣ громадный капиталъ отъ Бѣловѣжской пущи, жилъ, какъ подобаетъ жиду, въ совершенной грязи—въ двухъ, трехъ комнатахъ, съ чернымъ ходомъ со двора. Приведшій меня приказчикъ, попросивши меня присѣсть, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Минутъ десять пришлось мнѣ прождать его возвращенія, но, вотъ, наконецъ, отворилась дверь, и грязная еврейка внесла на серебряномъ подносѣ два налитыхъ бокала съ бутылкою шампанскаго и конфекты, а за нею появился и распорядитель-приказчикъ. Еврейка, поставивъ на столъ подносъ, удалилась съ поклономъ изъ комнаты.

— Позвольте попросить васъ выпить за ваше здоровье,—обратился ко мнѣ съ бокаломъ неотвязчивый приказчикъ,—и покоштуйте цукерковъ.

— Благодарю васъ покорно,—отвѣчалъ я ему,—я уже вамъ сказалъ, что не пью шампанскаго, тѣмъ болѣе, не ѣмъ сласти до обѣда. А вотъ, потрудитесь-ка мнѣ лучше позвать того молодаго человѣка, который былъ въ костелѣ.

— Ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ мнѣ еврей, поставивъ бокалъ на подносъ,—этотъ молодой человѣкъ уѣхалъ съ господиномъ Забулдовскимъ, но я могу самъ разсказать вамъ все, какъ было, только прошу васъ никому не разсказывайте объ этомъ, а то... еврей сдѣлалъ при этомъ рукою неизобразимый жестъ, выражавшій, повидимому, что-то очень страшное.

Затѣмъ изъ его разсказа и изъ собранныхъ свѣдѣній въ городѣ оказалось, что 16-го марта отслужена была въ костелѣ торжественная панихида по убитымъ въ Варшавѣ, болѣе мѣсяца спустя послѣ происшествія, на которой присутствовали почти всѣ жители католики. Изъ служащихъ

на панихидѣ находились: уѣздный предводитель дворянства, городской голова, чиновничество съ женами и восемь человѣкъ евреевъ. Въ костелѣ устроенъ былъ черный катафалкъ съ гробами, и, для приданія большей торжественности церемоніи, городскіе цехи принесли свои значки; по окончаніи церковной службы предложенъ былъ сборъ въ пользу семействъ убитыхъ, который принесъ до 400 р. Близость Варшавы и частыя съ нею сношенія представляли жителямъ много удобства не только слѣдить за всѣми тамошними безобразіями, но и подражать имъ. Въ Вильнѣ взглянули на это дѣло, какъ не стоющее выѣденнаго яйца.

Наступило восьмое мая, день храмоваго праздника св. Станислава въ Вильнѣ. Превосходная весенняя погода благопріятствовала торжеству. Каѳедральный костелъ былъ набитъ биткомъ молящимися и немолящимся народомъ. Литургію совершалъ епископъ Красинскій въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. По окончаніи обѣдни, своды храма въ первый разъ огласились неслыханнымъ дотолѣ революціоннымъ гимномъ: «Боже! который озарялъ Польшу много вѣковъ блескомъ могущества и славы». Въ числѣ пѣвцовъ находились мужчины и дамы; болѣе другихъ обратили на себя вниманіе неистовымъ выкрикиваніемъ: студенты университетовъ С.-Петербургскаго Викторъ Пашковскій, Московскаго графъ Казиміръ Тышкевичъ и Александръ Зельверовичъ; бывшій студентъ Дерптскаго университета: Милановскій, именовавшійся докторомъ, Дыбовскій, близкій родственникъ богатаго помѣщика Еленскаго, который, какъ оказывается, въ 1846 году былъ участникомъ крамольныхъ приготовленій въ краѣ, а въ 1863 году вступилъ въ члены бѣлаго верховнаго литовскаго комитета, и житель царства Польскаго, отставной прапорщикъ Станишевскій, постоянно разъѣзжавшій по краю. Всѣ эти лица были арестованы полиціею по выходѣ изъ храма, но этимъ дѣло не кончилось... Болѣе пятидесяти женщинъ разнаго сословія, въ числѣ которыхъ были и дамы изъ высшаго общества, не успѣвъ воспрепятствовать арестованію пѣвуновъ, отправились толпою во дворецъ къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованныхъ. Такъ какъ ходатайство ихъ не имѣло успѣха, то барыни на другой день снова явились въ пріемную генералъ-губернатора и стали требовать уже настойчиво освобожденія арестантовъ. Напрасно В. И. Назимовъ убѣждалъ ихъ разойтись по домамъ, обѣщая дать законное направленіе дѣлу—ничто не помогало. Шумъ и крикъ заглушали его слова. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль отдать приказъ—послать за пожарной командой и охладить водой патріотическій пылъ разсвирѣпѣвшихъ барынь. Стыдъ получить холодную ванну и удаленіе генералъ-губернатора изъ пріемной въ кабинетъ, вслѣдъ за приказаніемъ, мало-по-малу образумили волновавшихся: удостовѣрившись, что двери

въ кабинетъ заперты, онѣ отправились по домамъ. Можно отдать имъ полную справедливость, что во все время переговоровъ и послѣ онѣ вели себя настоящими торговками... Такъ какъ оставить безнаказанно подобную наглость не было никакой возможности, то нѣкоторыя изъ барынь, видимо, руководившія толпою и болѣе другихъ рѣзко выражавшіяся въ разговорѣ съ генералъ-губернаторомъ, были высланы имъ административнымъ порядкомъ изъ Вильны на жительство въ имѣнія, съ воспрещеніемъ въѣзда въ городъ. Впрочемъ, подобное распоряженіе мало принесло пользы и нисколько не обезкуражило коноводовъ безпорядковъ, а только еще болѣе ихъ озлобило.

17-го мая, въ Остробрамскомъ костелѣ, послѣ вечерни, которую служилъ епископъ Красинскій, до тридцати учениковъ Виленской губернской гимназіи пропѣли съ неистовыми криками революціонный гимнъ. Къ гимназистамъ и студентамъ, наводнившимъ Вильну, вскорѣ стали присоединяться во множествѣ женщины-католички разныхъ сословій, ремесленный людъ, чиновники польскаго происхожденія, вообще, горожане, такъ что пѣніе гимновъ стало происходить ежедневно въ разныхъ мѣстахъ города и въ нарочно опредѣленные на то часы. Дерзость дѣятелей безпорядковъ, видѣвшихъ полнѣйшую безнаказанность своихъ безобразій, превосходитъ всякое описаніе; не бывши очевидцемъ—трудно тому повѣрить. Не только русскіе, но и самая полиція, державшая себя крайне осторожно, такъ какъ состояла большею частію изъ поляковъ, подвергались чуть не на каждомъ шагу оскорбленіямъ и брани. Дабы не подавать повода къ большимъ безчинствамъ, начальствомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы полиція наблюдала только за совершавшимися демонстраціями и записывала бы, по возможности, лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, но не дѣлала бы никакихъ распоряженій къ воспрещенію или къ прекращенію пѣнія гимновъ; впрочемъ, и эти наблюденія не всегда проходили ей даромъ. Командировались нерѣдко и воинскія команды къ этимъ сборищамъ; можно было видѣть цѣлые взводы солдатъ съ ружьями на молитву и съ кепи въ рукахъ, въ проливной дождь, стоящими въ сторонѣ отъ толпы, которая, укрываясь отъ ливня подъ зонтиками, ревѣла во все горло гимнъ. Приходившія вновь на мѣсто пѣнія гимна и уходившія оттуда личности, при видѣ стоявшихъ безмолвно солдатъ, высказывали къ нимъ полнѣйшее презрѣніе, ругали ихъ и даже плевали на нихъ, а они должны были молча переносить все это. Однажды случилась пресмѣшная сцена. Какая-то ярая патріотка, проходя мимо солдата, плюнула ему на грудь. Солдатъ обратился къ обидчицѣ, обтеръ плевокъ и въ догонку произнесъ ей:

— Паночка, паночка! Стыдно плеваться; аммуниція-то казенная; пожалуй, попортишь и будешь въ отвѣтѣ, а вотъ не угодно ли вамъ плю-

нуть мнѣ на сапоги, двойная польза будетъ... и душу, значитъ, отведете, и у меня сапоги будутъ чище, слюнка-то ваша вмѣсто деготка послужитъ...

Подобное хладнокровіе, сопровождаемое хохотомъ подошедшихъ двухъ товарищей, привело чуть не до бѣшенства обидчицу—она неистово ругалась.

Въ пѣніи гимновъ, оскорблявшихъ святыню самыхъ храмовъ, и въ разныхъ другихъ уличныхъ безобразіяхъ прошелъ цѣлый май и первые дни іюня.

9-го числа этого мѣсяца назначены были выборы виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства на мѣсто уволеннаго по высочайшему повелѣнію за неблагонамѣренность графа Ивана Тышкевича, который вмѣстѣ съ своею женою сталъ открыто во главѣ движенія: дѣлалъ съ нею визиты ремесленникамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ и готовилъ у себя обѣдъ тысячи на полторы простолюдиновъ, но по принятымъ мѣрамъ онъ не состоялся [1]).

Не смотря на предупрежденіе генералъ-губернатора дѣйствовать законно, дворяне, приступивъ къ баллотировкѣ кандидатовъ, по предложенію помѣщика Карла Вагнера, бывшаго аптекаря, постановили немедленно написать отъ лица всѣхъ дворянъ уѣзда благодарственный адресъ бывшему предводителю графу Тышкевичу, сосланному тогда на жительство въ имѣніе, а другой помѣщикъ Болеславъ Еленскій, прочитавъ собранію заранѣе приготовленный адресъ, предложилъ его къ подписи присутствовавшимъ на выборахъ дворянамъ. Началось замѣшательство... Нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ, болѣе благоразумныхъ, старались отклонить своихъ собратьевъ отъ этой неумѣстной выходки, выставляя имъ на видъ крайнюю безтактность ихъ дѣйствій, но голосъ ихъ былъ заглушенъ взволнованными страстями. Три коновода: Вагнеръ, Еленскій и Гриневецкій сначала просьбами, а потомъ и угрозами успѣли склонить на свою сторону двѣ-трети лицъ общаго числа шестидесяти шести человѣкъ, участвовавшихъ въ выборахъ. Интересно здѣсь то, что адресъ былъ подписанъ и вновь выбраннымъ въ предводители Александромъ Ваньковичемъ. Такимъ образомъ дѣла принимали серьезный оборотъ... Изъ сферы уличныхъ манифестацій политическій пожаръ перебрасывало въ сферу оффиціальную. Между тѣмъ изъ Петербурга шли приказанія генералъ-губернатору употреблять попрежнему легкія, примирительныя мѣры, къ которымъ онъ и безъ того

---

[1]) Графъ Тышкевичъ съ женою, по распоряженію генералъ-губернатора, были высланы изъ Вильны на жительство въ Ваку, въ 14 верстахъ отъ города. Впослѣдствіи, избѣгая отвѣтственности за свои продѣлки, они уѣхали за границу.

былъ склоненъ. Окружающіе его польскіе паны напѣвали ему то же самое, увѣряя его, что всѣ демонстраціи суть не что иное, какъ пустая шалость молодежи; стоитъ на нихъ не обращать никакого вниманія, и они сами собой прекратятся. На дѣлѣ же выходило наоборотъ. Дерзость коноводовъ росла не по днямъ, а по часамъ. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи генералъ-губернаторъ оффиціально пригласилъ къ себѣ дворянъ и убѣждалъ ихъ оказать правительству содѣйствіе къ прекращенію безпорядковъ. Слова его были приняты очень холодно. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія болѣе, чѣмъ не двухсмысленными ихъ отвѣтами, В. И. Назимовъ сказалъ имъ, что если они не образумятся и, оставаясь равнодушными зрителями происходящихъ въ краѣ безпорядковъ, не поддержатъ правительство, то имъ же будетъ хуже; можетъ легко повториться Галиційская исторія. Сказанныя слова были перетолкованы поляками такъ, что генералъ-губернаторъ грозитъ имъ рѣзнею. Это обстоятельство подняло цѣлую бурю и поставило начальство края еще въ большее затрудненіе. Слухъ о произнесенныхъ словахъ, благодаря усердію пановъ, съ быстротою молніи распространился во вліятельныхъ сферахъ столицы, разумѣется, еще съ разными прикрасами. Сколько нужно было потратить увѣреній, чтобы хоть сколько-нибудь сгладить то непріятное впечатлѣніе, которое произвели тамъ эти слухи. Польская справа, надобно отдать ей справедливость, съ полнымъ знаніемъ дѣла шла къ своей цѣли, а мы смотрѣли въ оба и ничего не видѣли.

Въ первыхъ числахъ іюля я былъ командированъ генералъ-губернаторомъ въ г. Россіены для окончанія слѣдствія о сумасшедшемъ ратманѣ. Проѣздомъ чрезъ Ковну ко мнѣ зашелъ въ клубъ, гдѣ я остановился пообѣдать, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, молодой архитекторъ Куликовскій; болтая съ нимъ о томъ, о семъ, я коснулся тогдашнихъ безобразій, которыя охватили цѣлый край. Тутъ я, между прочимъ, узналъ, что 31-го іюля, т. е. ко дню такъ называемой Люблинской уніи, на которой совершилось историческое насиліе единенія Литвы съ Польшею, въ Ковнѣ готовится громадная демонстрація, и что въ ней примутъ участіе и жители царства Польскаго, находящагося на другой сторонѣ р. Нѣмана. По возвращеніи моемъ черезъ недѣлю въ Вильну, я доложилъ о слышанномъ мною генералъ-губернатору, который, не смотря на полученное предвареніе, не счелъ нужнымъ принять серьезныя мѣры къ ея предотвращенію и разрѣшилъ даже губернатору Холинскому поѣздку въ Петербургъ, такъ что въ день происшествія мѣсто его заступалъ вице-губернаторъ П. И. Корецкій, человѣкъ дѣловой, правдивый, отличный во всѣхъ отношеніяхъ, но оригиналъ и крайне нерѣшительный, медленный, чему отчасти была причиною его глухота. Малороссійскій темпераментъ высказывался въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи, а упрямство его было таково, что во время казни одного

преступника, не смотря на сдѣланное предостереженіе о крайней опасности выбраннаго имъ пункта, онъ остался на мѣстѣ и получилъ серьезную рану въ ногу, отъ которой пролежалъ въ постели болѣе шести недѣль. Этой-то прямой, благородной личности суждено было оправдать пословицу—во чужомъ пиру похмѣлье.

Наступило 31-е іюля. Съ самаго ранняго утра началось въ Ковнѣ большое движеніе между римско-католическимъ населеніемъ города; малые и большіе, мужчины и женщины всѣ были разряжены въ пухъ и прахъ; патріотическій трауръ въ этотъ день исчезъ и подвергался даже преслѣдованію, которое выпало большею частію на долю русскихъ, появившихся на улицу, по привычкѣ, въ черныхъ платьяхъ. Большія толпы народа, подобно волнамъ, постоянно прибывали къ костелу Августіановъ, въ старомъ городѣ, близъ ратуши и, какъ бы разбиваясь объ его стѣны, расходились по площади; къ назначенному заранѣе часу сюда собрались также и представители разныхъ городскихъ цеховъ съ своими разнохарактерными флагами. Непосвященнымъ въ тайну задуманной демонстраціи казалось, что приготовляемое празднество не что иное, какъ повтореніе торжества, совершаемаго католическою церковію въ день праздника тѣла Господня. Въ числѣ участвовавшихъ въ демонстраціи находились, не только служащіе чиновники съ своими женами, но и ихъ начальники-поляки, составлявшіе большинство администраціи въ краѣ. Такъ какъ храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ и десятую часть этой пестрой толпы, то самая значительная масса собравшейся публики расположилась около костела на площади, представляя живописную картину изъ ярмарочной жизни, ярко освѣщенную лѣтнимъ солнцемъ. Когда при утреннемъ рапортѣ ковенскій полиціймейстеръ Васильевъ доложилъ заступающему мѣсто губернатора о большомъ стеченіи народа при костелѣ и о предстоявшемъ шествіи въ царство Польское черезъ Нѣманскій мостъ, П. И. Корецкій, предваривъ его, что самъ лично отправится на мѣсто, приказалъ немедленно послать на берегъ казаковъ и двѣ роты солдатъ, настрого подтвердивъ при этомъ, чтобы войска воздерживались отъ насилія и ожидали дальнѣйшихъ его приказаній. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы присутствіемъ войскъ дать понять народу безполезность попытки перейти по Нѣманскому мосту въ царство Польское. По окончаніи обѣдни, изъ костела двинулась торжественная процессія съ ксендзами во главѣ, предшествуемая городскими цехами съ флагами, образами и хоругвями. Когда это шествіе вступило въ узкую улицу, ведшую къ Нѣманскому мосту, полиціймейстеръ сталъ уговаривать народъ разойтись по домамъ, предваряя, что черезъ мостъ никого не пропустятъ; но, подстрекаемая коноводами, толпа упорно подвигалась впередъ, произнося разныя ругательства на полицію. П. И. Корецкій стоялъ на другомъ концѣ улицы подлѣ храма

св. Николая, построеннаго на самомъ берегу Нѣмана, въ память спасенія государя Николая Павловича отъ потопленія при переѣздѣ черезъ рѣку. Замѣтивши неудержимый напоръ толпы, онъ приказалъ развести мостъ, который былъ приготовленъ къ тому, но оставался еще неразведеннымъ, дабы не остановить безъ нужды сообщеніе съ царствомъ Польскимъ, такъ какъ тутъ пролегалъ почтовый трактъ на Варшаву. Замѣтивши разводку моста, толпа прибавила шагу и вступила на него въ тотъ моментъ, когда два средніе плашкота были выведены вонъ. Причаливъ ихъ къ периламъ моста, разводчики подали поводъ къ тому, что прерванное сообщеніе было скоро возстановлено толпою, при чемъ произошла страшная давка; войска стояли смирно подъ ружьемъ. Дѣло это совершилось такъ быстро, что не было никакой возможности остановить шествіе. Въ то самое время, когда городская процессія вступила на мостъ, съ другой стороны Нѣмана показалось торжественное шествіе, вышедшее къ ней навстрѣчу изъ царства Польскаго. Обѣ процессіи, пройдя по мосту до середины рѣки, остановились передъ разведеннымъ пространствомъ, преклонили колѣна и пропѣли революціонный гимнъ, который продолжался во все время, пока отставной инженеръ, капитанъ путей сообщенія Михайловскій, не окончилъ съ людьми работу по возстановленію сообщенія; тогда при громкихъ крикахъ и лобзаніяхъ, обѣ процессіи слились въ одну толпу и двинулись съ пѣніемъ гимна въ предѣлы царства Польскаго, гдѣ въ имѣніи помѣщика Годлевскаго пропировали до вечера. Сконфуженныя мѣстныя власти разошлись по домамъ; осталось только послать телеграмму генералъ-губернатору съ донесеніемъ о совершившемся фактѣ, что̀ и было сдѣлано. Такъ какъ главные коноводы этой манифестаціи выказали много дерзости не только въ отношеніи полиціи и солдатъ, но и къ самому заступавшему мѣсто губернатора, то на другой день послѣ описаннаго происшествія произведено было, по распоряженію генералъ-губернатора, нѣсколько арестовъ; виновные были присланы въ Вильну въ сопровожденіи жандармовъ, гдѣ и попали въ политическую тюрьму на время производства слѣдствія. Поляки обвиняли наше правительство въ томъ, что оно круто поступаетъ съ ними, хотя въ описываемое время все возмездіе за ихъ безобразія и дерзости ограничивалось кратковременнымъ арестомъ или высылкою изъ края административнымъ порядкомъ во внутреннія губерніи Россіи. Мѣра эта принесла громадный вредъ только не крамольникамъ, которымъ жилось такъ привольно и весело, а русскимъ—нашимъ собратіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Карловичъ Шильдеръ.

I.

6-го апрѣля скончался директоръ Императорской Публичной библіотеки, членъ корреспондентъ Императорской академіи наукъ и почетный членъ Николаевской инженерной академіи, генералъ-лейтенантъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Онъ родился 21-го мая 1842 года и въ 1860 году, окончивъ курсъ въ Пажескомъ его величества корпусѣ, былъ выпущенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Поступивъ затѣмъ въ Николаевскую инженерную академію и окончивъ въ ней курсъ по первому разряду, Н. К. Шильдеръ перешелъ на службу въ л.-гв. Саперный баталіонъ. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Э. И. Тотлебену, впослѣдствіи графу, занимавшему въ то время постъ товарища его императорскаго высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ августѣ 1872 г. Н. К. Шильдеръ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1874 г. назначенъ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества и состоялъ для особыхъ порученій при главномъ инженерномъ управленіи.

Съ графомъ Тотлебеномъ Николай Карловичъ принималъ участіе въ послѣдней турецкой кампаніи 1877—1878 гг., участвовалъ въ блокадѣ Плевны и за тѣмъ, съ назначеніемъ графа Тотлебена главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, Н. К. Шильдеръ, состоялъ при немъ же для особыхъ порученій. За боевыя отличія, оказанныя въ турецкую войну, онъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ и орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами; въ 1878 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества и наконецъ 30-го августа 1893 г.—въ генералъ-лейтенанты.

Съ 28-го іюля по 14-е августа 1879 г. Н. К. Шильдеръ былъ помощникомъ редактора «Инженернаго журнала», а затѣмъ былъ назначенъ директоромъ Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института и Гатчинской женской гимназіи. Въ этой должности онъ оставался въ теченіе семи лѣтъ, когда въ 1886 г. назначенъ былъ начальникомъ Николаевской инженерной академіи и училища; съ 12-го іюля 1899 г. по день кончины былъ директоромъ Императорской публичной библіотеки.

Николай Карловичъ Шильдеръ началъ свою литературную дѣятельность въ 1863 г. помѣщеніемъ въ «Инженерномъ журналѣ» статьи подъ заглавіемъ «Битва у Чарльстона 7-го апрѣля 1863 г.». Вслѣдъ за тѣмъ въ разное время, стали появляться его изслѣдованія по русской исторіи, помѣщавшіяся преимущественно въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Военномъ Сборникѣ» и «Инженерномъ журналѣ». Николай Карловичъ печаталъ въ нихъ переводы съ иностранныхъ языковъ, разные историческіе документы и самостоятельныя изслѣдованія. Не имѣя возможности въ настоящей замѣткѣ перечислять заглавія статей, имъ напечатанныхъ, мы назовемъ наиболѣе выдающіяся:

«Очеркъ войны въ Германіи и Италіи 1866 г.».—«Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну».—«Императоръ Николай I и Польша».—«Императоръ Николай I въ 1848 г.».—«Императоръ Николай I и графъ Аракчеевъ». «Э. И. Тотлебенъ его жизнь и дѣятельность», въ двухъ томахъ.

Съ октября 1892 г. по 1-ое января 1894 года Николай Карловичъ былъ редакторомъ «Русской Старины». Въ 1893 году подъ его редакціею напечатаны собранные имъ матеріалы о посольствѣ графа П. А. Толстого въ Парижъ и составили 89 томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1897—1898 гг. напечатанъ его солидный трудъ «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе» въ 4 томахъ; недавно вышелъ его трудъ «Императоръ Павелъ I» и очеркъ подъ заглавіемъ: «Пятьдесятъ лѣтъ русской исторіи». (Царствованіе императоровъ Александра I и Николая I). Посмертнымъ трудомъ Николая Карловича должно считать «Біографическій очеркъ князя А. И. Чернышева», напечатанный въ первыхъ четырехъ нумерахъ «Военнаго Сборника» текущаго года.

Императорская академія наукъ, высоко цѣня ученыя заслуги Николая Карловича Шильдера, избрала его въ 1900 году въ свои члены-корреспонденты.

Историческая литература потеряла въ немъ неутомимаго дѣятеля и выдающагося историка, не жертвовавшаго точностію исторической истины для интереса чтенія.—Человѣкъ мягкій, вѣжливый, доступный и

отзывчивый на все доброе,—таковъ былъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Всегда готовый помочь каждому совѣтомъ, онъ не только дѣлился своими знаніями, но и документами, имъ собранными и ему же необходимыми для своихъ работъ.

Пишущій эти строки можетъ засвидѣтельствовать, что Николай Карловичъ никогда не гнался за тѣмъ, чтобы первому опубликовать какой-либо найденный имъ интересный историческій документъ, или не солилъ его въ прокъ въ своемъ собраніи съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ при случаѣ. Стоило кому-нибудь обратиться къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ можно найти такія-то или другія свѣдѣнія, и Николай Карловичъ, если имѣлъ какіе-либо документы, самъ предлагалъ ихъ для пользованія, съ одною только просьбою возвратить ему по минованіи надобности. Намъ извѣстно, что Н. К. Шильдеръ въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалы для біографіи своего отца и, увлекшись турецкою кампаніею 1828 и 1829 года, списалъ множество документовъ, относящихся до этой кампаніи. Мы видѣли ихъ въ нѣсколькихъ весьма объемистыхъ папкахъ, и знаемъ, что не имѣя времени скоро приступить къ ихъ обработкѣ, онъ передалъ всѣ эти матеріалы одному лицу, изъявившему желаніе заняться и написать исторію этой кампаніи. Много ли такихъ безкорыстныхъ тружениковъ науки?

Ни товарищи, ни подчиненные никогда не слыхали отъ Н. К. рѣзкаго слова и не встрѣчали неделикатнаго или грубаго поступка; но и съ своей стороны не позволяли съ нимъ никакой фамильярности и не переставали видѣть въ немъ начальника. Всѣ признавали въ Шильдерѣ человѣка рѣдкихъ душевныхъ качествъ: гуманнаго, просвѣщеннаго, добросовѣстнаго по отношенію къ себѣ и другимъ и доброжелательнаго. Мягкость его въ обращеніи была удивительная, а готовность придти на помощь каждому, чѣмъ только можно, привлекала къ нему всѣхъ, кто его зналъ. Добрая и вѣчная память человѣку, много потрудившемуся на пользу родины и оставившему о себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Всѣ русскіе газеты и журналы почтили память усопшаго и по мѣрѣ силъ старались оцѣнить его ученую дѣятельность. Посмотримъ же, какъ смотрятъ на Николая Карловича европейскіе ученые. Ред.

II [1]).

Русская исторіографія понесла тяжелую утрату. 6-го (19-го) апрѣля скончался, въ С.-Петербургѣ, директоръ Императорской Публичной

[1]) Извлечено изъ газеты „Allgemeine Zeitung“, 1902 г. № 107 (Приложеніе).

библіотеки, генералъ-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ. Съ нимъ сошелъ въ могилу не только величайшій собиратель историческаго матеріала къ исторіи Россіи XIX вѣка и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плодовитый и талантливый историкъ, оставляющій за собою пробѣлъ, пополнить который можно съ трудомъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже едва-ли это возможно.

Такъ какъ я имѣлъ счастіе находиться съ нимъ въ самомъ дружескомъ общеніи во время моихъ многократныхъ поѣздокъ съ научной цѣлью въ Петербургъ для занятій въ архивахъ, которыя продолжались всякій разъ нѣсколько мѣсяцевъ, то я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, характеризующихъ его, какъ человѣка, прежде нежели приступить къ оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ писателя. Для того, чтобы вполнѣ правильно уяснить себѣ слабыя стороны и достоинства его историческихъ трудовъ, необходимо предварительно составить себѣ понятіе о своеобразномъ складѣ его психическаго міра.

Шильдеръ былъ, прежде всего, добрый человѣкъ, безъ малѣйшей тѣни зависти и безъ малѣйшей чиновничьей жилки, всегда готовый отдать справедливость трудамъ другихъ лицъ и поддержать ихъ, насколько это отъ него зависѣло; онъ обладалъ чрезвычайно живымъ воображеніемъ, которое пріобрѣло довольно своеобразную окраску вслѣдствіе нѣсколько мистическаго склада его ума. Онъ былъ воспитанъ въ чисто нѣмецкомъ духѣ, но владѣлъ также въ совершенствѣ русскимъ и французскимъ языками, и чувствовалъ себя вполнѣ русскимъ и русскимъ патріотомъ, хотя никогда не отрицалъ нѣмецкаго происхожденія своего семейства, выселившагося изъ Австріи. Онъ не любилъ крайностей и, по своимъ природнымъ качествамъ, не былъ ни политикъ, ни человѣкъ партій. Онъ держался далеко отъ всего, что не входило въ кругъ его дѣятельности и, глубоко уважая нѣмецкій характеръ, онъ не симпатизировалъ прусской политикѣ, но это не мѣшало, конечно, его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ пруссакамъ. Нелюбовь ко всему прусскому была какъ бы его догматомъ, и онъ считалъ русско-прусскую дружбу, начало которой было положено свиданіемъ въ Мемелѣ, въ 1802 г., злополучіемъ. Фридрихъ III и IV, въ частности, были ему антипатичны, точно такъ же, какъ и политическіе дѣятели современной Германіи.

Въ исторіи его занималъ, главнымъ образомъ, можно даже можно сказать исключительно, психологическій моментъ, и не смотря на величайшее стараніе установить факты и строго придерживаться хронологіи, онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе анекдотической части. Къ этому присоединялась его твердая вѣра въ существующее въ исторіи возмездіе (Немезиду) [1]) и склонность придавать вѣру чудесному. Онъ

[1]) Богиня мщенія.

былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что его излѣчилъ отъ тяжелой болѣзни императоръ Александръ I, который явился ему во снѣ въ образѣ старца Ѳедора Кузьмича и наложилъ ему на голову руку. Въ обзорѣ, предпосланномъ имъ къ его послѣднему сочиненію «Императоръ Павелъ», который не появился въ печати, онъ высказалъ свой взглядъ на ходъ русской исторіи, во всей ея совокупности. Онъ прислалъ мнѣ этотъ обзоръ съ надписью «для немногихъ»; нынѣ, когда смерть освободила его отъ всякой отвѣтственности, его отзывъ можетъ быть приведенъ здѣсь, какъ любопытнѣйшій образчикъ русской исторической философіи:

«Основнымъ, постоянно повторяющимся элементомъ въ жизни народовъ, точно такъ же, какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей является возмездіе за совершенное насиліе и раскаяніе за содѣянное преступленіе. Мы нерѣдко видимъ, что жизнь народовъ омрачается преступленіемъ, возмутительнымъ насиліемъ, совершеннымъ, быть можетъ, съ какой-либо благородной цѣлью. Этимъ какъ будто все сдѣлано и покончено, остается только жаловаться. Но въ дѣйствительности происходитъ нѣчто совершенно иное. Злодѣяніе не проходитъ тому, кто его сдѣлалъ, безслѣдно, оно оставляетъ глубокій слѣдъ, который появляется въ послѣдующихъ событіяхъ. Рано или поздно настаетъ часъ неизбѣжной, окончательной расплаты; наступаетъ никѣмъ неожидаемая развязка, какъ это изображено въ высоко поэтичномъ древне-германскомъ миѳѣ о затменіи боговъ. Валгалла разрушается, наступаетъ новая жизнь, которая приноситъ съ собою примиреніе и право».

Шильдеръ видитъ причину всѣхъ бѣдъ новѣйшей исторіи Россіи въ той роковой ночи, 25-го ноября 1741 г., которая доставила престолъ императрицѣ Елисаветѣ. «Невинный младенецъ, защитою коего должны были служить его законныя права, былъ лишенъ престола, разлученъ съ родителями, обреченъ на страдальческую жизнь въ заточеніи и, наконецъ, убитъ много лѣтъ спустя въ критическую минуту. Но неумолимая Немезида является хранительницей нарушеннаго права, безжалостной мстительницей, и совершонное злодѣяніе вызываетъ долгое время спустя новыя насилія и порождаетъ столь трагическія событія, которыя повергаютъ насъ въ изумленіе своей драматической мощью. Оскорбленное право насмѣхается надъ тѣмъ, что́ принято называть «raison d'Etat». Тѣнь Банко садится за тотъ столъ, за которымъ идетъ пиршество, и помрачаетъ духъ тѣхъ лицъ, кои призваны судьбою играть роль въ новой трагедіи.

«Это сюжетъ, способный, безъ сомнѣнія, воодушевить будущаго русскаго Шекспира. Его художественное перо нарисуетъ намъ самыя потрясающія картины нашего прошлаго; онъ разоблачитъ передъ наблюдателемъ сокровенный смыслъ событій, и тогда обнаружится таинственная связь, которая, подобно причинѣ и послѣдствію, логически связы-

ваетъ вещи, не имѣющія на первый взглядъ никакого внутренняго соотношенія».

Въ этихъ словахъ проглядываетъ скрытый пафосъ, который можетъ подмѣтить въ сочиненіяхъ Шильдера только человѣкъ, близко знакомый съ его характеромъ.

Собственно говоря, главнѣйшимъ побужденіемъ, которое руководило имъ въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, было именно стремленіе прослѣдить эту Немезиду, вліяніе которой онъ признавалъ, какъ я убѣдился изъ моихъ многократныхъ съ нимъ бесѣдъ, въ настоящее время и предвидѣлъ также въ будущемъ. Полетъ его воображенія и мистическое направленіе его религіозныхъ взглядовъ довели его такимъ образомъ чуть не до прозрѣнія.

Когда намъ доводилось бесѣдовать о русской исторіи, то Шильдеръ говорилъ обыкновенно, что мы должны бесѣдовать, какъ будто мы встрѣтились въ Елисейскихъ поляхъ; тогда онъ бывалъ неутомимъ въ своемъ желаніи прослѣдить психологическіе мотивы, руководившіе поступками его героевъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и Наполеонъ I, и въ библіотекѣ Н. К. имѣются рѣдчайшія и драгоцѣннѣйшія сокровища къ исторіи Наполеона. Въ душѣ онъ никакъ не могъ простить Александру I того, что онъ не понялъ Наполеона и не присоединился вполнѣ чистосердечно къ его мысли подѣлить владычество міромъ. Но когда Н. К. писалъ для печати, то онъ излагалъ свои мысли въ высшей степени осторожно и обдуманно.

Шильдеръ спеціально занимался изученіемъ событій турецкой войны 1877 и 1878 г.г. и собралъ для настоящей, неоффиціальной исторіи этой войны замѣчательный по своей полнотѣ матеріалъ. Для изученія исторіи этой войны по истинѣ было бы незамѣнимой потерею, если бы весь этотъ матеріалъ былъ утраченъ.

Однимъ изъ первыхъ трудовъ, съ коимъ выступилъ, настолько мнѣ извѣстно, Шильдеръ, былъ переводъ сочиненія Мольтке о первой турецкой войнѣ, веденной Николаемъ въ 1828 и 1829 г.г. [1]). Но это былъ не простой переводъ, такъ какъ въ примѣчаніяхъ, сопровождавшихъ текстъ, заключался разнообразный и совершенно новый матеріалъ для критической оцѣнки этого похода, при чемъ, само собою разумѣется, еще чувствовалось, что Шильдеръ былъ въ то время новичкомъ въ области историческихъ изслѣдованій и поэтому могъ пользоваться «какъ источникомъ, такимъ въ высшей степени ненадежнымъ сочиненіемъ, какъ «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I» Лакруа. Этотъ переводъ сочиненія Мольтке появился въ 1876 г. Девять лѣтъ

---

[1]) Переводъ соч. Мольтке появился послѣ многихъ уже трудовъ Н. К. Шильдера. Ред

спустя была написана обширная, въ двухъ томахъ, біографія Тотлебена, коей первый томъ доведенъ до 1859 г., а второй,—до кончины графа, послѣдовавшей въ 1884 г. Эта біографія не есть сочиненіе, вызванное только долгомъ признательности, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ выдающееся по учености и живому изложенію военное сочиненіе. И въ этомъ трудѣ конечно не все можно было сказать, поэтому центромъ тяжести служатъ приложенія, которыя долго еще будутъ составлять въ заграничной литературѣ въ высокой степени цѣнный матеріалъ къ исторіи Крымской и послѣдней турецкой войны; но, разумѣется, онъ не даетъ и приблизительно въ высшей степени важныхъ матеріаловъ, которые могъ бы сообщить Шильдеръ, и въ этомъ случаѣ ему пришлось подчиниться необходимости и руководствоваться извѣстными соображеніями. Шильдеръ долженъ былъ считаться съ тѣмъ, что все, касавшееся войны 1877 г., было бы принято съ ревнивымъ вниманіемъ, находившимися еще въ живыхъ участниками этой войны.

Уже въ это время въ русскихъ историческихъ журналахъ стали появляться принадлежавшія его перу небольшія замѣтки, а затѣмъ и статьи изъ царствованія Александра I. Онѣ становились съ каждымъ годомъ содержательнѣе и обратили на себя вполнѣ понятное вниманіе всестороннимъ пониманіемъ предмета. Это былъ подготовительный матеріалъ къ написанной имъ въ четырехъ томахъ исторіи Александра I, которая появилась въ печати въ 1898 г. и была во свое время подробно оцѣнена мною въ историческихъ журналахъ. Шильдеръ смотрѣлъ на это сочиненіе только какъ на подготовительную работу къ обширному труду объ Александрѣ I, и для котораго имъ былъ собранъ богатый матеріалъ, извлеченный всецѣло изъ русскихъ архивовъ. Иностранными архивами онъ предполагалъ воспользоваться впослѣдствіи, окончивъ предварительно исторію Павла I и Николая I, которыя имѣли характеръ исключительно біографическій. Исторія Павла I дѣйствительно появилась въ прошедшемъ году. Она стоитъ по достоинству ниже исторіи Александра I, была написана, быть можетъ, слишкомъ поспѣшно и носитъ до такой степени біографическій характеръ, что, увлекшись характеристикой личности, авторъ почти не коснулся ни внѣшней, ни внутренней политики императора.

Цѣлью этого сочиненія было показать, какъ изъ мягкаго отъ природы, человѣколюбиваго и до конца жизни рыцарски благороднаго человѣка, какимъ былъ Павелъ I-й, вырисовывается постепенно деспотъ. Шильдеръ сравниваетъ его съ Жуаной, матерью Карла V, какъ ее изобразилъ Charles de Moy въ журналѣ «Revue des deux mondes»; извѣстное сходство между ними несомнѣнно существуетъ съ тою лишь разницею, что Павелъ, по сравненіи съ нею, дѣйствовалъ все-таки сознательнѣе и даже въ моменты величайшаго раздраженія былъ досту-

пенъ убѣжденію и совѣтамъ, если за него умѣли взяться. Въ рукописяхъ, оставшихся по смерти князя Лобанова-Ростовскаго, который собралъ для исторіи Павла I-го не менѣе богатый матеріалъ, нежели Шильдеръ для исторіи Александра I-го, мы находимъ между прочимъ замѣтку по поводу Павла, въ которой говорится, что за неточное соблюденіе правилъ, изданныхъ для вахтпардовъ, исключено 5-го февраля 1797 г. изъ службы 5 генераловъ, 18 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ и 5 маіоровъ. По той же причинѣ исключено 9-го сентября 1797 г.: 3 генерала-отъ-инфантеріи, 3 генералъ-лейтенанта, 68 полковниковъ гвардіи, 90 унтеръ-офицеровъ и 123 рядовыхъ изъ одного только Преображенскаго полка.

5-го февраля 1797 г. Кутузовъ и фельдмаршалъ графъ Салтыковъ получили выговоръ за незнаніе службы, и по той же причинѣ четыре недѣли спустя были исключены изъ службы: Ермоловъ, Багговутъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ и Беннигсенъ, слѣдовательно, именно всѣ тѣ лица, кои особенно отличились въ войну 1812 г. Все это произошло во второй годъ правленія императора, когда никто еще не дерзалъ говорить объ его ненормальности. Лобановъ приводитъ еще рядъ примѣровъ, изъ коихъ я упомяну одинъ, а именно что 8-го февраля 1800 г., генералъ Врангель получилъ послѣ своей кончины строгій выговоръ «въ примѣръ другимъ!»

Но рядомъ съ этими фактами можно привести цѣлый рядъ поступковъ, которые свидѣтельствуютъ о проницательномъ умѣ императора, о доброжелательной и любвеобильной его дѣятельности. То и другое шло рука объ руку, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи видно, что то и другое было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его полнаго незнакомства съ русской жизнью и съ остальнымъ міромъ. По моему мнѣнію, Шильдеру слѣдовало бы выяснить противорѣчія въ характерѣ императора. Но, какъ мы уже сказали, сочиненіе о Павлѣ I-мъ было написано слишкомъ поспѣшно, и Шильдеръ смотрѣлъ на него только какъ на очеркъ. Это сочиненіе имѣетъ кромѣ того характеръ полемики. Въ то время, какъ писался «Павелъ», Шильдеръ былъ также занятъ исторіей императора Николая I-го, изъ коей первыя главы, до польскаго возстанія, появились на страницахъ «Русской Старины» по изложенію и методу изслѣдованія онѣ походили вполнѣ на исторію Александра. Когда я уѣхалъ осенью прошлаго года изъ Петербурга, то рукопись четырехъ томовъ была уже готова. Но Шильдеръ писалъ мнѣ, что обиліе полученнаго имъ новаго матеріала заставляетъ его переработать все написанное: за этимъ трудомъ смерть и застигла этого прекраснаго человѣка.

Ѳедоръ Шиманнъ.

Русскіе на островѣ Готландѣ въ 1808 г.

(Разсказъ секретаря магистрата въ Висбю, Антона Моландера) [1].

Полковникъ и вице-губернаторъ Erik af Klint, который 21-го прошлаго апрѣля отправился внутрь страны, чтобы въ южномъ округѣ распорядиться составленіемъ списковъ для ополченія, прибылъ въ Висбю 23-го числа утромъ съ извѣстіемъ, полученнымъ наканунѣ вечеромъ, что русское войско неожиданно для всей Швеціи и къ ужасу жителей острова Готланда и города Висбю высадилось въ южной части страны, близъ Grötlingbo, и направляется къ столицѣ.

Слухъ о томъ распространилъ всюду панику, и тотчасъ же у бургомистра Per Herman Qrewesmühl въ помѣщеніи ратуши собрались представители всѣхъ сословій. Тамъ же находился и полковникъ, который заявилъ, что онъ уже пригласилъ поселянъ оказать сопротивленіе непріятелю и собраться въ Mästerby, въ $2^1/_4$ миляхъ отъ города. Въ это время, однако, пришло два донесенія: первое о томъ, что шесть непріятельскихъ пушекъ перевезено на берегъ и что непріятельское войско простирается отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ; по второму же донесенію оно опредѣлено было отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Въ распоряженіи жителей не было ни аммуниціи, ни оружія; сопротивленіе по общему признанію было невозможно и повело бы только къ ненужному кровопролитію и неизбѣжному опустошенію страны, а потому полковникъ, по предложенію собравшихся, и рѣшилъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ города, выѣхать на встрѣчу непріятелю и выговорить себѣ возможно льготныя условія сдачи города. Согласно этому, отправивъ съ экстренной почтой донесеніе о

[1]) Изъ шведской газеты „Aftonbladet“ 4-го апрѣля 1902 г. № 76.

появленіи непріятеля, полковникъ въ то же утро выѣхалъ вмѣстѣ съ городскими депутатами, а къ ночи въ городъ явился курьеръ съ увѣдомленіемъ, что полковникъ съ депутатами встрѣтилъ начальника экспедиціи, контръ-адмирала Бодиско, съ которымъ и уговорился насчетъ безопасности для жизни и имущества жителей и мирнаго вступленія въ городъ, гдѣ долженъ быть приготовленъ постой для 2.500 человѣкъ нижнихъ чиновъ и примѣрно 50 офицеровъ.

Магистратъ и старшины города, созванные въ ратушу въ воскресенье 24-го числа въ 4 часа утра, сдѣлали распоряженіе о постоѣ, и въ тотъ же день вступили непріятельскіе полки, которые и были расквартированы по всему городу; контръ-адмиралъ занялъ квартиру въ ратушѣ.

Вслѣдствіе предписанія контръ-адмирала, чтобы магистратъ представился ему въ ратушѣ въ понедѣльникъ утромъ, члены думы явились въ назначенное время. Въ десять часовъ утра вышелъ къ нимъ контръ-адмиралъ Бодиско, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ, и прочелъ на русскомъ языкѣ слѣдующую, тутъ же переведенную по-шведски декларацію: что по высочайшему повелѣнію русскаго императора онъ, Бодиско, занялъ островъ и вступилъ, въ званіи губернатора, въ управленіе имъ; что согласно волѣ и приказанію государя, жителямъ обѣщается мягкое обращеніе, свобода богослуженія, неприкосновенность жизни и имущества и управленіе согласно шведскимъ законамъ; что чиновники и служащіе, усердно и исправно исполняющіе свою службу и обязанности, удерживаются, если они того хотятъ; но что русскія войска должны содержаться на счетъ города и страны. Обо всемъ этомъ еще подробнѣе оповѣщалось въ объявленіи губернатора, прочтенномъ съ проповѣднической каѳедры въ ближайшій молитвенный день.

Хотя и трудно точно опредѣлить число вступившихъ тогда войскъ, численность которыхъ, можетъ быть, даже намѣренно утраивалась (для чего прибѣгали къ частому передвиженію и смѣнѣ войскъ), но все-таки можно съ нѣкоторою увѣренностью признать, что число солдатъ не превышало 2.000 человѣкъ, но офицеровъ было свыше 60. Доставить всѣмъ имъ помѣщеніе и пищу было тѣмъ болѣе трудно, что почти всѣ ремесленники въ Висбю находятся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, городъ наполненъ массою бѣдныхъ поденщиковъ и вдовъ и, въ предыдущую осень, привозъ товаровъ былъ такъ ничтоженъ, что весь накопившійся запасъ ихъ былъ почти вездѣ истраченъ. Тѣмъ не менѣе благодаря тому, что съ одной стороны, по письменному приказанію губернатора, всѣмъ нуждающимся въ помощи для постоя выдавалась небольшая поддержка въ видѣ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, а съ другой стороны торговцы города съ тою же цѣлью сдѣлали значительный сборъ, а магистратъ закупилъ и черезъ извѣстныхъ городу лицъ, за уменьшенную цѣну, продавалъ партію селедокъ,—благодаря всему этому жители

города получили возможность выдержать постой и продовольствовать войско въ теченіе трехъ недѣль.

Значительныя издержки были возложены на городъ: устройство казармъ въ казенномъ винокуренномъ заводѣ, сараевъ для устройства пекарень, лазаретовъ, кухонь, бань и для ежедневной поставки свѣчей, масла, лампъ, подводъ, мѣшковъ, письменныхъ принадлежностей и т. п. Для распоряженій по исполненію этихъ поставокъ, какъ и для переписки съ поставщиками и пріема товаровъ магистратъ былъ ежедневно въ полномъ сборѣ даже въ праздничные дни отъ 6 час. утра до 9 час. вечера.

Отъ губернатора время отъ времени исходили предписанія, чтобы казенный лазаретъ былъ расширенъ; чтобы не прекращали винокуренія; чтобы жители, имѣющіе оружіе и порохъ, тотчасъ же ихъ сдали; чтобы солдаты на постоѣ ежедневно получали $2^1/_2$ фунта хлѣба, двѣ рюмки водки и порцію суна съ мясомъ; чтобы жители послушно относились къ приказаніямъ; чтобы торговцы показали какъ число своихъ судовъ, такъ и свой запасъ дровъ; что тѣ изъ жителей, которые будутъ пытаться бѣжать, будутъ растрѣляны или повѣшены такъ же, какъ и ихъ соучастники; что городской соборъ долженъ быть предоставляемъ для богослуженія русскихъ войскъ въ тѣ часы, когда онъ свободенъ отъ мѣстнаго богослуженія и проч. и проч....

15-е мая было радостнымъ и незабвеннымъ днемъ для жителей города Висбю и вообще всего Готланда; въ этотъ день получено извѣстіе о приходѣ флота съ шведской военной силой, присланной на выручку страны. Проливались слезы радости и благодарности, и народъ благословлялъ короля за его заботы о беззащитныхъ, но въ душѣ преданныхъ и вѣрныхъ подданныхъ.

Часть русскихъ войскъ — правда, ночью выступила, чтобы оказать сопротивленіе, но въ полдень, когда въ городъ явился маіоръ фонъ-Иленъ (von Yhlen) въ качествѣ парламентера и посредника, увеличилась надежда на благопріятный исходъ; а 16-го числа эта надежда превратилась въ увѣренность, когда морской капитанъ Axel Klinkowström представилъ магистрату радостное увѣдомленіе, что капитуляція прекращена.

Въ этотъ же самый и въ слѣдующій день, русскія войска выступили изъ города къ радости жителей, но при единодушномъ свидѣтельствѣ о томъ, что адмиралъ Бодиско своими рѣдкими знаніями и вообще замѣчательными свойствами своими заслужилъ всеобщее высокое уваженіе; что русскіе офицеры были люди очень образованные, высокой нравственности и вѣжливаго обращенія. Они поддерживали въ войскахъ дисциплину, заслуживающую высшей похвалы, ибо за время ихъ пребы-

ванія въ городѣ ни одинъ человѣкъ не потерпѣлъ ни смерти, ни увѣчья, не былъ ни оскорбленъ, ни обворованъ.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи капитуляціи распространилась между жителями города и надежда на вознагражденіе за постой и реквизицію русскихъ. Въ этой надеждѣ было послано магистратомъ города пять депутатовъ въ г. Slitö (гдѣ окончательно должны были завершиться условія снятія капитуляціи), чтобы требовать для города возмѣщенія расходовъ въ 30.000 рейхсъ-талеровъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что страна была занята непріятелемъ и очищена безъ всякаго кровопролитія.

Сообщила **Екат. Ник. Янжулъ.**

Польша въ 1814 – 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго).

III [1]).

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ инструкторъ польскихъ войскъ.—Коронованіе императора Николая I въ Варшавѣ.—Сеймъ 1830 г.—Пріѣздъ въ Варшаву прусскаго принца Фридриха-Вильгельма и Александра Гумбольдта.—Іюльскія событія въ Европѣ.—Возстаніе въ Парижѣ.—Положеніе великаго князя Константина Павловича.—Диктаторство Хлопицкаго.—Его характеристика и дѣятельность.

1828 годъ былъ памятенъ Россіи турецкой войною.

Вѣроятно, многимъ будетъ удивительно, что ни одна часть польскаго войска не была употреблена въ эту кампанію, хотя императоръ и выразилъ желаніе, чтобы въ дѣйствующую армію была послана одна дивизія пѣхоты и дивизія кавалеріи; онъ предлагалъ это Константину Павловичу. Мысль связать товарищескими узами на полѣ битвы два войска, которыя должны были сражаться подъ одними знаменами, была весьма цѣлесообразна. Быть можетъ, этимъ были бы устранены послѣдующія событія. Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ внять этимъ доводамъ и энергично возсталъ противъ предложенія своего брата: смотры на Саксонской площади, во время которыхъ онъ не могъ потерять ни одного человѣка, были для него дороже всякихъ иныхъ соображеній. Въ дѣйствующую армію было послано только человѣкъ до ста, офицеровъ квартирмейстерской части, корпуса инженеровъ и бывшихъ учениковъ аппликаціонной школы, выпущенныхъ въ пѣхоту.

Между тѣмъ великій князь пожиналъ не окровавленные лавры на поляхъ подъ Повонзками. Его мало интересовали военныя дѣйствія,

---

[1]) См. «Русскую Старину» май 1902 г.

происходившія на Дунаѣ, еще менѣе интересовался онъ славой россійскаго оружія и мало заботился объ опасности, которой могъ подвергнуться императоръ. Единственное доказательство участія, которое великій князь принималъ въ этой войнѣ, выразилось въ построеніи во время маневровъ батальоновъ въ карре и устроенное имъ, по предложенію генерала Гауке, примѣрное обложеніе бастіона, насыпаннаго два года передъ тѣмъ, подъ моимъ наблюденіемъ, саперами на песчаныхъ холмахъ предъ фронтомъ лагеря.

Работы по обложенію начались 20-го августа и окончились 4-го сентября 1828 года. Отряды пѣхоты, артиллеріи и саперъ, исполняли по очереди всевозможныя работы, предписываемыя теоріей и практикой осады крѣпостей.

Передъ началомъ этихъ работъ аппликаціонная школа совершила подъ моимъ наблюденіемъ военную прогулку въ Модлинъ, гдѣ ученики занялись составленіемъ плановъ новаго укрѣпленія и нивеллировкой. Эти работы заняли весь іюль мѣсяцъ.

Великій князь находился въ это время въ Литвѣ, гдѣ онъ производилъ смотръ Литовскому корпусу и откуда онъ вернулся только въ концѣ августа; осмотрѣвъ наши работы, онъ выразилъ намъ свое удовольствіе.

13-го (25-го) марта мой пріятель Прондзинскій былъ освобожденъ изъ своего заточенія въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Приближалась коронація, о которой давно уже было возвѣщено жителямъ Варшавы. Къ этому торжеству въ Варшаву пріѣхали: императоръ съ супругою, наслѣдникъ престола, великій князь Михаилъ со свитою. По этому случаю дѣлались пышныя приготовленія мѣстными властями, войскомъ и городами. Сенаторы собрались на торжество коронаціи въ полномъ составѣ; польское войско и гвардія (численностью до 40.000) стали лагеремъ подъ Повонзками. Весьма многіе помѣщики пріѣхали изъ своихъ имѣній съ семьями, желая видѣть смотръ войскамъ. Въ Варшаву были привезены знаки царскаго достоинства, тѣ самые, коими императоръ короновался въ Москвѣ. Поляки надѣялись видѣть на челѣ русскаго монарха польскую корону; но, увидѣвъ русскую, начали роптать. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, находя отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ войскѣ. Вновь воспряли тайныя общества, еще не прекратившія своей дѣятельности.

Самые ярые члены этихъ обществъ хотѣли произвести во время коронаціи нападеніе на царскую фамилію, обезоружить гвардію и произвести возстаніе. Насколько эта мысль созрѣла въ умахъ заговорщиковъ, какія приготовленія были сдѣланы ими съ этой цѣлью, что побудило ихъ отложить выполненіе своего намѣренія, мнѣ не извѣстно; кажется, этотъ

гнусный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе присущаго нашему народу отвращенія къ цареубійству и изъ опасенія нарушить такимъ вопіющимъ злодѣяніемъ въ глазахъ Европы права гостепріимства и отчасти вслѣдствіе разлада, происшедшаго между заговорщиками. Но, должно быть, великому князю было извѣстно о существованіи этого позорнаго намѣренія, такъ какъ во время коронаціи и слѣдовавшихъ за нею торжествъ онъ выказывалъ все время большое волненіе.

Не смотря на то, что Варшава находилась какъ бы на вулканѣ, торжество коронаціи прошло спокойно по составленной заранѣе программѣ. Наканунѣ, на улицахъ и площадяхъ Варшавы, разъѣзжали герольды, возвѣщавшіе о готовившемся торжествѣ, и провозглашали титулъ императора.

Титулъ былъ тотъ же, какой провозглашался на тѣхъ же улицахъ и площадяхъ во времена польскихъ королей.

Знаки императорскаго достоинства были отнесены въ торжественной процессіи въ каѳедральный костелъ и торжественно освящены послѣ обѣдни.

На слѣдующій день императоръ, въ присутствіи сенаторовъ, дипломатическаго корпуса и многочисленныхъ жителей, собравшихся въ замкѣ, возложилъ на себя корону и знаки царскаго достоинства, поданные ему архіепископомъ Вороничемъ, преклонивъ колѣна на ступеняхъ трона, повторилъ слова молитвы, прочитанной архіепископомъ, послѣ чего архіепископъ воскликнулъ: vivat rex in aeternum; орудія на замковыхъ валахъ загремѣли; колокола зазвонили. Императоръ двинулся изъ замка подъ балдахиномъ, который поддерживали штабъ-офицеры, въ числѣ коихъ находился и я. Пройдя по Свенто-Янской улицѣ, застланной пунцовымъ сукномъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и свиты сановниковъ, сенаторовъ, пословъ и генераловъ, императоръ направился въ каѳедральный соборъ св. Яна, гдѣ католическое духовенство вознесло молитвы о благополучномъ царствованіи императора и короля. По улицамъ были разставлены шпалерами войска. Около памятника Сигизмунда III были устроены застланныя коврами мѣста для зрителей, гдѣ нѣсколько тысячъ дамъ своею красотою и разноцвѣтными нарядами увеличивали блескъ торжественнаго зрѣлища, залитаго яркимъ майскимъ солнцемъ. По окончаніи церковной службы, императоръ со свитою тѣмъ же порядкомъ вернулся въ замокъ, сопровождаемый кликами собравшейся тысячной толпы.

Въ тотъ день былъ сожженъ фейерверкъ для народа, состоялся безплатный театръ, парадъ, смотръ, угощеніе для войска, обѣдъ, балъ для всѣхъ классовъ общества, и т. д.

Все совершилось по утвержденной заранѣе программѣ и подъ отеческимъ окомъ полиціи, какъ должно.

Всѣ крики радости исходили не изъ сердца, веселость была не искренная, всякій, отъ мала до велика, мало-мальски знакомый съ исторіей Польши, былъ оскорбленъ въ своихъ національныхъ чувствахъ; всѣ знали, что никто искренно не сочувствуетъ этому торжеству, ибо корона, которую возложилъ на себя Николай I, была не королевская корона; императоръ показалъ, что царство Польское, въ глазахъ его и русскаго народа, было не что иное, какъ завоеванная провинція, подобно царству Казанскому, Астраханскому и т. д., хотя при коронаціи присутствовалъ архіепископъ, но онъ не мазалъ императора муромъ, не короновалъ его; императоръ былъ окруженъ русскою гвардіей.

Цѣль, которую имѣлъ императоръ: сблизить, примирить, слить оба народа, не была достигнута. Ненависть, недовѣріе, зависть, росли съ каждымъ днемъ и вспыхнули вскорѣ яркимъ пламенемъ, которое никто уже не былъ въ состояніи потушить!

На слѣдующій годъ, въ первыхъ числахъ мая императоръ вторично прибылъ со своей супругою и дворомъ въ Варшаву и открылъ 13-го мая первый въ его царствованіе сеймъ. Изъ Берлина пріѣхалъ привѣтствовать его наслѣдникъ прусскаго престола, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (впослѣдствіи король), въ сопровожденіи инженеръ-генерала Рауха и Александра Гумбольдта, только-что передъ тѣмъ возвратившагося изъ большаго путешествія въ Среднюю Азію и Оренбургъ. Начались парады, смотры, представленія, обѣды, балы, на которыхъ я присутствовалъ по обязанности службы. На одномъ изъ нихъ, у сенатора Замойскаго, великій князь представилъ меня Александру Гумбольдту, съ которымъ я имѣлъ интересный разговоръ о его послѣднемъ путешествіи. Это былъ еще бодрый старикъ, одаренный необычайной памятью, но слишкомъ много говорившій о себѣ.

Аппликаціонная школа удостоилась посѣщенія прусскаго принца, онъ пріѣхалъ къ намъ съ Гумбольдтомъ и генераломъ Раухомъ совершенно неожиданно, въ 9 часовъ утра, и пробылъ у насъ два часа, интересовался нашимъ курсомъ и обнаружилъ знакомство со всѣми науками, какія у насъ проходились. На него произвела впечатлѣніе представительная наружность полковника Совинскаго, а когда онъ узналъ, что полковникъ служилъ ранѣе въ прусскомъ войскѣ, и увидѣлъ у него на груди орденъ Pour le mérite, то онъ отнесся къ нему еще любезнѣе, даже можно сказать сердечно. Принцъ очаровалъ всѣхъ насъ своимъ умомъ и привѣтливымъ обращеніемъ. Мы показали ему наши модели, рисунки учениковъ; время прошло незамѣтно до 11 часовъ, когда прибѣжалъ запыхавшись флигель-адъютантъ, давно уже разыскивавшій его, чтобы сообщить, что великій князь, вернувшись со смотра, ожидаетъ принца.

— Зачѣмъ же отрываетъ онъ меня отъ васъ,—сказалъ принцъ,— мнѣ тутъ такъ хорошо, я охотно пробылъ бы тутъ подольше.

Я слышалъ впослѣдствіи, что Гумбольдтъ, на вопросъ императора о томъ, какъ онъ нашелъ нашу школу, похвалилъ ее въ присутствіи великаго князя, сказавъ, что въ ней введены всѣ новые методы, примѣняемые въ политехнической школѣ въ Парижѣ.

— А все-таки они бѣлые якобинцы, сказалъ на это великій князь.

Такова была награда, которую мы услыхали изъ его устъ за наши десятилѣтніе труды!

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, императоръ и императрица принимали въ Духовъ день участіе въ народномъ гуляньи въ Бѣлянахъ; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ въ ряду другихъ экипажей, любезно раскланиваясь на всѣ стороны. Ихъ встрѣчали такъ радушно, что казалось, будто между монархомъ и народомъ снова установилось полное довѣріе. Умѣніе народа держать себя, красота женщинъ, ихъ весенніе наряды поразили высочайшихъ особъ.

Въ началѣ сентября мы были какъ громомъ поражены извѣстіемъ объ іюльской революціи въ Парижѣ, а четыре мѣсяца спустя о революціи въ Брюсселѣ и о революціонномъ движеніи въ Брауншвейгѣ, Касселѣ, Дрезденѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. Не смотря на всѣ старанія полиціи, вѣсть о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, переходила изъ устъ въ уста; давно уже возбужденные умы заволновались. Въ войскѣ, въ университетѣ, наконецъ въ обществѣ скопилась масса горючаго матеріала: можно было опасаться, что вскорѣ въ Варшавѣ произойдутъ тѣ же кровавыя сцены, которыя происходили на улицахъ Парижа и Брюсселя. Для этого было достаточно одной искры.

Во время іюльской революціи, великій князь съ княгиней Ловичъ находился, насколько припомню, въ Дрезденѣ; онъ не спѣшилъ въ Варшаву, чтобы парализовать своимъ присутствіемъ замыслы, о которыхъ ему давно уже было извѣстно, и тѣмъ предотвратить хотя бы на время надвигавшуюся грозу,—это было ошибкою съ его стороны. Онъ возвратился только въ октябрѣ. Близкіе къ великому князю люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, говорили, что событія, разыгравшіяся въ Парижѣ, произвели на него сильное впечатлѣніе, что всѣ его поступки изобличали сильное душевное волненіе. Прежняя его порывистость уступила мѣсто какой-то, до тѣхъ поръ, небывалой снисходительности и кротости въ дѣлахъ службы. Великій князь сталъ жаловаться во всеуслышаніе на свое здоровье, говорилъ, что онъ усталъ и хочетъ отдохнуть. Онъ не разъ повторялъ, что служитъ уже 40 лѣтъ, что ему пора подумать объ отставкѣ и что онъ давно уже просилъ императора освободить отъ его обязанностей. Проѣзжая однажды мимо казармъ Волынскаго полка, онъ посмотрѣлъ на нихъ съ грустью и сказалъ своему адъютанту:

— Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ,—да будетъ воля Божія—меня тревожитъ болѣе всего участь этихъ молодцовъ!

Приближенные великаго князя говорили, что, вѣроятно, опасность близка, коли онъ сдѣлался такъ кротокъ.

Во то время въ Варшавѣ разнеслись вѣсти о намѣреніи императора объявить войну Франціи, о союзѣ, заключенномъ съ Австріей и Пруссіей, о приведеніи Польскаго и Литовскаго корпусовъ на военное положеніе, объ обширныхъ запасахъ аммуниціи, сосредоточенныхъ въ Модлинѣ, и т. п. Свѣдущіе люди были убѣждены, что не далѣе, какъ весною, произойдутъ важныя событія, говорили даже, будто императоръ Николай хотѣлъ стать во главѣ новой коалиціи противъ Франціи для подавленія совершившейся уже революціи, которая кромѣ перемѣны династіи не повлекла за собою для Европы никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ въ варшавской атмосферѣ чувствовалось приближеніе грозы. Полиція каждую ночь сдирала съ угловъ прокламаціи, возвѣщавшія о возстаніи. Однажды утромъ, на стѣнахъ Брюлевскаго дворца, въ которомъ жилъ великій князь, появилось объявленіе съ надписью: «Этотъ домъ отдается въ наемъ съ 1-го января 1831 года».

Физіономія города преобразилась: на улицахъ появилось много новыхъ лицъ. Разсказывали о заупокойной обѣднѣ, отслуженной академиками по убитымъ при взятіи Праги. Руководители тайныхъ обществъ, воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя и сосредоточіемъ войска въ лагерѣ, дѣятельно старались склонить умы къ возстанію. Кажется, еще до окончанія лагернаго сбора все было условлено, и къ заговору примкнули многіе офицеры, академики и чиновники. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вскользь Станиславомъ Ржевусскимъ, я понялъ, что онъ тоже вступилъ въ тайное общество; недѣли за двѣ до возстанія онъ принесъ мнѣ записку Килинскаго, которую распространяли съ цѣлью пріучить жителей Варшавы къ мысли о возстаніи. Я сильно сомнѣвался, чтобы все это могло быть скрыто отъ бдительнаго ока полиціи. Моя увѣренность въ этомъ еще болѣе усилилась, когда было арестовано нѣсколько офицеровъ и академиковъ. Въ обществѣ говорили, что была учреждена новая слѣдственная коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ Станиславъ Потоцкій, что засѣданія этой коммиссіи уже начались и что правительство напало на слѣдъ весьма важныхъ уликъ.

18-го октября я получилъ отъ Станислава Ржевусскаго визитную карточку, на которой карандашомъ были написаны нѣсколько начальныхъ буквъ. Въ тотъ день я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но впослѣдствіи припомнилъ, что именно этотъ день, 18-го октября, былъ избранъ вначалѣ для возстанія. Намъ было извѣстно также, что въ варшавскомъ гарнизонѣ, послѣ возвращенія великаго князя, были приняты

особыя мѣры предосторожности. Баталіонамъ, составлявшимъ этотъ гарнизонъ, было приказано собираться въ случаѣ тревоги на двухъ площадяхъ; въ каждомъ кавалерійскомъ полку, въ одномъ эскадронѣ лошади всю ночь стояли осѣдланныя. Русскіе гвардейскіе офицеры говорили почти открыто, что если польское войско останется вѣрнымъ императору, то нечего бояться и что всякое уличное движеніе будетъ подавлено въ самомъ началѣ; въ противномъ случаѣ они считали себя погибшими.

Варшавскій гарнизонъ состоялъ изъ 9.600 человѣкъ пѣхоты, 2.400 человѣкъ кавалеріи и одной батареи конной артиллеріи; кромѣ того въ Варшавѣ находилась школа подпрапорщиковъ, состоявшая изъ 300 учениковъ, набранныхъ изъ разныхъ польскихъ и русскихъ гвардейскихъ и пѣхотныхъ полковъ; школа кавалерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой было 200 молодыхъ людей, поступившихъ также изъ польскихъ и русскихъ войскъ; наконецъ, аппликаціонная школа и школа артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, у которой было 4 пушки.

Великій князь до послѣдней минуты разсчитывалъ на польское войско, въ особенности на свой любимый 4-й пѣхотный полкъ и на саперъ, коимъ онъ оказывалъ сравнительно съ другими частями особое благоволеніе; онъ никогда не допускалъ мысли, что съ этой стороны ему могла угрожать какая-нибудь опасность, и торжественно заявлялъ императору въ своихъ донесеніяхъ, что какъ бы то ни было, а на преданность польскаго войска всегда можно положиться.

Если бы онъ не былъ такъ увѣренъ въ этомъ, то еще въ октябрѣ онъ имѣлъ всѣ средства разрушить планы заговорщиковъ. Для этого стоило только двинуть въ Варшаву одну дивизію Литовскаго корпуса или хотя бы одну бригаду гренадеръ и стрѣлковъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи, вызвать изъ Скерневицъ и Горы 20 орудій, послать въ надежное мѣсто напр. въ Модлинъ 30.000 ружей и нѣсколько пушекъ, хранившихся въ варшавкомъ арсеналѣ; занять Модлинъ нѣсколькими батальонами Литовскаго корпуса, подъ командою энергическаго начальника; привести наскоро эту крѣпость въ оборонительное положеніе, снабдить ее артиллеріей, боевыми снарядами и съѣстными припасами на три мѣсяца. Въ самой же Варшавѣ онъ могъ принять болѣе энергичныя мѣры предосторожности и сосредоточить полки русской гвардіи близъ Бельведера. Въ виду такихъ силъ и такихъ мѣръ предосторожности, руководители возстанія не рѣшились бы, вѣроятно, начать уличные безпорядки и отказались бы отъ своего замысла.

Между тѣмъ 17-го (29-го) ноября, въ 5 часовъ вечера, вернувшись домой изъ аппликаціонной школы, я приказалъ запречь лошадь, намѣреваясь провести вечеръ у княгини Ловичъ и поблагодарить ее за

«Harmonie» Ламартина, которые она подарила мнѣ въ день моихъ именинъ 11-го (23-го) ноября.

Была ли то простая случайность или меня хранила судьба, но, какъ бы то ни было, кучера моего не оказалось дома. Будучи одѣтъ и не желая терять вечера, я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ на Грибовую улицу къ г-жѣ Гутаковской. Погода была хорошая, морозило, и я пошелъ, закутавшись въ плащъ. Подходя къ желѣзнымъ воротамъ, я услыхалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей. Остановившись, я спросилъ проѣзжавшаго мимо извощика, не слышалъ ли онъ выстрѣловъ со стороны Краковскаго предмѣстья?

— Вы,—должно быть, ошиблись, панъ, это шумѣли, вѣроятно, мои дрожки,—отвѣчалъ онъ...

Но я не успѣлъ пройти и двухсотъ шаговъ, какъ снова раздались выстрѣлы. Увѣренный этотъ разъ въ томъ, что я не ошибся, я ускорилъ шагъ и зашелъ къ Генрику Забѣллѣ на Грибовой улицѣ. Я засталъ у него Эдуарда Рачинскаго, съ которымъ они преспокойно разглядывали чертежи и рисунки Лондонскихъ доковъ, ни мало не подозрѣвая того, что дѣлалось въ городѣ. Они выслушали меня съ удивленіемъ и послали по моей просьбѣ слугу на Краковское предмѣстье узнать, что тамъ происходитъ. Онъ вернулся чрезъ нѣсколько минутъ и сообщилъ, что въ Варшавѣ бунтъ. Я поспѣшно простился съ Забѣллою съ намѣреніемъ отправиться въ аппликаціонную школу, куда меня призывалъ мой долгъ. На Гржибовской площади я встрѣтилъ нѣсколькихъ подпрапорщиковъ пѣхоты, скакавшихъ верхомъ и кричавшихъ: «Москали рѣжутъ нашихъ, поляки къ оружію!». Они не тронули меня, и я отправился на Банковую площадь, гдѣ увидѣлъ батальонъ сводныхъ гренадеръ подъ командою маіора Живульта со 2-мъ линейнымъ полкомъ. Я спросилъ его: «Что случилось, что вы тутъ дѣлаете?»

— Я тутъ по приказанію начальства,—отвѣчалъ маіоръ,—это мое мѣсто на случай тревоги, мнѣ приказано защищать банкъ. Я передаю команду г. полковнику, какъ старшему офицеру.

— Команда въ хорошихъ рукахъ,—отвѣчалъ я маіору;—что касается меня, то мое мѣсто въ аппликаціонной школѣ.

— Что же мнѣ дѣлать далѣе?—спросилъ Живультъ.

— Пока,—отвѣчалъ я,—защищать банкъ, держать батальонъ подъ ружьемъ и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, разсылая во всѣ стороны патрули и ведеты.

Между тѣмъ до насъ долеталъ отголосокъ шума, происходившаго передъ арсеналомъ; слышны были крики людей и выстрѣлы. Въ эту минуту подошла школа конныхъ подпрапорщиковъ, состоявшая на половину изъ русскихъ, на половину изъ поляковъ, подъ командою подполковника Чарномскаго. Простоявъ на Банковской площади съ пол-

часа, они повернули обратно. Я оставался нѣкоторое время подъ галлереей банка; трудно было добраться до школы, хотя до нея было и недалеко, но улицы, ведущія къ ней, были переполнены вооруженными людьми; я встрѣтилъ тутъ генерала Копецкаго, графа Ельскаго, маіора Войнаровскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

— Чѣмъ все это кончится?—спрашивали они.

— Пока русскихъ выгонятъ изъ Варшавы,—отвѣчалъ я,—а черезъ мѣсяцъ будетъ война съ Россіей, конецъ которой можетъ предвидѣть каждый здравомыслящій человѣкъ, а въ результатѣ потеря свободы и тяжелая для насъ неволя!

Вотъ, что я говорилъ въ то время, ибо чего можно было ожидать отъ революціи, какъ не бѣдствія для народа? Вначалѣ, быть можетъ, немного славы, которая разлетится, какъ дымъ, а затѣмъ упадокъ страны, несчастіе семей, тысячи жертвъ... Какъ бы одаренный прозорливостью пророка, я видѣлъ въ то время ясно, какъ день, то, что ожидало насъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Это видѣли и другіе, но охватившая всѣхъ тревога, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ замыкала всѣмъ уста. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ этими господами, я вошелъ въ домъ Замойскихъ и попросилъ знакомаго слугу дать мнѣ стаканъ чая, потомъ отправился къ себѣ на квартиру, бывшую въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, и, взявъ немного денегъ на всякій случай, вернулся къ банку. Тутъ я увидѣлъ, что положеніе дѣла значительно измѣнилось. Офицеры, собравшись безъ начальства, совѣщались между собою. Солдаты начали выходить изъ рядовъ. Разныя лица, арестованныя съ оружіемъ въ рукахъ въ арсеналѣ, шли мимо насъ съ криками: «да здравствуетъ отчизна». Въ этотъ моментъ передъ батальономъ вышли генералъ Фешовъ и капитанъ Безобразовъ, адъютантъ великаго князя. Первый пріѣхалъ изъ Бельведера окольными улицами; второй былъ встрѣченъ около ратуши залпомъ изъ ружей и едва не былъ убитъ. Фешовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что великій князь ничего не предпринималъ въ столь важный моментъ, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски):

— Онъ оставляетъ насъ въ минуту опасности,—тогда какъ если бы дѣйствовать энергично, можно было бы еще все спасти, онъ колеблется и погубитъ всѣхъ насъ вмѣстѣ съ собою.

Къ намъ подъѣхалъ также Владиславъ Замойскій, но, поговоривъ съ нами нѣсколько минутъ, отправился обратно. Генералъ Фешовъ проѣхалъ до Тломацкой улицы, но тутъ былъ окруженъ толпою и едва не поплатился за свою смѣлость жизнью.

Вскорѣ послѣ этого показался генералъ Станиславъ Потоцкій и, остановившись ненадолго предъ гренадерами Живульта, поѣхалъ по Рымарской улицѣ, смѣло подвигаясь среди толпы, которой онъ объяснялъ

безразсудность ея поступка. Его окружили военныя и гражданскія лица разныхъ чиновъ и убѣждали стать въ главѣ ихъ. Но генералъ отвѣчалъ, что не можетъ нарушить данной присяги и запятнать свою военную честь. Когда же они стали приставать къ нему все болѣе и болѣе энергично и хотѣли силою заставить его идти съ собою, то онъ протискался сквозь толпу и вернулся смущенный къ баталіону Живульта. Немного погодя, онъ приказалъ обезоружить толпу, шедшую мимо, которая была вынуждена сложить предъ фронтомъ гренадеръ Живульта оружіе, взятое изъ арсенала, которое они несли спрятаннымъ. Вслѣдъ за Станиславомъ Потоцкимъ человѣкъ около двадцати протиснулись въ ряды батальона и начали склонять на свою сторону гренадеръ. Потоцкій еще разъ обратился къ толпѣ, желая уговорить ее отказаться отъ своего намѣренія. Но все было напрасно,

Во время замѣшательства, происшедшаго среди гренадеръ Живульта, неизвѣстнымъ человѣкомъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и Станиславъ Потоцкій былъ смертельно раненъ. Его отнесли въ домъ Замойскихъ, гдѣ онъ скончался нѣсколько часовъ спустя. Вслѣдъ за нимъ удалился съ Банковской площади начальникъ его штаба, генералъ Мрожинскій, раненый въ шею штыкомъ.

Такъ погибъ храбрый воинъ, товарищъ Косцюшки и князя Понятовскаго, ревностный патріотъ, отъ руки тѣхъ самыхъ людей, которымъ было бы весьма важно имѣть на своей сторонѣ человѣка столь вліятельнаго и преданнаго общему дѣлу, какъ Станиславъ Потоцкій. Если бы ему было дано нѣсколько часовъ на размышленіе, то его навѣрно удалось бы склонить на нашу сторону, но его минуты были сочтены!

Послѣ того, какъ онъ былъ убитъ, никто уже не чувствовалъ себя въ безопасности, поэтому я вышелъ изъ толпы и вернулся домой, ожидая всю ночь дальнѣйшихъ событій, въ коихъ я не могъ принимать никакого участія.

На слѣдующій день, 18-го (30-го) ноября, ко мнѣ явился въ 10 часовъ утра Станиславъ Ржевусскій, прося дать ему что-нибудь поѣсть. Подкрѣпляя себя пищей, онъ разсказалъ мнѣ о событіяхъ этой ночи: нападеніи на Бельведеръ, смерти генерала Гауке, полковника Мецишевскаго, генераловъ Блюмера, Тренбицкаго, Новицкаго, Сементовскаго; арестованіи русскихъ генераловъ: Рихтера, Исакова, Энгельмана, Кривцова, Нессельроде; адъютантовъ Грессера и Бутурлина; польскихъ генераловъ: Риделя и Бонтана; о разграбленіи арсенала, изъ котораго народъ взялъ 30.000 ружей, и т. д. На мой вопросъ о томъ, кто руководитъ возстаніемъ и какія дальнѣйшія намѣренія поляковъ, онъ не могъ ничего сказать. Когда онъ ушелъ, я послалъ преданнаго мнѣ слугу Войцеха къ полковнику Совинскому узнать, что дѣлается въ

аппликаціонной школѣ. Ему сказали, что ученики до 9 часа вечера сидѣли спокойно въ своихъ залахъ; въ девятомъ часу толпа вооруженнаго народа ворвалась въ школу и не смотря на сопротивленіе полковника и офицеровъ силою вывела ихъ на улицу, откуда ни одинъ изъ нихъ еще не возвратился. Войцехъ сообщилъ мнѣ также, что волненіе не прекращается, и что офицеру нельзя показаться на улицѣ безъ пистолета или какого-либо оружія въ рукахъ и т. д. Я не выходилъ весь день изъ дома и только на слѣдующій, 1-го декабря, рѣшился выйти изъ своей квартиры и присоединиться къ начальнику школы.

Въ тотъ день рано утромъ ко мнѣ явились: инженерный капитанъ Вильсонъ и поручикъ того же корпуса Пршиpембель (Przyrembel); войдя ко мнѣ, они спросили, что̀ я намѣренъ дѣлать? Вильсонъ сообщилъ мнѣ всѣ слухи, ходившіе въ городѣ, вслѣдствіе которыхъ весьма многіе легковѣрные люди перешли на сторону мятежниковъ.

— Мнѣ не нужно,—сказалъ я Вильсону,—никакихъ доводовъ, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе въ настоящую минуту. Я прежде всего полякъ! Коль скоро польскій народъ возстаетъ, я не намѣренъ отдѣлять своей судьбы отъ судьбы народа. Если онъ хочетъ погибнуть, то и я погибну вмѣстѣ съ нимъ. Но наше возстаніе есть война съ Россійской имперіей, которую не могъ побѣдить Наполеонъ, и всякій благомыслящій человѣкъ можетъ понять, каковъ будетъ ея результатъ для насъ. Что касается меня, то я останусь на своемъ мѣстѣ и буду дѣйствовать такъ, какъ долженъ поступить честный человѣкъ, преданный своему отечеству; быть можетъ, безъ увлеченія, которое я вижу въ васъ, но ровно и настойчиво до конца. Кто руководитъ возстаніемъ?

Вильсонъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ никто изъ людей извѣстныхъ не сталъ во главѣ мятежниковъ, но что они разсчитываютъ на Хлопицкаго.

— Гдѣ же корпусный командиръ, генералъ Малецкій?

— Съ великимъ княземъ.

Взявъ пистолетъ и снявъ русскіе ордена и султанъ съ шапки, которые всѣ военные одѣли при началѣ революціи, оставивъ бѣлую ленту и кокарду, я вышелъ съ Вильсономъ и Пршиpембелемъ на Сенаторскую улицу. Первыя лица, которыхъ мы встрѣтили, были статскій совѣтникъ Лудвигъ Платеръ и каштелянъ Дембовскій, оба съ саблями въ рукахъ и съ кускомъ бумаги на шляпѣ, на которомъ было написано: «народная гвардія». Они шли къ дому князя Любецкаго. На ихъ блѣдныхъ лицахъ замѣтны были слѣды волненія и безсонныхъ ночей. Въ ту сторону шла масса разнаго народа, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. На фасадѣ ратуши (домъ Яблоновскихъ) я прочелъ надпись: Witaj jutrzenko wolnosci, za tobą

*

idzie słońce swobody! [1]). На дворѣ зданія военной комиссіи мы увидѣли баталонъ саперъ въ волненіи, не поддающемся описанію.

Солдаты, набранные по большей части изъ варшавскихъ мастеровыхъ, полупьяные, начали уже грабить кассы и угрожали офицерамъ, которые старались обуздать ихъ своеволіе. Офицеры и унтеръ-офицеры, которые всѣ хорошо знали меня, привѣтствовали меня громкими криками радости. Поздоровавшись съ ними, я началъ разспрашивать ихъ о томъ, что было наканунѣ, и узналъ о смерти капитана Терстеньяка (Terstеniak), на котораго напали три сапера его роты въ его собственной квартирѣ и закололи штыками въ присутствіи его жены. Его вина заключалась въ томъ, что въ ночь 17-го (29-го) ноября онъ не сталъ во главѣ своей роты. По той же причинѣ солдаты стрѣляли въ подпоручика Піотровскаго, который былъ смертельно раненъ. Баталіонный командиръ, подполковникъ Майковскій, ожидалъ съ минуты на минуту той же участи.

У дворца я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, между коими былъ полковникъ Жванъ и полковникъ Альфонсъ. Въ эту минуту къ нашему кружку подъѣхалъ верхомъ пѣхотный подпоручикъ съ смуглымъ сумрачнымъ лицомъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Господа! все идетъ, какъ слѣдуетъ! Я былъ сейчасъ у генерала Хлопицкаго; онъ принимаетъ начальство надъ войскомъ. Революція, которой вы были свидѣтелями, есть дѣло моихъ рукъ. Это сдѣлалъ все я. Я Заливскій!

При этихъ словахъ всѣ переглянулись и остолбенѣли. «И такіе-то ничтожные люди руководятъ возстаніемъ!»—подумалъ каждый. Заливскій отъѣхалъ къ другой группѣ и повторилъ ей буквально то же самое. Мы пошли далѣе. На Медовой улицѣ стояла народная гвардія. Нѣсколько сотъ человѣкъ, вооруженныхъ разнокалибернымъ оружіемъ, начали строиться рядами. Чиновники, купцы, ремесленники, артисты, рабочіе и т. д. стояли другъ возлѣ друга чинно, въ величайшемъ порядкѣ. На Красинской площади стоялъ 4-й батальонъ пѣхотнаго полка съ полковникомъ Богуславскимъ и два орудія конногвардейской артиллеріи подъ командою поручика Гауке, сына убитаго военнаго министра. Наконецъ, я добрался до аппликаціонной школы и, поговоривъ съ полковникомъ Совинскимъ, отправился въ инженерное управленіе въ томъ же зданіи, гдѣ собрачось нѣсколько офицеровъ. Всѣ эти господа думали только о томъ, какъ бы схватить лишній чинъ. 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ генералъ Хлопицкій, до тѣхъ поръ тщательно скрывавшійся, принялъ командованіе войсками съ цѣлью предупредить начинавшуюся анархію.

---

[1]) Привѣтствую утро вольности, за тобою встаетъ солнце свободы.

20-го ноября (2-го декабря) генералъ Салацкій приказалъ мнѣ составить списокъ всѣхъ инженерныхъ офицеровъ, находившихся въ Варшавѣ.

На слѣдующій день генералъ Шембекъ вступилъ въ Варшаву во главѣ полка пѣхотныхъ стрѣлковъ, привѣтствуемый радостными криками народа, и присоединился къ мятежникамъ. Этотъ важный шагъ побудилъ тѣ части польскаго войска, которыя еще оставались вѣрны великому князю, измѣнить ему.

Въ тотъ же день, т. е. 20-го ноября (2-го декабря), великій князь принялъ въ Вержбнѣ депутацію, состоявшую изъ князя Адама Чарторыйскаго, князя Любецкаго, Владислава Островскаго и Лелевеля, и заключилъ съ нею договоръ.

Когда генералъ Шембекъ присоединился къ мятежникамъ, генералъ Хлопицкій ввелъ въ Варшаву гренадерскій полкъ и конныхъ стрѣлковъ, во главѣ которыхъ ѣхали генералы: Жимірскій, Красинскій и Курнатовскій. Народъ встрѣтилъ войско рукоплесканіями, но на Банковской площади началъ угрожать генераламъ Красинскому и Курнатовскому, называя ихъ измѣнниками. Ярость толпы дошла до того, что если бы въ дѣло не вмѣшались Хлопицкій и Шембекъ, то этимъ генераламъ пришлось бы поплатиться жизнью за свои прежніе грѣхи. Они поспѣшили уѣхать изъ Варшавы: Курнатовскій въ Вроцлавъ, гдѣ онъ пробылъ до окончанія войны, а Викентій Красинскій въ Петербургъ.

Только 22-го ноября (4-го декабря) руководители возстанія вспомнили о Модлинѣ. Генералъ Хлопицкій послалъ по ихъ просьбѣ подполковника Хржановскаго съ нѣсколькими ротами 8-го пѣхотнаго полка занять этотъ важный для мятежниковъ оборонительный пунктъ, въ которомъ помимо 50 орудій разнаго калибра находилось нѣсколько милліоновъ готовыхъ патроновъ и большой запасъ пороха. Комендантомъ крѣпости былъ артиллерійскій полковникъ Гугемусъ. Крѣпость совершенно не была приспособлена къ оборонѣ, въ ней не было съѣстныхъ припасовъ и ни одного пѣхотнаго солдата. О продолжительной оборонѣ нечего было и думать. Поэтому какъ только подполковникъ Хржановскій со своей пѣхотой подошелъ къ Сѣроцку, комендантъ началъ съ нимъ переговоры.

Русскому войску и артиллеріи было дозволено уйти въ Цѣхановецъ къ русской границѣ. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ очутились большіе запасы пороха, пуль и готовыхъ боевыхъ снарядовъ, безъ которыхъ война была бы окончена съ перваго сраженія. 5-го декабря утромъ я получилъ отъ генерала Салацкаго, принявшаго, за отсутствіемъ дивизіоннаго генерала Малецкаго, начальство надъ корпусомъ инженеровъ,—приказъ, коимъ онъ увѣдомлялъ меня о томъ, что, будучи назначенъ вновь учрежденнымъ правительствомъ завѣдывать матеріальной

частью артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, онъ предлагалъ мнѣ принять временно начальство надъ корпусомъ инженеровъ и вступить немедленно въ исполненіе моихъ новыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ генералъ Салацкій предпочелъ занять болѣе безопасное мѣсто, возложивъ всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣйствія на меня. Побужденія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ, не были для меня тайною, но мое желаніе послужить народному дѣлу было такъ сильно, что я не колеблясь занялся приведеніемъ Варшавы, Праги и Модлина въ оборонительное положеніе.

23-го ноября (5-го декабря) генералъ Хлопицкій рѣшилъ объявить себя диктаторомъ. Онъ приказалъ войску собраться на Марсовомъ полѣ и обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Такъ какъ настоящее критическое положеніе требуетъ величайшей съ нашей стороны энергіи и всякая задержка въ дѣйствіяхъ можетъ имѣть роковыя для нашего народнаго дѣла послѣдствія, — то, руководствуясь не честолюбіемъ и желаніемъ власти, ибо я далекъ отъ этого, а требованіемъ событій, по примѣру римлянъ, которые въ случаѣ опасности, угрожавшей отечеству, довѣряли высшую власть диктатору,— я объявляю вамъ, полякамъ, вамъ, храбрымъ польскимъ рыцарямъ, что я принимаю на себя на короткое время, т. е. до собранія сейма, диктаторскую власть, по собраніи же сейма я передамъ эту власть въ его руки. Вѣрьте мнѣ, соотечественники, что я употреблю эту власть только на вашу пользу.

На эту рѣчь войско и народъ отвѣчали криками: «да здравствуетъ диктаторъ! да здравствуетъ отечество!»

Генералъ Хлопицкій, окруженный многочисленной свитою, прибылъ верхомъ на Марсову площадь.

Благородная осанка, мужественное лицо, проницательный взглядъ, громкій голосъ, созданный для командованія, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; онъ походилъ на богатыря, взявшаго въ свои руки бразды правленія для того, чтобы поразить враговъ.

Іосифъ Хлопицкій родился въ Галиціи въ 1772 г.; хотя ему было уже подъ 60 лѣтъ и онъ участвовалъ на своемъ вѣку во многихъ походахъ, начавъ свою военную карьеру подъ командою Костюшки въ 1792 г., но трудности боевой жизни не сломили его здоровья, и онъ казался моложе своихъ лѣтъ.

Пенсіи, которую онъ получалъ (отъ русскаго правительства), и дохода съ маленькаго имѣнія, даннаго ему Наполеономъ, могло хватить на скромную жизнь въ Варшавѣ, но страсть къ карточной игрѣ заставляла его искать общества русскихъ генераловъ, коимъ онъ проигрывалъ большую часть своихъ денегъ. Я встрѣчался съ нимъ у Михаила Мицельскаго и у г-жи Вонсовичъ, за нѣсколько лѣтъ до возстанія. Я не могъ

не уважать его, какъ храбраго воина, но я не видѣлъ въ немъ качествъ человѣка, могущаго держать въ своихъ рукахъ бразды правленія или быть главнокомандующимъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ французскихъ генераловъ, называемыхъ routiniers (рутинеры), которые не видятъ ни поля битвы и ничего кромѣ орудійнаго дыма и которыхъ богъ войны не одарилъ стратегическимъ даромъ. Къ этому надобно прибавить, что онъ любилъ хорошо поѣсть, былъ готовъ играть въ карты съ кѣмъ попало, не выбирая людей и мѣста, часто проводилъ время праздно, не читалъ никакихъ военныхъ сочиненій и обладалъ такимъ запальчивымъ и раздражительнымъ характеромъ, что князь Адамъ Чарторыйскій говорилъ о немъ, что онъ никогда не видалъ военнаго, болѣе дурно воспитаннаго.

Какую цѣль могъ имѣть Хлопицкій, взявъ на себя бремя диктатора, въ столь важный для народа моментъ, когда каждый потерянный часъ могъ имѣть пагубное вліяніе на ходъ дѣла? Казалось, у него не могло быть иной цѣли, какъ, признавъ совершившуюся революцію, которую уже никакія человѣческія силы не могли сдержать, упорядочить власть народа, увеличить наши вооруженныя силы, направить народный энтузіазмъ въ одну сторону и начать безнадежную войну съ Россіей. Такъ казалось всѣмъ, такъ думалъ и я. Вслѣдствіе этого, объявленіе объ его диктатурѣ было принято всѣми съ восторгомъ. Кто бы могъ думать въ то время, что храбрый солдатъ мечталъ о чемъ-либо иномъ и былъ съ самаго начала польщенъ мыслію подавить революцію и повергнуть ее обезоруженную къ стопамъ императора Николая?

Въ моментъ провозглашенія диктатуры я находился на Марсовомъ полѣ; я шелъ задумавшись мимо школы подпрапорщиковъ, разставленной предъ фронтомъ войска, какъ вдругъ одинъ изъ подпрапорщиковъ, выйдя изъ рядовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы видимъ на лицѣ нашихъ штабъ-офицеровъ явную печаль и неудовольствіе по поводу совершившагося. Развѣ они не раздѣляютъ нашихъ чувствъ къ отчизнѣ?

— Я полагаю, — отвѣчалъ я, что такъ называемая вами печаль есть не что иное, какъ забота о будущемъ. Вы радуетесь полученной с в о б о д о ю! Мы предвидимъ в о й н у съ державою, которую въ Европѣ никому еще не удалось побѣдить, которую самъ Наполеонъ не могъ осилить. Не мудрено, что мы задумываемся надъ тѣмъ, какъ ее вести, такъ какъ это будетъ борьба на жизнь и смерть, быть можетъ, это будетъ для насъ послѣдняя борьба. Но успокойтесь! Штабъ-офицеры польскаго войска исполнятъ свою обязанность и будутъ помогать вамъ, молодымъ людямъ, на полѣ битвы своей опытностью. Могу за это вамъ поручиться.

Эти слова произвели на подпрапорщика благопріятное впечатлѣніе: онъ пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ товарищамъ, чтобы передать имъ

мои слова. Я видѣлъ по выраженію ихъ лицъ, что мои слова соотвѣтствовали самымъ пламеннымъ ихъ желаніямъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого разговора, генералъ Хлопицкій остановился передъ фронтомъ подпрапорщиковъ, благодарилъ ихъ за молодецкое самопожертвованіе и обѣщалъ, что они будутъ вознаграждены за все сдѣланное. Они всѣ были произведены въ подпоручики и зачислены во вновь формировавшіеся третьи и четвертые батальоны. Такимъ образомъ онъ отдѣлался сразу отъ ненадежной въ рукахъ этой молодежи революціонной силы.

Между тѣмъ великій князь съ русскимъ войскомъ безпрепятственно выступилъ изъ Варшавы и шелъ, не встрѣчая никакой помѣхи, къ Пулавамъ и, переправившись тутъ, 25-го ноября (7-го декабря) на лодкахъ, явился 14-го декабря въ Влодаву, на границу Литвы. Этотъ спокойный маршъ въ то время, когда вся страна волновалась, не мало удивилъ всѣхъ сколько-нибудь дальновидныхъ людей. Почему русскія войска не были обезоружены и взяты въ плѣнъ? Пять тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, 3.000 лошадей и 20 орудій стоили того, чтобы постараться объ этомъ. Великому князю, стѣсненному между польскимъ войскомъ Вислою и австрійской границей, ничего не оставалось бы, какъ дать сраженіе либо отдаться въ плѣнъ. Этого требовала демократическая партія, во главѣ которой стояли Лелевель, Мохнацкій, Брониковскій. Но Хлопицкій былъ глухъ къ ихъ требованіямъ и энергично оспаривалъ мысль о возможности атаковать великаго князя. Между тѣмъ время уходило. Когда великій князь перешелъ Вислу, подходящій моментъ былъ упущенъ, и сдѣланную крупную ошибку уже нельзя было исправить.

Намъ предстояло рѣшить важный вопросъ, а именно, слѣдовало ли намъ тотчасъ по совершившейся революціи двинуться съ войскомъ въ Литву, вызвать тамъ возстаніе, обезоружить литовскій корпусъ и начать кампанію на берегу Днѣпра и Двины.

Какъ плохо знали нашу страну, средства Польши и ея военное положеніе и могущество Россіи тѣ люди, кои лелѣяли въ своемъ воображеніи столь легкомысленные проекты! Во-первыхъ, вся, такъ называемая завоеванная страна состояла изъ Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны, простираясь отъ Буга и Нѣмана до Днѣпра и Двины и отъ Балтійскаго моря до береговъ Днѣстра. Эта мѣстность занимаетъ въ ширину 60, а въ длину 135 миль и раздѣляется на двѣ части болотами, которыя тянутся вдоль Припети: на этомъ пространствѣ имѣется только три дороги, доступныя для войска съ юга на сѣверъ, и тотъ, кто владѣетъ ими, можетъ свободно пройти изъ Волынской губ. въ Литву.

Въ половинѣ января русскіе могли сосредоточить въ окрестностяхъ Вильны и Бѣлостока 118.600 человѣкъ пѣхоты, 400 орудій и 15.300

человѣкъ кавалеріи, не считая казаковъ, а на югѣ могли мобилизовать черезъ три мѣсяца армію въ 43.500 человѣкъ пѣхоты, 21.229 кавалеріи и 334 орудій.

«Каждая изъ этихъ двухъ армій, взятая въ отдѣльности, была достаточно сильна, чтобы подавить возстаніе. Какія же силы могли мы противупоставить русскимъ? Не болѣе какъ двѣ пѣхотныя дивизіи, т. е. 26.700 человѣкъ пѣхоты, 5.400 человѣкъ кавалеріи и 10 ракетныхъ станковъ, всего 32.100 человѣкъ!»

Если русскимъ войскамъ нужно было время для того, чтобы сосредоточиться, то и мы не были готовы сразу. Намъ надобно было еще сформировать парки, заготовить съѣстные припасы, боевые снаряды и т. п.

Итакъ намъ предстояло выступить изъ Варшавы съ этими двумя дивизіями пѣхоты и двумя дивизіями кавалеріи, не имѣя парковъ и боевыхъ снарядовъ, идти къ Брестъ-Литовску, овладѣть этимъ пунктомъ и тутъ только приступить окончательно къ сформированію нашего войска. Изъ этого пункта намъ предстояло напасть на мѣсто стоянки Литовскаго корпуса, разъединить его отряды, обезоружить одни изъ нихъ, склонить другихъ перейдти на нашу сторону, внести возстаніе въ Литву и т. д. Лелевель и демократическая партія разсчитывали навѣрняка на то, что, при нашемъ появленіи, Литовзкій корпусъ присоединится къ намъ со своей артиллеріей и знаменами. Правда, въ этомъ корпусѣ было не мало молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поляковъ, но большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ были русины и литовцы, отличавшіеся отъ насъ языкомъ, религіей, обычаями и издавна преданные своему знамени. Почти всѣ дивизіонные, бригадные, полковые, батальонные и даже ротные командиры были русскіе или нѣмцы. Склонить ихъ на нашу сторону было дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, командовавшій корпусомъ генералъ Розенъ принялъ необходимыя мѣры предосторожности, изъ коихъ одна, весьма важная, состояла въ томъ, что онъ перевелъ многихъ офицеровъ поляковъ въ другіе корпуса, во внутреннія губерніи Россіи и замѣнилъ ихъ коренными русскими офицерами.

Изъ всего этого вытекаетъ, что надежда привлечь Литовскій корпусъ на нашу сторону или возможность обезоружить его принадлежала къ числу тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, которыя были порождены революціей.

Движеніе отъ Брестъ-Литовска въ глубь страны, напр. къ Вильно, или Минску, также было бы очень опасно и могло повлечь за собою самыя нежелательныя послѣдствія. Если бы мы осадили Брестъ съ одной дивизіей пѣхоты и дивизіей кавалеріи, что же осталось бы у насъ для дѣйствія противъ русскихъ отрядовъ, надвигавшихся со всѣхъ сто-

ронъ, какія силы могли бы мы выставить противъ южной арміи, которая получила приказаніе перейти нашу границу не позже 17-го февраля (1-го марта)? Быть можетъ, мы могли противопоставить имъ энергію, вѣру въ революцію? Пустыя слова, которыми никто не побѣдилъ еще ни одной арміи, состоящей изъ слишкомъ твердыхъ основъ, чтобы они могли уступить подъ натискомъ чарующихъ насъ словъ!

Между тѣмъ пропгранное сраженіе въ Литвѣ было бы вторыми Маціовицами, и чѣмъ далѣе оно произошло бы отъ Вислы и отъ нашихъ запасныхъ магазиновъ, тѣмъ оно имѣло бы болѣе пагубныя послѣдствія.

Чѣмъ далѣе мы углубились бы въ Литву, тѣмъ болѣе южная армія угрожала бы Бресту и Варшавѣ.

Изъ этого ясно, что движеніе въ Литву съ самаго начала было немыслимо, и что, даже взявъ Брестъ, мы не могли долго удержаться въ немъ.

Хлопицкій, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, былъ, вѣроятно, того же мнѣнія; поэтому, должно быть, онъ такъ энергично и оспаривалъ проектъ Лелевеля двинуть войско въ Литву.

Но возвратимся къ Варшавѣ.

Тотчасъ по полученіи приказа отъ 23-го ноября (5-го декабря), я дѣятельно занялся разработкою плана обороны Праги, Варшавы и Модлина и прежде всего обратилъ вниманіе на устройство предмостнаго укрѣпленія въ Прагѣ. Производство работъ было поручено мною инженеръ-капитану Лелевелю, которому были даны въ помощники четыре офицера и два кондуктора. Работы были начаты.

25-го ноября (7-го декабря) все населеніе Варшавы высыпало на валы, какъ въ 1794 г. Тутъ были цехи со значками во главѣ, монашенскіе ордена, школы, училища; всѣ соревновали другъ передъ другомъ, принимая участіе въ насыпкѣ валовъ. Это создало много неурядицы; надобно было имѣть много терпѣнія и времени, чтобы водворить порядокъ среди этихъ восторженныхъ работниковъ; но то, что было начато слабыми, изнѣженными руками, было докончено опытными работниками, и дѣло кипѣло. Зрѣлище было во всѣхъ отношеніяхъ любопытное и отрадное.

26-го ноября (8-го декабря) я отправился въ Модлинъ для осмотра крѣпости, которая оказалась въ самомъ плачевномъ, разрушенномъ состояніи. Моста черезъ Вислу не было вовсе. Я немедленно приступилъ къ работамъ.

Нѣсколько времени спустя комендантомъ Модлина былъ назначенъ артиллерійскій полковникъ Ледоховскій, ветеранъ 1812 г., потерявшій ногу въ сраженіи подъ Лобау, который употребилъ всевозможное стараніе, чтобы привести крѣпость въ надлежащее состояніе.

Что касалось укрѣпленія Варшавы, то оно представляло большія трудности вслѣдствіе чрезвычайной раскинутости города и его предмѣстій.

Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, какую систему укрѣпленій надлежало принять для такого обширнаго города, надобно было прежде всего знать намѣренія диктатора. Я не имѣлъ доступа къ нему и не могъ представить ему безъ спроса никакого плана обороны Варшавы, такъ какъ я видѣлъ по примѣру Пронздзинскаго и Крыжановскаго, что онъ умѣетъ быстро отдѣлаться отъ непрошенныхъ совѣтниковъ: изъ нихъ первый былъ посланъ въ Замостье, а второй въ Модлинъ помощниками комендантовъ за то, что они осмѣлились высказать въ его присутствіи свои планы кампаніи. Поэтому мнѣ пришлось ожидать возвращенія генерала Малецкаго, который, пріѣхавъ въ Варшаву, вступилъ снова въ управленіе корпуса инженеровъ.

Я долженъ былъ во всемъ сообразоваться съ его приказаніями, такъ какъ диктаторъ совѣтовался только съ нимъ. Малецкій, умѣвшій угодить и нашимъ и вашимъ, снискалъ довѣріе диктатора, точно такъ же, какъ онъ съумѣлъ снискать у великаго князя; онъ бывалъ у Хлопицкаго на обѣдахъ и говорилъ во всеуслышаніе, что диктаторъ прекрасно знаетъ фортификацію. Съ такою же похвалою онъ отзывался обыкновенно обо всѣхъ начальствующихъ лицахъ. Поэтому отъ совѣщаній съ генераломъ Хлопицкимъ нельзя было ожидать ничего хорошаго.

Впрочемъ, онъ одобрилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя мною въ его отсутствіе.

По приказанію диктатора была организована коммиссія изъ генераловъ Малецкаго и Бонтана, изъ которой должны были исходить всѣ распоряженія по инженерной части.

Первое предложеніе, съ коимъ я обратился въ коммиссію, заключалось въ сформированіи изъ отставныхъ солдатъ, саперъ и минеровъ резервнаго батальона, который я предполагалъ употребить при сооруженіи укрѣпленій Варшавы, Праги и Модлина; что касалось Замостья, то я предложилъ сформировать изъ захваченныхъ нами дезертировъ піонерную роту для крѣпостныхъ работъ.

Коммиссія отказала мнѣ въ томъ и другомъ, назначивъ отставныхъ саперъ въ артиллерію; существовавшій же саперный батальонъ былъ распредѣленъ такимъ образомъ, что одна рота піонеръ была назначена въ Модлинъ, другая въ Замостье, а понтонная рота въ артиллерійскій паркъ, такъ что у меня осталась всего одна рота саперъ, которая несла службу при главной квартирѣ и при войскахъ. Для производства работъ въ Варшавѣ и Прагѣ не осталось ни одного солдата; такимъ образомъ инженерная служба была дезорганизована съ самаго начала.

Этой услугой мы были обязаны главнымъ образомъ генералу Малецкому.

Другая моя просьба касалась артиллеріи, а именно я просилъ дать мнѣ 200 орудій для вооруженія Варшавы и Праги, 100 орудій для отправки въ Замостье и 100 для посылки въ Самсоново и Суходнево, но въ этомъ мнѣ также было отказано.

Будучи такимъ образомъ весьма стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, я долженъ былъ тѣмъ не менѣе приступить къ дѣлу. Первымъ дѣломъ чадобно было обезпечить столицу отъ нападенія непріятельскаго отряда, который могъ перейти Вислу выше или ниже Варшавы и воспользоваться отдаленіемъ нашихъ главныхъ силъ для того, чтобы овладѣть столицей, уничтожить наши запасы и разстроить наши оборонительныя средства.

Каково бы ни было намѣреніе диктатора, думалъ ли онъ вести переговоры или начать наступательную войну или ожидать нападенія со стороны русскаго войска, во всякомъ случаѣ его первою обязанностью было увеличить наши силы, насколько позволяли средства страны. Въ первомъ случаѣ, желая выговорить какъ можно болѣе выгодныя условія, намъ было необходимо быть сильными; во второмъ случаѣ, если мы хотѣли воевать съ Россіей, то намъ слѣдовало быть еще сильнѣе. Хлопицкій оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ недальновиднымъ.

28-го ноября (10-го декабря) князь Любецкій отправился вмѣстѣ съ депутатомъ Зезерскимъ (Zeziersk) въ Петербургъ, чтобы сообщить императору о положеніи дѣлъ въ королевствѣ и склонить его вступить съ нами въ переговоры.

Наши требованія сводились главнымъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

Строгому соблюденію конституціи и амнистіи всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи; посланнымъ велѣно было упомянуть между прочимъ и о надеждѣ поляковъ, что къ королевству будутъ вновь присоединены отторгнутыя отъ него провинціи.

На всѣ эти пункты Николай I, какъ императоръ всероссійскій, разумѣется, не могъ согласиться. Любецкій понималъ это какъ нельзя лучше, но ему не хотѣлось оставаться долѣе въ Польшѣ, ему хотѣлось быть въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, и поѣздка въ Петербургъ вполнѣ соотвѣтствовала его желаніямъ.

5-го (17-го) декабря, Хлопицкій заявилъ въ присутствіи собравшихся депутатовъ сейма и сенаторовъ, что онъ представитель конституціоннаго короля, что онъ не намѣренъ нарушить данной Николаю присяги, что его желанія не идутъ далѣе конституціонныхъ правъ, что онъ никогда не помышлялъ о возвратѣ отторгнутыхъ провинцій, такъ какъ императоръ никогда на это не согласится, и что онъ присвоилъ

себѣ диктаторскую власть только для того, чтобы спасти страну отъ революціонной анархіи, и никакихъ иныхъ цѣлей добиваться не будетъ.

Эти слова поразили присутствующихъ. Понимая, какое впечатлѣніе заявленіе диктатора должно было произвести на народъ, они рѣшили не оглашать его истинныхъ намѣреній.

6-го (18-го) декабря, въ 6 часовъ вечера, сеймъ объявилъ возстаніе 17-го (29-го) ноября дѣломъ народнымъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рѣшительный шагъ сейма диктаторъ въ тотъ же вечеръ сложилъ съ себя власть. Волненіе въ Варшавѣ въ тотъ день и на слѣдующій день было необычайное.

Такимъ образомъ страна осталась безъ правительства, войско безъ главы.

Но хотя депутаты сейма рѣшили держать заявленіе, сдѣланное диктаторомъ, въ тайнѣ, но публика вскорѣ узнала истину. Всѣ съ тревогою спрашивали другъ друга: что намѣренъ дѣлать Хлопицкій? Неужели мы останемся безъ руководителя? А войско роптало и говорило, что оно пойдетъ противъ непріятеля только подъ командою Хлопицкаго.

Сеймъ вторично собрался на совѣщаніе и снова предложилъ Хлопицкому диктаторскую власть, которую тотъ, ко всеобщему удивленію, тотчасъ изъявилъ согласіе принять.

Насталъ второй періодъ диктатуры, продолжавшійся съ 8-го (20-го) января по 4-е (16-е) февраля.

Что имѣлъ въ виду Хлопицкій, принимая вторично диктаторскую власть, послѣ того какъ революція была объявлена дѣломъ народнымъ? Быть можетъ, онъ предполагалъ измѣнить свой образъ дѣйствій и послѣдовать за общимъ теченіемъ? Едва ли! Откровенно изложивъ свой взглядъ въ присутствіи депутаціи отъ сейма, онъ могъ предполагать, что сеймъ облекъ его неограниченной властью на тѣхъ условіяхъ, которыя были имъ заявлены. Поэтому его нельзя обвинять въ двуличности, а лишь въ томъ, что онъ упорствовалъ вопреки волѣ народа и понималъ положеніе дѣлъ превратно.

Послѣ всего бывшаго 17-го (29-го) ноября уже нельзя было вступать ни въ какіе переговоры. Императоръ могъ требовать отъ насъ не подчиненія какимъ-либо условіямъ, а полнаго повиновенія и наказанія участниковъ возстанія. А мы, вмѣсто того, чтобы подчиниться его власти, требовали прекращенія злоупотребленій, соблюденія конституціонной хартіи, всеобщей амнистіи, говорили объ отторгнутыхъ у насъ провинціяхъ и въ то же время усиленно вооружались.

Могли ли, при подобныхъ условіяхъ, къ чему-либо привести переговоры? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь.

А между тѣмъ Хлопицкій настаивалъ на своемъ и рѣшилъ начать

съ конституціоннымъ королемъ переговоры отъ имени народнаго правительства!

Въ этомъ слѣдуетъ винить не его, а тѣхъ, кто, зная его образъ мыслей и намѣренія, вручили ему власть—Лелевеля, Звержховскаго и прочихъ членовъ патріотическаго клуба.

Съ обѣихъ сторонъ дѣятельно готовились къ войнѣ.

9-го (21-го) ноября диктаторъ послалъ своего адъютанта Вылежинскаго въ Петербургъ съ письмомъ къ императору, приказавъ ему вернуться 26-го декабря (7-го января) съ отвѣтомъ или хотя бы даже безъ него.

Вылежинскій возвратился 6-го числа, но не привезъ рѣшительнаго отвѣта, а только письмо къ Хлопицкому отъ статсъ-секретаря графа Грабовскаго, въ которомъ говорилось, что императоръ весьма доволенъ чувствами, высказанными Хлопицкимъ въ его письмѣ, и готовъ повѣрить имъ, ежели диктаторъ докажетъ ихъ на дѣлѣ согласно съ волею его величества, возвѣщенною польскому народу 6-го (18-го) января [1]).

Прочитавъ это письмо, Хлопицкій заявилъ сейму, что послѣ этого онъ не можетъ долѣе оставаться у власти, и совѣтовалъ, какъ съ самаго начала, начать переговоры при посредничествѣ Пруссіи, указывая на могущество Россіи, на ничтожество нашихъ силъ, на недостатокъ у насъ военныхъ запасовъ и т. п. Депутаты оспаривали его слова. Завязался горячій споръ, и наконецъ, когда Янъ Ледоховскій сталъ упрекать его въ упорствѣ, то Хлопицкій отвѣчалъ, что никакія силы въ мірѣ не заставятъ его сохранить диктатуру.

Тогда сеймъ избралъ въ члены народнаго правительства князя Адама Чарторыйскаго, Ст. Баржиковскаго, І. Лелевеля, Т. Моравскаго и В. Нѣмоевскаго. Командующимъ войсками былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивиллъ, котораго Хлопицкій обѣщалъ поддерживать своимъ совѣтомъ.

Съ этой минуты война сдѣлалась неизбѣжной. Послѣдняя надежда на примиреніе исчезла. 13-го (25-го) января, когда по предложенію Романа Солтыка было объявлено о низложеніи императора, Ледоховскій воскликнулъ: «Нѣтъ болѣе Николая І».

Началась война, окончившаяся, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдою русскихъ войскъ и окончательнымъ включеніемъ Польши въ составъ Россійской Имперіи.

---

[1]) Въ воззваніи къ польскому народу государь требовалъ наказанія всѣхъ участниковъ возстанія, освобожденія русскихъ плѣнныхъ, прекращенія вооруженій, распущенія войска и т. д.

Англійскій путешественникъ въ Россіи

и

его мнѣніе о русскомъ обществѣ.

(1826 и 1827 г.г.)

26-го октября 1826 года прибылъ въ Оренбургъ, въ сопровожденіи своего слуги, англичанинъ Ричардъ Сандерсонъ и очень удивилъ полиціймейстера своимъ поведеніемъ: двое сутокъ не выходилъ изъ повозки, потомъ перемѣстился въ комнату, въ которую входъ всѣмъ, не исключая и слуги его, былъ воспрещенъ; занимался онъ постоянно письмомъ и черченіемъ, употребляя при этомъ циркуль; окна комнаты всегда наполовину были закрыты салфетками.

Всѣ эти странности привели начальника мѣстной полиціи къ заключенію, что «онъ можетъ быть человѣкъ подозрительный и неблагонамѣренный для Россіи». Поѣздки же Сандерсона по окрестностямъ города и въ Илецкую Защиту еще болѣе укрѣпили подозрѣніе полиціймейстера, и онъ счелъ нужнымъ о странномъ пріѣзжемъ довести до свѣдѣнія военнаго губернатора П. К. Эссена, а послѣдній сообщилъ въ Петербургъ. Изъ третьяго отдѣленія Собственной его величества канцеляріи предписано было установить надзоръ надъ Сандерсономъ.

Между тѣмъ одно изъ писемъ Сандерсона къ матери изъ Оренбурга было перлюстровано, и въ немъ оказалась слѣдующая характеристика русскаго общества того времени:

«Здѣшніе жители не понимаютъ, какъ наши барыни въ Англіи могутъ проводить время столь однообразно въ кругу своихъ семействъ и во весь годъ не посѣщаютъ публичныхъ зрѣлищъ. При такомъ образѣ мыслей мнѣ едва-ли нужно вамъ сказать, что невѣрность, а вмѣстѣ съ оною домашнее несогласіе бываютъ весьма обыкновенны.

«Въ семъ государствѣ большой недостатокъ въ нравственныхъ правилахъ и весьма мало чувства истинной религіи. Что касается до низшихъ званій, то они болѣе наблюдаютъ обряды, нежели самую религію, а высшія сословія, презирая оные обряды и смѣшивая ихъ съ самою религіею, не радѣютъ ни о нихъ, ни о вѣрѣ.

«Здѣсь каждая вещь болѣе или менѣе имѣетъ одинъ наружный блескъ или личину. Гостепріимство очень часто происходитъ отъ тщеславія, а мнимая пріязнь—изъ какихъ-нибудь корыстолюбивыхъ видовъ. Если кто съ вами здѣсь обращается съ необыкновеннымъ вниманіемъ и ласкою, то это почти непремѣнный знакъ, что онъ подъ конецъ васъ хочетъ вовлечь въ какую-нибудь дурную шутку. Я знаю, что сей приговоръ строгъ, но путешественникъ, наблюдатель міра, и въ семъ качествѣ имѣетъ право замѣчать погрѣшности народовъ. Я не желаю тѣмъ сказать, чтобы не было исключенія. Думаю, что я самъ на себѣ испыталъ оное, пользовавшись въ разныхъ случаяхъ крайне лестнымъ пріемомъ въ Россіи, особенно въ семъ городѣ, и я надѣюсь, что все сіе происходило изъ самыхъ чистыхъ видовъ; однако, съ другой стороны, истина побуждаетъ сказать, что со мною иногда встрѣчалось совсѣмъ тому противное.

«Русскіе весьма походятъ на французовъ. Они примутъ васъ съ отверстыми объятіями при первой встрѣчѣ и наговорятъ вамъ тысячу учтивостей, однако, дружба ихъ, которую гораздо легче пріобрѣсти, нежели нашу, не столь прочна и надежна.

«Русскіе большую имѣютъ страсть къ игрѣ, музыкѣ и танцамъ. Одаренный сими тремя совершенствами (если первая можетъ назваться таковымъ) и знающій при томъ два или три языка, почитается человѣкомъ съ воспитаніемъ и въ обществѣ скорѣе можетъ играть роль, нежели, когда бъ его голова была запасена всевозможными познаніями; однако теперь, кажется, начинаетъ появляться совсѣмъ другой образъ мыслей.

«Русское общество исполнено интригъ и происковъ; почти невозможно избѣгнуть клеветы. Доселѣ я не находилъ двухъ человѣкъ, которые бы хорошо говорили одинъ о другомъ. Не имѣя нашей откровенности и рѣшительности въ характерѣ, они втайнѣ питаютъ свою злобу и въ публикѣ вамъ льстятъ, пока неожиданный случай не сниметъ съ нихъ личину. Въ своихъ привѣтствіяхъ и наружной ласкѣ они щедры, не наблюдая однако той тонкости въ обращеніи, каковою дорожатъ, чтобы не оскорбить чувства или предубѣжденія другихъ людей. Здѣсь въ обществѣ часто дѣлаютъ вопросы особеннаго рода, которые бы у насъ почли крайне дерзкими, и мнѣ нерѣдко случалось слышать въ самомъ лучшемъ обществѣ, что одинъ изъ господъ упрекалъ барыню во лжи. Признаюсь, что однажды было сіе сказано въ шутку, а можетъ быть, что выраженіе сіе на французскомъ языкѣ не такъ оскорбительно,

какъ на нашемъ, однако, не взирая на таковое извиненіе, у насъ крайне непріятно слышать кому бы то ни было таковые или подобные отзывы, которые болѣе или менѣе сопряжены съ худыми послѣдствіями.

«Въ наилучшемъ кругу мужчины курятъ табакъ въ обществѣ дамъ и плюютъ на полъ или на коверъ, куда ни попало и безъ малѣйшаго уваженія; но какое мы имѣемъ право осуждать мужчинъ, если женскій полъ самъ подаетъ къ тому примѣръ?

«Въ русскихъ домахъ вы едва услышите, чтобы въ обществѣ разсуждали о религіи, политикѣ и другихъ важныхъ предметахъ. Мужчины либо угождаютъ дамамъ, или играютъ въ карты, биллiардъ и т. д.

«Русскіе слишкомъ пристрастны къ праздникамъ, отправляемымъ въ честь святыхъ, коихъ они имѣютъ нѣсколько сотенъ. Въ такіе дни они наряжаются въ самыя лучшія платья, утромъ ходятъ по церквамъ, а послѣ обѣда толпою собираются въ какомъ-нибудь публичномъ саду или въ рощѣ, а вечеръ оканчиваютъ обильнымъ жертвоприношеніемъ Бахусу. Говоря вообще, гораздо легче перемѣнить теченіе рѣки, нежели заставить русскаго работать въ такіе дни.

«Женщины здѣсь предаются болѣе пьянству, ежели къ тому имѣютъ случай, нежели мужчины, особливо въ церковные праздники.

«Вы легко изъ того можете заключить, что работа и промышленность народная много отъ сего претерпѣваютъ, ежели при томъ разсудить, что треть года состоитъ изъ таковыхъ церковныхъ праздниковъ и что на другой день, послѣ такой невоздержанности, человѣкъ большею частью не способенъ исправлять всегдашнюю свою обязанность.

«Русскіе большіе охотники до музыки и вообще въ ней отличаются, когда ею прилежно занимаются. Нѣкоторыя изъ національныхъ русскихъ пѣсенъ превосходныя и большею частью унылыя, подобно шотландскимъ или ирландскимъ.

«Одинъ изъ адъютантовъ губернатора мастерски играетъ на скрипкѣ; онъ и еще два другихъ разыгрывали моцартовы и гайдновы квартеты, такъ какъ и другія новѣйшія сочиненія не хуже самыхъ лучшихъ виртуозовъ. Назадъ тому два или три столѣтія кто-бы могъ сего ожидать въ азіатскихъ и татарскихъ степяхъ».

Высказанныя Сандерсономъ замѣчанія относительно русскихъ вызвали еще болѣе строгій за нимъ надзоръ со стороны мѣстныхъ властей.

Оренбургское общество сначала приняло Сандерсона, какъ путешественника, весьма радушно, но вскорѣ увидѣло, что человѣкъ этотъ не стоитъ того вниманія, которое ему оказывали. Кромѣ разныхъ его странностей, замѣчено было, что онъ имѣлъ величайшую склонность къ горячимъ напиткамъ, что̀ стало особенно бросаться въ глаза въ 1827 году. Такъ въ августѣ этого года, въ то время, когда большинство горожанъ было въ рощѣ за р. Ураломъ, Сандерсонъ, тоже тамъ находившійся,

настолько усердно послужилъ Бахусу, что завелъ со своимъ слугой драку, дошедшую до полицейскаго разбирательства; дѣло кончилось тѣмъ, что Сандерсонъ заплатилъ избитому слугѣ 500 рублей.

Послѣ такого скандала Сандерсонъ началъ подумывать объ отъѣздѣ изъ Оренбурга и даже выхлопоталъ два билета на проѣздъ до Москвы, но выѣзжать медлилъ, такъ какъ въ это время у него началась переписка съ живущимъ въ Персіи мирзою Сіелли. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, наше правительство поручило оренбургскому военному губернатору выслать Сандерсона изъ Россіи.

21-го ноября 1827 года Сандерсонъ выѣхалъ изъ Оренбурга въ сопровожденіи хорунжаго Сильнова и 19-го декабря въ Раздивиловѣ былъ выпровожденъ въ Австрію.

Сообщилъ **И. С. Шукшинцевъ.**

Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ [1]).

VI [2]).

(Мартъ 1850).

Сію минуту получилъ ваше любезное письмо, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичь, и отвѣчаю на него немедленно, не откладывая, дабы не случилось съ нимъ того же, что случилось послѣ полученія вашего послѣдняго письма—я отложилъ отвѣтъ до завтра и это завтра продолжалось до нынѣшняго дня. Я ужасный лѣнтяй на письма. Все, что вы мнѣ обѣщали прислать, мною уже довольно давно получено и прочтено. Вашъ переводъ Литургіи [3]) я давно имѣлъ; Окружное посланіе [4]) мнѣ не было до сихъ поръ извѣстно; я его не читалъ еще отъ странной ошибки: я смѣшалъ его съ грамʼатою восточныхъ патріарховъ на имя Святѣйшаго Синода, и только въ эту минуту, когда я взялся за перо, чтобы писать къ вамъ, пришло мнѣ въ голову, что я сбредилъ; нынче же прочту; за то читалъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, май 1902 г.

[2]) Напечатано, съ пропусками, въ „Одесск. Вѣстн.“ 1855 г. №, 3 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 75—79.

[3]) Переводъ на французскій языкъ литургіи св. Іоанна Златоуста былъ сдѣланъ А. С. Стурдзой во время пребыванія его въ Италіи въ 1846 г. и тамъ же напечатанъ подъ заглавіемъ: „Liturgie de Saint Jean Chrysostome, archevêque de Constantinople, traduite du grec sur le texte original“. Pise. 1846. XV+56 р.; тогда вышло еще три изданія разныхъ переводчиковъ (см. „Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митр. Филарету“, Спб. 1900, стр. 233—234—письма А. С. Стурдзы).

[4]) „Окружное посланіе патріарховъ и святителей восточныхъ въ отвѣтъ на папскую грамату Пія IX къ восточнымъ христіанамъ“ было издано въ 1848 г. См. о немъ письма Стурдзы къ митроп. Филарету („Письма духов. и свѣтск. лицъ къ митроп. Филарету“, стр. 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242); оно вызвало у Стурдзы мысль написать свою „Le double parallèle“ (тамъ же, стр. 241).

*

съ великимъ удовлетвореніемъ вашу маленькую брошюру (Le double parallèle) [1]), въ которой такъ много заключается въ немногомъ; это чтеніе произвело во мнѣ объ васъ Heimweh![2]); какъ бы было хорошо для меня теперь посидѣть вмѣстѣ съ вами, чтобы часто бесѣдовать о такомъ предметѣ, который теперь для насъ обоихъ есть главный въ жизни, который для васъ всегда стоялъ на первомъ ея планѣ; а для меня такъ ярко отразился на ея радужномъ туманѣ весьма недавно, только тогда, какъ я вошелъ въ уединенное святилище семейной жизни. Этотъ чистый свѣтъ (свѣтъ христіанства), который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ передо мною прозрачною завѣсою жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все былъ завѣшенъ, и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же и былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестію. Вотъ вамъ моя полуисповѣдь; цѣлой исповѣди не посылаю: на это не имѣю времени, да издали она будетъ и безполезна. Если бы мы были вмѣстѣ, многое изъ этой исповѣди васъ бы удивило; въ душѣ человѣческой много непостижимыхъ загадокъ, и никто не раздаетъ ихъ, кромѣ самого Создателя души нашей.—Я прочиталъ недавно и ваше давнишнее сочиненіе о Православной Церкви, написанное по-французски; Сѣверинъ прислалъ мнѣ свой экземпляръ [3]); онъ пишетъ, что этой книги въ продажѣ уже нѣтъ и хочетъ, чтобы я возвратилъ ему его экземпляръ; для чего вы не сдѣлаете втораго изданія? Эта работа, то-есть дополненіе въ старости къ творенію юности, достойно займетъ васъ, и вы оставите по себѣ прекрасный памятникъ вашей христіанской жизни; у насъ, православныхъ, нѣтъ такого богатства христіанской литературы, какъ у католиковъ и протестантовъ. Какъ много чудно-прекраснаго у сихъ послѣднихъ, хотя они все строютъ, не имѣя никакой базы, но въ убѣжденіи, что имѣютъ самую лучшую. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ христіанствѣ право Freyr Forschung [4]) такъ же уничтожаетъ всякую возможность имѣть неподсудимый авторитетъ или, что все равно, цер-

---

[1]) „Le double parallèle ou l'église en présence de la papauté“ (см. выше). Сочиненіе это было потомъ переведено на греческій языкъ и напечатано въ Константинополѣ.

[2]) Тоску по отчизнѣ.

[3]) Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe. Par Alexandre de Stourdza. Weimar. 1816. Сочиненіе это вызвало возраженія со стороны католиковъ, между прочимъ: L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe, ou refutation d'un ouvrage intitulé: Considérations sur la doctrine et l'ésprit de l'église orthodoxe, par A. de Stourdza. A Weimar, 1816: par M**. A Lyon. 1822; см. предыдущее письмо, примѣчаніе 2-е.

[4]) Свободнаго толкованія.

ковь, какъ въ политическомъ мірѣ уродливая база народнаго самодержавія (Souveraineté du peuple) уничтожаетъ всякую возможность общественнаго порядка. Не смотря на это, какъ много чистыхъ христіанъ между протестантами. Я многое читаю съ величайшимъ благоговѣніемъ, и это чтеніе тѣмъ для меня назидательнѣе и убѣдительнѣе, что я все истинное съ такой базы переношу на мою, твердую, съ базы протестантизма—на базу православія. Знакомы ли вамъ сочиненія Штира [1]):

1. Die Reden des Herrn Iesu, 6 Bände;
2. Der Brief Iacobi, 1 B.;
3. Die Gemeinde in Christo Iesu. Auslegung des Briefes an die Epheser;
4. Auslegung des Briefes an die Hebräer;
5. Epistelpredigten.

Все превосходно, особенно № 4. Недавно попалась мнѣ книжка Kardiphonia, oder: Christliche Herzensergiessungen, von Iohann Newton, съ англійскаго [2]). Прелесть!

Вы бы весьма меня одолжили, если бы дали мнѣ роспись главнѣйшихъ древнихъ и новыхъ сочиненій славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ о церкви православной. Въ послѣднее время, въ промежуткахъ моего главнаго труда, т. е. моего перевода Одиссеи, я набросалъ на бумагу нѣсколько разнаго рода разсужденій, въ прозѣ; въ томъ числѣ есть нѣкоторыя содержанія христіанскаго. Все это теперь пересматриваю и привожу въ порядокъ. Мнѣ хотѣлось бы со временемъ выдать эти отрывки [3]). Но мои разсужденія о предметахъ христіанства требуютъ особаго пересмотра: надобно представить ихъ на судъ ума, просвѣщеннаго ученымъ православіемъ; я невѣжда въ теологіи. Думаю, что можно быть православнымъ христіаниномъ и безъ обширной теологической учености; но пускать въ ходъ свои мысли должно только по прямой дорогѣ, указанной нашею церковью и для этого нуженъ путеводитель опытный. Все, что церковь дала намъ одинъ разъ на всегда то мы должны принять безусловно вѣрно такъ же одинъ разъ на всегда. Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться; ему принадлежитъ только актъ этого принятія или, вѣрнѣе, протоколъ этого принятія и потомъ при-

---

[1]) Штиръ (Ewald-Rudolph Stier, р. въ 1800, ум. въ 1862 г.), лютеранскій пасторъ и суперинтендентъ, авторъ многочисленныхъ богословскихъ сочиненій; 1-я изъ упоминаемыхъ Жуковскимъ книгъ была издана въ 1843—1848 г., 2-я—въ 1845; 3-я—въ 1848 и 1851; 4-я—въ 1842 и 5-я—въ 1837 году.

[2]) Полное заглавіе ея: „Kardiphonia, oder: Herzensergiessungen in einem wirklich gepflogenen Briefwechsel mit vertrauten Freuden geschrieben", перев. съ англ. Карла Лютке съ предисловіемъ А. Tholuck'a, 2 ч., Берлинъ. 1850.

[3]) Въ письмѣ отъ 11-го октября 1849 г. Жуковскій писалъ: „Съ поэзіей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ: они могутъ составить толстый томъ, и еще многое хочется написать".

мѣненіе къ практической жизни. Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ: отъ Бога къ Богу. Философія, истекающая изъ одного ума, есть ложь. Пунктъ отбытія всякой философіи (point de départ) должно быть откровеніе. Чтобъ возвратиться къ моей прозѣ, я велю особенно переписать все, имѣющее содержаніе христіанское, и постараюсь доставить вамъ на теологическій и литературный судъ, съ полнымъ правомъ поправлять: здѣсь и осужденіе будетъ къ добру, и даже было бы хорошо напечатать ошибочное, какъ оно есть, съ его опроверженіемъ. У меня въ виду со временемъ написать нѣчто подъ титуломъ: Философія невѣжды. И этотъ титулъ будетъ чистая правда: я совершенная невѣжда въ философіи. Нѣмецкая философія была мнѣ доселѣ неизвѣстна и не доступна; на старости лѣтъ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: меня бы въ немъ цѣликомъ проглотилъ минотавръ нѣмецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и пр. и пр. Хочу попробовать, что могу написать на бѣлой бумагѣ моего ума, опираясь на однѣ откровенныя, неотрицаемыя истины христіанства. Теперь за этотъ трудъ приняться еще не могу. Я занятъ другимъ дѣломъ, азбукою [1]); началъ учить самъ свою дочку [2]) и хочу для нея составить полный курсъ домашняго и систематическаго, приготовительнаго ученія по собственной методѣ, которая кажется мнѣ весьма практическою. Еще долженъ вамъ сказать объ одной моей работѣ, давно уже конченной вчернѣ: я перевелъ весь Новый Завѣтъ съ нашего славянскаго, держась строго текста и сохраняя въ русскомъ переводѣ всѣ тѣ славянскія слова, которыя уже нашему русскому языку присвоены употребленіемъ: цѣль этого перевода не иное что, какъ одно собственное занятіе; онъ не можетъ принадлежать публикѣ, да объ этомъ я и не думаю [3]): онъ остается въ семьѣ моей памятнымъ подаркомъ отъ меня моимъ дѣтямъ. Теперь я мало-по-малу поправляю переводъ; потомъ, если Богъ дастъ жизни, и перепишу его своею рукою для мо-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15-го февраля 1850 г. Жуковскій говоритъ: „Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? — За азбукой и четырьмя правилами ариѳметики, за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома отъ самихъ родителей. Съ новаго года я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскіе буквы и склады, писать по-русски, считать“ .

[2]) Александра Васильевна Жуковская была за мужемъ за баропомъ Вёрманомъ и умерла въ Баденъ-Баденѣ 14-го сентября 1899 г. („Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 46).

[3]) Переводъ этотъ впослѣдствіи былъ изданъ за-границей.

ихъ. Какъ бы вы мнѣ пригодились въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы мой переводъ выигралъ отъ вашихъ замѣчаній!

Сію минуту дочиталъ Окружное Посланіе [1]): прекрасно! неопровержимо! Кажется мнѣ только, что недостаетъ одного аргумента (или, можетъ быть, онъ выраженъ подразумѣвательно, то-есть, безъ выраженія подразумѣвается). Вотъ онъ:

Расколъ Церкви на Восточную и Западную послужилъ только къ тому, чтобы утвердить первую на основаніи незыблемомъ и, такъ сказать, лишить ее возможности сойти съ этого основанія; послѣднюю же необходимо бросилъ на путь измѣненія, а потому и лишилъ ее характера неприкосновенности (Infaillibilité). Восточная Церковь послѣ раскола осталась неподвижною на святой базѣ VII-ми Вселенскихъ Соборовъ, то-есть на вѣчной законности, данной ей не волею человѣческою, а соприсутствіемъ Святаго Духа, каждый Вселенскій Соборъ освѣщавшаго. Западная Церковь, оторвавшись отъ восточной и чрезъ то раздвоивъ Церковь, именно симъ разрывомъ, сдѣлала на всѣ времена всякое созваніе Вселенскихъ Соборовъ невозможнымъ (ибо соборы, ею одною созываемые, не имѣютъ характера Вселенскихъ); слѣдственно, всѣ ея постановленія, не изъ Вселенскихъ Соборовъ исходящія, входятъ въ разрядъ постановленій человѣческихъ и не могутъ быть признаны даже и для самаго Запада обязательными постановленіями соборной Церкви. А измѣнивъ произвольно догматы, утвержденные Вселенскими Соборами, въ началѣ и для нея обязательными, она, такъ сказать, разрушила и самое церковь, признавъ возможною ея измѣняемость, измѣнивъ на дѣлѣ ея ученіе и въ своихъ частныхъ постановленіяхъ перенесши постановленія всеобщія, на которыхъ лежитъ печать Святаго Духа, на судъ Папы, признаннаго ею непогрѣшимымъ и поставленнаго выше соборовъ. Правильно ли все это? и ясно ли я выразилъ свои мысли? Но письмо мое сдѣлалось черезчуръ длинно. Простите, что такъ дурно написалъ и столько помарокъ надѣлалъ. Переписывать нѣтъ времени.

Прилагаю здѣсь письмо, полученное мною изъ Одессы. Я совсѣмъ не помню, получилъ ли я ту книгу, о которой въ письмѣ упоминается; это могло случиться во время моего отъѣзда изъ Франкфурта, когда я всѣ свои пожитки отправилъ въ Россію— однимъ словомъ, не помню. Но вотъ бѣда: я лишенъ всякой возможности и отвѣчать на это письмо: писавшій его такъ лаконически выразился, что я ничего не могъ вспомнить и не могу съ нимъ объясниться, ибо онъ такъ нечетко подписалъ свое имя, что я не знаю, кто ко мнѣ пишетъ. Взглянувъ на приложенное письмо, вы, можетъ быть, узнаете, кто пишетъ: оно изъ

[1]) См. выше.

Одессы; книга, о которой въ письмѣ говорится, вамъ должна быть извѣстна. Разгадайте мнѣ эту загадку.

Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ. Жуковскій.

Письма А. П. Зонтагъ—А. С. Стурдзѣ.

1.

[Май—октябрь 1852 г. Мишенское].

Зная готовность вашу содѣйствовать всякому благому дѣлу, я увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ, къ которой и приступаю, объясня вамъ напередъ, въ чемъ состоитъ дѣло:

Вдова и дѣти нашего несравненнаго друга Василія Андреевича Жуковскаго въ настоящее время находятся не въ блестящемъ положеніи, хотя будущность ихъ и обезпечена монаршею милостью: Государь императоръ пожаловалъ единовременно Елизаветѣ Алексѣевнѣ три тысячи рублей серебромъ и назначилъ ей и дѣтямъ ея ежегодную пенсію по пяти тысячъ рублей серебромъ же, что̀ очень милостиво и достаточно; но эту пенсію семейство Жуковскаго не иначе можетъ получить, какъ возвратясь въ Россію, что̀ также совершенно справедливо. Только теперь Елизавета Алексѣевна не можетъ еще думать о переселеніи въ Россію, потому что она больна и зиму должна пробыть за границею. Петръ Александровичъ Плетневъ, бывши всегда сердечно преданъ Жуковскому, предпринялъ въ помощь семейству покойнаго собрать сколько возможно его писемъ и издать ихъ для назиданія многихъ. Я уже переписала и отправила къ Плетневу все, что у меня было [1]); а какъ мнѣ извѣстно, что и вы имѣете нѣсколько писемъ отъ Василія Андреевича, то усерднѣйше прошу васъ сдѣлать милость приказать переписать тѣ изъ нихъ, которыя вы найдете приличными для напечатанія, и переслать ихъ или ко мнѣ, адресуя просто въ Бѣлевъ, на мое имя, или прямо къ его превосходительству Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ, въ Университетъ.

Мнѣ было очень прискорбно, что мнѣ не удалось проститься съ вами; вѣроятно, свиданіе наше прошедшею зимою въ Одессѣ было послѣднимъ; ибо я уже не имѣю причины ѣхать опять въ тотъ городъ, гдѣ жила такъ долго и гдѣ оставила многихъ друзей, которыхъ ласки всегда вспоминаю съ сердечною благодарностью. Я была у васъ передъ

[1]) Какъ сказано было выше, частью этихъ писемъ Плетневъ воспользовался для составленной имъ біографіи Жуковскаго.

отъѣздомъ вашимъ въ Манзырь, но меня не приняли, потому что тогда вы были очень нездоровы. Съ благодарностью ко Всевышнему узнала я, что здоровье ваше поправилось. Да сохранитъ васъ Господь еще надолго въ здѣшнемъ свѣтѣ, гдѣ вы дѣлаете такъ много добра! Пока я жива, мнѣ будетъ утѣшительно знать, что вы продолжаете подвизаться на поприщѣ, хотя и трудномъ, но благомъ! А т а м ъ, быть можетъ, Господь сподобитъ насъ свидѣться, въ радости, въ дому Отца нашего небеснаго, въ которомъ обители многи суть, но можетъ статься въ одной изъ нихъ мы встрѣтимся. Въ ожиданіи этого радостнаго свиданія, примите увѣреніе въ сердечной моей привязанности и совершенномъ почтеніи, съ коими честь имѣю быть вашею покорнѣйшей слугою Анна Зонтагъ.

J'ai eté bien heureuse, ma très chère et respectable madame Stourdza [1]), d'apprendre le rétablissement de votre digne époux. Puisse le Seigneur le conserver encore longtemps sur cette terre pour l'édification de la pauvre humanité! Je suppose, que vous êtes maintenant de retour à Odessa et que vous y reverrez bientôt toute votre charmante famille. Veuillez bien dire mille choses amicales de ma part à l'aimable princesse Marie [2]), ainsi qu'à son époux [3]). J'embrasse ses chers enfants. Je crois que petite Maroussia [4]) commence à marcher. Que le bon Dieu benisse toute votre chère famille! Portez vous bien et croyez à mon affection bien sincère et à l'estime bien sentie que je vous porte.

Je presente mes respects à la princesse Катерина Петровна [5]), si elle se trouve encore à Odessa [6]).

---

[1]) Жена Александра Скарлатовича, рожденная Гуфеландъ.

[2]) Княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Гагариной (ум. 13-го февраля 1890 г.), дочери А. С. Стурдзы; о ней см. книгу „Пятидесятилѣтіе Стурдзовской общины сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ". Историческій очеркъ. Одесса. 1900; съ портретомъ кн. Гагариной, ея мужа и др.

[3]) Князю Евгенію Григорьевичу Гагарину (род. 25-го октября 1811, ум. 15-го августа 1886 г.).

[4]) Княжна Марія Евгеньевна Гагарина.

[5]) Княгиня Е. П. Гагарина, рожденная Соймонова (род. въ 1790, ум. въ мартѣ 1873 г.), жена князя Григорія Ивановича, мать зятя Стурдзы.

[6]) Переводъ: „Я была очень счастлива, дорогая и многоуважаемая г-жа Стурдза, узнать, что здоровье вашего достойнаго супруга поправилось. Да сохранитъ его Господь на землѣ еще на долгіе годы для утвержденія на ней человѣколюбія! Я полагаю, вы теперь возвращаетесь въ Одессу и скоро увидите тамъ все ваше прелестное семейство. Передайте отъ меня тысячу дружескихъ привѣтствій княгинѣ Маріи и ея супругу; обнимаю ихъ милыхъ дѣтей. Маленькая Маруся, полагаю, начинаетъ уже ходить. Да благословитъ Господь все ваше дорогое семейство! Будьте здоровы и вѣрьте моей искренней привязанности и высокому уваженію, которое я къ вамъ питаю. Свидѣтельствую мое почтеніе княгинѣ Катеринѣ Петровнѣ, если она еще въ Одессѣ.

2.

6-го ноября 1852 г. Село Мишенское.

Позвольте мнѣ ужъ не милостивогосударствовать васъ, сердечно уважаемый мною Александръ Скарлатовичъ; для такого церемоннаго титула я слишкомъ много люблю васъ и теперь пишу къ вамъ, какъ будто къ отбывшему нашему другу Жуковскому, sans aucune arrière pensée, что̀ у меня на сердцѣ въ теперешнюю минуту. Покорнѣйше васъ благодарю за доставленіе копій съ драгоцѣнныхъ писемъ покойника; я уже отправила ихъ къ П. А. Плетневу, а сама не только прочитала ихъ съ сердечнымъ умиленіемъ, но даже сдѣлала изъ нихъ выписку, изъ того письма, въ которомъ онъ говоритъ объ «Окружномъ Посланіи» [1]), и отправила ее къ дочери [2]). Она, находящаяся въ семействѣ католическомъ, живущая въ землѣ католической, имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи. Малютка внучка моя Анюта [3]) передъ моимъ отъѣздомъ сказала мнѣ: «Вы, бабушка, будьте покойны! Я не измѣню той церкви, въ которой вы меня крестили»! Помоги имъ, Господи, устоять противъ всѣхъ искушеній! Это моя усердная ежедневная молитва. Вѣрю и надѣюсь, что милостивый Отецъ спасетъ созданіе Свое и путями, Ему извѣстными, приведетъ къ благому концу.

Письмо ваше со вложеніемъ писемъ Жуковскаго я получила въ тотъ самый день, когда отходила изъ Бѣлева экстра-почта; слѣдственно, я не успѣла бы написать къ вамъ хотя коротенькаго отвѣта и послать его изъ деревни въ городъ; мое письмо уже не застало бы почты; вотъ почему и пишу къ вамъ черезъ недѣлю. Отъ Плетнева давно не имѣю писемъ и не знаю, много ли онъ собралъ, и началось ли уже печатаніе. Не знаю также, не будетъ ли ему какого затрудненія въ напечатаніи: наша цензура до того стала неумолима, что изъ рукъ вонъ! Она запретила перепечатывать новымъ изданіемъ сочиненія Гоголя, которыя хотѣли издать въ пользу его матери, находящейся въ бѣдности!

Скажу вамъ новость, можетъ статься вамъ уже извѣстную: вдова нашего друга, Елизавета Алексѣевна Жуковская, перешла въ нашу церковь и приняла мyропомазаніе: печать дара Духа Святаго 16-го числа прошедшаго сентября. Воспріемницею ея была государыня цесаревна.

---

[1]) См. выше, письмо V.

[2]) Дочь А. П. Зонтагъ, Марья Егоровна (род. въ 1824 г.) была за мужемъ за г. Гутмансталь и въ 1896 г. была вдовою („Руск. Арх.“ 1896 года, кн. I, стр. 266).

[3]) Дочь М. Е. Гутмансталь.

Прошу васъ покорнѣйше сказать мое дружеское почтеніе Елизаветѣ Ѳедоровнѣ [1]) и обнять за меня княгиню Марію Александровну [2]) и дѣтей ея, если они уже съ вами. Также скажите отъ меня много дружескаго Катеринѣ Александровнѣ Хитровой [3]). Помоги ей Господи въ святомъ подвигѣ, предпринятомъ ею! Она, конечно, уже знаетъ, что двое изъ бароновъ Черкасовыхъ поженились: Гавріилъ [4]) — вторымъ бракомъ на дочери покойнаго Дмитрія Павловича Левшина [5]), молоденькой, хорошенькой и богатой; а воспитанникъ Катерины Александровны, двадцати-двухъ-лѣтній Александръ [6]) на дочери генерала Байкова, говорятъ, необыкновенно дурной собою, но онъ влюбленъ въ нее страстно. Это доказываетъ, что она обладаетъ чѣмъ-то лучше, нежели красотою. И пословица говоритъ: «не по-хорошему милъ, а по-милому хорошъ».

---

[1]) Стурдзѣ, женѣ Александра Скарлатовича.

[2]) Гагарину.

[3]) Ек. Ал. Хитрово нѣсколько лѣтъ была сестрою-надзирательницею въ Одесской Стурдзовской общинѣ сердобольныхъ сестеръ, основанной въ 1850 г. А. С. Стурдзою. Въ концѣ 1855 г. она была, по желанію великой княгини Елены Павловны, командирована въ Симферополь, въ качествѣ главной сестры-настоятельницы Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ, и здѣсь по достоинству была оцѣнена Н. И. Пироговымъ; однако, уже 2-го февраля 1856 г. Е. А. Хитрово скончались въ Симферополѣ: тѣло ея было перевезено въ Одессу и погребено на кладбищѣ Стурдзовской общины. Нѣкоторыя свѣдѣнія о ней и портретъ ея (изъ галлереи портретовъ дѣятелей войны 1853—1856 г.) можно найти въ книгѣ «Пятидесятилѣтіе Стурдзовской Общины сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ. Историческій очеркъ". Одесса. 1900, стр. 10—13 и 48.

[4]) Баронъ Гавріилъ Ивановичъ Черкасовъ (род. въ 1826 г.), воспитанникъ училища Правовѣдѣнія, выпуска 1845 года; былъ въ Тулѣ губернскимъ прокуроромъ; выйдя въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника, онъ проживалъ частью за границей, частью въ имѣніяхъ: матери своей—въ Подольскомъ уѣздѣ Моск. губ. и въ Кромскомъ—Орловской губ.; умеръ 16-го сентября 1899 года.

[5]) Баронъ Черкасовъ вторымъ бракомъ былъ женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ Левшиной (р. въ 1830 г. здравствуетъ и по нынѣ), дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Левшина (род. въ 1804 г., ум. въ 1851 г.) и жены его Вѣры Яковлены, рожд. княжны Грузинской (род. въ 1801, ум. въ 1860 г.); въ первомъ бракѣ баронъ Гавріилъ Ивановичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Филипповнѣ Христіановичъ, но она, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, умерла отъ холеры въ 1848 г. въ Петербургѣ.

[6]) Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ (р. въ 1830 г.), братъ предыдущаго, также воспитанникъ училища Правовѣдѣнія, выпуска 1850 г., служилъ по Министерству иностранныхъ дѣлъ; здравствуетъ и по нынѣ; его жена Марья Матвѣевна умерла въ 1883 или 1884 году. (Всѣ свѣдѣнія о бар. Черкасовыхъ сообщены мнѣ барономъ Павломъ Гавриловичемъ Черкасовымъ, коему и приношу мою искреннюю признательность).

Прощайте, мой почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ. Молю Бога о продолженіи вашего здоровья и драгоцѣнной жизни для блага стольких облагодѣтельствованныхъ вами и назиданія многихъ. Ваша покорная и сердечно преданная вамъ Анна Зонтагъ.

P. S. Я выписала для моей Анюты русскихъ книгъ; ищу случая переслать ихъ въ Тріестъ: Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля вокругъ свѣта, передѣланное для дѣтей [1]). Это поможетъ ей учиться географіи. Оно хорошо, но видно, передѣлыватель былъ не агрономъ; напр., онъ говоритъ о японскомъ земледѣліи, что тамъ большія поля, засѣянныя рисомъ, а за ними другія—съ сарачинскимъ пшеномъ: blé sarazin, то-есть, гречиха. Потомъ: «Приключенія Пони» [2]),—для ея забавы, хорошенькая повѣсть и, наконецъ, главное: «Пространный катихизисъ митрополита Филарета», который утвердитъ ее, съ Божіею помощію, въ данномъ мнѣ обѣщаніи. Всѣ эти книги рекомендую княгинѣ Маріи Александровнѣ, для ея дѣтей.

Сообщилъ **Б. Л. Модзалевскій.**

---

[1]) „Библіотека путешествій для маленькихъ читателей. Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля“, 10 ч., съ 45 картинами. Спб. 1850 г.

[2]) „Приключенія Пони, Эмскаго осла“ (Спб. 1852, съ 12 раскраш. картинками) написаны Маріей Ѳедоровной Ростовской, рожд. Львовой (ум. въ Вѣнѣ въ 1872 г.).

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

VI [1]).

Путешествіе въ Іерусалимъ.

Дальнѣйшій разсказъ о путешествіи Митрофаніи въ Іерусалимъ изложенъ ею въ письмахъ къ Маріи, игуменьѣ Балашовскаго монастыря, и въ такомъ видѣ мы и печатаемъ его. Ред.

1.

9-го мая 1896 г. Харьковъ.

Пишу тебѣ, другъ души моей, изъ Харькова, куда пріѣхала 4-го. Завтра ѣду вечеромъ въ Полтаву, но волею Божіею маршрутъ мой измѣнился: ѣду прямо въ Одессу. Человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Перемѣна случилась слѣдующимъ образомъ: Филарету я застала здѣсь въ Харьковѣ, возвратилась она изъ Одессы съ слѣдующими извѣстіями: первое: мнѣ слѣдуетъ поспѣшить въ Одессу, для возстановленія срока на полученіе заграничнаго паспорта, такъ какъ для слѣдованія въ Одессу четырехъ-мѣсячный просроченъ уже два мѣсяца. Нужно поспѣшить, дабы успѣть сѣсть на круговой пароходъ, который идетъ въ Іерусалимъ 29-го числа сего мѣсяца. Монахи аѳонскіе совѣтуютъ мнѣ не мѣшкать, такъ какъ теперь время самое удобное: море тихое и пароходъ благонадежный, т. е. покойнѣе другихъ. Второе:

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

Господь, видя мое безвыходное положеніе, относительно ухода за мною, 70-лѣтней старухой, внушилъ одной запасной сестрѣ милосердія С.-Петербургской Покровской общины, мнѣ извѣстной, придти къ сестрѣ Ѳеодосіи Николаевнѣ (Аристовой) и навѣстить меня, паломницу, такъ какъ она изъ моихъ воспитанницъ, мною принятыхъ въ 1868 году. Приняла я ее, бѣдняжку, 4½ лѣтъ. Воспиталась она въ общинѣ и удостоилась быть испытуемой, а затѣмъ и сестрой милосердія; наконецъ, оставила Петербургъ (т. е. общину великой княгини) и прикомандировалась къ обществу Краснаго Креста, гдѣ получила медаль на Аннинской лентѣ за существенныя и самоотверженныя услуги дѣлу помощи страждущимъ во время эпидеміи тифа и холеры въ 1891 и 1892 годахъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ дѣтской заразной больницѣ здѣсь, въ г. Харьковѣ, и несла это тяжелое послушаніе съ великимъ терпѣніемъ. Мечта ея была много лѣтъ ѣхать во св. градъ Іерусалимъ, но средствъ у нея нѣтъ никакихъ,—задушевная мечта оставалась только мечтою. При разговорѣ со мной она со слезами просила меня взять ее съ собою, какъ преданную слугу и что въ Іерусалимѣ, если я пожелаю ее отпустить, то она опредѣлится въ больницу Русской миссіи, и что она меня ничѣмъ не обременитъ, кромѣ платы за проѣздъ. Это было 7-го. Видя ея слезы, ея чистосердечное желаніе поклониться Гробу Господню, также желаніе отплатить за сдѣланное мною ей добро, принявъ ее, сироту, въ общину; мысль меня покоить дорогой и слѣдить за мной, въ случаѣ болѣзни, безплатно, привела меня въ тѣ чувства благодарности къ Богу, которыя ты одна можешь понять, такъ какъ ты все знаешь и моя скорбь тебѣ открыта. Я, сразу ничего не обдумывая, перекрестясь, сказала ей, что я беру ее съ любовью. Она поклонилась мнѣ въ ноги и обѣщала, при тутъ бывшихъ сестрахъ, меня во всемъ покоить и служить мнѣ, какъ раба. Филарета, по внушенію Божію, не противорѣчила, Феня Аристова также. Послѣдняя ее рекомендовала, какъ вѣрную и способную сестру. Что мыслитъ Филарета, того не вѣдаю, но теперь она пока вѣрна, но это не надолго; развѣ самъ Господь ее вразумитъ за твои сестринскія и материнскія молитвы. Я рѣшила не ѣхать теперь въ Кіевъ, скорблю, но дѣлать нечего, лучше утѣшить скорбящаго человѣка, теряющаго терпѣніе четвертый годъ. Она трудилась здѣсь, а до того она два года трудилась, также при эпидеміи; никого у ней нѣтъ родныхъ, сама вырощена сиротой, ничего у нея нѣтъ и по милосердію Божію, Господь мнѣ, неимущей, послалъ это страждущее существо. Всѣ утверждаютъ здѣсь, въ общинѣ, что она служила за жалованье, при заразныхъ младенцахъ, чтобъ накопить себѣ денежекъ на проѣздъ въ Іерусалимъ, но жалованья она получала только 20 руб. въ мѣсяцъ и все шло на одежду, обувь и обыденный расходъ на чай и проч. Жаль мнѣ стало ее, жаль и себя. Чтобы ѣхать кружно въ Кіевъ, а

потомъ въ Одессу надо затратить 50 руб.; за дорогу же сестры Ольги изъ Харькова до Іерусалима я затрачу не болѣе 30 руб. и къ тому же тѣмъ исполню волю Божію. Думаю, въ Одессѣ все устрою насчетъ паспорта, а тамъ, если великая княгиня мнѣ на мое письмо отвѣтитъ и пригласитъ, то могу къ ней заѣхать, нарочно на два дня изъ Одессы. Вѣрую, Господь все мнѣ самъ укажетъ и устроитъ.

2.

11-го мая 1896 г. Полтава.

Вчера писала тебѣ изъ Харькова, а сегодня пишу изъ Полтавы, куда я пріѣхала въ 4 часа утра. На вокзалѣ, въ дамской комнатѣ, я уснула и три часа отдохнула. Освѣжившись, поѣхала въ Крестовоздвиженскій монастырь поклониться и помолиться на могилахъ моихъ благодѣтелей: раба Божія Михаила и преосвященнаго Іоанна. На могилѣ послѣдняго просила я его благословить меня въ дальній путь, и мнѣ казалось, что онъ слышитъ меня и молитъ Бога о моемъ недостоинствѣ. Изъ монастыря я поѣхала къ Елизаветѣ Петровнѣ Мартыновой [1]), гдѣ думаю пробыть до завтра вечера. Въ ночь на 13-е поѣду въ Козельщину, но устрою ли я для тебя то, о чемъ мечтаю, не знаю...

3.

14-го мая 1896 г. Полтава.

Сейчасъ уѣзжаю изъ Полтавы, другъ души моей, незабвенная матушка Марія. Завтра буду въ Одессѣ вечеромъ по морю черезъ Николаевъ. Надѣюсь, что получу отъ тебя давно ожидаемое письмо. Пишу теперь потому, что забыла тебѣ написать о слѣдующемъ: въ Бѣлгородѣ я имѣла разговоръ о ладонѣ Балашовскомъ, т. е. твоей обители, съ монахиней Рождественскаго Богородицкаго монастыря Викторіей по фамиліи Прилуцкой, главной мастерицы по издѣлію иконъ, которыя она продаетъ по ярмаркамъ, посылая изъ своей келіи мастерицъ по разнымъ городамъ. Имъ пожелалось узнать про Балашовъ, какъ туда проѣхать и можно ли тамъ на ярмаркѣ торговать. Я имъ дала мѣшечекъ ладона для образца и ладона, который они могутъ продавать вмѣстѣ съ иконами и цвѣтами. Я имъ посовѣтовала быть у тебя и заказывать въ твоей школѣ иконы, такъ какъ у нихъ въ Бѣлгородѣ иконы дурнаго письма. Она просила тебѣ о ней написать, чтобы ты знала, что она монахиня благонадежная. Мое дѣло только тебя увѣдомить, потому что она можетъ быть къ тебѣ обратится, а когда, мнѣ не извѣстно.

---

[1]) Полтавская помѣщица.

Въ Одессѣ пробуду включительно до 29-го числа. Если найду возможнымъ, проѣду въ Кіевъ; хочется исполнить твой дружескій совѣтъ. Ѣхать мнѣ одной и вернуться будетъ стоить 12 руб.; изъ 15 дней я употреблю только 5 сутокъ, двое въ пути и трое сутокъ въ Кіевѣ. Въ Одессѣ возьму у полиціймейстера билетъ, а съ просроченнымъ я разсудила, что мнѣ ѣхать въ Кіевъ нельзя, могу тамъ подвергнуться непріятностямъ. Изъ Одессы напишу великой княгинѣ.

Вчера весь почти день Филарета плакала потихоньку отъ меня. Ей повидимому очень не по нутру, что я взяла съ собой сестру Андрееву, т. е. Ольгу Ивановну. Бѣда мнѣ, но я вѣрую, что невидимыми судьбами все устроитъ Богъ.

4.

22-го мая 1896 г. Одесса.

Думала ѣхать въ Константинополь 25-го, о чемъ телеграфировала тебѣ, но это была ошибка, ѣду 28-го въ 4 часа вечера на пароходѣ круговомъ [1]). Имя его еще не знаю. Капитанъ мнѣ велѣлъ пріѣхать въ пятницу, 24-го, и тогда я его увижу и изберу себѣ мѣсто во II-мъ или I-мъ классѣ; но это рѣшу, когда узнаю, гдѣ будетъ помѣщаться тотъ или другой классъ, такъ какъ въ серединѣ (парохода) бываетъ спокойнѣй: тогда качка, если и бываетъ, то не очень сильна, и II-й классъ бываетъ покойнѣй I-го. До сегодняшняго дня я все думала ѣхать въ Кіевъ, думала ѣхать одна, какъ тебѣ о томъ писала изъ Харькова или изъ Полтавы, думала написать изъ Одессы великой княгинѣ, но и это не удалось, и по всему видно, Богу не угодно мое появленіе къ ней; время не пришло, а потому при всемъ моемъ желаніи вышло иначе. Во-первыхъ, срокъ моему паспорту прошелъ, и твое свидѣтельство одно нравственно оправдало меня за просрочку; въ Кіевѣ я могла бы имѣть большую непріятность, о которой я не подозрѣвала, т. е. явившись туда въ отсутствіе митрополита Іоанникія, я не была бы принята въ монастырской гостиницѣ; а во-вторыхъ, здѣсь, въ Одессѣ, какъ видно, меня ждали. 18-го числа я пріѣхала къ градоначальнику П. А. Зеленому. Онъ выслалъ тотчасъ же ко мнѣ правителя своей канцеляріи, просить меня къ себѣ въ свой кабинетъ. Привѣтственный пріемъ и даже удивленіе градоначальника, почему я была стѣснена, выдачею мнѣ срочнаго паспорта, для пріѣзда въ Одессу, доказали мнѣ, что онъ весьма милостиво ко мнѣ относится и что, вѣроятно, былъ предупрежденъ о томъ изъ Петербурга, что я ѣду за границу.

Онъ просилъ подождать полчаса, и два паспорта были принесены и вручены мнѣ имъ съ пожеланіемъ благополучнаго пути. Я заплатила

[1]) Идущемъ прямо до Яффы.

за себя и за Филарету пошлинъ 24 руб. На другой день пришлось мнѣ ѣхать къ турецкому консулу, который, вопреки принятому обычаю, моментально также удовлетворилъ меня. Тамъ за два паспорта взяли съ меня 3 р. 60 к. Затѣмъ, пришлось мнѣ ѣхать по прописке бумагъ Ольги Ивановны Андреевой къ полиціймейстеру для того, чтобы онъ ей далъ свидѣтельство для безпрепятственнаго выѣзда за границу. Онъ принялъ меня какъ знакомую, принялъ съ видимою радостію, и то, что до него касается, было также сдѣлано въ его канцеляріи...

Съ субботы начну говѣть и мои спутницы также, 27-го мая пріобщусь, а 28-го сяду на пароходъ.

5.

29-го мая 1896 г., пароходъ „Россія".

28-го мая, въ 4 часа дня, я и спутницы мои: Филарета и сестра милосердія Ольга, съ Божію помощью, отправились изъ Одессы на пароходѣ «Россія» на Дальній Востокъ. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я дала Богу обѣтъ ѣхать въ святый градъ Іерусалимъ, чтобы выплакаться на Голгофѣ и поклониться Святому Гробу Господню и съ восторгомъ облобызать ту святыню, которая свидѣтельствуетъ о всеобъемлющей любви Христовой. Морское путешествіе для меня не ново; но когда пароходъ загудѣлъ и послѣдній свистокъ капитана возвѣстилъ о начатіи плаванія и пароходъ медленно началъ вступать въ открытое море, я не скрою отъ тебя, дорогая сестра Марія, что я была проникнута особенно грустнымъ чувствомъ, при воспоминаніи о Балашовѣ, т. е. о тебѣ, моя незамѣнимая мать и добрый другъ. Тутъ, перекрестясь, прося у Бога помощи, перекрестила и тебя мысленно, прося Царицу Небесную хранить тебя для счастія тебѣ ввѣренныхъ сестеръ, а также и для счастія моего; слезы невольно полились, и я, сидя на палубѣ и глядя на Одессу, удаляющуюся отъ насъ и, наконецъ, очутившись между небомъ и водою, далеко отъ родныхъ береговъ, отъ роднаго края, мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть я уже не увижу тебя болѣе и не услышу болѣе звона русскихъ колоколовъ, не увижу болѣе и роднаго мнѣ теперь Балашовскаго Покровскаго монастыря. Но вскорѣ я успокоилась, возложивъ все мое упованіе на милость Божію, утѣшаясь при мысли, что ѣду на поклоненіе, лобзаніе и обозрѣніе святынь выше всѣхъ святынь, и съ таковыми чувствами я мысленно молясь о тебѣ и всѣхъ прочихъ молящихся обо мнѣ въ настоящее время, стала мечтать о томъ, что̀ меня встрѣтитъ на Святой землѣ; углубилась въ тѣ чувства и стала спокойно, какъ живописецъ всматривается въ даль, любоваться тихими морскими волнами, припоминать и бурное морское время, которое я испытала, ѣхавши изъ Новороссійска въ

Сухумъ-Кале въ 1892 г., но только не въ маѣ мѣсяцѣ. Время теперь самое благопріятное, именно, конецъ мая, и въ іюнѣ путешествіе по морю оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе: не жарко, море настолько тихо, что не чувствуешь, движется ли пароходъ или стоитъ на якорѣ. Пароходъ «Россія» лучшій; онъ солиденъ, устойчивъ и очень покоенъ. У меня во II-мъ классѣ отдѣльная каюта, пассажировъ мало, а потому я одна, могу спокойно заниматься, отдохнуть и помолиться въ совершенномъ уединеніи. Ночь прошла настолько спокойно, что я положительно отдохнула и тѣломъ и душою. Въ 7 часовъ встала, помолилась и призвала своихъ спутницъ напиться чаю со мною. Онѣ также устроились въ III-мъ классѣ очень хорошо, на палубѣ на верху, а не въ трюмѣ. На этомъ пароходѣ устроены нары очень удобныя, и спать тамъ хорошо и не сыро.

Капитанъ добрый человѣкъ, офиціанты и горничная также снисходительны (конечно, за рубль, другой), а потому для ухода за мною, т. е. подъ видомъ ухода за мной, Филарета и Ольга имѣютъ право ходить ко мнѣ пить чай, завтракать, обѣдать и со мной сидѣть на палубѣ I-го класса, такъ что я за нихъ покойна. Завтра, въ 8 часовъ утра, мы будемъ въ Константинополѣ, пробудемъ тамъ полтора дня. Я остановлюсь на Андреевскомъ подворьѣ. Цѣль моя помолиться въ Влахернской церкви и у живоноснаго источника, и послѣ осмотрѣть все замѣчательное въ Царьградѣ. Обо всемъ тебѣ напишу въ свое время, а теперь пойду любоваться на палубу. Море свѣтится, какъ чистое зеркало. Послѣ обѣда напишу тебѣ о томъ, что было въ Одессѣ и что не успѣла тебѣ сообщить.

Вечеръ 6½ часовъ.

Къ вечеру вѣтерокъ поднялся, и теперь въ моей каютѣ чувствуется качка, но я могу еще писать; въ 10 часовъ вечера мы станемъ на якорь и будемъ ночевать въ виду Босфора. Утромъ рано, въ 6-мъ часу, надо будетъ идти на палубу, чтобы полюбоваться, какъ говорятъ, дивною картиною при вступленіи въ Босфоръ, который прельщаетъ путешественниковъ.

6.

31-го мая, 8 часовъ утра, Константинополь.

Продолжаю письмо, другъ мой, уже въ Константинополѣ на Андреевскомъ подворьѣ, гдѣ встрѣтилъ меня посланный отца Виктора на монастырскомъ яликѣ. Погода великолѣпная, жарой я не страдаю, ночи меня не безпокоили. Я проснулась въ 5 часовъ и пошла на палубу, пароходъ стоялъ на якорѣ; мы были въ Босфорѣ, въ этой дивной крѣпости, созданной Творцомъ Небеснымъ и затѣмъ умомъ человѣческимъ.

Никакое описаніе не сильно передать это величіе природы, которое помогло уму смертныхъ возвести тѣ укрѣпленія, тѣ великолѣпныя зданія на берегахъ Константинопольскаго залива,—нужно ихъ видѣть лично. Невольно мысли о величіи Божіемъ поразятъ и атеиста. На верхнемъ балконѣ палубы собрались всѣ пассажиры и ждали посла изъ Порты съ дозволеніемъ вступить въ заливъ. Въ 6 часовъ пропускъ былъ сданъ капитану; пароходъ снялся съ якоря, все было готово, и мы поплыли скоро, обозрѣвая съ той и съ другой стороны залива ту прерывающуюся цѣпь горъ, покрытыхъ кипарисами, кедрами и каштанами, которыя поражаютъ глазъ путника. Всѣ пассажиры съ биноклями жадно смотрятъ въ даль, передавая ихъ близорукимъ. Я же, слава Богу, въ биноклѣ не нуждаюсь и видѣла все очень хорошо. На полубѣ я познакомилась съ двумя французами и двумя англичанами, съ двумя священниками, одинъ изъ Петербурга, а другой изъ Сибири. Съ ними мы въ эти полтора дня подружились. Иностранцы, узнавши, что я говорю по-французски, вступили со мною въ разговоръ о величіи коронаціи, которую они ѣздили смотрѣть. Мы простились съ ними, желая другъ другу всего лучшаго, а съ пастырями церкви мы и вчера ѣздили поклониться и обозрѣвать древнюю святыню. Они (священники) съ нами поѣдутъ до Аѳона, и тамъ распростимся. О моемъ впечатлѣніи при въѣздѣ въ Константинополь не могу умолчать. Флотъ турецкій, броненосцы султана, его мраморный дворецъ, зданіе гарема, войсковыя казармы, всѣ зданія европейскихъ посольствъ,—все возведено на берегахъ залива, т. е. Босфора. Сады замковъ, мѣсто, называемое Золотой Рогъ, минареты, мечети,—все это поражаетъ глазъ живописца, но, причаливъ къ Царьграду, видъ совершенно противоположный: улицы узкія, зданія высокія, грязныя и проч., о чемъ поговорю завтра. Теперь, я посылаю тебѣ въ этомъ письмѣ, въ знакъ моей о тебѣ непрестанной памяти, лавровый листъ изъ мѣста, гдѣ течетъ живоносный источникъ, розу, сорванную при входѣ во Влахернскую церковь, и листокъ изъ сада, который окаймляетъ палисадникъ Патріархіи. О Софійской нынѣ мечети тебѣ также завтра напишу.

7.

Яффа 11-го іюня, 8 ч. вечера. Греческій монастырь.

Слава Богу: я въ Яффѣ. Никто не помнитъ такой тихой погоды на Яффской всегда бурной пристани. Консулъ мнѣ прислалъ своего каваса, съ двумя лодками, въ каждой по шести гребцовъ. Пароходъ, по случаю тишины моря, присталъ къ такъ называемой бурной пристани за сто саженъ, тогда какъ онъ обыкновенно кидаетъ якорь за одну или двѣ

версты отъ берега. Я спокойно опустилась съ лѣстницы, т. е. съ трапа, какъ въ Константинополѣ, Салоникахъ и Смирнѣ, влѣзла сама въ лодку, поддерживаемая кавасомъ. Яликъ тронулся, я перекрестилась, прося у Бога помощи, и вообрази все переданное мнѣ до сего дня страшное оказалось для меня гуляньемъ. Не только волны меня не забрызгали, но мы ихъ даже не видали; лодка шла плавно и не перекидывалась, какъ разсказываютъ паломники. Пріѣхали прямо въ таможню. По милости консула все было сдѣлано: меня не остановили, нашихъ паспортовъ мы не заявляли; изъ багажа осмотрѣли пустой коробокъ для проформы, и все было сдѣлано въ 5 минутъ. Я пошла въ сосѣдствѣ находящійся Греческій монастырь св. Великомученика Георгія. Игуменъ мнѣ далъ два номера (комнаты) къ морю, и въ виду моемъ пароходъ «Россія» простоялъ до 4 часовъ дня. Услужливый кавасъ размѣнялъ мнѣ деньги и завтра привезетъ мнѣ квитанцію багажа, подписанную турецкимъ консуломъ. Завтра въ два часа отправится поѣздъ, и я опять увижусь съ нелюбимою мною желѣзною дорогою.

8.

Утро 12-го іюня.

Море волнуется; мой кавасъ пришелъ ко мнѣ за приказаніями.

Сейчасъ, ѣхавши на вокзалъ, заѣду къ русскому консулу, чтобы его поблагодарить за вниманіе. Онъ прислалъ мнѣ сказать, что желаетъ быть у меня, но если я хочу быть у него, то очень радъ меня принять.

Ночь провела хорошо; но жаль, что остановились у грековъ, хотя они и очень привѣтливы, но хитрый и лукавый народъ. У Филареты со стола украли серебряные часы.

Прощай до Іерусалима. Сердце бьется отъ радости, что ѣду къ Гробу Господню!

13-го іюня, 10 ч. утра,
Св. градъ Іерусалимъ.

Слава Богу: я въ Святомъ градѣ Іерусалимѣ: Съ чего начну, что тебѣ скажу? Сердце полно умиленія, слезы льются, не могу успокоиться отъ радостнаго біенія сердца; однимъ словомъ, Господь сотворилъ милость свою надо мною. Люди опозорили невинно, а благость Милосерднаго Отца на склонѣ лѣтъ наградила меня вполнѣ за всѣ мои долголѣтнія страданія. Вчера въ 5 часовъ вечера поѣздъ подъѣхалъ къ вокзалу; за 5 минутъ я встала и, стоя, впервые поклонилась Священному граду, перекрестившись, мысленно облобызала Святую Землю, и стоя доѣхала. Добрая моя Лиза Мазараки [1]) встрѣтила меня съ букетомъ розъ, спутницы

[1]) Жена доктора, жившая въ Іерусалимѣ.

мои передали кавасу нашъ ручной багажъ, и я сѣла въ хорошую открытую коляску, и доѣхали мы до города, т. е. до Яффскихъ воротъ. Тутъ мои спутницы пошли съ кавасомъ и тремя носильщиками-арабами въ приготовленную мнѣ квартиру, а я пошла съ Лизой подъ руку по Іерусалимскимъ улицамъ, къ главной святынѣ Іерусалимской,—Животворящему Гробу Господню и Храму Воскресенія. Улицы узенькія, не болѣе 5 аршинъ ширины; верблюды, навьюченные ослы непрестанно встрѣчаются; арабы, греки, турки, европейцы, снуютъ по тѣснымъ улицамъ, которыя всѣ замощены камнемъ. Вспоминая свою болѣзнь въ Балашовѣ, не могла я, другъ мой, идти къ Гробу Господню, не поминая непрестанно тебя въ моей умственной молитвѣ. Прошли мы съ версту безъ отдыха и дошли до Храма Воскресенія и взошли на дворъ. Слава Богу, храмъ отпертъ, я пошла съ Лизой въ храмъ, а мои спутницы пошли съ кавасомъ и вещами на мою квартиру, которая у самаго Гроба Господня.

Когда я взошла на паперть, не могла удержаться отъ слезъ благодарности. Жгучее, непреодолимое желаніе скорѣе облобызать Гробъ Господень не могу словомъ выразить; это надо чувствовать на самомъ мѣстѣ. Здѣсь все забывается, кромѣ любви и молитвы. Въ преддверіи, при входѣ въ храмъ, я поклонилась «Камню Помазанія», на которомъ было умащено ароматами тѣло Богочеловѣка. Камень этотъ покрытъ каменною плитою, т. е. мраморною розоваго цвѣта; надъ нимъ балдахинъ на четырехъ столбахъ, подъ нимъ висятъ неугасимыя лампады всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, имѣющихъ въ храмѣ Воскресенія свои алтари. Помолившись, Лиза повела меня къ мѣсту, гдѣ стояла Богоматерь, когда сняли со креста тѣло Христово и умащали оное; мѣсто это отдѣляется рѣшеткою. Поклонилась и облобызала самый камень, гдѣ она крестоносица-мать плакала, взирая на умершаго Сына своего Спасителя міра Іисуса Христа; надъ онымъ малый балдахинъ, и подъ нимъ лампада, которою это мѣсто освѣщается. Прямо отъ этой святыни мы пошли къ Кувуклiи и придѣлу Ангела, отвалившаго камень отъ гроба. То, что я почувствовала, войдя въ оную, словами передать не возможно; я забыла все, свою немощь, приложилась къ камню, на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень; поклонилась опять и стала молиться за тебя, моя дорогая Марія. Успокоившись немного, пошла во внутренность пещеры, согнувшись, опустившись на колѣна предъ Святымъ Гробомъ Жизнодавца. Тутъ я плакала радостными слезами, облобызала Святой Гробъ; твое имя и имена всѣхъ близкихъ мнѣ я отъ души въ этотъ часъ помянула. Никого поклонниковъ не было, мы были съ Лизой однѣ. Мой букетъ передала я при Гробѣ стоящему монаху; онъ его принялъ, поставилъ на Св. Гробъ, а въ замѣнъ далъ мнѣ большой букетъ изъ мелкихъ цвѣтовъ, который стоялъ на Гробѣ нѣсколько дней, и окропилъ меня грѣшную ароматомъ, и я,

дорогая моя матушка, паче всѣхъ грѣшниковъ удостоилась такой несказанной благодати.

Кувуклія, или часовня Гроба, которая вмѣщаетъ въ себѣ святыню всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, сдѣлана изъ желтаго мрамора; надъ нею легкій куполъ. Когда вышла, то напротивъ оной сѣла на скамеечку отдохнуть, т. е. дала отдохнуть моимъ слабымъ ногамъ. О чувствахъ моихъ не могу объяснить, ты сама сочувствуешь мнѣ и вполнѣ понимаешь, что я счастливѣй всѣхъ счастливѣйшихъ. Прошло пять минутъ, и, отдохнувши, пошли на Святую Голгофу, которая находится въ юго-восточной части храма. На мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ крестъ Христовъ, стоитъ престолъ изъ бѣлаго мрамора; подъ нимъ сдѣлана выемка, тутъ самое отверстіе, въ которое былъ водруженъ Святой крестъ Христовъ. Оно обложено по обводу серебряной круглой доской, вычеканенной съ изображеніями Страстей Христовыхъ, запрестольное большое распятіе съ предстоящими Матерью Божіею, Іоанномъ Богословомъ, вырѣзанными по контуру. По обѣимъ сторонамъ означены на мраморномъ помостѣ два черныя, круглыя мѣста, гдѣ были водружены два креста разбойниковъ. Здѣсь же на скалѣ видна широкая и глубокая трещина, о которой сказано въ Евангеліи: «Се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго». Облобызавъ эту святыню, ты поймешь, что чувствовала душа моя! Много лѣтъ желала я выплакаться на Голгофѣ и по милости Божіей облила слезами мѣсто распятія Христа. Высокая лѣстница не утомила меня; мое сердце спокойно переноситъ всѣ трудности путешествія; болѣзнь, которой столько лѣтъ страдала, понемногу облегчается. Подъ нижней частью Голгофы, принадлежащей грекамъ, по православному преданію погребенъ Мельхиседекъ, царь Салимскій. Престолъ тутъ стоитъ во имя Св. Іоанна Предтечи и праотца Адама, за нимъ сквозь желѣзную рѣшетку, при свѣтѣ неугасаемой лампады, видна нижняя часть Голгофской разсѣлины.

На первый разъ я слишкомъ устала, чтобъ обозрѣвать прочую Святыню. Лиза повела меня домой, т. е. въ приготовленную мнѣ квартиру въ домѣ Св. Гроба. Зданіе очень хорошее, здѣсь живетъ архимандритъ Евѳимій, настоятель этого подворья; лѣстница мраморная, коридоръ широкій, по обѣимъ сторонамъ номера, у меня два номера, хорошая постель желѣзная съ пологомъ, по другую стѣну тахта восточная, т. е. длинный диванъ. Комната моя высокая, со сводомъ, двери и окно широкія и высокія, каминъ, шкафъ, письменный столъ и столъ для умыванія, составляютъ обстановку моей комнаты Іерусалимской келіи, въ другой (комнатѣ) помѣщаются мои спутницы Филарета и сестра Ольга.

Вечеромъ, въ 10 часовъ, кавасъ привезъ на ослахъ весь мой багажъ съ вокзала. Послѣ этого я заперлась и съ неизъяснимою радо-

стью въ сердцѣ помолилась и улеглась, не забывая имя дорогой Маріи и имя доброй Серафимы, усердіе которой забыть не могу. Въ 12 часовъ я уснула и встала въ 6 часовъ, потому что Лиза Мазараки обѣщала ко мнѣ зайти утромъ въ $7^1/_2$ часовъ, дабы идти къ обѣднѣ въ церковь Св. Александра Невскаго, недавно освященную, гдѣ служитъ по-русски священнослужитель нашей миссіи.

Вставши, я написала тѣ имена, за которыхъ желала помолиться въ первую литургію, которую здѣсь въ Іерусалимѣ буду стоять. Забыла сказать, что мои спутницы тоже обходили вышесказанныя святыя мѣста, и мы всѣ вмѣстѣ пили чай и бесѣдовали о томъ, что пришлось испытать при путешествіи по желѣзной дорогѣ называемой «Отоманія». Французская компанія построила оную, но, признаться сказать, наша Харьково-Балашовская желѣзная дорога менѣе опасна, чѣмъ Отоманская; объ этомъ скажу тебѣ послѣ. Сегодня вышедши изъ квартиры, мы пошли съ Лизой Мазараки къ архимандриту: у него есть для пріема келія при самомъ храмѣ, при входѣ въ оный. Пріемъ былъ самый внимательный, я тотчасъ же передала ему 25 руб. на разрѣшающую обѣдню, которую будетъ служить самъ патріархъ; имена будутъ написаны мною завтра, обѣдня будетъ въ воскресенье 16-го іюня, въ день Тихона, т. е. въ день вступленія моего въ монастырь. Это все устроилось само собою. Ночь буду ночевать у Гроба, а завтра въ 3 часа вечеромъ съ пѣніемъ будутъ водить паломниковъ по всей святынѣ и мнѣ совѣтовали не уклоняться отъ этого обычая, и потому пойду, несмотря на то, что сегодня утромъ мы ходили по всему храму во всѣхъ придѣлахъ, была также и въ Кувуклія, поставила къ Гробу свѣчку. Завтра понесу богатую пелену на Гробъ Святой—пожертвованіе моихъ благодѣтелей Лабзиныхъ и въ воскресеніе будутъ на ней служить обѣдню. Слава Богу, Господь все совершаетъ. Сегодня я была въ придѣлѣ «Поруганія» и «Тернистаго вѣнца», въ пещерѣ «Обрѣтенія животворящаго креста», удостоилась быть сегодня въ «Темницѣ Христовой», въ придѣлѣ «Раздѣленіе ризъ», въ придѣлѣ Лонгина сотника, была опять и на Голгофѣ, была на мѣстѣ узъ Христовыхъ, т. е. въ придѣлѣ Богородицы, также на мѣстѣ явленія Спасителя Маріи Магдалинѣ между часовней Гроба Господня и церковью. Это мѣсто устроено на полу и имѣются два круга мраморныхъ: одинъ выше другаго. У перваго дѣлаютъ поклонъ, ко второму прикладываются, такъ какъ на этомъ мѣстѣ стоялъ Спаситель.

Такимъ образомъ до обѣдни я имѣла счастіе поклониться всѣмъ мѣстамъ, ознаменованнымъ страданіями Спасителя міра.

9.

13-го іюня, 9 часовъ вечера. Іерусалимъ.

Въ 4 часа были мы съ Лизой у патріарха Герасима. Патріархъ принялъ меня отлично хорошо, просилъ меня бывать у него во всякое время. Онъ говоритъ по-французски, а по-русски говорить не можетъ. Подали намъ варенье съ холодной водой, потомъ по-восточному кофе; мы сидѣли у него около часу, и отъ него я вынесла самое пріятное впечатлѣніе. Онъ очень добръ и очень религіозенъ, также ученъ, ему не болѣе 50 лѣтъ, высокъ ростомъ и очень красивой наружности. Величаю я его Votre béatitude (т. е. Ваше Блаженство). Обстановка его жилища роскошная, полы мраморные, гдѣ нужно покрыты коврами, мебель также роскошная. Уходя, я дала патріарху, собственно по совѣту Лизы Мазараки, 15 руб., чтобы поминать меня и всѣхъ моихъ во всѣхъ его служеніяхъ; онъ принялъ благосклонно и далъ слово, что исполнитъ. Спросилъ меня, довольна ли я квартирой, обѣщалъ, что меня будутъ покоить, и поздравилъ меня неоднократно, что Господь привелъ меня поклониться Св. Гробу Господню, говоря, что это знакъ милосердія ко мнѣ Божія и Царицы небесной.

10.

14-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Сейчасъ пришли отъ вечерни; послѣ оной былъ обходъ по всѣмъ придѣламъ храма Воскресенія. Это шествіе трогательно и назидательно. Послѣ вечерни всѣмъ даютъ свѣчи, и всѣ идутъ къ Кувукліи, становятъ богомольцевъ по правую и лѣвую сторону къ двери. Къ Кувукліи приходятъ служащіе священникъ и діаконъ съ хоромъ пѣвчихъ, но только одно жалко, что молебенъ служится по-гречески, только возгласы сказываются по-русски, послѣ каждаго возгласа. Архіерей изъ свиты патріарха, который тутъ присутствуетъ, говоритъ паломникамъ слово о томъ мѣстѣ, куда дошли. Четыре раза по всѣмъ четыремъ сторонамъ читается Евангеліе по-русски. Шествіе трогательное; на Голгофѣ поется канонъ страстямъ русскими паломниками довольно стройно. Все хорошо, все отрадно здѣсь, но деньги, деньги на первомъ планѣ. Я смутилась многимъ, не хочу отравлять сегодняшній день описаніемъ моихъ впечатлѣній, а потому до будущаго письма. Квартирой своей я очень довольна, такъ какъ она у самаго Св. Гроба: сойду съ лѣстницы не болѣе 25 шаговъ, и я у дверей храма. Завтра пойду къ настоятелю переговорить о цѣнѣ, а отъ него пройду къ Лизѣ Мазараки, найму эки-

пажъ, и мы поѣдемъ къ консулу заявить ему наши паспорты, потомъ къ архимандриту Рафаилу. Въ 6 часовъ пойду въ храмъ и тамъ буду въ уединеніи молиться, обѣдня будетъ на Гробѣ Господнемъ, слава Богу! Обѣтъ мой исполненъ, и я въ Іерусалимѣ, пишу тебѣ у открытаго окна, гора каменистая въ моихъ глазахъ, верхъ ея населенъ, дома въ восточномъ стилѣ, всѣ каменные; камень горы употребляется на постройку.

Каменщики здѣсь не хуже русскихъ владимірскихъ и отдѣлываютъ дома великолѣпно, не хуже одесскихъ. Въ моихъ глазахъ храмъ Александра Невскаго, а за нимъ большая пальма и одинъ кипарисъ; среди нѣкоторыхъ домовъ деревья оживляютъ ландшафтъ. Вода здѣсь холодная, очень вкусная и во множествѣ, въ нашемъ коридорѣ кранъ и вездѣ по улицамъ краны; птички въ родѣ воробьевъ стаями кружатся надъ нами. Въ 7 часовъ солнце садится, небо безоблачно, жары я не чувствую. Народъ здѣсь очень не симпатичный. 50.000 евреевъ, 7.000 православныхъ грековъ, русскихъ, арабовъ, католиковъ 2.000, протестантовъ 300.

Ѣхавши въ Іерусалимъ, мы ѣхали масличными рощами; дрова здѣсь изъ терновника, растущаго на каменистыхъ горахъ. Хлѣбъ уже сняли, молотятъ; огороды, какъ у насъ, въ добромъ порядкѣ, даже сердце радуется видѣть, какъ арабы трудолюбивы. Кактусы здѣсь сажаютъ вмѣсто изгороди вокругъ садовъ, изгородь изъ нихъ вышиною отъ аршина до 3-хъ, не менѣе. Любятъ они глину, въ глинѣ ихъ сажаютъ отростками; маслины также растутъ на пескѣ и глинѣ; фунтъ масла деревяннаго здѣсь 15 коп., горитъ великолѣпно.

11.

15-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Сегодня была у консула нашего г-на Круглова, познакомилась съ нимъ. Мой паспортъ и спутницъ моихъ онъ приказалъ прописать и самъ подписалъ. Такой здѣсь порядокъ; прописываютъ на выѣздъ въ Россію, слѣдовательно отъ меня зависитъ возвратиться или ѣхать путешествовать, куда вздумается. Могла бы жить и не прописываясь, но я, зная, что такъ лучше, подчинилась Россіи, а не Турціи, чтобы знали, гдѣ я пребываю, потому что живу не на русской постройкѣ, не въ палестинскихъ русскихъ номерахъ, а у Св. Гроба, въ номерахъ, принадлежащихъ грекамъ. Изъ консульства прошли мы съ Лизой къ начальнику русской миссіи, отцу архимандриту Рафаилу. Наше свиданіе было задушевное, онъ такъ мнѣ обрадовался, какъ близкой ему знакомой. Пили у него чай, потомъ возвратились въ часъ домой, чтобы до пове-

черія отдохнуть. Волей неволей, а ноги мои пріучаются ходить. Чтобы ѣхать куда-либо, нужно идти пѣшкомъ съ версту до дома Давыдова или до Яффскихъ воротъ; тамъ стоятъ экипажи, и можно нанять коляску или карету; такъ сдѣлала и я сегодня. Къ вечернѣ я не пошла, а пила въ 4 часа чай; къ повечерію пойду въ $7^1/_2$ часовъ, и насъ запрутъ до утра въ церкви Воскресенія.

Гуляла я третьяго дня въ саду патріарха, тамъ въ грунту большіе кусты леандры по 4 арш. вышины, всѣ въ цвѣту, роскошь. Цвѣты здѣсь не то, что въ нашей Россіи; садъ архимандрита тоже хорошъ, но эти сады во дворѣ, а на улицѣ камень справа слѣва, сзади, спереди и подъ ногами камень. Одно небо синее, безоблачное надъ нами; улицы грязны въ восточномъ духѣ. Вся жизнь жителей на улицѣ, и торгуютъ и ремесломъ занимаются. Письма свои посылаю съ русской почтой, т. е. черезъ консульство; почта австрійская идетъ 4 раза въ недѣлю, а наша одинъ разъ, но я считаю, наша будетъ вѣрнѣй. Здѣсь я нашла знакомыхъ изъ Павловскаго посада Сокольскихъ, они стоятъ въ томъ же коридорѣ, гдѣ я живу теперь. Кромѣ того здѣсь Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ, отъ юности мнѣ знакомый. Моя мать была дружна въ молодости съ его сестрами, пріятно будетъ свидѣться на дальнемъ востокѣ, онъ ужъ много разъ спрашивалъ, когда я буду. Вообще рада, что я въ Іерусалимѣ, и считаю это чудомъ, что я здѣсь ежедневно молюсь у Гроба Господня. Отдохну нѣсколько дней, а потомъ поѣду въ Гевсиманію, въ Горнее и къ пр. святымъ мѣстамъ, поѣду и на Іорданъ. Теперь здѣсь пути сообщенія улучшаются, всюду экипажи, а на Елеонѣ имѣется porte-chaise, меня туда снесутъ, если сама не буду въ силахъ дойти.

12.

21-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я къ тебѣ писала; дневнику моему дала я отдыхъ, по причинѣ устройства моей квартиры, временной или постоянной, то знаетъ одинъ Богъ. Пришлось выкладывать изъ сундуковъ въ шкапы и комоды необходимое, а все теплое-начиная съ шубы, ватошниковъ и пр., укладывать на покой въ опо, рожненный сундукъ. Иконы мои теперь я устроила на годъ времени, ежели доживу я до будущаго года.

Я счастлива, что я удостоилась быть въ св. градѣ Іерусалимѣ, что я живу у Святаго Гроба, что имѣю утѣшеніе молиться на Голгофѣ и поминать моихъ незабвенныхъ усопшихъ, поминать здѣсь тебя и всѣхъ моихъ близкихъ.

Да, все пройдетъ, минетъ, жизнь наша измѣнится, но правда и любовь никогда насъ не оставятъ, а ложь неминуемо исчезнетъ.

13.

22-го іюня. Іерусалимъ.

Вчера я ничего не сообщила тебѣ интереснаго относительно моей жизни здѣсь, потому что въ прошлую недѣлю сидѣла дома и берегла мою лѣвую ногу, отъ сильной ходьбы она распухла. Слава Богу! болѣзнь уступила, все зажило, теперь могу ходить. Прости, моя дорогая, пришло время читать вечернее правило, и я оставляю перо до завтра, 23-го іюня, дня Владимірской Богоматери. Думаю, что ты у всенощной и вспомнишь меня, убогую Митрофанію.

14.

23-го іюня. Воскресенье 11 ч. утра.

Я встала по обыкновенію рано въ 6-мъ часу, въ 7-мъ пошла въ храмъ Воскресенія Христова. Звонъ колоколовъ, здѣсь необыкновенно звенящихъ, разбудилъ меня въ 5 час., но я, изнемогшая, опять уснула на четверть часа и успѣла въ это время побывать во снѣ въ домовомъ храмѣ игуменьи Балашовскаго монастыря и слышала сладостное пѣніе «Заступница усердная». Весело стало на душѣ, прихожу къ граду святому и, тамъ помолившись и приложившись къ святынѣ, изъ Кувуклія пошла въ храмъ; обѣдня только-что началась, народу было много, архіерей Епифаній стоялъ въ фелони на своемъ архіерейскомъ мѣстѣ, которое устроено на лѣвой сторонѣ противъ патріаршаго. Литургію служилъ іеромонахъ и два діакона, съ архіерейскимъ посохомъ стоялъ какой-то игуменъ безъ облаченія. Служба по-гречески, напѣвъ отвратительный, евангеліе читаютъ по-гречески, по-арабски и по-русски. Одинъ діаконъ по-очереди съ другимъ читаютъ евангеліе. Для чтенія они идутъ по внутренней алтарной лѣстницѣ на устроенное мѣсто по серединѣ втораго пояса иконостаса, тамъ висятъ три паникадильцы золотыхъ, въ каждой одна свѣча, и діаконъ, какъ бы на балконѣ. Послѣ чтенія монахъ чередной загашаетъ ихъ (свѣчи), и діаконы сходятъ въ алтарь. Удивительно то, что Царскія двери открываетъ и закрываетъ чередной монахъ безъ облаченія, завѣсу онъ же своевременно открываетъ и закрываетъ, но здѣсь завѣса открывается съ запада на востокъ, а не какъ у насъ съ востока на западъ. Архіерей, стоя на своей каѳедрѣ, имѣетъ нѣкоторое участіе въ службѣ: къ нему при выходѣ со Святыми Дарами діаконъ подноситъ дискосъ и священную чашу, и архіерей, сошедши съ возвышенія, поминаетъ нѣкоторыя имена, потомъ благословляетъ на всѣ три стороны народъ золотымъ крестомъ. Митры у него тутъ нѣтъ, но, послѣ выхода съ Дарами, онъ надѣваетъ

камилавку и въ концѣ обѣдни накрываетъ камилавку наметкой. Антидоръ онъ самъ раздаетъ народу, сходитъ съ возвышенія, два каваса съ булавами, въ родѣ того, какъ у нашихъ аристократическихъ швейцаровъ, стоятъ передъ преосвященнымъ и охраняютъ его отъ давки; они въ греческихъ красныхъ фескахъ, народъ подходитъ чинно. По окончаніи обѣдни онъ, т. е. архіерей снимаетъ фелонь и выходитъ изъ церкви безъ всякой свиты и идетъ съ своимъ послушникомъ монахомъ пѣшкомъ на свою квартиру.

Послѣ обѣдни я опять приложилась къ великой святынѣ, облобызала камень скалы Голгофской, гдѣ по преданію православной церкви лежалъ черепъ праотца нашего Адама, такъ что драгоцѣнная кровь Спасителя протекла на него. Этотъ камень какъ бы въ углубленіи за открытымъ окномъ въ аршинъ квадратный. Въ воскресеніе камень для всѣхъ открытъ, а въ будничные дни онъ за мѣдною рѣшеткою; между камнемъ и рѣшеткою теплится лампада, а потому онъ всегда виденъ глазу, но не доступенъ къ лобзанію богомольцевъ. Придѣлъ этотъ именуется придѣломъ праотца Адама, камень на Горнемъ мѣстѣ за престоломъ, отсюда-то и видна Голгофская разсѣлина.

Еще особенность при большомъ входѣ: кадитъ Святымъ Дарамъ монахъ безъ облаченія; кто онъ, неизвѣстно: іеромонахъ или іеродіаконъ. Заамвонную молитву читаетъ служащій священникъ предъ иконой Спасителя; а не за амвономъ, какъ у насъ въ Россіи; фелонь виситъ спереди; и не на пуговицахъ; вообще служба у грековъ далеко не та, что у насъ въ Россіи.

Завтра день св. Іоанна Крестителя; въ Горнемъ праздникъ, я же поѣду въ среду, дабы избѣгнуть тѣсноты; экипажи здѣсь хороши, фургоны въ родѣ каретъ, но до Яффскихъ воротъ нужно идти пѣшкомъ съ версту, а для моихъ ногъ это не легко.

Послѣ обѣдни напившись чаю, я сегодня въ 9 часовъ пошла одна опять къ Св. Гробу и такъ была счастлива, что при мнѣ соглядатая не было; мои не знали, куда я пошла. Въ Кувукліи пришлось мнѣ быть одной съ $^1/_4$ часа, отрадно мнѣ было облобызать Св. Гробъ безъ свидѣтелей, тутъ я отъ души помолилась за тебя, моего добраго, Богомъ даннаго мнѣ друга и сестру, также и о всѣхъ близкихъ мнѣ живыхъ и усопшихъ. Потомъ пришелъ монахъ, окропилъ меня ароматами и далъ мнѣ три цвѣтка изъ букета, стоящаго на Св. Гробѣ; одинъ цвѣтокъ тебѣ посылаю въ благословеніе отъ Св. Гроба. На Голгофу я сегодня не ходила, боялась ради моей ноги; завтра, надѣюсь, пойду. Зная твою ко мнѣ любовь и участіе, желаю подѣлиться съ тобою и тѣмъ, что всѣ дивятся на удобства моей квартиры, что здѣсь весьма рѣдко; первое: у меня двѣ хорошія комнаты и кухня, въ которой стоятъ наши сундуки, вода великолѣпная и во множествѣ, въ коридорѣ кранъ, кухонная

печь имѣетъ четыре конфорки, которыя, въ родѣ плиты, затапливаются по мѣрѣ надобности углемъ изъ терновника; тутъ же очажекъ, куда ставится самоваръ и керосиновая печь, постели съ тюфяками куплены въ Тріестѣ очень хорошіе, коридоръ освѣщается лампами—квартира барская, очень благородно, тихо, всѣ очень уважительны и что жь ты думаешь? Пошла я нынче къ архимандриту Евфимію, настоятелю при храмѣ Свят. Гроба Господня, спросить, какую онъ цѣну положитъ съ меня за годъ времени? Онъ съ любовію отвѣтилъ мнѣ: «Матушка, не безпокойтесь вы заплатите за квартиру не мнѣ, а Святому Гробу, по мѣрѣ усердія и средствъ вашихъ. Я счастливъ буду только тѣмъ, если вамъ будетъ у насъ жить покойно и хорошо». Я хотѣла ему дать въ задатокъ 25 руб., но онъ отказался, сказавъ мнѣ, что время терпитъ, чтобы я о деньгахъ не безпокоилась бы до времени, когда онѣ будутъ мнѣ не особенно нужны, а теперь говоритъ: «Вамъ вначалѣ, знаю, деньги болѣе нужны, чѣмъ впослѣдствіи»,—однимъ словомъ его деликатность меня удивила. Сочувствіе отца архимандрита принимаю за указаніе ему воли Божіей, чтобы меня утѣшить. Все это я получаю не случайно, а за мою вѣру въ милость Божію. Слава Богу! во всемъ сопутствуетъ мнѣ милосердіе Божіе и владычицы нашей Пресвятой Богородицы.....

15.

24-го іюня 9 часовъ утра.

Съ праздникомъ св. Іоанна Предтечи поздравляю тебя, моя дорогая. Въ 5 часовъ встала, одѣлась, убрала мою комнату и позвала Филарету, чтобы идти въ церковь. Было $6^1/_2$ часовъ, когда вышла, приложилась къ камню муропомазанія Спасителя. Въ то время праздничный органъ католиковъ оглашалъ весь храмъ; обѣдня шла у Св. Гроба, храмъ Воскресенія былъ запертъ, и потому я только приложилась къ окну Св. Гроба, потому что приложиться къ Гробу во время службы нельзя. Духовная музыка отрадно повліяла на мою душу. Отъ Кувукліи пошла я на Голгофу и тамъ поплакала, помолившись за тебя и всѣхъ моихъ близкихъ и дальнихъ. Приложившись къ отверстію камня, гдѣ былъ водруженъ Крестъ животворящій, и совершивши мой крестный ходъ, пошла въ монастырь св. Іоанна Предтечи, гдѣ началась уже обѣдня, которую совершалъ одинъ іеромонахъ по-гречески и по-русски одновременно; одна эктенья по-русски, другая по-гречески. Пѣніе здѣсь очень не стройно, но я придумала взять съ собою молитвы при Божественной литургіи, а потому я себя утѣшила и читала вмѣсто того, чтобы слушать непонятное пѣніе. Послѣ обѣдни я приложилась къ чудотворной иконѣ главы св. Іоанна Крестителя, при которой есть большая часть оной, т. е. святыя его мощи. Получивши антидоръ, пошла я

черезъ базаръ ко Гробу Господню и, приложившись къ оному, вернулась домой. Пока самоваръ еще не готовъ, а письмо не запечатано, пишу тебѣ эти послѣднія строки. Обнимаю тебя.

16.

26-го іюня, вечеръ.

Сегодня день Тихвинской Божіей Матери, это мой праздникъ, а потому я сегодня встала въ 6 часовъ, пошла съ сестрой Ольгой къ Яффскимъ воротамъ, тамъ взяли извозчика и къ 7 ч. были въ церкви на русскихъ постройкахъ. Филарета вчера отпросилась ѣхать въ Горній, съ одной поклонницей, съ которой она познакомилась. Архимандритъ самъ служилъ, постригалъ одного монаха, котораго привезъ съ собой. Послѣ обѣдни я просила мнѣ отслужить молебенъ. Узнавши, что у архимандрита закуска, я къ нему не пошла, а отправилась въ больницу, гдѣ старшая сестра милосердія аптекарша, Палагея Зобина, изъ моихъ петербургскихъ покровскихъ сестеръ, мною въ 1869 году принятая. Ея уваженіе и сердечность ко мнѣ я въ эти недѣли испытала вполнѣ; она была у меня два раза, а потому я прямо отъ обѣдни пошла къ ней пить чай.

17.

28-го іюня, вечеръ.

Съ преддверіемъ праздника тебя поздравляю. Думаю, ты, вѣроятно, въ Пензѣ у твоего старца и благодѣтеля. Поздравляю съ именинникомъ, дай Богъ ему пожить еще много, много лѣтъ. Сегодня я рѣшилась идти пѣшкомъ въ Гевсиманію, встала въ 5 часовъ, въ 6 часовъ съ Филаретой и Ольгой пошли въ путь; считается $3^1/_2$ версты, взадъ и впередъ 7 верстъ и все по горамъ, что довольно для меня трудно, но я очень утѣшена, Господь благословилъ меня и далъ мнѣ силу совершить мой обѣтъ: въ 7 часовъ утра мы достигли Гевсиманіи. Греческая обѣдня, къ сожалѣнію, отошла, то я отстояла армянскую, послѣ которой приложилась къ Гробу Бого-Матери, поклонилась и гробамъ св. Іоакима и Анны и Іосифу Обручнику. Входъ въ пещеру широкій, имѣетъ 48 мраморныхъ ступеней. Сердце сильно потрясено и, входя въ эту усыпальницу, мракъ подземелья и блескъ лампадъ наполняютъ душу непонятнымъ торжествомъ. Свѣтъ этихъ лампадъ указываетъ дорогу къ Гробу Бого-Матери. Сегодня тишина, богомольцевъ нѣтъ, мы одни съ греческимъ монахомъ обходили всю пещеру и на все со вниманіемъ смотрѣли; тутъ же и коптскій престолъ. Послѣ армянской литургіи совершается въ другомъ углу коптская, но слѣдуетъ сказать: нѣтъ должнаго благочинія. Наши россійскіе монастыри имѣютъ другую обстановку, и

русскому паломнику нельзя умиротвориться съ неистовствомъ арабовъ, коптовъ и абиссинцевъ. Пещера Гевсиманская унизана разноцвѣтными лампадами, другихъ украшеній нѣтъ, своды массивны, зданіе бѣдное, углубленное въ скалахъ. Подходя къ оному, изъ внѣ нельзя себѣ представлять, что въ этой скалѣ вся слава Честнѣйшей; что въ этихъ мрачныхъ сводахъ есть мѣсто погребенія Той, къ Которой мы непрестанно взываемъ: «радуйся, радосте наша». Нѣтъ, дорогая моя матушка, Россія устроила бы тутъ лавру великую, а теперь Гевсиманія въ смиреніи своемъ не гласитъ путнику о томъ, что внутри этихъ скалъ сохраняется такая великая христіанская святыня. Помолившись за себя и за тебя со всѣми о Христѣ сестрами, мы пошли въ Гевсиманскій садъ, принадлежащій католикамъ. Здѣсь рука образованная сдѣлала все то, что требуетъ любовь и вѣра. Это мѣсто—роскошный, хорошо содержашійся садъ. Патеръ дежурный съ любовію указывалъ намъ то дерево, подъ которымъ молился Іисусъ,—это роскошная маслина, окруженная высѣченнымъ камнемъ: отъ ствола до камня не менѣе $1^1/_2$ аршина и въ этомъ кругѣ растутъ великолѣпные цвѣты, изъ которыхъ онъ сорвалъ букетикъ, а также поднялъ упавшіе съ маслины листья и далъ намъ въ благословеніе. За нѣсколько шаговъ, тройная маслина, также вѣковая, окаймленная также камнемъ, хранится, какъ мѣсто, гдѣ стояли апостолы, когда взятъ былъ Іисусъ Христосъ. Въ этомъ саду есть и еще нѣсколько маслинъ и кипарисовъ вѣковыхъ, по всѣмъ дорожкамъ клумбы, роскошныя леандры, и все это огорожено желѣзною рѣшеткою; вокругъ этого четырехъугольная каменная ограда, дорожки же въ 3 аршина ширины отъ рѣшетки до стѣны, и черезъ нѣсколько саженъ воздвигнуты каменные кіоты съ живописными изображеніями крестнаго пути. Обходя этотъ достопамятный садъ страстнаго томленія Христа, нельзя удержаться отъ слезъ. По всѣмъ лѣстницамъ я отдыхаю; сяду и думаю, гдѣ я? Сама себѣ не вѣрю, что въ моихъ глазахъ дерево, орошенное кровавымъ пòтомъ Богочеловѣка... Я была отъ него въ двухъ саженяхъ, не болѣе, я недостойная паче всѣхъ грѣшнѣйшая Митрофанія. Неужели же послѣ этого можно кому-либо усомниться, что Богъ не близъ меня? что страдалецъ Іисусъ, видя вѣру мою и труды въ пользу страждущаго человѣчества, не воздастъ мнѣ еще въ жизни сей ту награду, которая для меня выше всѣхъ наградъ на землѣ — идти по крестному пути его.

Изъ сада Гевсиманскаго я долго смотрѣла на гору Елеонъ, у подножія которой я была и куда думаю быть скоро, если Богъ благословитъ. Мы были и на мѣстѣ избіенія архидіакона Стефана. Стояла я у крестнаго пути и думала, какъ возвратиться. Я мысленно робѣла, какъ мнѣ идти въ гору, т. е. обратно въ Іерусалимъ, думала послать нанять коляску и доѣхать до католическаго монастыря, что̀ на поло-

винѣ пути до Гроба Господня; другой помыселъ мнѣ нашептывалъ: не смущайся, дойдешь. Перекрестилась и пошла въ гору, куда шелъ Спаситель съ крестной ношею своей, окруженный толпою злодѣевъ. Вспоминала я, какъ Спаситель міра, измученный, падалъ въ изнеможеніи, а все-таки шелъ, и шелъ до мѣста казни. Слезы невольно капали изъ глазъ, я шла бодро, призывая въ помощь страдальца Іисуса Христа; то Филарета, то Ольга вели меня, и я, опираясь на мою палочку, даже не чувствовала боли въ ногахъ. Зашли въ католическій монастырь на томъ мѣстѣ, на которомъ, говорятъ католики, св. Вероника отирала съ лица св. кровь Богочеловѣка: на этомъ мѣстѣ костелъ. Тамъ, въ сторожкѣ, мнѣ дали свѣжей воды, и я, отдохнувши, пошла далѣе, прямо на Голгофу и къ Гробу Господню. Вернулась около $10^1/_2$ часовъ, сейчасъ легла отдохнуть, и пока самоваръ не кипѣлъ, съ полчаса лежала. Напившись чаю, я опять на полчаса легла, въ 12 часовъ пришелъ ко мнѣ архимандритъ Мелетій, отъ имени его блаженства патріарха Герасима, передать мнѣ его благословеніе и спросить, какъ я себя чувствую, здорова ли я и довольна ли своей квартирой. Велѣлъ мнѣ сказать, что онъ будетъ радъ, если буду его хоть изрѣдка чавѣщать. Спасибо его блаженству, его вниманіе для меня очень дорого, надняхъ поѣду въ Горнее, а затѣмъ буду и у него. Пообѣдавши въ 4 часа, пошли къ празднику въ храмъ Петра и Павла, архіерей Поликарпъ служилъ сегодня вечерню съ благословеніемъ хлѣбовъ, послѣ котораго онъ благословилъ меня однимъ артосомъ, какъ они ихъ здѣсь называютъ. Пѣли греки, отвратительно кричали, стихиры пѣли въ родѣ плясовой; удивляюсь, какъ это до сихъ поръ въ Іерусалимѣ такое неистовство.

18.

29-го іюня, утро.

Была сейчасъ у обѣдни у арабовъ, въ церкви св. апостола Іакова, брата Господня, перваго патріарха іерусалимскаго, которая смежна со стѣною храма Воскресенія, тамъ сохранилось его патріаршее мѣсто, въ него только единожды въ годъ входитъ іерусалимскій патріархъ, когда служитъ литургію. Рядомъ съ этимъ мѣстомъ имѣется икона весьма древняя, писанная евангелистомъ Лукою, ручки сдѣланы серебряныя, къ которымъ прикладываются, литургія на арабскомъ языкѣ.

8 часовъ вечера.

Слава Богу! въ 6 часовъ задумала идти на гору Сіонъ, жара спала, нужно идти опять къ Яффскимъ воротамъ, и, вышедши изъ города, мы пошли на Сіонъ на кладбище христіанское. Боже Великій! Это ли воспѣваемая царемъ-пророкомъ св. гора Сіонъ? Это ли есть гора Господня?

То, что во время Давида было верхомъ красоты, въ настоящее время это пустырь, однѣ могилы, предвѣстники горя. Сіонъ, прославленный въ псалмахъ, оказывается теперь вспаханнымъ много разъ, по могиламъ пустота, нигдѣ нѣтъ ни зелени, ни цвѣтовъ, во всемъ кладбищѣ я нашла только семь молодыхъ кипарисовъ, недавно посаженныхъ, т. е. не старше настоящаго десятилѣтія. На одной могилѣ нѣсколько горшковъ розановъ,—все прочее пустырь, только двѣ могилы съ памятниками, огороженными желѣзною рѣшеткою; на нихъ кресты высѣчены изъ камня; всѣ прочія безчисленныя христіанскія могилы, которыхъ тутъ десятки тысячъ, не осѣнены знаменіемъ креста, и пришедшему на Сіонъ христіанину на сердцѣ становится тяжко, тѣмъ болѣе, когда убѣдишься, что черезъ три года могилы разрываютъ, кости выбрасываютъ и другихъ покойниковъ зарываютъ безъ гроба и накладываютъ на могилы тяжелые камни безъ надписи и безъ креста. Вотъ это тотъ Сіонъ, куда безъ почести и страха кладутъ смердящія тѣла. Тѣ, которыя огорожены рѣшеткою, тѣхъ не выкапываютъ, потому что мѣста куплены. Всѣхъ ихъ на кладбищѣ до 10 могилъ. На южной сторонѣ кладбища, у каменной кладбищенской загородки, выложенъ каменный помостъ саженъ на 5 квадратныхъ, къ стѣнѣ устроенъ каменный столикъ въ три аршина примѣрно; подъ нимъ на камнѣ высѣченъ крестъ. На этомъ мѣстѣ въ Троицынъ день, не имѣя походной церкви, служатъ только вечеромъ, т. е. патріархъ, и молитвы читаются въ день Пятидесятницы потому, что на этомъ мѣстѣ было сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Около той двери есть желѣзная калитка, которую я просила сторожа открыть и тамъ сохраняется въ оградѣ между прочими камнями большой камень изъ Сіонской горницы, на которомъ высѣченъ крестъ въ 6 и 8 вершковъ. Вокругъ пустырь,—это все воспѣваемый Сіонъ. Грустно, тяжко, сердце обливается тоской, поневолѣ призадумаешься, неужели и я здѣсь, странница, умру? Но опять мысль ободряющая мнѣ говоритъ:

Не скорби, не унывай,
Богъ видитъ сердца чистоту,
На Него ты уповай,
Гори любовью ко Христу.

Да, другъ мой, не скрою, что мнѣ стало грустно, видя это безотрадное кладбище.

19.

30-го іюня, воскресенье.

Чудо совершилъ со мной Господь. Я, не привязанная ни къ чему и ни къ кому изъ близкихъ моихъ десятки лѣтъ, въ послѣднее время моей жизни привязалась къ Балашову. Думаю, это потому, чтобы я не оставалась навсегда здѣсь, въ этомъ святомъ городѣ Іерусалимѣ, такъ

какъ здѣсь кромѣ святыми нѣтъ ничего хорошаго, люди бѣдовые, распри, междоусобія, и эти распри ничего добраго не приносятъ православію.

Сегодня мнѣ пришлось простоять католическую обѣдню у Гроба Господня; хотѣла прослѣдить за службою. Грустно сказать, но не просвѣщенному арабу или магометанину, конечно, служба католическая, благоговѣйно исполняющаяся съ хоромъ пѣвцовъ и органомъ, гораздо привлекательнѣе нашей греческой, но не россійской, конечно.

8 часовъ вечера.

Сейчасъ были въ первый разъ въ часовнѣ Гевсиманіи, рядомъ съ моей квартирой. Здѣсь чудотворная икона Успенія Божіей Матери, также и Іерусалимскія Божія Матери. Помолившись тамъ, меня пригласилъ къ себѣ архимандритъ, подворья Гевсиманскаго, который ежедневно служитъ въ Гевсиманіи на гробѣ Богородицы. Онъ человѣкъ хорошій, говорящій по-русски, а потому я была рада съ нимъ познакомиться.

Въ Іерусалимѣ климатъ не хорошъ, мы дышемъ пылью и известкой; здѣсь вся почва известковый камень. Сіонъ, даже вся гора пепельно-кремнистая, а потому здѣсь всѣ страдаютъ глазами. Въ Яффѣ зимою лучше. Жарою я не страдаю, впрочемъ квартира очень хороша, окна закрываемъ въ 8 часовъ вечера, а утромъ открываемъ въ 6 часовъ.

Сообщилъ **кн. А. Дадіанъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записка о Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году [1]).

Печальныя событія, сопровождающія почти каждый годъ существованія вновь учрежденнаго Кіевскаго университета, невольно заставляютъ обратить на него вниманіе правительства. Къ сожалѣнію, событія сіи таковы, что предполагаютъ въ семъ младенцѣ существованіе такой болѣзни, отъ коей самые возмужалые нисходятъ въ могилу, увлекая за собой тысячи. Послѣ сего самое существованіе университета невольно обращается въ

[1]) Записка эта находится въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки (F. XVII. 63, л. 96—102). Рукопись нѣкогда принадлежала П. И. Савваитову и описана, въ числѣ другихъ бывшихъ рукописей Савваитова, И. А. Бычковымъ. (См. И. А. Бычковъ. Каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ. Вып. I. Спб. 1900. Стр. 209—210). Хотя записка переписана писцомъ и подписи на ней нѣтъ; но, по всей вѣроятности, она принадлежитъ перу Иннокентія (Борисова), впослѣдствіи архіепископа херсонскаго и таврическаго, такъ какъ въ ней встрѣчаются собственноручныя поправки архіепископа.

Какъ извѣстно, Иннокентій былъ воспитанникомъ Кіевской духовной академіи, потомъ тамъ же профессоромъ, ректоромъ съ 1835 г. по 1841 г. епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи. Онъ былъ связанъ искренней дружбой съ проф. Кіевскаго университета М. А. Максимовичемъ, бывшимъ ректоромъ университета въ началѣ его существованія. — Такимъ образомъ и долговременное пребываніе въ Кіевѣ, и оффиціальное положеніе какъ профессора, ректора, наконецъ, епископа, неизбѣжно вводили Иннокентія въ интересы жизни университета.

Когда была написана „записка“, ясно видно изъ содержанія, именно въ концѣ ея говорится: „Какъ закрыть университетъ св. Владиміра?—закрыть послѣ четырехъ лѣтъ бытія?“ Кіевскій университетъ былъ открытъ 15-го іюля 1834 года; слѣдовательно, „записка“ была написана во второй половинѣ 1838 г. Г. К.

*

вопросъ. Слѣдующія, взятыя изъ опыта, соображенія могутъ служить къ проясненію сего важнаго предмета.

Для чего учрежденъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ? Университетъ сей, кромѣ цѣли, общей всѣмъ россійскимъ университетамъ, имѣетъ еще частную цѣль—доставить юношеству возвращенныхъ отъ Польши губерній высшее образованіе и вмѣстѣ съ нимъ русское направленіе образа мыслей и чувствъ. Цѣль прекрасная, но достиженіе ея посредствомъ университета въ Кіевѣ—крайне затруднительно. Во-первыхъ, Кіевъ, несмотря на то, что называется и есть дѣйствительно матерь городовъ русскихъ, по духу настоящихъ жителей своихъ, едва годится и въ мачихи. Не мѣсто объяснять здѣсь причины сего печальнаго явленія: довольно сказать, что каждый русскій, побывавъ въ Кіевѣ, тотчасъ видитъ это. Населеніе его составляетъ смѣсь Россіи, Польши и Малороссіи: тутъ ли набраться русскаго духа?—Кромѣ сего, предназначеніе особаго университета для польскаго юношества открываетъ ему, посредствомъ студенческихъ собратствъ, всю удобность не только удерживать, но и усиливать, даже прививать другимъ антирусскій духъ, принесенный съ собою изъ домовъ родительскихъ. Совсѣмъ другое въ университетахъ внутри Россіи: тамъ, польское юношество, состоя въ меньшемъ числѣ, невольно теряется въ массѣ русской, и занимаетъ отъ нея русскій духъ. Самая близость къ домамъ родственниковъ, частыя свиданія съ ними, посѣщенія ихъ во время вакацій служатъ поводомъ къ непрестанной электризаціи духа воспитанниковъ Кіевскаго университета въ пользу антирусскаго образа мыслей. Отсюда само собою открывается, что достинуть цѣли, предположенной университету св. Владиміра, было весьма трудно въ Кіевѣ, по самому характеру и географическому положенію сего города.

Какія мѣры приняты были къ достиженію цѣли университета св. Владиміра? Судя по важности цѣли сего университета и вмѣстѣ по трудности достигнуть ея, надлежало ожидать, что для достиженія ея будутъ приняты особенныя мѣры, приближающія цѣль и отдаляющія препятствія. Но сего, къ сожалѣнію, не было, по крайней мѣрѣ—не было въ достаточномъ видѣ и съ надлежащею силою.

Главныя мѣры могли быть слѣдующія:

1) Врученіе надзора за студентами людямъ съ русскимъ духомъ, которые могли бы, не ограничиваясь одною внѣшнею дисциплиною, вникать въ ихъ духъ и отношенія.

2) Недопущеніе студентовъ изъ поляковъ заводить между собою особаго общества и явно отдаляться отъ студентовъ русскихъ.

3) Наполненіе каѳедръ профессорскихъ русскими достойными преподавателями.

4) Дружное устремленіе самаго образа преподаванія наукъ противъ духа польскаго.

5) Строжайшій разборъ поступавшихъ въ университетъ воспитанниковъ.

6) Обузданіе всѣхъ проявленій духа антирусскаго.

7) Предназначеніе кончившихъ курсъ студентовъ изъ поляковъ на службу въ Россію.

Безъ всякаго предосужденія чьей-либо личности, должно сказать, что ни одна изъ сихъ мѣръ не была употреблена какъ должно.

Кому вручень былъ надзоръ за студентами? Большею частію нѣмцамъ и даже полякамъ, кои едва умѣютъ сказать хорошо пять словъ по-русски. При томъ эти надзиратели весьма часто были перемѣняемы, такъ что и при всей способности своей не могли пріобрѣсти точныхъ свѣдѣній о студентахъ. Отсюда понятно, какъ студенты могли дѣлать революціонныя совѣщанія въ самомъ домѣ университетскомъ,—можно сказать,—подъ глазами начальниковъ.

Кѣмъ наполнены были каѳедры профессорскія? Большею частію поляками, кои были наставниками въ покойномъ Кременецкомъ лицеѣ, скончавшемся, какъ извѣстно, отъ революціоннаго польскаго тифа. Пустить такихъ людей наставниками въ новый университетъ безъ выдержанія карантина было явнымъ нарушеніемъ карантиннаго устава. Правда, что большая часть ихъ умѣла себя сохранить отъ явнаго личнаго вмѣшательства въ послѣднее несчастное событіе. Но нѣкоторые однако же не боялись по временамъ обнаруживать свои кременецкія правила и въ Кіевѣ, за что̀ и были переведены въ другія мѣста.

Допущеніемъ профессоровъ поляковъ въ университетъ Кіевскій хотѣли: 1) дать имъ мѣсто и занятіе, 2) привлечь сею мѣрою скорѣе польское юношество въ новый университетъ. Но а) мѣста можно было дать въ университетахъ русскихъ; в) юношество польское и безъ сей мѣры пошло бы учиться въ Кіевскомъ университетѣ, по одной необходимости—учиться гдѣ-либо. А не бѣда была бы, если бы часть его устремилась въ другіе русскіе университеты; ибо накопленіе его въ Кіевѣ было одною изъ причинъ, что между студентами образовался духъ касты польской.

Одна, впрочемъ непредвидѣнная вовсе, польза произошла отъ допущенія профессоровъ польскихъ въ университетъ Кіевскій,—то, что и русскіе и самые поляки увидѣли, что прославленные у поляковъ кременецкіе геніи суть люди самые посредственные, никакъ не могущіе идти въ научное состязаніе съ профессорами русскими.

Было ли преподаванію наукъ въ университетѣ дано направленіе антипольское? Преподаваніе наукъ безъ всякаго ущерба ихъ достоинству могло и должно было принять въ университетѣ

св. Владиміра направленіе особенное, антипольское. Въ этомъ долженствовало быть первое противоядіе недугу, заражающему несчастное польское юношество. Было ли употреблено это противоядіе? Нисколько. Каѳедра исторіи, которая особенно могла бы раскрывать глаза на участь страны и ея значеніе истинно русское, посвящала свои особенные труды македонянамъ и персамъ. Каѳедры наукъ политическихъ, кои также могли бы дѣйствовать на искорененіе революціонныхъ предразсудковъ, оставались или нѣмыми или праздными.

Допущеніе преподаванія закона Божія на польскомъ языкѣ также было слѣдствіемъ не соображенія политическаго. Когда студенты въ состояніи были слушать всѣ прочіи лекціи на русскомъ языкѣ, то почему не могли принимать на немъ и законъ Божій? Между тѣмъ употребленіе польскаго языка въ преподаваніи религіи оставляетъ за собою глубокіе слѣды на всю жизнь въ душѣ воспитанника, сливая въ понятіи его сей языкъ со всѣмъ, что̀ есть для человѣка самаго священнаго.

Былъ ли дѣланъ надлежащій политическій разборъ при принятіи воспитанниковъ въ университетъ? Судя по программѣ и правиламъ, опубликованнымъ для свѣдѣнія желающимъ поступить въ университетъ, можно было опасаться, что никто не будетъ принятъ, или надѣяться, что университетъ св. Владиміра составится изъ слушателей, могущихъ быть тотчасъ профессорами, ибо правила сіи такъ строги въ требованіяхъ, что имъ могъ удовлетворить рѣдкій профессоръ университета, и опубликовать ихъ можно было только съ тѣмъ, чтобы никогда не исполнять и дать полякамъ новый случай сказать, что русскій законъ строгъ на одной бумагѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, приложеніе сихъ правилъ къ опыту тотчасъ открыло ихъ совершенную неисполнимость. Въ университетъ напринято много такихъ людей, кои не могли быть хорошими гимназистами. Опасались, что поляки не пойдутъ въ новый университетъ (страхъ совершенно напрасный), всего болѣе имѣя въ виду умноженіе чиселъ. Но въ семъ случаѣ обнаружилось, что числа не всегда, какъ говорится, управляютъ міромъ, а нерѣдко разстроиваютъ міръ. Впускаемая (ради умноженія чиселъ) безъ всякихъ политическихъ соображеній, молодежь польская оказалась дальновиднѣй старости русской, не замедля вступить въ университетъ съ своими политическими соображеніями. Между тѣмъ, когда бы не преобладала въ семъ дѣлѣ ариѳметика, многихъ изъ желающихъ поступить въ университетъ надлежало бы, подъ предлогомъ самыхъ экзаменскихъ правилъ, не впускать въ него, именно всѣхъ тѣхъ, коихъ отцы или ближайшіе родственники были замѣшаны въ прошедшемъ бунтѣ. Пусть бы ѣхали учиться въ университеты внутри Россіи!

Было ли достаточно обуздываемо проявленіе духа,

явно антирусскаго? Вмѣсто обузданія нѣкоторые находили въ семъ случаѣ едва не поощреніе. Такъ, одинъ изъ адъюнктовъ обнаружился съ очевидною ненавистью къ Россіи. Что же? Вмѣсто того, чтобы уничтожить или обезсилить заразу, въ немъ скрывающуюся, его послали директоромъ въ Харьковскую гимназію, то есть возвели на мѣсто высшее и при томъ такое, гдѣ онъ, по должности начальника, можетъ сообщить политическую заразу многимъ.

Кромѣ сего, студенты изъ поляковъ съ самаго начала видимо отдѣлились отъ студентовъ русскихъ и, во все пребываніе свое въ университетѣ, составляли свое особенное общество, которое давало публичные столы въ честь разныхъ лицъ и пр. На этотъ весьма важный признакъ тайной болѣзни не обращено было вниманія. За годъ передъ симъ одинъ студентъ (какъ теперь оказалось, главный коноводъ зла) ушелъ за границу, повидимому безъ особой причины. Эта безпричинность побѣга давала знать о тайныхъ причинахъ зла, но и этотъ симптомъ болѣзни, скрывавшейся въ университетѣ, оставленъ врачами безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Приняты ли достаточныя мѣры, по окончаніи курса студентовъ, для дальнѣйшаго ослабленія въ нихъ польскаго духа? Нисколько. Вмѣсто того, чтобы послать ихъ на службу въ Россію, имъ дали мѣста въ западныхъ губерніяхъ, а нѣкоторыхъ уволили за границу, снабдивъ на дорогу еще деньгами отъ казны.

Судя по такому образу дѣйствій касательно управленія университетомъ и округомъ Кіевскимъ, нельзя было не опасаться печальныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, опытъ поспѣшилъ оправдать сіи опасенія въ такой мѣрѣ, что теперь самое дальнѣйшее бытіе университета обращается въ вопросъ.

Откуда возникла фальшивая система дѣйствій? Злонамѣренность въ семъ случаѣ предполагать нельзя. Она возникла:

1) Отъ незнанія польскаго духа, положенія здѣшняго края и природнаго свойства университетовъ.

2) Отъ необдуманнаго желанія казаться великодушными тамъ, гдѣ благородная, справедливо-умѣренная строгость есть истинное великодушіе.

3) Отъ личнаго пристрастія въ доставленіи мѣстъ родственникамъ и знакомымъ, не справляясь хорошо съ степенью ихъ удѣльной способности къ тому.

4) Отъ желанія умножить число школъ и учащихся во что бы то ни стало: ибо это составляло заслугу предъ начальствомъ.

Виновенъ ли самъ университетъ въ злѣ, отъ него, повидимому, происшедшемъ? Университетъ самъ въ этомъ невиновенъ. Русскіе профессоры, особенно нѣкоторые, исполняли свое

дѣло не только со всѣмъ добросовѣстіемъ, но и съ отличнымъ успѣхомъ, постоянно имѣя въ виду обезсиленіе польскаго духа. Только, къ сожалѣнію, сіи достойные преподаватели не видѣли къ себѣ благосклоннаго вниманія въ той мѣрѣ, въ какой его заслуживали. Увольненіе отъ ректорской должности профессора Максимовича среди курса учебнаго послужило весьма не на пользу для юнаго университета [1]).

Можно ли скоро исправить допущенные недостатки и что для сего нужно? Недостатки въ системѣ дѣйствій исправить довольно легко: слѣдуетъ только принять другія правила дѣйствій.

Но для сего необходимо нужно перемѣнить дѣйствователей, именно, нужно удалить и отъ надзора и отъ преподаванія поляковъ и нѣмцевъ. Какъ можетъ вселить русскій духъ тотъ, кто самъ его не имѣетъ? А послѣ перемѣны людей надобно для исправленія зла обратиться къ прочимъ мѣрамъ, кои указаны выше.

Но всѣмъ этимъ можетъ быть исправлена система дѣйствій, а понятіе объ университетѣ публикѣ нельзя исправить ничѣмъ дотолѣ, пока само время не покажетъ, что опасная болѣзнь, его заражавшая, прошла.

Не должно ли закрыть Кіевскаго университета? Судя по самой трудности достиженія цѣли, предположенной университету Кіевскому, тѣмъ паче по несчастному опыту недостиженія ея въ такомъ огромномъ видѣ, первая, представляющаяся уму, мысль есть та, чтобы вертоградъ, принесшій вмѣсто винограда не только терніе, а растеніе ядовитое, былъ вовсе оставленъ. Къ той же мысли можетъ вести взглядъ на число университетовъ въ Россіи, которыхъ, судя по истиннымъ нуждамъ отечества, а не по рабскому подражанію иностранной системѣ народнаго образованія, и безъ Кіевскаго университета, весьма достаточно, между тѣмъ какъ примѣчается значительный недостатокъ въ высшихъ училищахъ спеціальныхъ, кои, будучи гораздо прямѣе университетовъ направлены къ извѣстнымъ общеполезнымъ цѣлямъ, по сему самому всегда были и сами спокойнѣе, и для общества полезнѣе.

Но за университетъ Кіевскій есть одинъ такой ходатай, противъ котораго трудно сказать что-либо русскому. Это—имя св. Владиміра, коего памяти посвященъ сей университетъ. Какъ закрыть университетъ св. Владиміра? — закрыть послѣ четырехъ лѣтъ бытія? — Это было бы не по-русски! Лучше сдѣлать сей университетъ истинно русскимъ, какимъ онъ не былъ доселѣ, и какимъ долженъ быть, даже преимущественно предъ другими университетами. Тогда, и только тогда, можно будетъ судить и осуждать самый университетъ, между тѣмъ какъ теперь онъ самъ, можно сказать, проситъ суда въ томъ, что ему не дали быть, чѣмъ должно.

Сообщилъ **Г. Кунцевичъ.**

[1]) М. А. Максимовичъ былъ ректоромъ съ іюля 1834 г. по конецъ декабря 1835 г.

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ) [1]).

XII.

Слухъ о загадочныхъ отношеніяхъ болѣзненнаго, простаго, съ трудомъ окончившаго семинарію, монаха съ богатой аристократкой высшаго круга и о Юрьевомъ монастырѣ, какъ блиставшемъ драгоцѣнностями и великолѣпіемъ, далеко прошелъ по Россіи; монастыремъ интересовались даже за границей. Нѣкоторые иностранные гости, проѣздомъ въ тогдашнія наши военныя поселенія, заглядывали и въ Юрьевъ изъ любопытства, какой такой особенный монастырь, которому настоятель далъ имя «рай земной». «Вчера,—писалъ Фотій 20-го мая,—съ кн. Шаховскимъ былъ французскій посланникъ въ обители и былъ въ соборѣ св. Георгія, въ ризницѣ и главѣ и все осматривалъ и послѣ на пароходъ сѣдши черезъ озеро въ Старую Руссу въ поселеніе отправился» (21-го мая 1829 г.). Есть также въ письмахъ свѣдѣнія и о посѣщеніяхъ Юрьева австрійскимъ посланникомъ и принцемъ Оскаромъ. «Вчера посланникъ австрійскій почти въ 6 ч. пріѣхалъ въ Ю. М. съ губернаторомъ и генералами и уѣхалъ, когда было темно. Принцъ шведскій Оскаръ былъ 21-го іюля у обѣдни» (12-го сентября 1830 г.). Такія весьма краткія данныя наводятъ на мысль, что Фотій пренебрежительно относился къ иностраннымъ особамъ, принималъ ихъ сухо, оффиціально, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Не любилъ Фотій и своихъ соотечественниковъ изъ высокопоставленныхъ особъ, посѣщавшихъ монастырь. Тѣхъ, кто пріѣзжалъ

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

изъ любопытства посмотрѣть на самого Фотія, послѣдній называлъ «ежами колючими», а иныхъ просто ненавидѣлъ. «Съ 31-го октября по 1-е ноября ночевала кн. Вяземская на мызѣ и была у обѣдни и отъ обѣдни ко мнѣ съ нею пришли еще люди» (2-го ноября 1832 г.).

Ранѣе же объ этой княгинѣ Фотій писалъ Орловой: «Не удивляйся мачихѣ князя Вяземскаго, ибо она наказана за поношенія пасынка и за любовь къ своей харѣ. Она завидывала въ сердцѣ, почему не къ ней привязанъ пасынокъ. Это была тайна на душѣ моей, а теперь тебѣ являю» (31-го октября 1829 г.).

О пребываніи въ монастырѣ жены тогдашняго министра финансовъ графини Канкриной Фотій сообщалъ неоднократно. Хотя она нѣсколько и благоговѣла передъ монахомъ, но онъ все-таки остался ею недоволенъ. «Были вчера Канкрина, Сухарева и прочихъ человѣкъ еще 5. Канкрина жаловалась на нездоровье, я ей совѣтовалъ св. посты хранить, она взялась за сіе; велѣлъ елей добрѣйшій Богу возжигать и далъ ей въ благословеніе св. образъ. Всю службу стояли и у меня въ кельяхъ долго были» (29-го октября 1832 г.). «Я забылъ Канкриной сказать, чтобъ табакъ не нюхала, ибо она ходила по собору Георгіевскому и табакерку носила въ рукахъ. О, соблазнъ! Это не богомоленіе въ обитель пріѣзжать, а одинъ соблазнъ» (31-го октября 1832 г.).

Бывали у Фотія и добрыя отношенія къ людямъ, но большею частью внѣшнія, показныя и преимущественно къ тѣмъ, которые могли подставить ему ногу. Напр., къ Жеребцову, занимавшему постъ новгородскаго губернатора, онъ относился хорошо. Но когда Фотій получилъ свѣдѣніе о самоубійствѣ Жеребцова, то далъ о немъ весьма нелестное мнѣніе: «Жеребцовъ, отецъ жены гр. Алексѣя Орлова, былъ злѣйшій франкъ-масонъ, и ложа была у него, называемая Георгія Побѣдоносца, и всѣ масонскіе ордена имѣлъ. Такая ему варвару и смерть. Злый злѣ и умеръ, смерть грѣшниковъ люта» (7-го сентября 1832 г.).

Всякую людскую похвалу Фотій принималъ за чистую монету и не допускалъ въ ней льстивости. Кто умѣлъ льстить ему, тотъ былъ у него въ фаворѣ и пользовался всѣми благами. Губернаторъ Денферъ превозносилъ Фотія прямо въ глаза ему и за то имѣлъ чрезъ него протекцію по службѣ, хотя впослѣдствіи былъ обругань покровителемъ всячески по той причинѣ, что не держалъ сторону Фотія по дѣлу объ удаленіи Юрьевской слободки отъ монастыря [1]). «Да прошу тебя и молю, напомни брату Алексѣю объ награжденіи нашего губернатора; ужели и нынѣ ему не будетъ награжденія, онъ уже болѣе 5 лѣтъ губернаторомъ» (14-го августа 1831 г.). «Въ Новгородѣ болѣе 700, а въ

---

[1]) Объ этомъ будетъ въ послѣдующей главѣ.

Старой Руссѣ болѣе 4.100 забрано поселянъ. Царь самъ навѣсилъ звѣзду Слезкѣ (губернатору Денферу). Вотъ какъ царь милъ и праведенъ. Губернаторъ летаетъ на крыльяхъ радости, какъ птица» (19-го октября 1831 г.).

«Вчера прилетѣлъ и нашъ губернаторъ, я его со всею братію поздравилъ въ залѣ» (20-го октября 1831 г.).

Особенно Фотій былъ расположенъ къ вице-губернатору Смирнову; онъ усиленно старался выхлопотать ему движеніе по службѣ. «Ты знаешь вице-губернатора нашего, онъ твой знаемый и мой и Алексѣю. Я тебѣ скажу вотъ что; не можно бъ лучше обрѣсти человѣка въ товарищи министру (Канкрину). Большая бъ польза была какъ-нибудь ему помѣститься по сей части въ Спб. Но сохрани Боже отъ такихъ людей, каковы Дубенскій и другіе. Сдѣлай милость прими вице-губернатора Смирнова и вели Алексѣю непремѣнно его принять, надобно сего человѣка найтить, мало такихъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, безъ примѣси и церкви и царю преданныхъ и проворныхъ; я тебѣ его вручаю и Богу» (3-го февраля 1836 г.).

Очевидно, ходатайство за Смирнова на этотъ разъ не удалось, и Фотій вскорѣ прочитъ его уже на другое мѣсто. «Вотъ случай моего писанія самый нужный. Владимірскій губернаторъ въ отставку выходитъ, а желаетъ поступить туда нашъ духовный родственникъ Смирновъ. Буде не поздно, приложи все стараніе» (17-го апрѣля 1836 г.). Придавая важность своимъ хлопотамъ, Фотій пишетъ графинѣ въ этотъ же день другое письмо, помѣчая его «12-й часъ по полунощи». «Прими его жену по нашей крестницѣ и, буде можно, накорми обѣдомъ, Бога ради не опоздай, а позови къ себѣ брата и поручи ему все».

XIII.

Среди іерарховъ православной церкви Фотій сходился съ тѣми, которые обращались къ нему за совѣтомъ, помощью, протекціей, которые принижались, считали себя ниже, хотя были поставлены по службѣ выше. Приведемъ въ примѣръ Филарета казанскаго, у котораго случилась какая-то исторія, дошедшая до Синода и грозившая ему большою непріятностью. Филаретъ послалъ графинѣ Орловой письмо, молилъ о защитѣ и просилъ посовѣтоваться съ Фотіемъ. Гордясь авторитетностью, Фотій принялъ въ Филаретѣ горячее участіе. «Письмо Филарета казан. преосвящ. я получилъ и читалъ и прошу у тебя сей милости: 1) постарайся подлинное письмо его императору показать, дабы онъ прочелъ и

зналъ, а я копію списалъ съ онаго, 2) что нибудь подарить ему послѣ подачи и прочтенія письма А. П. [1]). Сіе письмо Филарета при семъ обратно тебѣ посылаю для врученія А. П., ежели случай будетъ. Похвалить нужно и людямъ таковое дѣло Филарета поставить на видъ. Сего Григорію не сдѣлать и В. [2]) скажи обо всемъ подробно и, на случай копіи списавъ, держи для показанія кому-либо прочесть» (27-го сентября 1829 г.). Прошу тебя, хвали ты каз. Филарета А. П. и А. К. Не онъ виноватъ, а П. Потщися о немъ, онъ тебя любитъ. Помни слово мое, о, святая душа, Анна, чадо мое милое. Буди ангелъ ты Б. во плоти» (изъ письма 28-го сентября 1829 г.). Исторію съ Филаретомъ приписываетъ Фотій происканъ П. на томъ основаніи, что этотъ П. дѣлалъ непріятности и самому Фотію.

Фотій даже ожидалъ къ себѣ на поклонъ извѣстнаго митрополита московскаго Филарета (Дроздова), когда послѣдній бывалъ въ Новгородѣ. «Завтра ожидаемъ Филарета въ Новгородъ, и я думаю, что авось либо заѣдетъ въ Юрьевъ монастырь. Онъ наказывалъ чрезъ Агриппу, что желаетъ со мной видѣться» (15-го мая 1829 г.). «Сегодня 16-го мая, ожидаемъ М. М. (митрополита московскаго)Филарета въ Новгородъ» (16-го мая 1829 г.). «Вчера ѣздилъ для встрѣчи В* [3]), но получилъ письмо отъ Суслова, что 17-го будетъ въ Новгородѣ, то и готовлюсь видѣть его. В** [4]) велѣлъ представляться ему всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ» (17-го мая 1829 г.). Филаретъ былъ въ Новгородѣ, но въ Юрьевъ не заѣхалъ и тѣмъ, конечно, раздражилъ Фотія. «17-го мая былъ въ Новгородѣ В., и пріемъ ему былъ прекрасный, ко мнѣ весьма былъ ласковъ, но не былъ въ Юрьевѣ». (18-го мая 1829 г.).

Къ слѣдующему пріѣзду Филарета юрьевскій архимандритъ относится уже холодно, даже не ѣдетъ для встрѣчи, маскируя это обстоятельство причинами, будто бы отъ него не зависящими. «У насъ преосв. Филарета ждутъ, ибо онъ, какъ пишетъ Стариковъ, выѣхалъ 27-го сентября, а нѣкто сказалъ, будто бы 26-го въ 4 часа, около вечерни. Итакъ твое письмо не застанетъ его уже въ Москвѣ» (1-го октября 1829 г.). «Сейчасъ, 2-го октября, по утру, въ 5 часовъ, получилъ извѣстіе, что московскій Филаретъ 1-го октября, по вечеру, въ 7 час. пріѣхалъ и 2-го въ 6 час. уѣзжаетъ. Вѣтеръ пресильный, водой ѣхать невозможно, да и не поспѣть уже застать его. Дороги ни прямо, ни кругомъ вовсе нѣтъ почти. Итакъ, уповая на Вышняго, я остался дома, храня здравіе, ко-

---

[1]) Императору.
[2]) Митрополитъ Серафимъ.
[3]) В*—митрополитъ московскій Филаретъ.
) В**—митрополитъ Серафимъ.

торое я непремѣнно долженъ повредить, ежели выѣхать сегодня въ городъ и кое-какъ пѣша и водою тащиться. А при томъ же викарій по ненависти своей ко мнѣ не далъ знать» (изъ письма 2-го октября 1829 г.).

Такъ какъ Филаретъ ѣздилъ въ Петербургъ, то Фотій писалъ графинѣ въ оправданіе. «Сдѣлай милость, объясни В., что я уже 2 недѣли караулилъ его пріѣздъ и не удостоился его видѣть при всемъ желаніи моемъ и чтобъ онъ меня извинилъ» (3-го октября 1829 г.).

Ославъ такого содержанія письмо, Фотій обдумалъ свою нетактичность къ видному ученому іерарху и вслѣдъ за симъ послалъ другое, въ одну строчку. «Я ѣздилъ въ городъ и В. уже не засталъ» (3-го октября 1829 г., 3-й часъ по полудни).

Въ слѣдующемъ году Филаретъ опять былъ въ Новгородѣ. Въ этотъ разъ Фотій видѣлся съ нимъ, раболѣпствовалъ, ухаживалъ за нимъ, но напрасно—Филаретъ не заѣхалъ въ Юрьевъ. «Я служилъ литургію и во время оной мнѣ речено въ ухо, что М. М. Филаретъ въ Новгородъ пріѣхалъ и такъ я сряду послѣ службы полетѣлъ къ нему на благословеніе,—былъ весьма ласковъ. Архіерея не было въ городѣ и кушавъ съ нимъ и простився, проводилъ до кареты въ путь, и онъ въ 2 ч. уѣхалъ» (16-го мая 1830 г.).

Но когда Филаретъ снова посѣтилъ Новгородъ въ 1832 г. и не заѣхалъ въ Юрьевъ, Фотій заключилъ, что владыка пренебрегаетъ имъ. «Вчера въ Новгородъ пріѣхалъ М. Филаретъ, около 8-го часа и пробылъ до 3 часовъ, но не былъ у смиреннаго Фотія. Видно, онъ такъ высокъ, что не могъ, подражая Богу, преклонитися съ небесъ на землю къ человѣкамъ, преклониться съ высоты къ низкости Фотіевой. Азъ же ему ни кареты не послалъ и ничто же не дѣлалъ. Можетъ быть, онъ и ждалъ экипажа или меня. Вотъ проба, есть ли въ В. любовь или нѣтъ. Нѣсть въ нихъ любви истинны» (23-го мая 1832 г.(.

Сочувствуя огорченію Фотія относительно непосѣщенія Филаретомъ Юрьева, графиня постаралась увидать послѣдняго въ Петербургѣ и просила обласкать заѣздомъ архимандрита. Онъ далъ ей слово. На этотъ разъ Фотій болѣе чѣмъ когда-либо приготовился къ встрѣчѣ Филарета. Однако, митрополитъ, бывъ въ Новгородѣ, все-таки не заѣхалъ въ Юрьевъ.

Тогда огорченный Фотій писалъ графинѣ: «Въ субботу, 26-го мая, весь день намѣстникъ ждалъ съ каретою В. въ городѣ до 8 ч. нощи. А я сдѣлался нездоровъ отъ хлопотъ, такъ что 27-го, въ воскресенье, не могъ служить. В. пріѣхалъ поутру 27-го въ 7 ч. и былъ до 3 ч. по-полудни, но не пріѣхалъ, обманулъ тебя». (22-го мая 1834 г.).

Весьма естественно, что Фотій долженъ бы быть со своимъ начальствомъ болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо мягокъ, не не тутъ-то было. Въ на-

чальствѣ онъ видѣлъ своихъ клеветниковъ, домогавшихся его униженія, огорченія, высылки изъ «земнаго рая» и даже уничтоженія. Такъ онъ велъ вражду съ мѣстнымъ викаріемъ Тимоѳеемъ, въ которой заключалось не мало рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ. «Викарій весьма ко мнѣ плохъ. 27-го сентября я пришелъ къ нему для благословенія, онъ принялъ съ сердцемъ великимъ: лицо было красное, пьяное и глаза красные, какъ будто съ большаго запоя. Словомъ сказать, въ непорядкѣ бывъ; принялъ меня и отпустилъ худо—хуже прежняго. Да, скажи Алексѣю Ѳедоровичу (Орлову), чтобы онъ въ случаѣ предъ А. П. [1]) замолвилъ слово, что съ похмѣлья или отъ чего другаго пакости дѣлаетъ Тимоѳей. Когда Богъ избавитъ отъ него Новгородъ» (28-го сентября 1829 г.). «Я слышалъ, что викарію очень противно, что я засѣдаю въ консисторіи и благочиннымъ. Мнѣ кажется, что на свѣтѣ для меня хуже не будетъ человѣка. Сіе меня веселитъ, онъ мнѣ сказалъ самъ въ глаза, что будто бъ В. такъ о мнѣ худо внушилъ, что нужно меня преслѣдовать. Самъ мнѣ сіе говорилъ. Еслибъ я увидѣлъ теперь В., то бы ему сіе сказалъ» (2-го октября 1829 г.).

Дѣйствительно, митрополиту Серафиму были уже даны нехорошія вѣсти о Фотіи. Послѣдній, конечно, чрезъ графиню, прикидывался предъ владыкой невиннымъ страдальцемъ. «Ахъ, какъ мнѣ жаль, что А. К. [2]) доселѣ немощствуетъ; увѣдомляй ты меня о ея здравіи подробно. Спаси ее Господи и помилуй. Я тебѣ скажу, что викарій не съ однимъ со мною худо поступаетъ, а почти со всѣми. Богъ съ нимъ. Я всегда его удаляюсь, ибо злобенъ. Но при случаѣ ты В. скажи, что я привыкъ всѣ горести давно терпѣть и для меня есть паче удовольствіе, нежели скорбь отъ обиды, лишь бы словомъ и дѣломъ было то, а не бумагами незаконными и глупыми. Монахъ для того и монахъ, что скорби всегда всѣ долженъ терпѣть Бога ради» (5-го октября 1829 г.).

Три дня спустя, Фотій, въ доказательство того, что викарій обращается дурно и съ другими чинами духовнаго вѣдомства, описываетъ графинѣ такой случай: «Вчера, 7-го числа, сижу въ консисторіи, и вдругъ ректоръ входитъ въ оную съ лицомъ очень краснымъ. Я ему сказалъ,—вѣрно ты былъ у Тимоѳея? И онъ мнѣ сказалъ: «грызъ, какъ собака меня». За что же? Барка хлѣба стоитъ подъ монастыремъ, хозяинъ принуждаетъ купить, а Т. говоритъ, что изъ каждаго куля надобно взять муки и опробовать, хороша ли, испекши. Скажи, чадо, кто дастъ изъ каждаго куля на пробу взять для печенія, а ему ректору для семинаріи нужно купить кулей, можетъ быть, и до 500. Каковъ же разсудокъ» (8-го октября 1829 г.).

---

[1]) Императоромъ.
[2]) Императрица.

Викарій Тимоѳей собиралъ противъ Фотія документы и увѣдомилъ объ этомъ митрополита. Графиня предупредила Фотія, но онъ ничуть не смутился. «Молю тебя и умоляю, чадо мое, не огорчайся ни на кого, что есть какія-то бумаги у Т. Это все къ лучшему. Виждь, какъ Богъ меня исхищаетъ изъ рукъ Т.» (12-го октября 1829 г.).

Полагая, что заступничество графини уже воздѣйствовало на митролита, Фотій писалъ съ какимъ-то злорадствомъ. «Слышу и замѣчаю, что Т. голову повѣсилъ, сказать не можно, какъ зла много дѣлалъ и грозился сдѣлать, а теперь видно ему наставленіе прислано. Пусть самъ проглотитъ» (16-го октября 1829 г.).

Можетъ быть, викарій и повѣсилъ голову отъ какого-нибудь замѣчанія свыше, но это болѣе его озлобило; онъ дѣлалъ свое дѣло—пустилъ въ ходъ документы. Серафимъ обратился къ графинѣ съ вопросомъ, что̀ такое дѣлаетъ вашъ духовный отецъ. Конечно, все это было тотчасъ же передано Фотію. «Теперь я тебѣ спѣшу принести благодарность за сообщеніе о мнѣ нужнаго. Господи Боже нашъ! Какъ можно архіерею такъ клеветать на меня, отъ котораго онъ никогда такихъ глупостей не услышитъ. Господи Боже нашъ! Нечего было выдумать, то нужно было безстыдно писать, дабы яти меня местію и клеветою и мучити. Потому не удивляюсь клеветѣ, что свойственно есть человѣческому роду лгать, но удивляюсь сану великому отъ лжи побѣждаему. Нѣтъ, нѣтъ я лгать не хочу ни въ какомъ случаѣ такъ безстыдно, и избави и изми мя, Господи, отъ такого зла» (24-го октября 1829 г.)

Какъ ни разыгрывалъ Фотій страдальца подъ гнетомъ клеветы, какъ ни оказывалъ свою смиренность, но злоба пробивала брешь въ смиреніи и въ Тимоѳея также летѣли стрѣлы, хотя косвенно, чрезъ графиню и Серафима. «Проѣзжая ректоръ изъ Спб. заѣхалъ къ викарію Т. и сказалъ, что ему митрополитъ посылаетъ благословеніе, и той сказалъ ректору: «не вѣрю, митрополитъ на меня сердитъ, да я и писать къ нему не хощу». Ректоръ сказалъ: «а вамъ писать должно, хотя бъ онъ и не отвѣчалъ». Сказалъ ему викарій: «Я на одного Бога надѣюсь и не хощу отъ него ничего». Вотъ и не оказавши услугъ и дѣлъ благихъ, какъ В. трактуетъ; а посему что же можно намъ съ нимъ дѣлать. Всѣ его бѣгаютъ, и я уже по примѣру всѣхъ бѣгаю» (8-го ноября 1829 г.). Продолжая доносить на викарія, Фотій не упускалъ изъ виду даже мелочь, которая бы могла дурно вліять на пастырское положеніе Тимоѳея. «Сдѣлай милость, скажи В., что викарій меня насильно принуждаетъ жертвовать на тюремное общество и быть членомъ. На бумагу г. губернатора я отказался вовсе, а онъ меня бранитъ, что я примѣра не подаю къ толь великому и св. дѣлу. И далъ резолюцію всѣхъ вообще пригласить и всѣмъ указы послать, но въ этомъ есть добрая воля каждаго. Право, горе служить съ такимъ человѣкомъ» (14-го мая 1831 г.). «Во-

образи, какъ викарій меня ненавидитъ, что при всякомъ случаѣ испытаніе мнѣ дѣлаетъ, и я за книгами вчера посылалъ о. игумена Никона, и онъ болѣе 3 часовъ держалъ, всячески терзалъ по мнѣ, дабы что свидѣтельствовалъ на меня, но не успѣлъ, ибо Никонъ старецъ преданъ мнѣ о Христѣ.» (21-го мая 1831 г.).

Доносы Тимоѳея поднимали у Фотія бурю негодованія. Однажды онъ писалъ графинѣ: «Единожды навсегда знай, что онъ, викарій, мнѣ не отецъ, а я ему не сынъ, за лукавое секретное писаніе къ моему стыду, которое онъ писалъ къ Парфенію. Ежели бъ не боялся Бога, то бъ я ихъ назвалъ въ горести души Каіафа и Анна, два тѣ архіерея, которые Христа отдали на смерть» (19-го апрѣля 1833 г.).

Всѣ козни, какъ съ той, такъ и съ другой стороны были подпольныя. Лично монахи уступали другъ другу, и казалось, что между ними какъ будто нѣтъ ни сучка, ни задоринки. «Викарій присылалъ звать меня въ Хутынь на праздникъ къ Варлааму Хутынскому» (5-го іюня 1830 г.). Фотій охотно принялъ приглашеніе и былъ на праздникѣ, любезно и даже подчиненно относился къ викарію Тимоѳею.

Отношенія Фотія съ митрополитомъ Серафимомъ были довольно курьезныя. Архимандритъ то хвалитъ графинѣ Серафима, выражаетъ ему «истинную» любовь, то сейчасъ же бранитъ, поноситъ его, обличаетъ въ лицемѣріи, пристрастіи. Потомъ приглашаетъ владыку къ себѣ, ухаживаетъ за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, и снова бранитъ, обзывая его и глупцомъ и старцемъ, выжившимъ изъ ума. Конечно, Серафимъ, какъ главный начальникъ Фотія, немного сталъ бы разговаривать касательно отсылки его куда-нибудь подальше, но мѣшала графиня Орлова, пользовавшаяся расположеніемъ государя, государыни и двора. Графиня не мало получала упрековъ и замѣчаній со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей, благодаря заносчивости и разнымъ беззаконіямъ Фотія, но все-таки защищала, не давала въ обиду его, такъ какъ была всецѣло предана ему. Приведу отношенія между Фотіемъ и Серафимомъ также общія. По письмамъ они начинаются сномъ архимандрита. «Нынѣ видѣлъ сонъ я и видѣлъ тебя и В. и какъ бы мы съ тобою угощали его и ты не дождалась его угощать и надѣлась во все придворное платье и спѣшила ѣхать къ царицѣ А. К. Платье же на тебѣ верхнее съ хвостомъ розовое свѣтлое и прочее, что при свиданіи лучше перескажу и кажется въ таковомъ видѣ я случился быть и видѣлъ на праздникѣ у царицы и слышалъ пѣніе и музыку» (1-го іюня 1829 г.).

Фотій посылаетъ Серафиму въ подарокъ яблоки изъ своего сада, но цѣль имѣетъ не простодушную, а чтобы показать, какихъ результатовъ достигъ садъ, его заботами и трудами разсаженный. «Нынѣ я отправляю два ящика, 1-й съ уставомъ, а 2-й съ яблоками юрьевскаго сада, разныхъ сортовъ, а посему я посылаю, дабы ты или са-

мыхъ большихъ яблоковъ, сверху лежащія десятка два или болѣе, отослала къ митрополиту отъ имени моего, что я для благословенія ему представляю, дабы увидѣлъ, какія яблоки растутъ отъ саду, мною насажденнаго, оныя еще не доспѣли; можно же Алексѣю Ивановичу вручить, а онъ владыкѣ. Да при свиданіи В. перескажи о всѣхъ плодахъ и яблокахъ, какіе растутъ въ Юрьевѣ. Только что въ моемъ саду осталось нѣсколько яблокъ, а вездѣ по саду братія подобрала. Такіе охотники до моихъ яблокъ» (30-го августа 1829 г.).

Пришелъ на Фотія какой-то доносъ къ Серафиму, послѣдній повѣрилъ и далъ ходъ ему. Объ этомъ графиня сообщила своему духовному отцу. «Тебѣ сказалъ нѣкто архіерей, что виною всему викарій. Нѣтъ викарія, какъ звѣря, токмо напустили на меня, а иначе ежели бъ Серафимъ не восхотѣлъ меня травить и язвить чрезъ него, то бы онъ и не могъ. В., живя ложью всегда, насчетъ мой обрѣлъ клеветника въ Кифѣ [1]), обѣщавъ ему милости свои и мое достояніе, и успѣлъ меня

---

[1]) Это былъ намѣстникъ Юрьева монастыря, монахъ бойкій, ловкій, отличавшійся свѣтской жизнью. Его любилъ Фотій и по заслугамъ награждалъ: „Вчера я получилъ изъ Спб. письмо, что В. набедренникъ моему намѣстнику уже на моей бумагѣ положилъ дать. И я сему весьма радъ“. (20-го мая 1829 г.). Затѣмъ Кифа сдѣлался клеветникомъ и злѣйшимъ врагомъ Фотія. Дѣло въ томъ, что онъ сошелся съ викаріемъ Тимоѳеемъ и передавалъ ему всѣ подробности своевольныхъ дѣйствій Фотія. Послѣдній зналъ это хорошо чрезъ своихъ шпіоновъ-монаховъ, но нанести какой-либо ударъ Кифѣ не могъ, изъ боязни еще больше подлить масла въ сплетни. Архимандритъ отводилъ душу только тѣмъ, что писалъ графинѣ: „Кифа у викарія живетъ и пьетъ, и ѣстъ, и спитъ трое сутки и, бывъ въ соборѣ 21-го апрѣля, сказалъ, хвастая, что онъ дѣла мои обдѣлываетъ съ викаріемъ, а индѣ хвалится, что доказалъ все на меня“ (22-го апрѣля 1832 г.). Подобныя вѣсти не такъ еще волновали Фотія, но надо было видѣть его тогда, когда графиня достала ему письма, писанныя на него Кифой. „Читалъ письма клеветника сына моего, игумна Кифы, одно на меня къ секретарю В., а другое къ самому В.; читая, я одно видѣлъ то, въ чемъ и не ошибался я прежде; онъ, будучи въ обители моей, былъ Іуда предатель и другъ, и ученикъ мой, и врагъ, и ненавистникъ. Зри, мое чадо, чѣмъ онъ соблазняется: въ соблазнъ и заблужденіе, и сумасшествіе поставляетъ мнѣ, что я полунощницу, часы въ свое время правлю, хитонъ ношу, Б. М. Акафистъ служу въ свѣтлыхъ ризахъ, крестъ ношу въ рукахъ и все назвалъ въ насмѣшку чудесами, давая знать, что сіе выдумка есть такая же глупая, какъ чудеса, въ писаніяхъ упоминаемыя. Да что же еще старался и тебя тутъ же участницей быть моихъ заблужденій и страданій. Также и въ Москвѣ онъ насѣялъ ложь, когда Ив. Широкой сталъ удерживать мать его, то она говорила, что кому лучше знать, какъ не мнѣ, что А. Фотій сошелъ съ ума, ибо сынъ мой уже правитъ Ю. монастыремъ и вскорѣ будетъ онаго настоятелемъ. Онъ явно указывалъ въ письмахъ, что я не въ здравомъ смыслѣ, помѣшался и въ ереси и въ любодѣяніяхъ и что у меня секта и Фотинія есть моя начальница. Мнѣ пріятно было читать въ письмахъ клеветника моего и предателя, что онъ, не воз-

Кифа В. предать и утѣшался, видя меня отца презрѣннаго и убиваемаго нравственно, а посему Серафимъ буди яко В. всему виною и Кифа яко сынъ, а викарій есть нѣчто слѣпое постороннее. Аще бъ теперь В. и горы съ мѣста переставлялъ, дѣлая чудеса, и тогда я не повѣрю, что въ немъ осталась искра любви ко мнѣ» (20-го апрѣля 1832 г.).

Написавъ обвиненіе митрополита, Фотій одумывается, какъ бы графиня не передала ему объ этомъ, не произошло бы тутъ чего дурнаго. Поэтому для Фотія было очень пріятно, когда графиня сообщила ему, что въ Юрьевъ собирается митрополитъ Серафимъ. Такой чести онъ не ожидалъ и даже относился къ этому событію какъ-то недовѣрчиво. Это видно изъ слѣдующихъ писемъ Фотія. «Митрополитъ Серафимъ мнѣ 17-го дня прислалъ письмо, въ коемъ пишетъ, что онъ въ іюлѣ будетъ непремѣнно въ Новгородѣ; теперь дѣйствительно надо готовиться къ пріѣзду В.» (18-го іюня 1834 г.). «Такъ какъ ожидаю по твоему слову и письму В. пріѣзда его вскорѣ, то по всему монастырю чистка и уборка идетъ, бѣленіе, крашеніе и прочее все нужное. Желаемъ, дабы все понравилось митрополиту въ обители. Вѣрно онъ вездѣ осмотритъ. Съ великимъ желаніемъ ожидать буду твоего прибытія тѣмъ паче, что митрополитъ говорилъ тебѣ, что будто онъ безъ тебя не поѣдетъ. Пошли узнать отъ него, какъ онъ намѣревается ѣхать, и увѣдомь меня завѣрное» (28-го іюня 1834). «Нужно бъ прежняго обойщика прислать и какихъ-нибудь креселъ 12 въ митрополичьи комнаты, не краснаго дерева, а какихъ-нибудь. Нужно исправить кое-что испорченное, а потому и обойщика, ежели можно, прежняго прислли поскорѣе въ монастырь ненадолго». (29-го іюня 1834 г.). Совмѣстный пріѣздъ Серафима съ графиней былъ на руку Фотію, потому что какая-либо погрѣшность

могши служить тебѣ, говоритъ, что ты слишкомъ мнѣ предана“ (20-го мая 1832 г.).

Къ числу своихъ клеветниковъ Фотій причислялъ и нѣкоего арх. Андрея, но онъ считалъ его настолько малосильнымъ, что безропотно принималъ у себя и не выражалъ ему никакой мести. „Ты помнишь, что ар. Андрей двѣ бумаги на меня подалъ, а 29-го апрѣля третью подалъ, дабы меня судить, и захворалъ. Что же? Пришелъ въ монастырь и просился ночевать, я же ему дозволилъ ночлегъ, на утро онъ такъ заболѣлъ, что въ келью, ему отведенную, снесли на рукахъ, а послѣ такъ прихудалъ, что исповѣданъ и пріобщенъ, и теперь онъ очень труденъ. А можетъ быть дастъ Богъ, что онъ будетъ и живъ. Я къ тому пишу, что какъ Богъ его наказуетъ и что онъ счелъ меня за врага, а я его теперь лелѣю и около его приставилъ услугу и все ему въ угодность даю“ (6-го мая 1829 г.).

Однако отъ этого клеветника Фотій скоро избавился. Неизвѣстно, по милости ли Фотія или по инымъ какимъ-либо обстоятельствамъ, но только Андрей былъ высланъ. „Объ арх. Андреѣ скажу, что его со стражею, по выздоровленіи, отправили по указу Свят. Синода въ Тверь“ (1-го іюня 1829 г.).

не такъ сурово будетъ принята митрополитомъ въ присутствіи графини. Поэтому архимандритъ всячески домогался совмѣстнаго пріѣзда. «Ужели ты не думаешь, не чаешь насъ видѣть 25-го іюля. Конечно, можно о семъ позаботиться тебѣ. Ежели В. не будетъ согласенъ ѣхать безъ тебя, ты ему напиши Бога ради письмо, дабы онъ не ѣздилъ безъ тебя въ Новгородъ, а подождалъ, пока уѣдетъ гость, и чтобъ ты была свободна также пріѣхать, а онъ тебя послушаетъ. Устрой такъ, дабы онъ В. безъ тебя не ѣхалъ. Иначе будетъ ему скучно, и мы не будемъ знать, угостить какъ его и чѣмъ порадовать. Обнадежь меня симъ, что онъ безъ тебя не поѣдетъ въ Новгородъ и увѣдомь; сіе мнѣ нужно и напиши, что тебѣ никакъ нельзя ѣхать до отъѣзда наслѣдника». (6-го іюля 1834 г.). «Ежели В. согласится не ѣхать безъ тебя, то ты къ 25-му іюля уже на нѣсколько дней и не спѣши пріѣхать въ рай, а уже съ терпѣніемъ ожидай, когда уѣдутъ гости и тебѣ можно совсѣмъ пріѣхать и въ то время, когда пріѣдетъ В. въ Новгородъ, то все время онъ будетъ при твоей бытности и для меня все будетъ лучше гораздо. Я говорю къ тому, дабы пріѣздъ В. былъ при тебѣ къ намъ и когда уже гости чужестранные совсѣмъ отправятся» (7-го іюля 1834 г.).

Фотій окончательно приготовляется къ встрѣчѣ Серафима и со спокойной душой пишетъ графинѣ. «Обитель вся обчищена, новое зданіе противу глазъ моихъ все выштукатурено и все выбѣлено, весь монастырь бѣлъ какъ снѣгъ и чистъ, и мы теперь готовы принять не токмо митрополита, но хотя самого царя. Начнемъ уже ждать пріѣзда В. и рады будемъ принять, ибо кажется готовы». (17-го іюня 1834 г.). Дѣйствительно Серафимъ пріѣзжалъ въ Юрьевъ и пробылъ нѣсколько дней. Митрополитъ остался всѣмъ доволенъ и, кажется, надо было жить Фотію съ нимъ въ любви и согласіи, но не тутъ-то было. Вскорѣ на Фотія снова стали поступать доносы о незаконныхъ дѣйствіяхъ по отправленію церковныхъ службъ. Пріятное впечатлѣніе о Фотіи изгладилось у Серафима, старецъ митрополитъ сердился, упрекалъ графиню и даже грозился сдѣлать архимандриту служебную непріятность. Фотій ни въ чемъ не признавалъ за собой вины и приписывалъ все личному негодованію на него митрополита. Помимо разныхъ поношеній онъ даже пророчитъ митрополиту скорую смерть, открытую ему будто бы во снѣ. «Снамъ вѣрить будто бы не должно, говорятъ ученые отцы, но бываютъ сны и отъ Бога, какъ во св. писаніи пишется. На сихъ дняхъ мнѣ явился нѣкто во снѣ и гласъ былъ отъ него глаголя: не опасайся, будь спокоенъ. Еще три года будетъ жить. Я тотчасъ помыслилъ, что В. можетъ быть ранѣе не умретъ. Я пишу сонъ сей, а не увѣряю; мы можемъ жизнь нашу продолжить и сократить» (23-го іюня 1837 г.).

Вслѣдъ затѣмъ Серафимъ предложилъ Фотію прекратить всѣ прибавленія къ церковной службѣ, которыя ему вовсе не разрѣшены. По

*

поводу этого Фотій пишетъ графинѣ, что такъ онъ дѣлаетъ уже нѣсколько лѣтъ и бросить неразрѣшенное не собирается. «В. требуетъ, дабы я—все какъ нововведеніе оставилъ: неусыпное моленіе, похвалу Богородицы, исправлять полунощницу, часъ первый, третій, шестой, девятый не дѣлалъ, какъ нововведенное, а уже издавна всѣми принятое празднословіе и жительство болѣе мірское, нежели ангельское святое. Престалъ Богу по вся дни служить, пріобщаться, безмолвствовать, говѣть, молиться и послѣдовать святымъ въ чемъ послѣдую уже нѣсколько лѣтъ». (3-го декабря 1837 г.).

Однако все кончилось ничѣмъ, все осталось по-старому. Фотій торжествовалъ. «Побѣда на нашей сторонѣ, хотя и критиковалъ В. посланіе и не сознается предъ тобою, что виноватъ и не смиряется, но видно, что совѣсть его угрызаетъ и въ душѣ сознаетъ себя виновнымъ. Первое, что онъ самъ тебя пригласилъ къ себѣ и на волю тебѣ далъ пріѣхать. Второе, какъ въ моемъ посланіи написано, что я вовсе подъ общія предписанія тебя не подводилъ и не подвожу, то самъ онъ какъ бы себя оправдать хотяй предъ тобою читалъ. Третіе сказывалъ, что напрасно по пустякамъ я огорчаюсь, что будто подъ наблюденіе викарію отданъ. Видно ему уже и самому стало меня жаль» (4-го декабря 1837 г.).

А. Слезскинскій.

1838 годъ въ Петербургѣ.

(По дневнику П. Г. Дивова)

Бросимъ бѣглый взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ и начнемъ нашъ обзоръ съ юга:

Португалія раздираема внутренними междоусобіями и борьбою, происходящею между хартистами (или защитниками хартіи, данной Донъ-Педро, который былъ впослѣдствіи императоромъ Бразильскимъ) и анархистами или республиканскими демагогами; нѣтъ никакой надежды, чтобы эта страна могла успокоиться своими собственными средствами. Во главѣ хартистовъ стоялъ Салданго, а во главѣ демократовъ Антосъ. Послѣдній одержалъ надъ своими противниками побѣду въ сраженіи, и его партія нападаетъ на монархическую власть безъ того уже весьма ограниченную. Число гвериліасовъ, дѣйствовавшихъ въ пользу Донъ-Мигуеля, увеличилось; это подало ему надежду стать, по примѣру Донъ-Карлоса испанскаго, во главѣ мятежнаго движенія. Англія поддерживала въ тайнѣ королевскую власть, но дѣйствовала очень осторожно. Англійскіе происки вызвали страшную вражду между обѣими партіями и страшную ненависть къ англичанамъ.

Въ Испаніи, переживающей всѣ ужасы междоусобной войны, правительство не могло упрочиться. Королева Изабелла и ея мать Христина не могутъ, не смотря на всѣ усилія, уничтожить партію Донъ-Карлоса, которая, подобно фениксу, возраждается изъ пепла. Ясное доказательство, что она имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ въ сѣверныхъ провинціяхъ. Англія и Франція поддерживаютъ монархическую партію, но полумѣры не могутъ упрочить власть юной королевы и ея матери. Донъ-Карлосъ, имѣя вдоволь денегъ, съѣстныхъ припасовъ и боевые снаряды, успѣшно отражалъ всѣ дѣйствія противниковъ. Въ те-

ченіе истекшаго 1837 г. испанской столицѣ нерѣдко угрожали вооруженныя банды и если бы Гильбао и Синандеръ очутились во власти карлистовъ, то престолъ Изабеллы рушился бы. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ весьма печально, и нѣтъ надежды, чтобы дѣла въ будущемъ году улучшились.

Въ Италіи были безпорядки, вызванные волненіемъ демократовъ, но бдительность сардинскаго, неаполитанскаго и римскаго правительства съумѣла подавить ихъ.

Франціи удалось упрочить свои завоеванія въ Африкѣ взятіемъ Константина, что породитъ со временемъ несогласія между ею и Англіей. Король Людовикъ-Филиппъ успѣлъ утвердить свою власть и устроить свой дворъ на образецъ стариннаго королевскаго двора. Его сыновья пріобрѣли уваженіе и довѣріе войска и населенія. Все приняло видъ царскаго представительства; демократы ничего не могутъ сдѣлать и только наполняютъ періодическіе журналы безплодными выходками противъ возрастающей власти монарха. Положеніе Франціи по отношенію къ Англіи осложняется съ каждымъ днемъ.

Англія не можетъ видѣть равнодушно упроченіе французскихъ владѣній въ Африкѣ, усиленія въ Испаніи власти Донъ-Карлоса и ослабленія правительства королевы Христины; тѣмъ менѣе она можетъ относиться равнодушно къ тому, что происходитъ въ Португаліи. Оба эти народа относятся къ ней съ ненавистью и конечно постараются со временемъ освободиться отъ ея опеки. Въ Англіи положеніе дѣлъ тревожно, въ особенности въ Ирландіи, которая хочетъ отдѣлиться и образовать вполнѣ независимое государство. Подобное же движеніе замѣчается въ Канадѣ. Восточной Индіи угрожаетъ война съ Бирманскимъ королевствомъ. Положеніе дѣлъ въ этой странѣ внушаетъ большія заботы британскому правительству. Молодая королева Викторія открыла парламентъ съ большимъ достоинствомъ; она нравится странѣ. Ею руководитъ мать. О коронаціи еще не слышно.

Австрія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ державамъ и продолжаетъ свою прежнюю политику. Она покровительствуетъ французской королевской семьѣ, которая искала убѣжища въ ея предѣлахъ, и тайно поддерживаетъ Донъ-Карлоса. Князь Меттернихъ владычествуетъ въ странѣ и мудро руководитъ какъ внѣшними, такъ внутренними дѣлами.

Пруссія ведетъ прежнюю политику. Ея финансы растутъ за счетъ ея сосѣдей. Бракъ дочери Людовика-Филиппа съ принцемъ Виртембергскимъ дѣло ея рукъ, точно такъ же, какъ бракъ принцессы Виртембергской съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Баварія находится подъ эгидою Австріи точно такъ же, какъ Вир-

тембергъ подъ эгидою Франціи. Саксонія тѣсно связана съ Австріей, въ ней водворилось спокойствіе.

Данія и Швеція находятся въ прежнемъ положеніи. Послѣдняя держава тѣсно связана съ Англіей. Король мудро управляетъ страною, которую судьба ввѣрила случайно его попеченію. Его сынъ Оскаръ снискалъ общее уваженіе своимъ образомъ дѣйствій. Вообще, старанія дипломатовъ всѣхъ странъ направлены къ поддержанію въ Европѣ мира. Греція и Турція относятся не дружелюбно къ Сентъ-Джемскому кабинету. Вездѣ стоитъ на очереди вопросъ объ улучшеніи путей сообщенія, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и устройствѣ газоваго освѣщенія. Ускореніе сообщеній путемъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ измѣнитъ въ будущемъ ходъ военныхъ дѣйствій. Вся тактика должна будетъ направиться главнымъ образомъ на разрушеніе желѣзныхъ дорогъ и гибель пароходовъ.

Во Франціи снова открытъ заговоръ противъ короля, въ которомъ, какъ при Наполеонѣ, должна была играть роль адская машина.

У насъ всѣ министры остались на своихъ постахъ. Наибольшимъ вліяніемъ пользуется повидимому военный министръ графъ Чернышевъ. Изъ вѣдѣнія министра финансовъ изъято управленіе удѣльными имѣніями, для этого создано отдѣльное министерство, коимъ будетъ управлять генералъ Киселевъ. Графъ Канкринъ былъ оскорбленъ этимъ, но остался на своемъ посту. Морской министръ кн. Меншиковъ сохранилъ свое вліяніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ пріобрѣлъ сравнительно съ прошлымъ годомъ бо́льшее вліяніе. Положеніе министра юстиціи Дашкова не измѣнилось. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде занимаетъ то же положеніе, какъ прежде. Начальникъ тайной полиціи, гр. Бенкендорфъ, который былъ очень боленъ въ прошломъ году, поправился осенью, и ему было поручено отвезти дѣтей императора въ Москву. Графъ Орловъ (пользуясь отсутствіемъ гр. Бенкендорфа во время его болѣзни) снискалъ довѣріе императора.

1837-й годъ будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ Имперіи: 1) путешествіемъ наслѣдника цесаревича по Россіи и 2) путешествіемъ его отца на Кавказъ. Великій князь посѣтилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ высокообразованныхъ лицъ, губерніи: Новгородскую, Вологодскую, Ярославскую, Московскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую, Томскую и т. д. Его встрѣчали вездѣ восторженно. Императоръ посѣтилъ прежде всего Вильно, но холера помѣшала его поѣздкѣ въ Варшаву. Изъ Вильно онъ отправился въ Кіевъ, а оттуда въ Вознесенскъ, гдѣ было сосредоточено 325 эскадроновъ, которымъ были произведены маневры, въ присутствіи принцевъ прусскаго, австрійскаго и иностранныхъ генераловъ, приглашенныхъ въ лагерь, гдѣ царствовалъ величайшій поря-

докъ и какъ бы по волшебству появилось 300 домовъ, построенныхъ съ изумительной быстротою благодаря дѣятельности графа Витта. Въ Вознесенскѣ императоръ встрѣтился съ императрицей и великими княжнами, и оттуда всѣ отправились въ Одессу и далѣе на пароходахъ въ Крымъ, который ихъ императорскія величества и ихъ высочества объѣздили по всѣмъ направленіямъ. Императрица и великія княжны разстались съ императоромъ и отправились въ Москву, куда прибыли и остальные члены императорской фамиліи въ сопровожденіи гр. Бенкендорфа, къ великому огорченію князя Александра Голицына, которому до тѣхъ поръ поручалось сопровождать августѣйшихъ дѣтей. Императоръ, со своей стороны, сѣлъ на пароходъ въ Керчи и отправился на Кавказъ сопутствуемый гр. Орловымъ и директоромъ своей канцеляріи гр. Адлербергомъ. Въ Тифлисѣ императоръ принималъ персидское посольство во главѣ котораго находился наслѣдникъ персидскаго престолъ, мальчикъ лѣтъ 8 или 9. Императоръ объѣхалъ весь Кавказъ и даже Арменію и черезъ Воронежъ вернулся въ Москву. При выѣздѣ изъ Тифлиса онъ едва не свалился въ пропасть, но благодаря Бога остался цѣлъ и невредимъ. Около 12-го ноября вся царская фамилія вмѣстѣ съ императоромъ возвратилась въ Петербургъ, а въ ночь съ 17-го на 18-е декабря Зимній дворецъ сгорѣлъ до тла; уцѣлѣлъ только одинъ Эрмитажъ.

Императоръ, возвращаясь изъ театра съ императрицей и великими княжнами, увидѣлъ, что его великолѣпый дворецъ объятъ пламенемъ. Онъ поспѣшно пошелъ въ свой кабинетъ, взялъ всѣ бумаги, приказалъ вынести брилліанты императрицы и казенные брилліанты и пошелъ смотрѣть за тѣмъ, какъ тушили пожаръ. Но, увидавъ, что погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, приказалъ не заботиться о тушеніи пожара и предоставилъ огню истребить все, что можно. Наслѣдникъ цесаревичъ, бывшій свидѣтелемъ этого бѣдствія, былъ глубоко имъ опечаленъ. Государь воспользовался случаемъ, чтобы сказать ему, что необходимо быть твердымъ въ несчастіи, необходимо покориться волѣ Провидѣнія и что, быть можетъ, это горе послужитъ на пользу ему.

Въ то же время государь объявилъ всѣмъ жившимъ во дворцѣ и всѣмъ фрейлинамъ, что черезъ годъ онѣ будутъ жить во вновь отстроенномъ помѣщеніи. Надобно благодарить Бога, что это несчастіе не застало царскую фамилію во время сна. Купечество и дворянство хотѣли содѣйствовать перестройкѣ дворца, но говорятъ, будто императоръ не хочетъ ничего принять.

Конецъ 1837 г. будетъ достопамятенъ въ лѣтописяхъ Россіи. Принимая во вниманіе тѣ опасности, коихъ избѣгнулъ императоръ Николай, надобно сознаться, что Провидѣніе охраняетъ наше отечество. Императоръ избѣгнулъ чумы, появившейся въ Одессѣ вскорѣ послѣ его отъѣзда, избѣгнулъ смерти въ пропастяхъ Кавказа. Пожаръ, истребившій

его дворецъ, не стоилъ жизни ни одному изъ членовъ его семьи, но при тушеніи пожара погибло много солдатъ. Миръ праху этихъ самоотверженныхъ людей!

Января 1-го 1838 г. многіе сенаторы получили награды.

Графъ Киселевъ назначенъ министромъ удѣловъ.

Сенаторъ Бибиковъ, зять Кочубея, переименованъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ.

Кажется, князь Долгорукій останется литовскимъ генералъ-губернаторомъ; удалось устранить затрудненія, вслѣдствіе которыхъ императоръ не хотѣлъ оставить его на этомъ посту въ виду его предполагаемаго брака съ г-жею Забѣллою. Чтобы уничтожить препятствіе къ этому браку, его величеству представили, что этотъ союзъ послужитъ къ сближенію двухъ націй.

Января 11-го. Былъ раутъ у вице-канцлера, на который я также былъ приглашенъ. Я былъ въ треугольной шляпѣ и съ пряжками на башмакахъ. Всѣ прочіе были одѣты по-модному въ круглыхъ шляпахъ и съ розетками на башмакахъ. Вице-канцлеръ подошелъ ко мнѣ часъ спустя и замѣтилъ, что я одѣтъ не по формѣ.

— Вы желаете, чтобы я ходилъ въ круглой шляпѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Тогда я рѣшилъ, что надобно показать ему, что я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, хотя я и былъ одѣтъ не по модѣ, и когда начались танцы, то я всталъ на виду въ смежной съ залой комнатѣ, гдѣ насъ было всего двое, князь Любецкій и я. Тутъ меня увидѣлъ императоръ и императрица и первый привѣтливо поклонился мнѣ.

Января 15-го. Въ Эрмитажѣ случился переполохъ, вызванный вспыхнувшимъ тамъ пожаромъ, который впрочемъ тотчасъ былъ прекращенъ, но императоръ такъ былъ этимъ разсерженъ, что сказалъ нѣсколько рѣзкихъ словъ министру двора князю Волконскому и приказалъ арестовать смотрителя дворца Щербинина, который просидѣлъ ночь на гауптвахтѣ. Волконскій заболѣлъ отъ огорченія. Его величество такъ боится пожара, что говорятъ, услыхавъ малѣйшій запахъ дыма, встаетъ съ постели, чтобы удостовѣрится, въ чемъ дѣло.

Января 28-го. День рожденія великаго князя Михаила Павловича. Вечеромъ всѣ сенаторы были приглашены на спектакль въ Эрмитажъ. Давали французскую пьесу «Les indépendants», которая была хорошо розыграна, и балетъ «Дочь Дуная» (танцовала Тальони).

Февраль. Въ городѣ только и говорятъ о свадьбѣ дѣвицы Пушкиной съ княземъ Трубецкимъ. Въ этомъ бракѣ будто бы принимаетъ живое участіе императоръ. Вѣнчаніе происходило въ Царскомъ Селѣ.

Февраля 13-го. Скоропостижно скончался комендантъ Мартыновъ.

О немъ сожалѣютъ, такъ какъ онъ былъ весьма сниходителенъ къ молодымъ военнымъ, находившимся подъ его надзоромъ.

Мартъ. Начали переплавлять старинныя монеты, чеканенныя при Екатеринѣ II, рубли, полтины до пятаковъ включительно. По этому поводу опубликовано распоряженіе Монетнаго двора, что обмѣнъ старыхъ рублей на новые будетъ производиться по разсчету 72 за 84 к. Всѣ начали роптать, и это дошло до императора, который, какъ говорятъ, смотрѣлъ на дѣло иначе. Дѣйствительно, владѣльцы старыхъ монетъ, пріобрѣтенныхъ по ихъ номинальной стоимости, правы; всѣ того мнѣнія, что правительство могло бы изъять эти старыя и уже истертыя монеты изъ употребленія, принявъ на себя издержки по переплавкѣ, такъ какъ владѣльцы этихъ монетъ понесутъ весьма чувствительныя потери, которыя равняются четвертой части стоимости монетъ. Увидимъ, какія мѣры будутъ приняты для того, чтобы успокоить эти жалобы, и поступитъ ли правительство справедливо или нѣтъ.

Марта 18-го. Происходило обычное, пятничное, засѣданіе Сената, на которомъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири князь Горчаковъ. Обсуждалось два вопроса: 1) о казенномъ винокуреніи и 2) о законной силѣ или дѣйствительности договоровъ, заключаемыхъ казною съ частными лицами. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, утверждалъ, что казенные винокуренные заводы должны выкуривать не болѣе 200/т. ведеръ водки, тогда какъ генералъ-губернаторъ утверждалъ (подкрѣпляя свои слова доказательствами), что они могутъ гнать 226/т. ведеръ и что, слѣдовательно, нѣтъ надобности давать откупщикамъ право покупать водку въ частныхъ винокуренныхъ заводахъ, въ ущербъ казнѣ. Послѣ многихъ споровъ большинство сенаторовъ присоединились къ мнѣнію министра финансовъ, и частныя лица получили возможность участвовать въ прибыли отъ продажи водки. Князь Горчаковъ остался при своемъ мнѣніи.

Второй вопросъ о силѣ или дѣйствительности договоровъ, заключенныхъ казною съ частными лицами (въ тѣхъ случаяхъ, когда начальствующія лица, заключившія договоръ, превысятъ данную имъ закономъ власть для заключенія контрактовъ), вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей. Многіе сенаторы поддержали мнѣніе, высказанное генералъ-губернаторомъ, другіе же соглашались съ министромъ финансовъ, который утверждалъ, что всякій контрактъ, заключенный какимъ бы то ни было начальствующимъ лицомъ съ частными лицами, считается дѣйствительнымъ, хотя бы начальствующее лицо нарушило при этомъ законъ, превысивъ власть. Въ этомъ случаѣ я присоединился, съ шестью сенаторами, къ мнѣнію генералъ-губернатора, который считаетъ подобнаго рода договоры не обязательными для казны.

Апрѣля 3-го. На мѣсто гофмаршала Кирилла Алексѣевича Нарышкина назначенъ князь Николай Долгорукій.

Апрѣля 9-го. За нѣсколько дней до Пасхи заболѣлъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцевъ и скончался сегодня. Онъ былъ сторонникомъ либеральныхъ идей и представительнаго образа правленія. Мнѣ кажется, что онъ былъ назначенъ на занимаемый имъ постъ благодаря старанію зловредной либеральной партіи, окружающей монарха и наслѣдника престола.

Апрѣля 12-го. Хоронили предсѣдателя Государственнаго Совѣта Новосильцева съ большой пышностью. Я не былъ на похоронахъ, потому что мнѣ нездоровилось и потому что я не любилъ этого человѣка, который вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ одинъ изъ первыхъ поколебалъ существовавшій порядокъ и вмѣстѣ съ Кочубеемъ склонилъ покойнаго императора къ нововведеніямъ въ администраціи. Повидимому, никто не видитъ этого зла и порожденныхъ имъ язвъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтачиваютъ молодежь.

Беки уѣхали 11-го числа въ коляскахъ. Они ѣдутъ на Ригу и по моему разсчету будутъ въ Гамбургѣ только 28-го числа. Отецъ сопровождаетъ сына по желанію своей жены, которая не думаетъ о томъ, что въ случаѣ какого-либо несчастія она можетъ потерять одновременно сыновей и мужа.

Апрѣля 21-го. Тезоименитство императрицы. Я былъ по утру на выходѣ, а вечеромъ на балу; видѣлъ императора. Въ этотъ день трое дѣвицъ пожалованы во фрейлины, въ томъ числѣ Мезенцева, внучка фельдмаршала Суворова. Дм. Вас. Васильчиковъ назначенъ оберъ-егермейстеромъ. Императоръ, отойдя въ сторону, долго бесѣдовалъ съ нимъ и съ гр. Орловымъ.

Апрѣля 23-го. Вчера я получилъ записочку отъ министра финансовъ, который спрашиваетъ меня ex officio, какая сумма потребуется для окончанія постройки глазной лѣчебницы. Эта записка написана въ отвѣтъ на мое письмо, коимъ я сообщилъ ему, со словъ князя Голицына, что государь приказалъ отпустить нужную на это сумму денегъ, и что мнѣ приказано обсудить этотъ вопросъ совмѣстно съ министромъ финансовъ. Отвѣтивъ гр. Канкрину въ немногихъ вѣжливыхъ словахъ, я приложилъ къ своему письму: отчетъ о суммахъ, полученныхъ комитетомъ глазной лѣчебницы (что составило въ общей сложности 175.000 р.) и израсходованныхъ имъ (которыя превышаютъ эту цифру на нѣсколько тысячъ рублей) и смѣту архитектора Шарлемана на 262.000 р. Я просилъ ассигновать для лѣчебницы 150.000 р. и, чтобы придать болѣе убѣдительности моей просьбѣ, представилъ выписку о числѣ больныхъ, пользовавшихся въ лѣчебницѣ за 14 лѣтъ; таковыхъ было: приходящихъ 82.000 и постоянныхъ 4.900 чел.

Мая 2-го. Мои хлопоты о лѣчебницѣ увѣнчались успѣхомъ; 2-го мая министръ финансовъ увѣдомилъ меня, что императоръ соблаговолилъ отпустить лѣчебницѣ 150.000 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ министръ сдѣлалъ мнѣ запросъ, въ какой суммѣ лѣчебница нуждается тотчасъ. Я отвѣчалъ, что для заключенія контрактовъ на поставку матеріаловъ необходимо имѣть 50.000, и что комитетъ желалъ бы получить еще 50.000 въ сентябрѣ, а остальную сумму въ началѣ 1839 г. Кромѣ того я писалъ министру, что если отъ продажи дома на Фонтанкѣ не будетъ выручено выданныхъ авансомъ 250.000 р., то комитетъ, на основаніи правилъ, утвержденныхъ 3-го іюня 1836 г., проситъ разсрочить уплату недостающей суммы на 26 лѣтъ.

Мая 12-го. Меня чрезвычайно удивляетъ, что ни въ русскихъ, ни въ прусскихъ газетахъ не появилось до сихъ поръ ни слова о путешествіи ихъ императорскихъ величествъ, хотя прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали. Къ чему эта странная тактика, къ чему давать пищу празднымъ толкамъ, которые не могутъ не распространяться, коль скоро это путешествіе совершается столь таинственнымъ образомъ.

Тайна объяснилась; причина ея та, что императоръ и его сынъ отправились подъ вымышленными именами. Наслѣдникъ поѣхалъ подъ именемъ адъютанта генерала Аничкова,—это была фамилія императора. Императорская фамилія съѣхалась въ Берлинѣ 17-го числа. Объ отъѣздѣ двора по-прежнему молчатъ; даже въ «Берлинской газетѣ» появилось только краткое извѣщеніе о прибытіи ихъ императорскихъ величествъ. Но русскіе генералы, сопровождавшіе дворъ, всѣ поименованы и въ отдѣлѣ «Внутреннихъ извѣстій» упомянуто о празднествахъ и смотрахъ, происходящихъ въ Берлинѣ.

Мая 16-го. Я прочелъ въ иностранныхъ газетахъ, что въ отсутствіе гр. Нессельроде министерствомъ иностранныхъ дѣлъ будетъ управлять Родофиникинъ. Это было несправедливо со стороны графа, но онъ не могъ не удовлетворить честолюбія человѣка, завѣдующаго всѣми его денежными дѣлами. Такъ-то все дѣлается на этомъ свѣтѣ.

Намъ прочли разные вновь появившіеся указы, изъ коихъ первый касается орденовъ св. Владиміра и Анны 3 ст., коимъ императоръ освобождается отъ скучной обязанности распредѣлять эти ордена, и она возлагается на капитулы этихъ орденовъ.

Вторымъ указомъ увеличена власть совѣта министровъ. Это временная мѣра, объявленная по случаю отсутствія императора, для того, чтобы не утомлять его величества утвержденіемъ разныхъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены въ совѣтѣ.

Мая 25-го. Получено извѣстіе, что пароходъ «Николай» сгорѣлъ дотла у береговъ Мекленбурга, и что исключая трехъ матросовъ и

г.г. Головкова, подполковника Миллера и Келлера, которые сдѣлались жертвою пламени, всѣ остальные спасены. Пассажировъ было 130 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и много дѣтей. Къ счастью, капитанъ успѣлъ направить судно къ берегу; иначе всѣ люди погибли бы.

Говорятъ, что прусскіе маневры не нравятся императору, и что вообще онъ не доволенъ своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, хотя онъ принялъ званіе почетнаго гражданина этого города.

Мая 30-го. Сегодня, въ 4 часа утра, скончался г. Родофиникинъ, проболѣвъ всего 4 дня. Созванъ совѣтъ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ я предсѣдательствовалъ, какъ старшій въ чинѣ; рѣшено сообщить о смерти Родофиникина Сенату и предсѣдателю совѣта министровъ. Члены совѣта заблагоразсудили предложить мнѣ вести временно сношенія съ дипломатическимъ корпусомъ. Рѣшено послать графу Нессельроде въ Карлсбадъ курьера съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Это огромная потеря для вице-канцлера. Это также большая потеря и для службы, такъ какъ онъ былъ весьма свѣдущъ и ловокъ въ дѣлахъ.

Мая 31-го. Комитетъ министровъ сообщилъ мнѣ чрезъ статсъ-секретаря Бахтина свою резолюцію по поводу моего назначенія временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Я сообщилъ объ этомъ немедленно директору департамента, который просилъ меня пріѣхать на другой день въ департаментъ для того, чтобы обсудить, что дѣлать далѣе.

Іюня 1-го. Я подписалъ циркуляръ на имя дипломатическаго корпуса и всѣхъ посольствъ, извѣщая ихъ о вступленіи моемъ временно въ управленіе дѣлами, предупреждая ихъ, чтобы они адресовали письма не на мое имя, а на имя министерства иностранныхъ дѣлъ. Надѣюсь, что вице-канцлеръ одобритъ это распоряженіе.

Іюня 3-го. Сегодня хоронили Родофиникина въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Присутствовали члены Государственнаго Совѣта, дипломатическій курпусъ и всѣ служащіе въ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Я видѣлъ на похоронахъ также графиню Нессельроде.

У меня были съ визитомъ повѣренные въ дѣлахъ Франціи, Австріи, Баваріи и т. д., но ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ визита. Можетъ случиться, что повѣренные въ дѣлахъ напрасно были у меня, такъ какъ императоръ, вернувшись изъ-за границы, можетъ не утвердить моего назначенія безъ согласія гр. Нессельроде.

Іюня 4-го. Въ газетахъ ничего не сказано о возвращеніи императора, хотя на Аничкиномъ дворцѣ развѣвается флагъ. Говорятъ, будто государь проведетъ въ Петербургѣ всего 6 дней. Мое положеніе совершенно неопредѣленно; вѣроятно, участь моя рѣшится по пріѣздѣ импе-

ратора въ Теплицъ или въ какое-либо иное мѣсто, гдѣ онъ приказалъ графу ожидать его. Но я не покажу глазъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока не выяснится, долженъ ли я взяться за дѣла по указанію совѣта министровъ или же долженъ спрятаться въ свою скорлупу.

Оффиціальныя газеты не обмолвились ни словомъ о возвращеніи императора, только «Сѣверная Пчела» помѣстила объ этомъ статью и сообщила о посѣщеніи императоромъ и наслѣдникомъ въ Стокгольмѣ короля шведскаго. Эта неожиданная поѣздка навѣрно обратитъ вниманіе Лондонскаго кабинета; въ то же время это расположитъ въ нашу пользу Швецію.

Я получилъ сегодня письмо отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Швеціи, барона Моргенштіерна, въ которомъ онъ проситъ меня устроить, чтобы онъ могъ представиться императору. Я препроводилъ его письмо Полѣнову, прося его устроить это дѣло.

Іюня 5-го. До сихъ поръ у меня не были съ визитомъ ни американскій, ни голландскій, ни неаполитанскій посланники, но генералъ-губернаторъ прислалъ мнѣ 12 бланокъ для курьерскихъ подорожныхъ, которыя я передалъ Кудрявскому чрезъ Полѣнова.

Повѣренный въ дѣлахъ Англіи Мильбанкъ пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы переговорить о нижеслѣдующемъ: 1) объ отказѣ въ выдачѣ паспорта одному англичанину по имени Голледсъ, отецъ котораго принялъ русское подданство. Онъ объяснилъ мнѣ, что въ Англіи существуетъ правило, что ни одинъ англичанинъ не можетъ принять подданства какого бы то ни было государства въ Европѣ, и что даже въ нашемъ Сводѣ законовъ сказано, что англичанинъ, принявшій русское подданство, можетъ въ любое время уѣхать изъ Россіи. Я просилъ его указать мнѣ статью нашего Свода законовъ, въ которой это говорится, но онъ отвѣчалъ, что подобные паспорта были выданы Буллю и Сутерну.

Повѣренные въ дѣлахъ Швеціи и Баваріи просили меня устроить, чтобы они могли быть представлены императору. Его величество написалъ на поляхъ: «Если они военные, то можно представить на маневрахъ».

Іюня 7-го. Повѣренный въ дѣлахъ Голландіи Геверсъ (Gevers) просилъ свиданія, чтобы передать мнѣ бумаги, касающіяся Бельгіи и возникшаго съ нею спора относительно нѣкоторыхъ земель. Это оказались письма Меттерниха изъ Вѣны въ Гаагу и письма Werstolk'a къ нидерландскому посланнику въ Вѣну. Изъ этой переписки видно, что вѣнскій, прусскій и русскій дворы хотятъ устранить лондонскій и французскій дворы отъ вмѣшательства въ дѣла континента по поводу земельныхъ уступокъ Германскому союзу; при этомъ хотятъ оказать Голландіи преимущество передъ Бельгіей.

Іюня 8-го. Посланъ курьеръ (Гесслеръ) съ ратификаціей торговаго договора, заключеннаго со Швеціей. Я передалъ вице-канцлеру мой разговоръ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Англіи относительно дѣлаемыхъ будто бы Россіей приготовленій къ тому, чтобы ввести войска въ Бухарестъ.

Іюня 9-го. Начались маневры, которые продолжатся 6 дней; а 12-го числа его величество уѣзжаетъ изъ Петергофа въ Любекъ и Теплицъ.

Іюня 10-го. Я былъ съ визитомъ у герцога Медена Сидома (Medena Sidoma), маркиза Виллафранкъ, который заѣзжалъ ко мнѣ два раза, прося паспортъ для своей жены. Это человѣкъ лѣтъ 30—40 съ испанскимъ типомъ, очень вѣжливый. Покончивъ вопросъ о паспортѣ, я спросилъ его, сколько времени онъ еще пробудетъ тутъ. Онъ отвѣчалъ, что разсчитываетъ пробыть до октября, и осторожно намекнулъ на то, что онъ занятъ дѣлами Испаніи. По этому поводу, онъ сообщилъ мнѣ статью «Франкфуртской газеты», въ которой говорится объ одномъ англійскомъ полковникѣ, которому правительство разрѣшило поступить на службу къ тунисскому бею для организаціи его войскъ. Я замѣтилъ на это, что г. Моле (французскому посланнику) слѣдуетъ объясниться по этому поводу съ англійскимъ посланникомъ, но что англичане, повидимому, недовольны успѣхами Франціи въ Мексикѣ.

Іюня 10-го. Прочитавъ телеграмму оренбургскаго генералъ-губернатора, я увидѣлъ, что въ ней говорится о русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ хивинцами, которыхъ они хотятъ возвратить намъ, но и, кромѣ того, прислать къ намъ посольство. Изъ этой телеграммы сдѣлано извлеченіе и послано императору съ просьбою, чтобы хивинскому посланнику было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ.

Писано и объявлено генералъ-губернатору, графу Воронцову, министру финансовъ и повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, по повелѣнію императора, что надобно пріобрѣсти 1.000 четв. пшеницы для черногорцевъ и выпустить ихъ безпошлинно; послѣднему велѣно выхлопотать для нихъ денегъ у Порты въ виду неурожая, постигшаго жителей Черногоріи.

Іюня 12-го. На мой вопросъ, не надобно ли пригласить хивинскаго посланника въ Петербургъ, императоръ отвѣчалъ «можно», но, я полагаю, что для сокращенія расходовъ, его слѣдуетъ задержать въ Оренбургѣ, чтобы онъ пріѣхалъ сюда только къ возвращенію его величества, въ концѣ осени.

Іюня 13-го. Императоръ написалъ собственноручно приказъ канцеляріи графа Нессельроде, коимъ повелѣвается послать курьера въ Мюнхенъ къ русскому посланнику Смирнову, приказавъ ему переговорить съ королемъ по поводу пребыванія императрицы въ Мюнхенѣ,

и сказать ему, что его величество соглашается на пребываніе ея въ королевскомъ замкѣ лишь подъ условіемъ, что король обязуется не давать никакихъ празднествъ и не дозволитъ никому представляться государынѣ, словомъ, что онъ будетъ беречь ея здоровье. Такъ какъ этотъ приказъ былъ написанъ по-русски, то я велѣлъ включить его дословно въ мою депешу къ Смирнову и приказалъ курьеру ѣхать на Варшаву, Калишъ, Прагу и Мюнхенъ. Въ томъ же приказѣ Смирнову повелѣвалось послать отвѣтъ прямо императору въ Теплицъ или Фюрстенштейнъ.

Іюня 17-го. Изъ Персіи получено извѣстіе о согласіи шаха выдать батальонъ русскихъ дезертировъ. Императоръ обратился съ этимъ требованіемъ къ чинамъ посольства, прибывшимъ къ нему отъ шаха въ 1837 г., во время пребыванія его величества въ Тифлисѣ, коимъ онъ заявилъ, что, въ случаѣ отказа со стороны шаха, онъ не объявитъ войны, но прикажетъ русскому посланнику выѣхать изъ Персіи. Вслѣдствіе этого вновь назначенному въ Тегеранъ посланнику, полковнику Дюгамелю, было приказано повременить отъѣздомъ, и указъ объ его назначеніи, подписанный 30-го апрѣля, былъ задержанъ до полученія отвѣта на требованіе императора. Вслѣдствіе этого я донесъ его величеству, что Дюгамель выѣзжаетъ, и послалъ указъ объ его назначеніи для исполненія министру юстиціи, извѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ статсъ-секретаря о причинѣ замедленія и потребовавъ у министра финансовъ 3.000 р. для Дюгамеля.

Іюня 21-го. Я просмотрѣлъ записку Матусевича объ испанскихъ дѣлахъ. Составитель этой записки написалъ ее въ своихъ личныхъ интересахъ, такъ какъ онъ предлагаетъ назначить уполномоченныхъ отъ трехъ дворовъ, которые должны до времени оставаться неизвѣстны или, лучше сказать, не аккредитованы, и вступить въ исполненіе своихъ дипломатическихъ обязанностей тотчасъ, какъ Донъ-Карлосъ будетъ признанъ тремя дворами. Матусевичъ надѣялся быть назначенъ уполномоченнымъ со стороны Россіи. Въ этой запискѣ онъ обсуждаетъ слѣдующіе три пункта:

1) Субсидіи, которыя три двора должны выплачивать Донъ-Карлосу ежемѣсячно.

2) Признаніе этого принца тремя дворами и затруднительное положеніе, въ какомъ онъ находится по отношенію къ Португаліи.

3) Посылка уполномоченнаго, снабженнаго инструкціями, который будетъ аккредитованъ при дворѣ Донъ-Карлоса.

Весьма вѣроятно, что эта записка будетъ прочитана на конгрессѣ въ Теплицѣ. Увидимъ, какъ повернетъ дѣло умный и ловкій князь Меттернихъ, какъ поступятъ дворы лондонскій и тюильрійскій, которымъ, конечно, будетъ извѣстно все то, что произойдетъ на конгрессѣ. Амери-

канскій посланникъ обратился ко мнѣ съ просьбою узнать при моемъ посредствѣ способъ, употребляемый въ Россіи на заводахъ для отдѣленія золота отъ платины, и вообще средство получить золото изъ минераловъ по способу полковника Амосова.

Въ тотъ же день ко мнѣ заѣзжалъ генералъ-губернаторъ, съ просьбою достать ему чрезъ банкира Штиглица 15 дюжинъ жизненнаго эликсира изъ Вѣны, сказавъ, что эту услугу оказывалъ ему покойный Родофиникинъ; я обѣщалъ устроить это дѣло.

1 іюня 22-го. Ко мнѣ заѣзжалъ посланникъ (повѣренный въ дѣлахъ) Милльбанксъ и прочиталъ мнѣ депешу Пальмерстона, который приказалъ ему получить отъ нашего правительства свѣдѣнія о способѣ, употребляемомъ русскимъ правительствомъ для регулированія мѣръ и вѣсовъ.

1 іюня 23-го имъ была прислана мнѣ записка съ вопросами, относительно правилъ, соблюдаемыхъ въ Россіи при производствахъ какъ въ сухопутномъ войскѣ, такъ и во флотѣ. Я сказалъ ему, что я не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія, но что я займусь этимъ вопросомъ. Бесѣдуя съ нимъ о текущихъ дѣлахъ, я замѣтилъ, что онъ приписываетъ американцамъ возстаніе въ Канадѣ и не признаетъ особеннаго ума въ лордѣ Дургамѣ. Полюбовавшись висящей у меня на стѣнѣ коллекціей извѣстныхъ англійскихъ дѣятелей, онъ сказалъ мнѣ, что первый министръ Мюльгравъ его дядя, но что онъ никогда не заказывалъ своего маслянаго портрета. «Поэтому я и не могъ пріобрѣсти его и повѣсить рядомъ съ Питтомъ», сказалъ я. Онъ обѣщалъ мнѣ достать портретъ своего дяди.

Затѣмъ онъ завелъ рѣчь о дѣлаемыхъ яко бы въ Молдавіи запасахъ провизіи и спросилъ, извѣстно ли мнѣ что-либо объ этомъ? Я отвѣчалъ, что я не возбуждалъ этого вопроса, такъ какъ это могло быть только дѣломъ частной спекуляціи, которая хотѣла воспользоваться засухой, постигшей южныя губерніи, и вслѣдствіе которой цѣны на зерновой хлѣбъ должны были сильно повыситься.

1 іюня 24-го. Повѣренный въ дѣлахъ Сардиніи, маркизъ Карреджа, заѣзжалъ переговорить со мною о вещахъ, полученныхъ въ таможнѣ для посланника гр. Росси. Онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что его величество поручилъ ему написать графу Росси, чтобы онъ не пріѣзжалъ ранѣе сентября, такъ какъ его величество хочетъ первый встрѣтить графиню (она была пѣвицей) и поцѣловать ея ручки.

Затѣмъ маркизъ сказалъ мнѣ, что гр. Нессельроде предложилъ Симонетти похлопотать у его двора, чтобы товары, приходящіе изъ Сардиніи подъ разными флагами, могли приходить въ Кронштадтъ подъ сардинскимъ флагомъ. Надобно было прежде всего сговориться съ Датскимъ дворомъ относительно прохода судовъ въ Зундѣ и Бельтѣ, что графъ Нессельроде писалъ объ этомъ въ Копенгагенъ и что все это

произошло во время отсутствія вице-канцлера. Я просилъ маркиза Карреджа прислать мнѣ объ этомъ записку и обѣщалъ ускорить это дѣло. Маркизъ очень красивый итальянецъ, съ огненными глазами, которые могутъ быть причиною раздора между нимъ и его начальникомъ, графомъ Росси.

Маркизъ не прислалъ мнѣ обѣщанной записки относительно плаванія судовъ по Зунду подъ Сардинскимъ флагомъ и извинился, написавъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ онъ долженъ предварительно разсмотрѣть всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги.

Іюня 25-го. Я былъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ отслуженъ молебенъ по случаю дня рожденія императора. Обѣдню служилъ грузинскій митрополитъ, а молебствіе совершено съ обычною торжественностью 30 священно-служителями. Въ церкви находились: военный губернаторъ генералъ Эссенъ, военный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, оберъ-камергеръ гр. Литта, статсъ-секретарь Танѣевъ, сенаторы Безродный и Лубяновскій и нѣкоторые другіе генералы.

Іюня 28-го. Повѣренный въ дѣлахъ Голландіи Gevers заѣхалъ неожиданно въ министерство и передалъ мнѣ собственноручное письмо нидерландскаго министра Verstolk de Solen'a, которое ему приказано сообщить мнѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Ферстолькъ пишетъ, что Бельгія усиленно вооружается, что въ арсеналахъ Антверпена день и ночь идетъ работа и что революціонный духъ, проявляющійся въ этой странѣ, можетъ побудить правительство къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Я написалъ съ сегодняшнимъ курьеромъ конфиденціальное письмо графу Нессельроде, сообщивъ ему сдѣланное министромъ финансовъ предложеніе переплавить въ слитки плохія турецкія монеты, хранящіяся въ Одессѣ, цѣнность которыхъ доходитъ до 33 милліоновъ піастровъ. Наведя по этому поводу справки, я высказалъ свои соображенія по этому вопросу и выразилъ одобреніе министерству иностранныхъ дѣлъ за то, что оно вопреки мнѣнію министерства финансовъ пустило въ оборотъ тѣ 20 милліоновъ, которые находились на храненіи въ Константинополѣ и коихъ осталось не болѣе 4 милліоновъ, ассигнованныхъ на постройки въ Перѣ. Я сообщилъ ему также, что графиня, его супруга, уѣзжаетъ 3-го іюля въ Одессу на встрѣчу своему сыну, который ѣдетъ изъ Грузіи.

Іюля 1-го. Я получилъ первое письмо отъ вице-канцлера изъ Карлсбада и нѣсколько депешъ, касающихся блокады различныхъ портовъ въ Америкѣ французами. Письмо было очень дружественное. Говорятъ, что онъ узналъ о моемъ назначеніи временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ Чернышева; это заставляетъ меня предполагать, что я обязанъ рѣшеніемъ императора гр. Чернышеву.

Іюля 5-го. Графъ Віельгорскій объявилъ мнѣ, что ему приказано

сопровождать великихъ княженъ въ Берлинъ, гдѣ онѣ пробудутъ короткое время, а затѣмъ вернутся со своими августѣйшими родителями въ Петербургъ. Отъѣздъ старшихъ великихъ княженъ назначенъ 27-го августа. Онѣ поѣдутъ на пароходѣ «Геркулесъ» до Штетина, а оттуда сухимъ путемъ въ Берлинъ.

Іюля 7-го. Баронъ Моргенштіерна, повѣренный въ дѣлахъ Швеціи, разсказывалъ мнѣ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ съ его монархомъ на смотру. По окончаніи смотра бѣшеная лошадь сбросила его величество на землю. Король сильно ушибся, но, придя въ себя, сѣлъ на другую лошадь и возвратился въ городъ верхомъ, однако былъ вынужденъ прибѣгнуть къ помощи врача. Изъ трехъ бюллетеней, приложенныхъ къ депешѣ шведскаго министра, видно, что королю лучше.

Іюля 11-го. Получены депеши отъ русскаго консула изъ Сербіи, который пишетъ, что князь Милошъ готовъ кинуться въ объятія Англіи и что онъ не чуждъ возстанію, подготовляемому христіанами въ Босніи противъ мусульманъ. Я послалъ эту депешу вице-канцлеру 13-го числа вмѣстѣ съ донесеніемъ о томъ же нашего консула въ Бухарестѣ, который находится въ настоящее время въ Константинополѣ и который всѣми силами старается открыть глаза Портѣ.

Іюля 19-го. Я уполномочилъ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ Рюкманна препроводить изъ суммъ военной контрибуціи 400.000 піастровъ графу Воронцову, въ Одессу, на покупку 10.000 четв. зернового хлѣба, подаренныхъ черногорцамъ.

Іюля 21-го. Мнѣ приказано отправить г. Дризена въ Вѣну и выдать ему на дорогу деньги, полагающіяся курьерамъ. Вотъ единственно, о чемъ писалъ мнѣ до сихъ поръ вице-канцлеръ, не задавая мнѣ никакихъ вопросовъ ни о дѣлахъ на Востокѣ, ни о дѣлахъ вообще.

Іюля 25-го. Курьеръ, пріѣхавшій изъ Теплица, гдѣ императоръ пробудетъ до 1-го — 12-го августа, привезъ мнѣ ратификацію торговыхъ договоровъ съ Швеціей.

Іюля 27-го. Я послалъ съ сегодняшнимъ курьеромъ вице-канцлеру въ Теплицъ письмо, касающееся одной статьи въ «Journal des Debats» отъ 26-го іюля, въ которой приведена выдержка изъ англійскаго журнала «Глобусъ», гдѣ издатель осмѣлился сказать, что послѣднее паденіе императора (во время его поѣздки по Россіи) повліяло на его умственныя способности. Я писалъ вице-канцлеру, что газета была задержана самимъ почтъ-директоромъ и что я буду ожидать его приказаній относительно того, слѣдуетъ ли изъять этотъ номеръ изъ обращенія и уничтожить его, какъ это дѣлается обыкновенно.

Августа 8-го. Мнѣ было приказано созвать азіатскій комитетъ и присутствовать въ его засѣданіи въ качествѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при обсужденіи проекта объ учрежденіи торговаго

предпріятія въ окрестностяхъ Астрабада. Въ комитетѣ засѣдали военный министръ гр. Чернышевъ, начальникъ главнаго штаба, кн. Меншиковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и я. Комитету было приказано разсмотрѣть записку министра финансовъ, неблагопріятную для московскаго общества, учрежденнаго гр. Строгановымъ слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Это общество предполагало выпустить акцій на 520.000; учредителями его были 18 человѣкъ, а гр. Канкринъ просилъ для начала этого предпріятія всего 100.000—200.000 и предлагалъ выпустить не свыше 5 — 10 тысячъ акцій. Общество просило: 1) чтобы въ Астрабадской бухтѣ находилось постоянно военное судно и чтобы директоръ общества могъ держать его, гдѣ ему заблагоразсудится, 2) оно не желаетъ допускать участія казны въ этомъ предпріятіи, а только проситъ ея покровительства, 3) оно хочетъ учредить вдоль береговъ крейсерство до границъ Туркменіи, 4) проситъ, чтобы ему было предоставлено право ввозить доски и балки для постройки барокъ, 5) предполагаетъ затратить въ видѣ опыта 300.000 р., 6) желаетъ, чтобы въ Тегеранѣ находился дипломатическій чиновникъ для охраненія интересовъ общества и другой таковой же въ Астрабадѣ, 7) подходящимъ для этого лицомъ называютъ ассесора Карелина и т. д.

Я увидѣлъ, во-первыхъ, что Чернышевъ и Меншиковъ готовы были поддержать проектъ министра финансовъ. Блудовъ не раздѣлялъ ихъ мнѣнія и не желалъ, чтобы это общество было утверждено. Онъ настаивалъ на публикаціи. Я присоединился къ мнѣнію обоихъ военныхъ генераловъ и находилъ, что было весьма не кстати предать это дѣло гласности. Блудовъ присоединился въ концѣ концовъ къ нашему мнѣнію, и было рѣшено согласоваться съ мнѣніемъ министра финансовъ, тѣмъ болѣе, что онъ сообщилъ объ этомъ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ въ Астрахань уже было послано въ видѣ опыта разнаго товара на 70.000, для начала торговли съ Астрабадомъ. Мнѣ было приказано объявить комитету, что его величество не видитъ никакого препятствія къ вывозу досокъ для постройки барокъ и что общество можетъ вывозить не только доски, но и балки по образцамъ, уже вывозимымъ изъ Астрахани, но требуетъ, чтобы этимъ правомъ не злоупотребляли для вывоза одновременно строительнаго лѣса. Министръ финансовъ былъ удивленъ этимъ заявленіемъ, такъ какъ онъ не предполагалъ, что императоръ успѣлъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Изъ полученныхъ мною депешъ видно, что его величество очень желаетъ учрежденія этого общества въ томъ смыслѣ, какъ хлопотали учредители; но я не далъ членамъ комитета прочитать депешу государя, чтобы не смущать ихъ.

Не знаю, какъ выпутается изъ этого дѣла графъ Строгановъ, но сомнѣваюсь, чтобы общество приняло предложенія гр. Канкрина, который

говоритъ, впрочемъ, въ концѣ своей записки, что если общество не согласится на его предложеніе, то придется отъ него отказаться.

Вообще я замѣтилъ, что этотъ вопросъ обсуждался не достаточно основательно и что вмѣсто того, чтобы обсудить каждый пунктъ въ отдѣльности, записка была прочтена наскоро; но предсѣдатель комитета, военный министръ, до начала засѣданія убѣждалъ князя Меншикова и даже графа Блудова въ необходимости поддержать предложеніе гр. Канкрина и не утверждать проекта общества.

Августа 14-го. Всѣ члены подписали эту резолюцію, которая будетъ послана 26-го числа вмѣстѣ съ прочими бумагами вице-канцлеру въ Берлинъ.

Я былъ въ думѣ, гдѣ раздаютъ пряжки за выслугу лѣтъ. Онѣ присуждены всего 20 человѣкамъ. Неаполитанскій посланникъ князь Бутера пріѣзжалъ просить у меня для себя паспортъ. Мы бесѣдовали о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о вольнодумствѣ, царствующемъ среди молодежи всѣхъ странъ; онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, не будучи ничѣмъ къ тому вызванъ съ моей стороны, что твердый и рѣшительный характеръ императора Николая поддержитъ порядокъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать этимъ, что, благодаря характеру императора, въ Россіи царствуетъ спокойствіе.

Получена ратификація договора съ Швеціей, и, къ моему величайшему удовольствію, Аделунгъ, посланный мною въ Швецію, получилъ орденъ Вазы.

Августа 23-го. Цензоръ министерства иностранныхъ дѣлъ, завѣдующій цензурою газетъ, принесъ мнѣ газеты, въ которыхъ разсказана исторія графа Чернышева, когда онъ былъ въ Парижѣ въ 1812 году, и когда ему удалось получить списки французскихъ войскъ, подкупивъ одного изъ канцелярскихъ служителей военнаго министерства, который былъ разстрѣлянъ. Разсказъ объ этомъ событіи и о ловкости, съ какою Чернышевъ уѣхалъ съ полученными имъ бумагами, появился впервые въ «Gasette de France». Я болѣе не колебался разрѣшить эту статью къ печатанію, коль скоро я видѣлъ, что всѣ журналы помѣстали объ этомъ разсказъ, взятый изъ записокъ Фуше. При томъ Чернышевъ изображенъ въ ней, какъ ловкій агентъ.

Августа 24-го. Я послалъ въ Берлинъ курьера къ графу Нессельроде съ бумагами, касающимися намѣренія персовъ захватить небольшой островъ передъ Астрабадскимъ заливомъ, который принадлежитъ туркменамъ.

Августа 25-го. Я получилъ съ эстафетой изъ Ревеля письмо отъ графа Віельгорскаго, который извѣщаетъ меня, что буря заставила пароходъ, на которомъ ѣхали великія княжны, уйти изъ Штеттина, и онѣ должны были продолжать путь въ Берлинъ сухимъ путемъ. Онъ

просилъ меня выдать ему 4 паспортныхъ бланка для посылки императору курьеровъ. Я поспѣшилъ исполнить его просьбу и послалъ ихъ съ фельдъегеремъ, равно какъ 8.000 р., предназначенные для путешествія ихъ императорскихъ высочествъ.

Августа 28-го. Графъ Віельгорскій извѣстилъ меня о полученіи 8,000 р. и четырехъ паспортовъ, и сообщилъ, что ихъ императорскія высочества отдохнули съ дороги и будутъ ночевать 30-го въ Тильзитѣ, выѣхавъ въ Ревель 27-го числа.

Августа 30-го. Я былъ въ Александро-Невской лаврѣ. Народу было немного.

Въ тотъ же день ко мнѣ пріѣзжалъ англійскій посланникъ съ извѣщеніемъ, что посланникомъ къ нашему двору назначенъ маркизъ Кланрикадъ. Я спросилъ его, какое же онъ получаетъ назначеніе? Онъ отвѣчаетъ, что поѣдетъ сначала въ Лондонъ, а затѣмъ будетъ посланникомъ въ Вѣнѣ, на время отсутствія посла, который уѣдетъ на нѣкоторое время въ Лондонъ. Наканунѣ онъ прислалъ мнѣ письмо къ императору, запечатанное черной печатью. Я спросилъ его, отъ кого это письмо, но онъ не могъ сказать мнѣ этого. Когда онъ ушелъ, я вскрылъ письмо: оказалось, что это было письмо отъ какого-то художника, который, ссылаясь на свое знакомство съ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, предлагалъ какое-то приспособленіе отъ глухоты.

Августа 31-го. Повѣренный въ дѣлахъ Швеціи пріѣзжалъ просить о выдачѣ 39.991 р. сер., которые его императорское величество всемилостивѣйше повелѣлъ выдать изъ полученной съ Турціи военной контрибуціи. Я обѣщалъ выдать ему эту сумму 2-го сентября. Въ назначенный день явился уполномоченный графини Левенгельмъ, шведскій генеральный консулъ Стерке, и я далъ ему ассигновку на полученіе этихъ денегъ изъ банкирской конторы Штиглица.

Сентября 24-го. Сегодня ожидали императора. На Англійской набережной были сдѣланы всѣ приготовленія для его пріема, но онъ не пріѣхалъ.

Сентября 26-го. Получено извѣстіе, что императоръ сошелъ съ своей семьею съ парохода въ Ревелѣ и прибудетъ 27-го числа въ Петербургъ, но, вмѣсто этого, отправивъ императрицу и великихъ княженъ, онъ прибылъ 26-го числа прямо въ Царское Село, а на другой день ожидали всю царскую фамилію.

Сентября 27-го. Я препроводилъ черезъ канцелярію собственноручное письмо персидскаго шаха къ агенту, прося перевести его, что̀ онъ и сдѣлалъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что англичане (шахъ не называлъ ихъ по имени) объявили ему войну безо всякаго повода, тогда какъ онъ вооружался только для того, чтобы водворить спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ. Онъ кончалъ угрозою, что если ему

объявляютъ войну за его преданность Россіи, то онъ сомнѣвается въ томъ, совмѣстно ли съ достоинствомъ императора терпѣть это и что, въ худшемъ случаѣ, онъ бросится въ объятія Англіи. Директоръ азіатскаго департамента и директоръ канцеляріи Кудрявскій хотѣли измѣнить выраженія шаха, чтобы не раздражить императора, но я высказалъ имъ, что собственноручное письмо одного монарха къ другому должно быть представлено дословно и что его императорскому величеству надобно рѣшить, что̀ слѣдуетъ дѣлать далѣе. Поэтому, 28-го числа, императору былъ посланъ точный переводъ письма, и я узналъ при этомъ, къ величайшему моему сожалѣнію, что письмо было переведено на французскій языкъ учителемъ этого языка въ институтѣ восточныхъ языковъ, такъ какъ инаго переводчика нѣтъ. Такимъ образомъ, я увѣренъ, что четверть часа спустя содержаніе этого письма было уже извѣстно французскому посольству, а изъ частной корреспонденціи о немъ узнало и англійское посольство.

Въ ночь съ 28-го на 29-е у меня потребовали 10 паспортовъ для отправки 40 артиллеристовъ и 4 пушекъ, посылаемыхъ въ подарокъ королю прусскому.

Сентября 30-го. Я отправился къ министру финансовъ и сообщилъ ему, что журналъ азіатскаго комитета по Астрабадскому дѣлу утвержденъ императоромъ, что англичане объявили войну шаху изъ-за Герата и что шахъ написалъ собственноручное письмо императору, въ которомъ онъ угрожаетъ броситься въ объятія Англіи; я присовокупилъ, что я опасаюсь, какъ бы Англія не пріобрѣла поселенія на берегу Каспійскаго моря, однимъ словомъ, что наши дѣла съ Персіей таковы, что мы можемъ потерять наше вліяніе на эту страну. Послѣ этого я хотѣлъ уѣхать, но онъ удержалъ меня. Вошла его дочь, которую я никогда не видалъ, хорошенькая дѣвушка лѣтъ 15—16. Я восторгался ея красотою, онъ находитъ, что она не довольно высока ростомъ. Такимъ образомъ мы пробесѣдовали до 4 часовъ.

Сентября 30-го. Въ тотъ же день императоръ возвратилъ докладъ вице-канцлера и мой собственный по поводу аудіенціи, которой испрашиваетъ голландскій посланникъ, не положивъ на нихъ никакой резолюціи и, такъ какъ французскій посланникъ также просилъ аудіенціи, то я послалъ о томъ докладъ на слѣдующій день. Его постигла та же участь.

Октября 6-го. Вице-канцлеръ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ. Я былъ у него въ 9 часовъ утра. Я говорилъ съ нимъ: 1) о своихъ опасеніяхъ относительно поселенія англичанъ въ Астрабадѣ, передалъ ему то, что̀ писалъ императору шахъ, и объ угрозѣ броситься въ объятія Англіи; 2) я говорилъ съ нимъ объ угрожающей нотѣ англичанъ по поводу нашего спора относительно сѣверо-американской компаніи.

Октября 9-го. Разнесся слухъ о томъ, что въ Архангельской губерніи взбунтовалось 2.000 крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и что флигель-адъютантъ Крузенштернъ посланъ туда съ приказаніемъ усмирить бунтовщиковъ вооруженной силой.

Октября 10-го. Вице-канцлеръ вступилъ сегодня въ управленіе министерствомъ, коимъ я завѣдывалъ въ его отсутствіе 4 мѣсяца. Ожививъ въ своемъ умѣ все сдѣланное за это время, я очень радъ, что удалось избѣжать столкновенія съ Англіей изъ-за Персіи, когда шахъ былъ вынужденъ пріостановить свои дѣйствія на Гератъ, который онъ считаетъ своимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, и потому онъ видѣлъ въ этомъ только право монарха привести своихъ подданныхъ къ покорности. Самое трудное дѣло въ министерствѣ это цензура газетъ. Конгрессъ или съѣздъ сѣверныхъ монарховъ имѣлъ цѣлью, главнымъ образомъ, возстановленіе въ Испаніи Донъ-Карлоса; кажется, онъ одержитъ верхъ надъ своими противниками. Пересылаемыя ему огромныя суммы денегъ дадутъ ему возможность содержать какъ слѣдуетъ войско, которое доходитъ уже до 20.000 человѣкъ; у него, повидимому, много приверженцевъ.

Во время поѣздки императора за границу, рѣшенъ, кажется, вопросъ о бракѣ великихъ княженъ, Ольги и Маріи. Первая выходитъ, какъ говорятъ, за баварскаго королевскаго принца, а вторая, хотя она старшая, сдѣлалась невѣстою принца Лейхтенбергскаго, сына Богарне, который женился на баварской принцессѣ; великая княжна Марія Николаевна, которую императоръ очень любитъ, не хочетъ уѣзжать изъ Россіи, а это возможно въ случаѣ ея брака съ Лейхтенбергскимъ. Какъ бы то ни было, по возвращеніи императорской фамиліи въ Петербургъ, этотъ слухъ не подтвердился, и ему даже какъ будто не вѣрили.

Октября 11-го. Въ то время, какъ я вступилъ въ управленіе министерствомъ, представителями бо́льшей части дворовъ были повѣренные въ дѣлахъ, исключая неаполитанскаго посланника князя Буттера, американскаго посланника d'Allois и англійскаго посланника Миллъ-банкса. Голландскій посланникъ также былъ въ отсутствіи.

Англійскому посланнику лѣтъ 35—40, онъ очень простъ въ обращеніи; онъ дѣятельно заботится объ интересахъ своей страны, и то и дѣло посылаетъ курьеровъ въ Англію, по всей вѣроятности, съ донесеніями касательно нашихъ вооруженій и дѣлъ съ Персіей.

Американскому министру лѣтъ 40—50, онъ очень простой.

Голландскій министръ Шимельфенингъ приблизительно тѣхъ же лѣтъ; я видѣлъ его только одинъ разъ въ канцеляріи, куда онъ пріѣзжалъ просить меня объ аудіенціи у императора. У него умное и красивое лицо.

Французскій посланникъ бар. де-Барантъ—писатель, человѣкъ умный и весьма тактичный.

Сардинскій посланникъ гр. Росси, по внѣшности и манерамъ настоящій отставной военный; хотя онъ ничѣмъ особеннымъ не отличился на этомъ поприщѣ, но онъ будетъ имѣть успѣхъ при нашемъ дворѣ, такъ какъ императоръ оказываетъ ему особое благоволеніе. Это тотъ самый посланникъ, у котораго хватило храбрости жениться на дѣвицѣ Зонтагъ, появлявшейся на сценѣ въ 1830 г.

Повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи былъ гр. Засси, типъ современныхъ французскихъ дѣятелей, довольно легкомысленный въ дѣловыхъ сношеніяхъ.

Датскій посланникъ былъ у меня всего одинъ разъ такъ же, какъ и повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи гр. Шлейницъ. Датчанинъ показался мнѣ человѣкомъ довольно ничтожнымъ, но прусскій посланникъ навѣрно сдѣлаетъ хорошую карьеру. Наконецъ, повѣренный въ дѣлахъ Швеціи, баронъ Моргенштіернъ часто бывалъ и у меня и заѣзжалъ въ канцелярію, такъ какъ дѣло шло о ратификаціи торговаго договора и о пожалованіи его императорскимъ величествомъ орденовъ разнымъ шведскимъ высокопоставленнымъ лицамъ по случаю его пребыванія въ Стокгольмѣ.

Англійскій посланникъ маркизъ Clanricade пріѣхалъ со своей женою два дня спустя по возвращеніи вице-канцлера, гр. Нессельроде, вслѣдствіе чего я не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ.

Во время управленія моего министерствомъ я присутствовалъ съ удовольствіемъ въ засѣданіяхъ азіатскаго комитета вмѣстѣ съ гр. Канкринымъ, Чернышевымъ и Блудовымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи компаніи для торговыхъ сношеній съ Персіей чрезъ Астрабадъ. Гр. Строгановъ (московскій) слишкомъ много говорилъ объ этомъ проектѣ; министръ финансовъ дѣйствовалъ осмотрительнѣе и хотѣлъ осуществить его не спѣша. Его мнѣніе было принято комитетомъ и утверждено императоромъ, но англичане провѣдали объ этомъ, и я полагаю, что мы обязаны рѣшительнымъ тономъ съ какимъ Сентъ-Джемскій кабинетъ высказался въ вопросѣ о войнѣ персидскаго шаха съ его мятежными подданными въ Гератѣ, именно тому, что этотъ слухъ распространился преждевременно.

Меня особенно волновали, во время моего управленія министерствомъ, то и дѣло получавшіяся извѣстія о замыслахъ нѣкоторыхъ поляковъ противъ особы императора и депеша нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Веймарѣ, которой мнѣ было сообщено, что, во время пребыванія его величества въ этомъ городѣ у его сестры Маріи Павловны, были приняты всевозможныя мѣры къ тому, чтобы предупредить всякое посягательство на его священную особу. Это тягостное чувство отравляло мнѣ исполненіе моихъ обязанностей. И я былъ очень радъ оставить управленіе министерствомъ. Моими ближайшими сотрудниками

въ это время были Полѣновъ, Кудрявскій и Сенявинъ. Изъ нихъ первый, весьма опытенъ въ дѣлахъ. Второй, человѣкъ очень щепетильный, не всегда дѣйствовалъ достаточно прямо, но онъ имѣлъ инструкціи отъ вице-канцлера и кое-что скрывалъ отъ меня. Третій, директоръ азіатскаго департамента, былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, онъ хорошо образованъ, свѣдущъ въ дѣлахъ, но немного тщеславенъ.

Октября 16-го. Освѣщены въ Царскомъ Селѣ ворота, воздвигнутыя въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ.

Въ торжествѣ участвовали только солдаты и офицеры, имѣвшіе ордена за эти три кампаніи; ихъ было не болѣе 10.000 человѣкъ. Императоръ и императрица удостоили торжество своимъ присутствіемъ.

Октября 21-го. Я получилъ по почтѣ депеши генералъ-губернатора Восточной Сибири и ящикъ съ подарками отъ китайскаго амбаня, присланные, вѣроятно, покойному Родофиникину, но такъ какъ не было сказано, кому они предназначаются, то я препроводилъ ихъ въ канцелярію министра, чтобы вице-канцлеръ распорядился ими по своему благоусмотрѣнію.

Октября 23-го. Императоръ, совершенно для всѣхъ неожиданно, объявилъ о помолвкѣ своей дочери съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и пожаловалъ послѣднему Андрея Первозваннаго, что даетъ ему право на чинъ генералъ-лейтенанта.

Октября 24-го. Англійскій посланникъ Кланрикадъ сообщилъ, что онъ имѣлъ честь представить императору свои вѣрительныя грамоты и принимаетъ у себя 24-го и 25-го числа отъ 8—10 часовъ. Я отправился къ нему въ первый же день и засталъ у него весьма немногихъ; но ровно въ 8 часовъ пріѣхали члены дипломатическаго корпуса. Посланникъ высокаго роста, но въ наружности его нѣтъ ничего выдающагося. Его жена средняго роста, одѣта очень просто и, судя по портрету, находящемуся у меня, очень похожа на своего отца, лорда Канинга.

Заболѣлъ М. М. Сперанскій; я посылалъ къ нему за бюллетенями, которые роздаются письменные. Это человѣкъ достойный, но проникнутый принципами представительнаго образа правленія. Онъ и Кочубей создали министерства и Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время. Его трудъ по составленію Свода законовъ былъ огромный и заслуживаетъ ему признательность Россіи. Онъ же пересмотрѣлъ или, лучше сказать, затемнилъ Литовскій статутъ, желая согласовать его съ остальными законами Имперіи. Ему поручается писать высочайшіе манифесты.

Ноября 8-го. Тезоименитство великаго князя Михаила Павловича. Я былъ по обыкновенію во дворцѣ у ихъ императорскихъ вы-

сочествъ и по обыкновенію не былъ принятъ. Говорятъ, что императоръ уѣзжаетъ сегодня въ Москву со своимъ будущимъ зятемъ, принцемъ Лейхтенбергскимъ, котораго его величество хочетъ вѣроятно представить московской публикѣ; онъ уже зачисленъ на русскую службу генералъ-маіоромъ.

Ноября 17-го. Въ городѣ говорятъ о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Кіевскомъ университетѣ; нѣкоторые изъ студентовъ позволили себѣ вступить въ переписку съ поляками, эмигрировавшими въ Европу, и поэтому устраивали тайныя сходки. Правительство строго наказало этихъ юныхъ безумцевъ.

Декабря 4-го. Обнародованъ церемоніалъ обрученія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ, которое и состоялось 4-го числа въ Эрмитажѣ. Такъ какъ церковь очень мала, то въ нее было допущено только духовенство и Государственный Совѣтъ. Сенатъ не былъ приглашенъ на церемонію, но былъ созванъ въ 3 часа для выслушанія вновь появившихся указовъ.

Я былъ во дворцѣ вмѣстѣ съ прочими сенаторами для принесенія поздравленія ея императорскому высочеству. Какъ первоприсутствующій сенаторъ, я шелъ тотчасъ за членами Государственнаго Совѣта. Поздравленія принимала только великая княжна; императрица удалилась. Принцъ по-моему не такъ красивъ, какъ говорили.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора. Татищевъ, посланникъ въ Вѣнѣ, и Рибопьеръ, посланникъ въ Берлинѣ, сдѣланы членами Государственнаго Совѣта. Двое сенаторовъ, Мавринъ и Озеровъ, получили Александра Невскаго. Пять человѣкъ пожалованы во флигель-адъютанты.

Военнымъ увеличено жалованье.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

ВОЗЗВАНІЕ.

Николо-Тихвинскій женскій монастырь, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи, озабочиваясь удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей сестеръ обители и оказаніемъ помощи окрестному населенію, предпринялъ сооруженіе храма, въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, больницы и пріюта для сиротъ. Недостатокъ средствъ у обители крайне затрудняетъ постройку сего храма и означенныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ виду сего Николо-Тихвинскій монастырь обращается къ христолюбивымъ благотворителямъ съ покорнѣйшею просьбою оказать обители посильную помощь въ предпринятомъ ею благомъ дѣлѣ. Пожертвованія деньгами и вещами просятъ высылать по слѣдующему адресу: Станція Волоконовка, Елецъ-Валуйской ж. д., Настоятельницѣ Николо-Тихвинскаго женскаго монастыря, монахинѣ Валентинѣ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ. князь А. Дадіанъ . . . . . 285—302, 589—610

II. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева . . . . . 317—336

III. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина 521—540

Портреты.

I. Портретъ В. А. Жуковскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 4-ой книгѣ).

II. Портретъ князя М. Д. Горчакова. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 5-ой книгѣ.)

III. Портретъ Н. К. Шильдера. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 6-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Ссылка Сперанскаго въ 1812 году. (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова.) Сообщ. И. А. Бычковъ.	5— 44
II.	Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ: I. В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ; II. В. А. Жуковскій и братья Тургеневы; III. В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ; IV. В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка; V. В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггенъ. Н. Дубровина	45—119
III.	Кн. П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ. Письмо кн. П. А. Вяземскаго кн. А. Ѳ. Бычкову. 17-го іюня 1872 г. Сообщ. И. А. Бычковъ . . .	120
IV.	Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. Сообщ. Ѳ. А. Бычковъ. .	121—133
V.	Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго. Сообщ. графъ Н. А. Бреверинъ-де-ля-Гарди.	134—136
VI.	Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину. . . . . 137—166,	511—519
VII.	Альбомъ, подаренный Фридрихомъ Вильгельмомъ наслѣдникомъ прусскимъ Васил. Андреевичу Жуковскому. А. Ѳомина	167—176
VIII.	Письма В. А. Жуковскаго къ разнымъ лицамъ. Сообщили И. А. Бычковъ и Б. М. Модзалевскій	177—188
IX.	Замѣтки В. А. Жуковскаго, написанныя въ альбомахъ Александры Андреевны Воейковой. Сообщ. графъ Н. А. Бреверинъ-де-ля-Гарди. . .	189—192
X.	Письма короля прусскаго Фридриха Вильгельма къ В. А. Жуковскому.	193—194
XI.	Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка . . . . . 195—207,	359—367
XII.	Московскій университетъ въ 1826 г. Предписаніе И. Дибича полков. гр. Строганову. 17-го апр. 1826 г. Письмо И. Дибича А. А. Писареву 17-го апрѣля 1826 г.	208
XIII.	Россія и Англія въ Афганистанѣ. (Оконч.) В. В. Тимощукъ	209—223
XIV.	Къ біографіи В. Н. Каразина. Письмо В. Каразина къ В. Г. Муратову, 3-го марта 1827 г. . .	224
XV.	Письма императора Николая I и велик. кн. Михаила Павловича. Сообщ. Рих. Алек. Гриммъ.	225—230
XVI.	Пребываніе Сперанскаго въ Нижн. Новгородѣ и Перми. Сообщ. И. А. Бычковъ	231—249

стран.

XVII. Собственноручный рескриптъ имп. Александра I московск. гражд. губ. тайн. сов. Н. В. Обрѣзкову объ аеростатѣ Лепиха. 24-го мая 1812 г. Сообщ. П. А. Тулубъ 250

XVIII. М. М. Сперанскій. (По Гауеншильду) Сообщ. В. А. Бильбасовъ . . . . . 251—262

XIX. Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г. Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій. 263—284

XX. Николай де-Мелло «Гишпанскія земли» чернецъ. П. Пирлинга . . . . . 303—312

XXI. Новый документъ о Самозванцѣ С. Шамбинаго. 313—316

XXII. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 337—367

XXIII. Чиновники-актеры. Предложеніе мин. юстиціи Правит. Сенату. 20-го марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 368

XXIV. Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II. Р. . . . . 369—384

XXV. Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій . . 385—397, 579—588

XXVI. Письмо А. С. Стурдзы—Жуковскому о М. П. Розбергѣ. 30-го апрѣля 1836 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій 398

XXVII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. А. Слезскинскаго. . . . . 399—408, 617—628

XXVIII. Польша въ 1814—1831 г.г. . . . 409—438, 553—574

XXIX. Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ жизни М. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ. . . . . 439—147

XXX. О перемѣнѣ времясчисленія во флотѣ. Предложеніе мин. юстиціи Правит. Сенату. 26-го марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 448

XXXI. Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 449—466

XXXII. Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Сообщилъ И. А. Бычковъ. . . . . 467—485

XXXIII. Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ. . . 486—510

XXXIV. Замѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ. Сообщ. П. Пирлингъ 520

XXXV. Николай Карловичъ Шильдеръ. Ѳ. Шпманнъ. 541—548

XXXVI. Русскіе на островѣ Готландѣ въ 1808 г. Сообщ. Е. Н. Янжулъ . . . . . 549—552

XXXVII. Англійскій путешественникъ въ Россіи и его мнѣніе о русскомъ обществѣ. (1826 и 1827 г.г.) Сообщ. И. С. Шукшинцевъ . . . . . 575—578

СТРАН.

XXXVIII. Записка о Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра въ 1838 г. Сообщилъ Г. Кунцевичъ. . . 611—616
XXXIX. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Дивова) . . . . . 629—651

Библіографическій листокъ.

1. Русскій біографическій словарь. Павелъ (преподобный)—Петръ (Илейка). Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1892 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ апрѣльской книги).
2. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга вторая. Д. В. Цвѣтаева. Варшава 1902 г. В. А—аго (тамъ же).
3. Григорій Виленкинъ. Финансовый и экономическій строй современной Англіи. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ майской книги).
4. Луи де-Сентъ Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1825. Изданіе Е. И. В. Вел. Кн. Николая Михаиловича (на оберткѣ іюньской книги).
5. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ Н. А. Кислинскаго. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1802 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же)
6. Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Составилъ К. Елпатьевскій. Стр. 397, in 8°. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 30 к. (тамъ-же).

Приложенія.

1. Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ 289—368

Дворянская улица для пріѣзжающихъ лѣчиться. Осмотръ ваннъ: красивое зданіе. Ванны деревянныя. Души. Зальце для танцевъ деревянное. Лавки. Каменная ротонда, гдѣ пьютъ воду. Гнилые мосты, изъ коихъ одинъ обрушился подъ народомъ. Нынѣ больныхъ 32 семейства. Директоръ Романовичъ чудакъ. Дворянскій садъ съ прекраснымъ видомъ на озеро. Тимофеевъ.

5 іюля, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Липецка въ Воронежъ. Все пріятная природа. Черноземъ. Въ Усмани двѣ воспитанницы Патріотическаго института, дочери полицмейстера Рожанскаго [1]). Деревня Приваловка, гдѣ я рисовалъ. За восемь верстъ отъ Воронежа прекрасная усадьба вправо отъ дороги. Домъ на берегу развившейся рѣчки, къ коей сходитъ роща. Прибытіе въ Воронежъ въ шесть часовъ. Обѣдъ. Поѣздка по городу. Рисовалъ у тюремнаго замка. Въ дѣвичьемъ монастырѣ. Картина Andrea del Sarto. У игуменьи Бегичевой. Кладбище. Садики у келій.

6 іюля. Пребываніе въ Воронежѣ. Въ 5 часовъ съ Кольцовымъ [2]). Рисовалъ. Садъ Петра [3]). Дубовая роща. Хозяйство жителей и чистота. Представленіе. Губерн(аторъ) Никол(ай) Иван(овичъ) Лодыгинъ. Губ(ернскій) предводит(ель) Василій Васильевичъ Тулиновъ и его братъ. Архіерей Арсеній [4]). На выставку. Особенно хлѣбъ, сало, лошади, свѣчи, быки. Шали и ковры. Драфы и царство животн(ыхъ). (Конный заводъ Растопчина, Орловой).—Три Александровскія ленты. Мнѣ пощечина [5]).

---

[1]) Полиціймейстеромъ въ Усмани былъ Василій Алексѣевичъ Рожанскій.

[2]) Съ поэтомъ А. В. Кольцовымъ, который познакомился съ Жуковскимъ въ 1836 году, когда ѣздилъ по дѣламъ въ Петербургъ. „Весь городъ (Воронежъ) видѣлъ—передаетъ М. Ѳ. Де-Пуле,—какъ знаменитый поэтъ и воспитатель наслѣдника престола прогуливался (пѣшкомъ и въ экипажѣ) по городу вмѣстѣ съ поэтомъ-прасоломъ, гдѣ и надъ чѣмъ они останавливались, гдѣ присаживались для отдыха“ („Древняя и Новая Россія“ 1878 г., т. I, стр. 330).

[3]) Петра Великаго.

[4]) Архіепископомъ воронежскимъ былъ не Арсеній, какъ ошибочно пишетъ въ своемъ дневникѣ Жуковскій, а преосвященный Антоній (Смирницкій, † 1846), извѣстный своею святою, подвижническою жизнью.

[5]) 1-го іюля 1837 года минуло двадцать лѣтъ свадьбы императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны, и въ этотъ день тремъ бывшимъ адъютантамъ государя В. Ѳ. Адлербергу, А. А. Кавелину и В. А. Перовскому былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. „Сегодня (6-го іюля), во второмъ часу пополудни, ... Кавелину фельдъегерь привезъ Александровскую ленту съ прекраснымъ рескриптомъ за 20-тилѣтнее нахожденіе его адъютантомъ при государѣ и за отличное исполненіе, пріятное родительскому сердцу государя-отца, возложеннаго на него важнаго порученія (быть воспитателемъ наслѣдника)...“—писалъ С. А. Юрьевичъ своей женѣ.—„Жаль намъ, что Жуковскій не попалъ въ число награжденныхъ... Всѣ того времени даже придворные служители получили свои награды“ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 59).

У архіерея. Портретъ Митрофана [1]). Отдалъ визиты губернатору и губернск(ому) предводителю. Въ гимназіи. Весьма худое помѣщеніе. Книга съ сочиненіями учениковъ. Балъ. Прекрасная квадратная бѣлая зала. Дацкія. Басовы. Юрьева (Зиновьева). Губернаторша. Городъ оригиналенъ, на каждомъ мѣстѣ видъ. Домъ Тулинова. Соборъ. Замокъ тюремный. Придача. Цейгаузъ.

7 іюля. Переѣздъ изъ Воронежа въ Елецъ. Кольцовъ у меня. Молебенъ Митрофану. Выѣздъ. Поля. Черноземъ, супесь, частію глина и песокъ. Село Конь-Колодезь. Задонскъ. Бѣлый старинный соборъ. Монастырь Тихона чудотворца; его гробъ подъ сводомъ. Схимникъ. Келья Егора Алексѣевича Машурина [2]). Викулина домъ и больница. Деревня Викулина на дорогѣ. Домы каменные для крестьянъ, симметрія и наружная чистота. Чай въ деревнѣ Извалы у С. А. Викулина [3]). Елецъ большой городъ. Купечество. До 300 капиталовъ. Остановился у купца Кораулова. Семенъ Егоровичъ Рогачевъ. Неопрятность.

8 іюля, четвергъ. Переѣздъ изъ Ельца въ Тулу. Въ семи верстахъ отъ станціи Бродки деревня Большая Поляна И. Ѳ. Вадковскаго. Домъ у самой дороги.—Ефремовъ, городъ довольно большой на горѣ, на которую взъѣзжаешь, переѣхавъ Мечу.—При въѣздѣ въ Богородицкую слободу два спуска съ горы.—Богородицкъ, ничтожный городъ. Центръ—церковь на полукруглой площади, къ коей ведутъ пять улицъ, радіусы. Дома Бобринскихъ..... Въ Дедловой [4]) слободѣ une prise de corps [5]). Пріѣздъ въ Тулу въ 10 часовъ. Остановка въ бывшемъ домѣ Верещагина, нынче племянницы Иванова, занимаемомъ Шатиловымъ [6]).

9 іюля. Пребываніе въ Тулѣ. Всталъ въ 5 часовъ. Прогулка по Тулѣ. Тѣни прошедшаго живутъ на мѣстахъ, гдѣ мы жили, и встрѣчали насъ. Я вспомнилъ физіономій людей. Рисовалъ. Въ училище и на кладбищѣ. Представленіе. Крейцъ [7]), Маевскій, Горчаковъ, Лидерсъ, Вельяминовъ, Колзаковъ. Губ(ернаторъ) Елпидифоръ Антіоховичъ Зуровъ. Губ(ернскій) предводитель Ахлестышевъ за Шатилова. Михель. Мининъ,

---

[1]) Святителя Митрофана Воронежскаго.

[2]) Задонскаго затворника.—Лишась въ дѣтствѣ отца, онъ былъ воспитанъ матерью въ страхѣ Божіемъ. Поступивъ въ военную службу юнкеромъ, онъ пробылъ въ ней 10 лѣтъ, а затѣмъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ проводилъ подвижническую жизнь, въ постѣ и молитвѣ, въ Задонской обители. Онъ скончался въ 1836 году на 47-мъ году жизни.

[3]) Семена Алексѣевича Викулина (см. ниже, подъ 26-мъ октября).

[4]) Т. е. въ Дѣдиловой слободѣ.

[5]) Т. е. взятіе подъ стражу.

[6]) Губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Васильевичемъ Шатиловымъ.

[7]) Гвардейскій генералъ, который представлялъ наслѣднику войско (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 60).

Вас(илій) Петровичъ [1]). Тараканов, генералъ Штаденъ. Горскинъ Борисъ. Одинъ домъ Горски(ны)хъ уцѣлѣлъ. Все прочее исчезло. Поѣздка въ соборъ съ в(еликимъ) к(няземъ). Какъ будто вчера я былъ въ немъ. Выставка. Былъ у Анны Николаевны Вельяминовой [2]), у губернатора, у Ахлестышева. У Дм(итрія) Гавр(иловича) Постник(ова) [3]): какъ будто окаменѣлый. За столомъ подлѣ архіерея [4]). Послѣ обѣда опять у Анны Николаевны [5]). Балъ. (На балѣ Мининъ съ женою, дочерью Михеля [6]), губернаторша, бывшая Стройновская [7]), и ея миленькая дочь). Софія Осиповна кажется замужемъ за .... [8]), Ивановская Ав(дотья) Петр(овна). За ужиномъ между губернаторомъ и Беклемишевою, умная полька. Попъ крестникъ.

10, суббота. Пребываніе въ Тулѣ. Утромъ рисовалъ. Кофе у А(нны) Никол(аевны). Снова рисовалъ. Осмотръ завода [9]). Большой порядокъ. У архіерея. Простой и умный. (Послѣ обѣда у меня Постниковъ). Въ домъ Плахова. У Крейца. Феерверкъ. У меня сынъ Софіи Осиповны.

11, воскресенье. Переѣздъ изъ Тулы въ Калугу. У Трубицына. У А(нны) Николаевны. Новокщеновы. Обѣдня въ церкви заводской. Прекрасный видъ на Тулу съ Калужской дороги. Преданье Напол(ео)на. Прекрасная усадьба влѣво отъ дороги. Домъ съ церковью каменною. Гористо. Мѣсто окружено рощами. Прекрасная жатва. Прекрасныя рощи; дубъ, липа, береза.—Алексинъ. Бѣдный городъ съ большимъ домомъ купца Плахова, котораго дочь блистала на тульскомъ балѣ [10]).

---

[1]) Впослѣдствіи бывшій тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1809 году Жуковскій хлопоталъ передъ А. И. Тургеневымъ о помѣщеніи этого В. П. Минина (р. 1805†1874) въ лицей (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 124).

[2]) Одна изъ сестеръ Жуковскаго, Наталья Аѳанасьевна Бунина (р. 1756 † 1785), была замужемъ за Николаемъ Ивановичемъ Вельяминовымъ.

[3]) У того Дмитрія Гавриловича Постникова, стараго знакомаго Буниныхъ, который въ концѣ 1795 года возилъ Жуковскаго въ Кекгольмъ для опредѣленія его въ полкъ.

[4]) Тульскимъ архіереемъ былъ (съ 1821 по 1850 г.) преосвященный Дамаскинъ Россовъ.

[5]) Вельяминовой.

[6]) В. П. Мининъ (см. выше, прим. 1-е) былъ женатъ на Екатеринѣ Егоровнѣ Михель.

[7]) Жена Е. А. Зурова, Екатерина Александровна, рожденная Буткевичъ, въ первомъ бракѣ была за сенаторомъ графомъ Валеріаномъ Венедиктовичемъ Стройновскимъ (р. 1759†1834).

[8]) Для фамиліи оставленъ въ дневникѣ пробѣлъ.

[9]) Тульскаго оружейнаго завода.

[10]) С. А. Юрьевичъ, описывая въ письмѣ къ женѣ тульскій балъ, замѣчаетъ, что на немъ по богатству была примѣчательна дочь купца Маслова съ большими брилліантовыми камнями на шеѣ и на головѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 60).

Мѣстоположеніе сходное съ Бѣлевымъ. Село Ферзиково Чирикова или Цурикова, кажется пьянаго. Спускъ съ горы, окруженной прекрасными домами, между холмовъ, покрытыхъ рощами, посреди коихъ вьется рѣчка. Село помѣщика [1]) съ прекраснымъ строеніемъ и фабрика бумагопрядильная. Мельница подъ крутымъ берегомъ. Пріѣздъ въ 5 часовъ. За столомъ губернаторъ [2]), П. К. Мердеръ [3]), Веймарнъ, Яковлевъ, свитскій полковникъ [4]). Ввечеру балъ. Омельяновъ [5]) съ женою, Ермолаевъ съ дочерью. Анна Васильевна Рахманова [6]) съ мужемъ. Навроцкій. Полторацкій,... [7]) Дмитричъ. Мердеръ съ женою. Письмо въ Бѣлевъ и досада.

12. Калуга. Представленіе. К. М. Полторацкій [8]). Осмотръ выставки, парка артиллерійскаго, гимназіи (хорошее помѣщеніе). Прекрасныя заведенія Приказа общественнаго призрѣнія. Городъ и прекрасныя постройки. Визитъ къ вицъ-губернатору Хрущову [9]), къ Омельянову [10]), къ губернатору, къ Бибиковой: милыя дѣти. Чертковъ. Не засталъ обѣда. Монастырь Арсеньевскій [11]). Могилы. Гробн(ицы) Нелединскаго, Багговута, Всеволожскаго [12]). Видъ съ бульвара. Ефимовичева.

---

[1]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[2]) Калужскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Николай Васильевичъ Жуковскій.

[3]) Генералъ-маіоръ Павелъ Карловичъ Мердеръ, окружный генералъ 6-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

[4]) Полковникъ Веймарнъ и генеральнаго штаба полковникъ Яковлевъ пріѣхали въ Калугу для сопровожденія наслѣдника во время обзора полей сраженія Отечественной войны 1812 года; первый, какъ читавшій великому князю исторію войны 1812 года, а второй, какъ знающій мѣстность, которую снималъ на планъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 61).

[5]) Фамилія въ дневникѣ написана невѣрно. Это былъ калужскій губернскій предводитель дворянства Никита Козмичъ Омельяненко.

[6]) Дочь старой знакомой Жуковскаго, Анны Михайловны Павловой, рожденной Соковниной (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. 323, примѣч.).

[7]) Для имени въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ. Это былъ извѣстный библіофилъ и библіографъ Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, владѣлецъ извѣстнаго имѣнія Авчурино, въ 16 верстахъ отъ Калуги, которое наслѣдникъ посѣтилъ 20-го іюля (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 63).

[8]) Константинъ Марковичъ Полторацкій, генералъ-лейтенантъ, съ 1830 по 1842 годъ бывшій ярославскимъ губернаторомъ.

[9]) Борису Петровичу Хрущову.

[10]) Т. е. Омельяненко.

[11]) Въ дневникѣ описка; въ Калугѣ находится Лаврентіевъ монастырь.

[12]) Въ Лаврентіевомъ монастырѣ похоронены: извѣстный писатель Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій († 1829) и два героя Отечественной войны 1812 года, командиръ 2-го корпуса, ген.-лейт. Карлъ Ѳедоровичъ Багго-

13, вторникъ. Переѣздъ изъ Калуги въ Бѣлевъ. Дорога, переложенная бревнами. Много песку. За Андреевскимъ прекрасный видъ на Оку, вдали монастырь. Потомъ песокъ усиливается. У Перемышля конецъ песковъ. За три версты переправа черезъ Оку. Вправо монастырь. Козельскъ. Обѣдалъ въ домѣ почетнаго гражданина Брагина и осмотръ парусинной фабрики. Бѣленье пряжи. Тканье. Низанье. 54 рубля кусокъ себѣ, въ продажѣ 58. Тор(г)ъ съ Америкою; упадокъ отъ Александровской фабрики. Изъ 400 становъ 100 оставлены. Подлость мастеровъ. Оптинъ монастырь. Ни одинъ не производитъ большей благоговѣйности. Только и сла(вы), что о богатствѣ. Три церкви. Чудотворная икона. Строгость. Рѣка временъ. Скитъ (Псалтырь. Рыбы никогда. Молочно(е) 5 недѣль въ году). Алексѣй Ивановичъ Желябовскій. Въ Бѣлевъ пріѣхалъ въ осьми часамъ вечера. Коленіусъ [1]). Остановился въ домѣ Щеколдина.

14. Пребываніе въ Бѣлевѣ и поѣздка въ Мишенское [2]). Поутру рано визитъ городничему, головѣ и предводителю [3]). Потомъ у меня представленіе всѣхъ бѣлевскихъ властей. Мой Максимъ [4]) въ сторонѣ и съ шестью сыновьями. Объѣздъ города. Вдовій домъ, бѣдно содержимый; жаль, что церковь на мѣстѣ горницы. 24 кровати. По « » [5]) копеекъ въ день. Платье на два года, зимнее и лѣтнее. Садъ. Домъ купца Бунакова, отведенный для в(еликаго) князя. Потомъ рисовалъ. Съ визитами у Бунакова, Коленіуса, Щеколдина, Чижова, Дорофеева и Собинина. У насъ баронесса Черкасова [6]). Поѣздка въ Мишенское. Вырубленный лѣсъ по большой дорогѣ. Мельница близъ деревни. Олешнякъ и вся гора облѣзли. Дворъ, и домъ, и прудъ, и деревня, но прежн(яго) нѣтъ. На мѣстѣ старой садовой рощи молодая. Только два камня. Многія изъ рощицъ срублены [7]). У насъ. Всѣ представились: Саша, Ма-

---

вутъ и ген.-маіоръ Алексѣй Матвѣевичъ Всеволожскій, убитые въ сраженіи при Тарутинѣ 6-го октября 1812 года (о могилахъ послѣднихъ двухъ лицъ см. въ „Калужск. Губернск. Вѣдомостяхъ“ 1867 г., № 24, часть неоффиц.).

[1]) Иванъ Петровичъ Коленіусъ, городничій бѣлевскій.

[2]) На родину Жуковскаго.

[3]) Бѣлевскимъ предводителемъ дворянства былъ Петръ Дмитріевичъ Тараканов.

[4]) Слуга Жуковскаго, описанный въ одномъ изъ „Долбинскихъ“ его стихотвореній.

[5]) Для цифры оставленъ пробѣлъ.

[6]) Старинная знакомая семьи Протасовыхъ и Жуковскаго.

[7]) „Время большой обжора—писалъ Жуковскій 20-го іюля 1837 г., изъ Бѣлева, старому своему пріятелю С. М. Соковнину.—Много оно у меня съѣло съ тобою. Я поглядѣлъ на наше Мишенское; въ немъ все такъ измѣнилось, такъ все вверхъ дномъ, что я въ другой разъ и заглянуть въ него не захочу. Оно

ша [1]), Арбенева [2]) и Плещеевъ [3]). Пріѣздъ Петра Плещеева, Варвары съ мужемъ [4]), Левицкой Натальи Алексѣ(евны) и мужа ея. Возвращеніе въ Бѣлевъ въ 10 часовъ. Разсказы о путешествіи до часа.

15. Поѣздка въ Долбино [5]). Поутру рисовалъ въ Бѣлевѣ. Возвратились поздно.

16. Поѣздка въ Володьково [6]). Поутру рано ѣздилъ въ Мишенское и рисовалъ. Возвратясь, отправился въ Володьково. Софья и Варвара Ивановны [7]). Дочь и три сына Палагеи Андреевны [8]). Пашин(ь)ка съ сыномъ, внукомъ Ѳедора Александровича Камки(на) [9]), живущая въ Песковатскомъ съ сестрою Чернышевою. М-е Bothwell безъ рукъ и безъ ногъ, но веселая характеромъ. Возвратились въ Бѣл(евъ) поздно. Хлѣбъ и соль въ саду бѣлевскомъ отъ купечества и дворянства.

17. Поѣздка въ Петрищево [10]). Поутру письма къ предводителю и къ головѣ Алексѣю Ѳедоровичу Новикову. Осмотръ училища, гдѣ смотрителева жена воспитанница Вяземскаго [11]). Архивъ. Пожарная команда. Визитъ предводителю, головѣ и городничему. Поѣздка въ Петрищево съ Катею Воейковою [12]). Въ Петрищевѣ. Левицкіе и Путиловъ. Раз-

---

мнѣ дорого прошедшимъ; а слѣдъ этого прошедшаго уничтоженъ, частію временемъ (что́ грустно, но не обидно), частію рукой человѣческой, что̀ грустно и обидно. Но на старыхъ развалинахъ поселилось новое...." (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 546).

[1]) Племянницы Жуковскаго Александра Андреевна Воейкова и Марья Андреевна Мойеръ.

[2]) Авдотья Николаевна Арбенева, племянница Жуковскаго, дочь его сестры Натальи Аеанасьевны Вельяминовой, рожд. Протасовой.

[3]) Пріятель Жуковскаго Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ († 1827).

[4]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[5]) Имѣніе Юшковыхъ, племянницъ Жуковскаго, гдѣ Жуковскій жилъ въ 1814 и 1815 гг. и написалъ свои такъ называемыя „Долбинскія" стихотворенія.

[6]) Имѣніе барона Черкасова.

[7]) Дочери барона Ивана Петровича Черкасова.

[8]) Пелагея Андреевна—вторая жена барона Ивана Петровича Черкасова, рожд. Полонская.

[9]) Ѳедоръ Александровичъ Камкинъ († 1815), служившій въ Бѣлевѣ почтмейстеромъ, былъ хорошій знакомый Жуковскаго (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 152).

[10]) Имѣніе Елагиныхъ.

[11]) Внизу написано: Никольскій.—Смотрителемъ Бѣлевскаго училища былъ Алексѣй Ивановичъ Никольскій.

[12]) Старшая дочь Александры Андреевны Воейковой, скончавшаяся въ Москвѣ 28-го января 1844 года (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 295).

говоръ съ Иваномъ Кирѣевскимъ о Петрѣ [1]). Поздній его отъѣздъ съ женою [2]). Болѣзнь Елагина [3]).

18. Пребываніе въ Петрищевѣ и поѣздка въ Игнатьево. Цѣлый день пасмурный и дождливый. Обѣдъ въ Игнатьевѣ. Хорошенькій домикъ съ садомъ. Левицкая, дочь Тараканова. Ввечеру Vatel. Разговоръ съ Елагиной о состояніи уѣзда: опека и баронесса Черкасова. Засѣдатель Левшинъ [4]) шельма. Природный разбойникъ. Теплая и свѣтлая ночь.

19. Переѣздъ въ Бѣлевъ. Завтракъ у Левицкихъ. Прибытіе великаго князя поздно ввечеру [5]). Ожиданіе въ домѣ. Баронесса Черкасова съ дочерьми. Левицкіе. Лаврова.

20. Пребываніе въ Бѣлевѣ. Посѣщеніе монастыря, вдовьяго дома (бѣдность, недостатокъ причета, памятникъ) и моего прежняго дома [6]). Протоколистъ сходитъ съ ума. Сахаровъ сумасшедшій. Весь день пробылъ въ Бѣлевѣ. У насъ баронесса Черкасова. Ѣздилъ рисовать за городъ. Ввечеру разговоръ съ Ив(аномъ) Кирѣевскимъ. Ссора безъ видимой причины, и отъ того нельзя прекратить ее....

21. Пребываніе въ Бѣлевѣ. Утромъ рисовалъ за городомъ. Разсказы о Бибиковѣ. Сборъ денегъ посредствомъ штрафовъ. Обои. Катанье на лодкѣ ввечеру.

22. Отъѣздъ изъ Бѣлева. Паденіе форрейтора, не доѣзжая первой станціи. Встрѣча въ Козельскѣ. Подборки, имѣніе Писарева; подлѣ Озерское, село Омельяненки. Въ Калугѣ остановился у Пряшникова. Въ половинѣ шестаго отправились на Полотняный Заводъ послѣ грозы. Рисовалъ Калугу. Дорога песчаная. Сосновый лѣсъ. Смоленская до-

---

[1]) Съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ (сыномъ племянницы Жуковскаго Авдотьи Петровны Елагиной, рожд. Юшковой, бывшей въ первомъ бракѣ за Василіемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ) о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ.

[2]) Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ женатъ (съ 1834 г.) на Наталіи Петровнѣ Арбеневой (см. Полн. собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, Москва. 1861, Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 84).

[3]) Алексѣя Андреевича Елагина, мужа Авдотьи Петровны Елагиной.

[4]) Засѣдатель Бѣлевскаго уѣзднаго суда Николай Николаевичъ Левшинъ.

[5]) Наслѣдникъ осматривалъ Смоленскъ съ окрестностями и всѣ мѣста, примѣчательныя въ Отечественной войнѣ 1812 года. Жуковскій въ этой поѣздкѣ не сопровождалъ наслѣдника, а ѣздилъ къ себѣ на родину, въ Бѣлевъ.

[6]) „Въ Бѣлевѣ великій князь посѣтилъ домъ, нѣкогда принадлежавшій нашему В. А. Жуковскому,—писалъ С. А. Юрьевичъ своей женѣ—и тѣмъ восхитилъ до безконечности и прежняго, и новаго его владѣльца, протоколиста Емельянова, который былъ изумленъ симъ неожиданнымъ для него визитомъ, и въ память этого получилъ отъ великаго князя подарокъ“ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 63).

рога влѣво; весь трактъ медынскій. . . . . въ 10 часовъ. Нашелъ Андрея Муравьева [1]). Антресоли. Негодный бюстъ Пушкина; внизу галлерея, терасса и регулярный садъ. Какой-то во всемъ безпорядокъ и что-то негостепріимное въ уборѣ горницъ.

23. Переѣздъ въ Москву. Поѣхалъ въ четыре часа. Терасса и регулярный садъ. Рисовалъ въ Малоярославцѣ и въ Боровскѣ. Пафнутіевъ монастырь. Нашелъ братію за трапезою. Церковь древняя и замѣчательная, но отъ глупыхъ монаховъ не могъ добиться толку. Духовное училище на 130 учениковъ. Между Быкасовымъ и Ширяевымъ деревни Шереметев(ыхъ), Голицын(ыхъ), Грузинскаго принца. Въ послѣднемъ развалины колокольни, памятникъ 1812 года. За 25 верстъ отъ Москвы наступила глупая дорога въ ящикѣ и аллеѣ. Тутъ сердитъ не столько дурная дорога, а глупость того, кто ее создалъ. Пріѣздъ въ Москву. Вечеръ во дворцѣ, ожидая великаго князя. К(нязь) Голицынъ [2]). Урусовъ [3]). Боде [4]). Цинскій [5]). Перфильевъ. Нейдгардъ [6]). Четвертинскій [7]). Неболсинъ [8]). Поздній пріѣздъ великаго князя.

24, суббота. Прекрасное утро. Посѣщеніе соборовъ. Рѣчь митрополита [9]). Обѣдъ у князя Голицына. Послѣ обѣда у Муравьевой [10]),

[1]) Извѣстнаго путешественника по святымъ мѣстамъ, Андрея Николаевича Муравьева.

[2]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

[3]) Президентъ Московской дворцовой конторы, оберъ-гофмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Урусовъ.

[4]) Въ должности вице-президента той же конторы, баронъ Левъ Карловичъ Боде.

[5]) Московскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-маіоръ Левъ Михайловичъ Цинскій.

[6]) Генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Нейдгардъ.

[7]) Вѣроятно, шталмейстеръ князь Борисъ Антоновичъ Четвертинскій, который былъ женатъ на княжнѣ Надеждѣ Ѳедоровнѣ Гагариной, сестрѣ княгини В. Ѳ. Вяземской.

[8]) Вѣроятно, Николай Андреевичъ Неболсинъ, сенаторъ 8-го департамента Сената.

[9]) Привѣтственная рѣчь митрополита Филарета наслѣднику произвела большое впечатлѣніе на Жуковскаго. „Онъ (митрополитъ) говорилъ просто, безъ всякаго витійства, но, думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно: ибо самое происшествіе было слишкомъ краснорѣчиво. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ этотъ русскій храмъ (Успенскій соборъ), не видали передъ дверями его подобнаго явленія. Какъ много значили на языкѣ митрополита слова: государь, наслѣдникъ, благодарность отечества, потомство. Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія, слушая ихъ и смотря на молодаго прекраснаго цесаревича, который смиренно ихъ принималъ, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ“, писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 309).

[10]) Екатерины Ѳедоровны, вдовы попечителя Московскаго университета М. Н. Муравьева.

Черткова [1]), Шевырева [2]), Булгакова [3]) въ Сокольникахъ. У графа Потемкина [4]). Цыганки. Таня. Ночь пи(с)алъ [5]).

25, воскресенье. У меня Тургеневъ, Шереметева [6]), Давыдовъ [7]) и Погодинъ. Представленіе. Жихаревъ [8]). Обозрѣніе Оружейной палаты. У меня Арсеньевъ [9]). Обѣдъ у великаго князя. Разговорчивость. Послѣ обѣда въ театрѣ. Аскольдова Могила [10]).

26, понедѣльникъ. Рисованье на Воробьевыхъ горахъ и въ Александринскомъ дворцѣ. Донской монастырь. Маша Дорохова. Въ Петровскомъ.

27, вторникъ. Посѣщеніе выставки. Бѣга.

29, четвергъ. Посѣщеніе Коломенскаго, Симонова и Новоспасскаго монастырей. Прожектъ Голицына [11]).

30, пятница. Поѣздка въ Новый Іерусалимъ. Обѣдъ у Голицыныхъ.

31, суббота. Посѣщеніе тюремнаго замка и университета. Долженъ былъ обѣдать у Орлова [12]), но обѣдалъ у великаго князя. Послѣ обѣда на Дѣвичьемъ полѣ у Погодина [13]). Прекрасный балъ. Дочь Пушкиной,

---

[1]) Вѣроятно, у Александра Дмитріевича Черткова, въ то время бывшаго московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

[2]) Степана Петровича.

[3]) Александра Яковлевича, московскаго почтъ-директора, пріятеля Жуковскаго.

[4]) У графа Сергѣя Павловича Потемкина (р. 1787†1858).

[5]) Это было письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 308—310).

[6]) Надежда Николаевна Шереметева, рожд. Тютчева (р. 1775†1850), дочь которой Анастасія Васильевна была замужемъ за декабристомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Якушкинымъ.

[7]) Поэтъ и партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

[8]) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, впослѣдствіи сенаторъ, принадлежавшій къ Арзамасскому Обществу.

[9]) Константинъ Ивановичъ, академикъ, также сопровождавшій наслѣдника въ его путешествіи.

[10]) Опера А. Н. Верстовскаго.

[11]) Вѣроятно, рѣчь шла о задуманномъ княземъ Д. В. Голицынымъ описаніи Москвы (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга пятая, стр. 185—188).

[12]) У извѣстнаго арзамасца Михаила Ѳедоровича Орлова (р. 1788 † 1842), который послѣ того, какъ былъ отставленъ (въ 1826 г.) отъ службы (по прикосновенности къ декабристамъ), жилъ въ Москвѣ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 459).

[13]) Во время пребыванія Жуковскаго въ Москвѣ Погодинъ часто съ нимъ видѣлся, слушалъ его разсказы объ Арзамасѣ, о смерти Пушкина, объ его молодости. За составленную Погодинымъ для наслѣдника записку о Москвѣ Погодину былъ пожалованъ перстень, который вручилъ ему Жуковскій (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга пятая, стр. 8).

Четвертинская, Потемкина, Долгорукая. Поутру визитъ Е. Ѳ. Муравьевой и Шереметевой.

1 (августа), воскресенье. Ходъ[1]). Визиты. У М-е Могеаи[2]). У Тучковой[3]). Обѣдалъ у Гудовича[4]) съ . . . . . Рисовалъ у Дѣвич(ья) монастыря. У Грибоѣдовой.

2. Путешествіе въ Троицу и въ Виѳанію. Съ Тургеневымъ.

3. Прибытіе императрицы. Въ Сокольникахъ. Вечеръ у императрицы. К(нязь) Голицынъ[5]). Кн(язь) С. М. Голицынъ[6]). Маркусъ[7]).— Въ Сокольникахъ[8]). Антонскій, Орловъ, Боратынскій, к(нязь) Оболенскій[9]), Вельтманъ[10]), Башиловъ[11]), Шевыревъ, Давыдовъ, Кикинъ[12]), Новосильцевы, Вьельгорьскій, гр(афъ) Бобринскій, Погодинъ, Нащокинъ[13]), Андросовъ[14]), Чертковъ, Булгаковъ, Крюковъ[15]) и еще нѣсколько. Цыганское пѣнье и пляска.

---

[1]) Крестный на воду.

[2]) Шарлотта Моро де ла Мелтіеръ († 1854, въ Москвѣ) перевела, между прочимъ, на французскій языкъ повѣсть Основьяненки Оксану и Нибелунговъ. Жуковскій познакомился съ нею около 1812 г. въ имѣніи Е. А. Протасовой Муратовѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 20, прим. 5-е).

[3]) Быть можетъ, у Маргариты Михайловны Тучковой, рожденной Нарышкиной (въ монашествѣ Маріи), основательницы Спасскаго Бородинскаго монастыря.

[4]) У графа Андрея Ивановича Гудовича, московскаго губернскаго предводителя дворянства.

[5]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ.

[6]) Попечитель Московскаго учебнаго округа (см. выше, стр. 239, примѣчаніе 1-е).

[7]) Лейбъ-медикъ Михаилъ Антоновичъ Маркусъ.

[8]) Друзья и почитатели Жуковскаго задумали въ честь его дать праздникъ, устройствомъ котораго занимался Шевыревъ. Для этого праздника были написаны Е. А. Баратынскимъ куплеты. На праздникъ былъ приглашенъ и старикъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга пятая, стр. 8—9). „Намъ неизвѣстны подробности объ этомъ праздникѣ“, замѣчаетъ біографъ Погодина.

[9]) Вѣроятно, князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій († 1873), бывшій потомъ директоромъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

[10]) Александръ Ѳомичъ Вельтманъ († 1870), романистъ и археологъ.

[11]) Сенаторъ Александръ Александровичъ Башиловъ, директоръ Коммиссіи строеній въ Москвѣ.

[12]) Быть можетъ, Петръ Евграфовичъ Кикинъ.

[13]) Другъ Пушкина, Павелъ Воиновичъ Нащокинъ.

[14]) Василій Петровичъ Андросовъ († 1841), пріятель Погодина, бывшій редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“.

[15]) Дмитрій Львовичъ (см. выше, стр. 330, прим. 5-е).

4. У Антонскаго. Обѣдъ у императрицы. У Загоскина [1]). У Верстовскаго [2]). У Четвертинскаго. У меня Шереметева, Кологривова [3]).

5, четвергъ. У Румянцева [4]). У Муравьевой. Послѣ обѣда у Дмитріева [5]). Вечеръ у императрицы.

6, пятница. Обѣдалъ у Боде съ Фикельмономъ [6]). Визиты. Вечеръ у императрицы. Концертъ. Потомъ у Нащокина. Дмитріевъ.

7, суббота. У Дороховой. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ. Вечеръ на Трехъ Горахъ. Цыганы.

8. Осмотръ соборовъ и дворца. Крестилъ у Погодина. У кня(зя) С. М. Голицына. У к(нязя) Д. В. Голицына. Въ почтамтѣ. Обѣдъ у императрицы. Въ концертѣ. Прелесть Четвертинская. Вечеръ у императрицы.

9. Переѣздъ изъ Москвы во Владиміръ. Выѣздъ. Подстава въ Леоновкѣ за 18 верстъ. Проѣхали Горенки, нынѣ принадлежащія Волкову. Встрѣча съ пѣшеходами работниками. Красавцы. Купавня. Въ село фабришныхъ. Разница во встрѣчѣ. Оскорбительное чувство. Суконныя и шелковыя фабрики купцовъ Бабкиныхъ. Богородскъ въ 18 верстахъ отъ Купавни. Кузнецы, 11 верстъ. Дождикъ. Недостатокъ въ лошадяхъ. Платово. Дождь.

10, вторникъ. Пребываніе во Владимірѣ. Губерн(аторъ) Иванъ Иммануиловичъ Курута. Вице-губернаторъ Пестель [7]). Губерн(скій) предводитель Акинфіевъ, за него Рагозинъ (Хметевской). Почетный смотритель училищъ Богдановъ [8]). Въ соборъ Успенскій. Парѳеній [9]). Передъ обѣдомъ рисовалъ съ бульвара. Вечеръ въ залѣ выставки. Площадь. Поутру дождь, послѣ ясно.

11. Переѣздъ въ Нижній. Ковровъ. Свиданье съ Пожарскимъ [10]). Вязники. Крутой спускъ и взъѣздъ. Обѣдъ. Ухтомскій, женатый на Ка-

---

[1]) У извѣстнаго романиста М. Н. Загоскина.

[2]) У композитора Алексѣя Николаевича Верстовскаго († 1862).

[3]) Теща князя П. А. Вяземскаго, Прасковья Юрьевна Кологривова, рожд. княжна Трубецкая († 1846).

[4]) У графа Сергѣя Петровича Румянцова († 1838).

[5]) У Ивана Ивановича.

[6]) Австрійскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ (см. выше, стр. 311, прим. 6-е).

[7]) Статскій совѣтникъ Борисъ Ивановичъ Пестель.

[8]) Почетнымъ попечителемъ гимназіи былъ флота капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Никаноровичъ Богдановъ.

[9]) Архіепископъ владимірскій Парѳеній Чертковъ († въ 1853 году, архіепископомъ воронежскимъ).

[10]) Въ Ковровѣ въ это время былъ исправникомъ титулярный совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Пожарскій.

шинцевой? Гороховецъ, живописное мѣстоположеніе, крутой спускъ. Благовѣщенскій соборъ.

12. Пребываніе въ Нижнемъ. Пріѣздъ въ 5 часовъ утра. Прогулка по ярмаркѣ. Два моста, черезъ Оку и черезъ рукавъ. Желѣзный и мучной рядъ. Желѣзо Пастуховыхъ и кня(гини) Бутеро. Балаганъ. Вагенбургъ. Главная контора. 60. По(с)реди дворецъ. Каналъ. Церкви русская, армянская и мечеть. Представленіе. Губер(наторъ) Мих(аилъ) Петр(овичъ) Бутурлинъ. В(ицъ)-губернаторъ Прутченко [1]). Директоръ ярмарки Зубовъ [2]). Губерн(скій) предводитель Шереметевъ [3]). Почетный смотр(итель) училищъ Шереметевъ [4]). Ребиндеръ. Улыбышевъ [5]). Новосильцовъ. Преосвященный Іоаннъ [6]). Великій князь у обѣдни посреди всего народа. Осмотръ города. Работы. Спуски. Церковь Строгоновская Богоматери [7]). Соборъ обновленный, подъ нимъ подвалъ. Констант(инъ) Вас(ильевичъ), Димитрій и Андрей Константиновичи, Василій Дмитріевичъ Кирдяпа [8]). Мининъ. Памятникъ Минину. Видъ съ горы. Визиты къ губернатору, къ Шереметеву, къ Ребиндеру. Обѣдъ у великаго князя. Послѣ обѣда на необитаемый островъ въ катерѣ. Потомъ на скучный вечеръ къ Бутурлину. Дождь и вёдро.

13, пятница. Рано поутру катался на катерѣ и рисовалъ. Съ Бартеневымъ и Зубовымъ ходилъ по ярмаркѣ. 10 процентами ниже прошлогодняго ча(й). Колесовъ, Веретенниковъ, Пастуховъ, Сорокоумской .... Мечеть. Молитва. Видъ съ кремлевской башни. Выставка. Арзамасская школа. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Послѣ обѣда разговоръ съ Шереметевымъ и Бартеневымъ. Суетливость Бутурлина. Дождь.

14. Переѣздъ изъ Нижняго въ Меленки. Суббота. Хорошая погода. Первая станція. Прекрасный видъ на Оку. Богородицкое, село Шереметева. Островоезерскій монастырь. Ворсма. Завьялова лавки. Павлово съ 7 церквами. Смотры въ деревняхъ Базаровѣ и Липнѣ владѣнія П.... [9]) Желѣзныя издѣлія, замки и кожи. Ночевалъ съ Вьельгорскимъ

---

[1]) Д. с. с. Борисъ Ефимовичъ Прутченко.

[2]) Камергеръ Алексѣй Николаевичъ Зубовъ.

[3]) Генералъ-маіоръ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ.

[4]) Николай Васильевичъ Шереметевъ.

[5]) Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ, композиторъ и музыкальный критикъ (р. 1794†1858). См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга первая, стр. 55—68.

[6]) Преосвященный Іоаннъ (Доброзраковъ), потомъ бывшій архіепископомъ новочеркасскимъ.

[7]) Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная въ 1719 г. Григоріемъ Дмитріевичемъ Строгановымъ.

[8]) Похороненные въ соборѣ князья Нижегородскіе.

[9]) Фамилія написана неразборчиво.

въ Муромѣ у купца Мяздрикова. Въ Меленки поспѣлъ къ въѣзду великаго князя.

15, воскресенье. Переѣздъ изъ Меленковъ въ Рязань. Мелкій дождь. Въ Касимовѣ гробы нѣсколькихъ хановъ. Село Токарево. Полковникъ Клевезаль [1]). Слѣпцовъ. Опять глупая ссора. Обѣдали въ Ижевскомъ. Конецъ дождю.

16. Пребываніе въ Рязани. Надѣн(ь)те картузъ, ваша жизнь драгоцѣнна. Квартира въ домѣ Семенова, Ник(олая) Николаевича [2]). Три милыя хозяйки. Утромъ рисовалъ и осматривалъ городъ и соборъ. Представленіе. Губернаторъ Влад(иміръ) Мих(айловичъ) Антонскій [3]). В(ицъ)-губер(наторъ) Никол(ай) Макс(имовичъ) Княжевичъ. Губ(ернскій) предвод(итель) Рѣдкинъ [4]). Смотр(итель) гимназіи Семеновъ. Преосвященный Гавріилъ [5]). Сазоновъ. Болдыревъ [6]). Полторацкій. Нарышкинъ [7]). Осмотръ гимназіи, училища канцел(ярскихъ) служителей, больницы, тюремнаго замка, казармъ, дома сумасшедшихъ. Скульпторъ. Выставка (кожи, желѣзо, хлѣбъ. Шали...). Послѣ обѣда рисовалъ соборъ. Преосвященный со мною. Инвалидный домъ. Балъ въ саду на дачѣ Рюмина [8]). Пожаръ. Кикина. Семеновы. Масловы. Вечеръ съ хозяйками. Ундина. Соборы Успенскій и Архангельскій. Церкви семинарск(ая), Спасъ на Яру, Иліи пророка. Домъ архіерейскій. Гробъ С(тефана) Яворскаго. Мантія Мисаила [9]).

17. Переѣздъ въ Тулу. Зарайскъ, прекрасное мѣстоположеніе. Крѣпость. Николай Павловичъ Павловъ, смотритель училищъ; написать объ немъ къ Семенову. (Ничто такъ насъ съ другими не ссоритъ, какъ глупость или подлость, сдѣланная въ ихъ присутствіи).—Въ привязанность нашу къ другимъ вмѣшивается всегда та привязанность и то уваженіе, которое они къ намъ имѣютъ. Сторона къ Веневу очень пріятная. Обѣдъ въ Веневѣ. Гористое мѣсто. Густая дубовая роща по дорогѣ, въ ней озеро. Освѣщенные холмы заходящимъ солнцемъ, на коихъ

---

[1]) Касимовскій уѣздный предводитель дворянства Николай Ефимовичъ Клевезаль.

[2]) Директора училищъ Рязанской губерніи.

[3]) Д. с. с. Владиміръ Михайловичъ Прокоповичъ-Антонскій.

[4]) Полковникъ Николай Николаевичъ Рѣдкинъ.

[5]) Преосвященный Гавріилъ Городковъ († 1862), до 1837 г. бывшій могилевскимъ архіереемъ.

[6]) Генералъ-лейтенантъ Сазоновъ и генералъ-маіоръ Болдыревъ.

[7]) Почетный смотритель Рязанскаго уѣзднаго училища Дмитрій Дмитріевичъ Нарышкинъ.

[8]) Николай Гавриловичъ Рюминъ былъ почетнымъ попечителемъ Рязанской гимназіи.

[9]) Архіепископа рязанскаго, который въ 1655 году былъ убитъ мордвою въ Шацкомъ уѣздѣ.

деревья, отъ коихъ тѣнь, между холмовъ рѣчка. Вечеръ съ Дмитріемъ Гавриловичемъ[1]). Марія Христофоровна Роде[2]). (Аптекарь .... Бергольцъ. Зигмунтовскій. Риккеръ[3]). Голубковъ[4]). Бабинъ. Катароновъ .... Бетхеръ[5]). Беркманъ. Ил(ья) Никитичь. Андрей Тимофеевичь). Энгельгардтъ Гр(игорій) Гр(игорьевичъ). Князь Пав(елъ) Вас(ильевичъ) Долгору(ковъ). Соколовъ. Гофманъ. Бѣляевъ. Невродовъ.

18. Переѣздъ въ Орелъ. Большое Скуратово, деревня к(нязя) Шаховскаго. Невдали Мининъ съ женою и Михели[6]). Видъ Мценска прямо съ подъѣзда. Церкви въ рощахъ. Ввечеру въ Орлѣ. Остановил(ся) у Хлоповой. Губаревъ[7]). Рогачевъ.

19. Поѣздка въ Муратово, въ Покровское. Самая худшая поѣздка. Пожаръ въ Муратовѣ. Остатки. Нашли жилыя мѣста. Разросшійся садъ. Дуняшинъ[8]) цвѣтникъ. Курганъ и на немъ котикъ Акул(ины) Ивановны. У Е(катерины) Аѳан(асьевны)[9]). Начатая развалина домъ. Безпорядокъ. Елена Ив(ановна) и Нат(алья) Ив(ановна) Пратасовы[10]). Петръ Плещеевъ съ дѣтьми и съ женою и съ Варварою. Дуняша и ея письма. Печальный день.

20. Переѣздъ въ Курскъ. Поутру у Серафима въ монастырѣ. Половина дня дождь. Вечеръ прекрасный. Пріѣхалъ въ Курскъ въ 10 часовъ.

21. Пребываніе въ Курскѣ. Поутру ѣздилъ по городу. Херсонская и Московская улица лучшія. Ворота, воздвигнутыя въ 1825 году дворянствомъ. Гробъ Богдановича[11]). Домъ губернатора. На стѣнѣ карта губерніи и календарь. Ванна и галлерея въ домѣ Гейсмара[12]).

---

[1]) Постниковымъ (см. выше, стр. 339, прим. 3-е).

[2]) Дочь Христофора Филипповича Роде, въ пансіонѣ котораго воспитывался въ дѣтствѣ Жуковскій.

[3]) Сынъ тульскаго доктора, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ Жуковскимъ (см. выше, стр. 37, прим. 3-е).

[4]) Петръ Ивановичъ, учившійся одновременно съ Жуковкимъ въ пансіонѣ Роде (см. выше, стр. 37, прим. 2-е).

[5]) Ср. выше, стр. 37.

[6]) См. выше, стр. 339, прим. 1-е и 6-е).

[7]) Воинъ Ивановичъ Губаревъ, совоспитанникъ Жуковскаго по университетскому благородному пансіону. О Губаревѣ см. въ Литературныхъ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева (Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, изд. 4-е, Спб. 1897, т. X, стр. 80—81) и въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“ (по указателю).

[8]) Вѣроятно, Авдотьи Петровны Елагиной.

[9]) Протасовой.

[10]) Сестры мужа Е. А. Протасовой.

[11]) Ипполита Ѳедоровича, автора „Душеньки“, скончавшагося въ Курскѣ 6-го января 1802 года.

[12]) Генералъ-адъютантъ баронъ Ѳедоръ Клементьевичъ Гейсмаръ былъ въ то время командиромъ 1-го армейскаго корпуса.

Демидовъ [1]) возвысилъ цѣны въ Курскѣ, проживъ болѣе двухъ милліоновъ. Шоссе. Садъ, украшенный Демидовымъ. Послѣ рисованья у губернатора [2]). Поѣздка съ .... на выставку, въ домъ богоугодныхъ заведеній. Къ архіерею. Къ Семенову. ..... Къ губернскому предводителю. Архіерей Иліодоръ [3]). Губернскій предводитель Солнцевъ [4]). Стремоуховъ. Денисовъ, богатый помѣщикъ. Камеръ-юнкеры Хорватъ и Рѣдькинъ. Камеръ-юнкеръ Пузановъ. Замѣчательный человѣкъ астрономъ-самоучка Семеновъ [5]). (Широкова, Новицкій). Послѣ обѣда рисовалъ. Болѣзнь Кавелина [6]). Вечеръ въ саду, прекрасно иллюминованномъ. Потомъ балъ. Двѣ встрѣчи мои, одна въ саду, другая на дорогѣ, съ милыми дѣвицами.

22. Переѣздъ изъ Курска въ Харьковъ. Разговоръ дорогою съ Муравьевымъ. Обѣдня и завтракъ въ селѣ Медвенкѣ. Обоянь красивый городокъ. Начинаются вездѣ мазанки, бѣленыя известкою. Ограды окружены деревьями (и въ Курскѣ); между деревьевъ бѣлѣютъ избы. Живописная дорога отъ Обояни. Встрѣча съ институтками на станціи Кочетовкѣ. Яковлево село на горѣ; къ нему крутой спускъ. Курганы на переѣздѣ къ станціи Крестовской. Мѣловыя горы. Смѣна въ Ерикахъ. Подъ Липцами испортился экипажъ. Ночлегъ въ Липцахъ въ сильную грозу.

23. Переѣздъ изъ Харькова въ Полтаву. При подъѣздѣ къ Харькову великолѣпныя зданія предмѣстья: плетни, мазанки. Ужасная грязь. Одна улица мощеная. Зала собранія. Ярмарка. Университетъ. Соборъ. Малиновскій, Коновницынъ, Граве. Перемѣна N. Кавелинская метода. Валки, городъ изъ мазанокъ. Пріятная природа. Богатыя поля и рощи тополей. Хутора. Видъ на Полтаву изъ-за Ворсклы. Городъ въ саду. Вечеръ у Строгонова [7]). Дьяковъ [8]).

24. Переѣздъ изъ Полтавы въ Елизаветградъ. Рѣшетиловка. Омель-

---

[1]) Извѣстный своею благотворительностью и поощреніемъ наукъ и художествъ Павелъ Николаевичъ Демидовъ († 1840), бывшій въ 1831—34 гг. курскимъ губернаторомъ.

[2]) Курскимъ губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ).

[3]) Чистяковъ, скончавшійся въ 1861 году.

[4]) Курскимъ губернскимъ предводителемъ былъ д. с. с. Петръ Александровичъ Сонцовъ.

[5]) Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ (р. 1794 † 1860). О немъ см. въ „Курск. Губернск. Вѣдомостяхъ“ 1850 г., № 2, и 1851 г., №№ 20 и 47.

[6]) Генералъ-адъютанта А. А. Кавелина.

[7]) У графа Александра Григорьевича Строганова, черниговскаго, харьковскаго и полтавскаго генералъ-губернатора (впослѣдствіи бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ).

[8]) Быть можетъ, генералъ-адъютантъ Петръ Николаевичъ Дьяковъ, быв-

никъ. Переправа черезъ Псёлъ. Кременчугъ, чистый городъ, отчасти вымощенный; главная улица, много каменныхъ домовъ; большой гостиный рядъ. Все выкрашено бѣлымъ и дикимъ цвѣтомъ. Церковь на площади. Глубокій песокъ по улицамъ. Множество жидовъ. Длинный мостъ черезъ Днѣпръ. Городъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, здѣсь весьма широкаго. Малоро(с)сійцы, похожіе своею неповоротливостію на чухонъ; это русскіе чухны. За Днѣпромъ начинается степная природа. Сперва голыя, но волнистыя обработанныя поля. Слобода. Встрѣча съ Подолинскимъ [1]). Новая Прага. Военныя поселенія. Генералъ Василій Константиновичъ Панютинъ. Прожектъ измѣненія этаповъ и цѣней. Въ Елизаветградѣ ночевалъ у купца Телепнева.

25. Переѣздъ изъ Елизаветграда въ Вознесенскъ [2]). Рядъ военныхъ поселеній отъ Кременчуга. Пріѣхалъ въ шесть часовъ. Мерзкое помѣщеніе. Представленіе государю и императрицѣ. Весьма ласковый пріемъ. Визиты Воронцову [3]) и гр(афинѣ) Эделингъ [4]). Вечеръ у Витта [5]): Потоцкая, Ольга Нарышкина [6]), Артуръ Потоцкая [7]). Іоаннъ эрцгерцогъ [8]), Лихтенштейнъ, Виндишгрецъ [9]), Августъ Прусскій, Адальбертъ [10]), Лейхтенбергъ [11]), Бернгардъ Веймарскій [12]) съ сыномъ Фиккельмонъ [13]) и пр. и пр. Турецкій посланникъ [14]). Анатолій Демидовъ [15]) съ хвостомъ французовъ.

26. Вознесенскъ. У Воронцова. Смотръ. Разговоръ съ адъютантомъ

шій потомъ витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генералъ-губернаторомъ.

[1]) Поэтомъ Андреемъ Ивановичемъ Подолинскимъ (р. 1806 † 1886).

[2]) Гдѣ происходили тогда большіе маневры.

[3]) Графу Михаилу Семеновичу, въ то время новороссійскому генералъ-губернатору.

[4]) Графинѣ Роксандрѣ Скарлатовнѣ Эдлингъ (рожд. Стурдза).

[5]) Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ († 1840) былъ инспекторомъ всей поселенческой кавалеріи.

[6]) Ольга Станиславовна Нарышкина, рожд. графиня Потоцкая (мать которой въ первомъ бракѣ была замужемъ за отцомъ графа И. О. Витта).

[7]) Жена графа Артура Потоцкаго, рожд. графиня Браницкая (сестра графини Воронцовой).

[8]) Эрцгерцогъ Австрійскій.

[9]) Находившіеся въ свитѣ эрцгерцога Іоанна князь Лихтенштейнъ и фельдмаршалъ-лейтенантъ князь Виндишгрецъ.

[10]) Принцъ Прусскій.

[11]) Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.

[12]) Принцъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій съ сыномъ, принцемъ Вильгельмомъ.

[13]) Австрійскій посланникъ въ Россіи.

[14]) Муширъ-Ахметъ паша.

[15]) Анатолій Николаевичъ Демидовъ, о которомъ см. выше, стр. 222, прим. 5-е.

Августа. Александръ Петерсонъ [1]). Видъ съ павильона. Народная пѣсня. Выѣздъ въ шесть часовъ. Первая станція. Чуть не попалъ въ яму. Жидъ. Ночевалъ въ дурной гостиницѣ въ Вормсѣ. Магическіе пять рублей. Степь холмистая. Буяльскъ. Балки. Населенныя низменныя мѣста. Небѣленыя мазанки. Пріѣхалъ въ два часа въ Одессу. У Анны Петровны [2]) въ домикѣ близъ дома Воронцова. Ввечеру былъ въ театрѣ.

Пребываніе въ Одессѣ съ 27—31 августа.

27. Въ обѣдъ пріѣздъ. Осматривалъ городъ съ А(нною) Петр(овною) [3]). Титовъ [4]).

28. Прогулка по городу. Осмотръ дома гр(афа) Воронцова. Оранжереи. Медальный кабинетъ. Библіотека. Ванна. Портикъ передъ домомъ. Обѣдъ на хуторѣ Анны Петровны. Докторъ [5]), его милая жена и двѣ маленькія дочери. Ашанинъ, сынъ Дмитрія Ѳедоровича. Ввечеру въ театрѣ. Parisina Доницети [6]). Madame Pateri, Marini, Gratiani. У меня въ ложѣ Левшинъ [7]). Поутру Брозинъ.

29. Обозрѣніе карантина. Рисованье на пристани. У М-е Stourdza [8]). Обѣд(ал)ъ дома съ Баттеромъ, консуломъ испанскимъ. Послѣ обѣда прогулка на дачу Рено, гдѣ жила императрица [9]) и гдѣ живетъ Магницкій [10]). Садъ Colifichet. Мѣсто ваннъ. Утесы воротами. Мѣсто, гдѣ приставъ государь.

---

[1]) Александръ Петровичъ Петерсонъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Кирѣевскихъ.

[2]) Зонтагъ, рожденной Юшковой, извѣстной писательницы и племянницы Жуковскаго.

[3]) Зонтагъ.

[4]) Быть можетъ, Владиміръ Павловичъ Титовъ († 1893), бывшій тогда секретаремъ посольства въ Константинополѣ, впослѣдствіи тамъ посланникомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ молодости Титовъ занимался литературою и сотрудничалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“.

[5]) Для фамиліи доктора оставленъ пробѣлъ.

[6]) Parisina, опера итальянскаго композитора Доницетти.

[7]) Алексѣй Иракліевичъ (р. 1799†1879), одесскій градоначальникъ, основатель „Одесскаго Вѣстника“ и Одесской Публичной Библіотеки, бывшій впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[8]) У матери Александра Скарлатовича Стурдзы, рожденной княжны Мурузи.

[9]) Во время пребыванія въ Одессѣ въ 1828 году.

[10]) Извѣстный Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, послѣ своей отставки отъ должности попечителя Казанскаго учебнаго округа (въ 1825 г.) жившій въ Ревелѣ, а потомъ въ Одессѣ.

31. Обозрѣніе лицея [1]). Обозрѣніе института [2]) (Фитингофъ). Священникъ законоучитель [3]). Отецъ Порфирій законоучитель въ лицеѣ [4]). Обозрѣніе музеума и библіотеки. У Стурдзы въ домѣ. Обѣдалъ у Стурдзы на хуторѣ (M-e Sturdza, жена и дочь (Маша) [5]) Стурдзы, гр. Каподистрія, гордый докторъ, Анна Петровна). Послѣ обѣда Катакази [6]) и S.-Priest [7]). Въ театрѣ (Furioso [8]). Maria M-e Esestry). Писалъ письма. Покупки. Зала для балу. Левшинъ. Вилламовъ [9]). У Ивановской. У Раевскаго [10]). Отъѣздъ въ 7 часовъ.

31 августа. Выѣздъ изъ Одессы въ 7 часовъ послѣ обѣда. У насъ обѣдалъ Раевскій.

1 сентября. Въ 7 часовъ поутру пріѣздъ въ Николаевъ. Широкій Бугъ. На мѣстѣ переправы верфи. Садъ изъ тополей, вербъ и дубовъ, обнесенный бѣлою стѣною. Лошади на берегу, а станція за двѣ версты отъ берега.

Поѣздка въ Крымъ.

Выѣхали 31 въ $^1/_2$ 7 послѣ обѣда, отобѣдавъ съ Ник(олаемъ) Раевскимъ, который много говорилъ о Пушкинѣ. Онъ высланъ изъ Вознесенска.

1 сентября. Въ 7 часовъ утра въ Николаевѣ. Широкій Бугъ, на берегу коего деревня. На Бугѣ верфь. Вблизи обсерваторія, прекрас-

---

[1]) Ришельевскаго лицея.

[2]) Института благородныхъ дѣвицъ, директрисою котораго была вдова генералъ-маіора Екатерина Алексѣевна Фитингофъ.

[3]) Законоучителемъ института былъ священникъ Михаилъ Карповичъ Павловскій, впослѣдствіи профессоръ богословія въ Новороссійскомъ университетѣ.

[4]) Извѣстный ученый и путешественникъ по Востоку, архимандритъ Порфирій (Успенскій, р. 1804 † 1885), впослѣдствіи епископъ чигиринскій и членъ Московской синодальной конторы. Онъ былъ назначенъ законоучителемъ въ Ришельевскій музей въ 1831 году (см. епископъ Порфирій, Книга бытія моего, т. I, Спб. 1894, стр. VI).

[5]) А. С. Стурдза былъ женатъ на дочери знаменитаго нѣмецкаго врача и писателя Гуфеланда († 1836), Елизаветѣ; дочь Стурдзы Марія Александровна была замужемъ за княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ.

[6]) Вѣроятно, Гавріилъ Антоновичъ Катакази (см. о немъ выше, стр. 283, прим. 4-е), въ то время бывшій посланникомъ въ Аѳинахъ.

[7]) Вѣроятно, графъ Карлъ Францовичъ Сенъ-При (St-Priest) (р. 1782), одно время бывшій херсонскимъ губернаторомъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ Голицыной.

[8]) Il Furioso—опера Беллини.

[9]) Статсъ-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ († 1842).

[10]) Николая Николаевича (р. 1801 † 1843), друга Пушкина и сына героя войны 1812 года.

ное зданіе въ сторонѣ, окруженное лѣсомъ тополей и вербъ. Городъ красивый. Есть зданія довольно огромныя, всѣ прочія пріятной архитектуры. Останавливались пить кофе въ Николаевѣ. Прекрасный чистый городъ, до 40 тыся(чъ) жит(елей), считая 13 тысячъ войска. До 50 капиталовъ. Удачная постройка кораблей ..... , которая ст(оила) болѣе милліона. Бенкендорфъ сбавилъ 10 процентовъ; жидъ 90 тысячъ съ каждаго корабля; другой еще 30 тысячъ. Херсонъ посреди голой пустыни. У въѣзда множество мельницъ. Тюремный замокъ. Мерзкая гостиница на почтѣ. У жида. Памятникъ Потемкина. Объѣздъ города. Много жидовъ. Крыльцо на улицу. Главная улица Греческая; домъ губернатора, мишурный. Площадь дурная, но живописная. Переправа черезъ Ингулецъ близъ станціи Ингульской. Паденіе.

2. Перекопъ. Лунная ночь съ облаками. Французскіе путешественники. Перекопъ, большая площадь изъ мазанокъ. Груды арбузовъ. Огромныя телѣги скрыпящія, запряженныя волами, и при всѣхъ собаки. На обоихъ концахъ площади степь. Армянскій базаръ. Низкія мазанки. Домики формы восточной. Собаки. Вербл(ю)ды. Ровная степь. Подернутое небо. Дорога совершенною степью. Желтый цвѣтъ зелени. Арбузы. Мальчикъ, стекла и мухи. Вдова молодая хозяйка. Видъ горъ. Облака надъ ними. Холмы. Деревья. Арбы азіатскія. Верблюды. Видъ на горы. Прекрасное восхожденіе луны. Прибытіе въ Симферополь ввечеру. Яркость луны. Горы какъ дымъ. У Муромцева [1]), Казначеевъ [2]) и Арентъ [3]). Остановился въ домѣ Петрова.

3. Пребываніе въ Симферополѣ. День потерянный. Утромъ приготовленіе къ отъѣзду. Визитъ Казначееву, гдѣ нашелъ полковника Безнева (?) [4]), давшаго мнѣ карту. Завтракалъ у Муромцева, гдѣ явились Башмакова [5]) и потомъ Муравьевъ [6]). Въ самую минуту отъѣзда остановился за больною ногою и провелъ остатокъ дня дома. Это къ лучшему. Сильный вѣтеръ и дождь, и дорога была бы испорчена. У меня провели вечеръ Муравьевъ и Арендтъ.

4. Выѣздъ въ дождь. Въ Мамутъ-Султанѣ останавливался у Меметъ мурзы. Пилъ кофе. Ѣлъ пироги саурма берекъ. Курабье, пирожки изъ муки и меда. Каймакъ и кебанъ боритъ на сковородѣ (медъ, масло). Переѣздъ черезъ Таушанъ-Базаръ въ Алушту; великолѣпная долина

---

[1]) У таврическаго губернатора, д. с. с. Матвѣя Матвѣевича Муромцова.

[2]) Александръ Ивановичъ Казначеевъ (р. 1788†1880), бывшій (до 1837 г.) таврическій губернаторъ, впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) Лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ.

[4]) Фамилія написана неразборчиво.

[5]) Варвара Аркадьевна Башмакова, рожденная княжна Суворова (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 188).

[6]) Вѣроятно, Андрей Николаевичъ.

*

между высокихъ утесовъ, начина(я) отъ Тауш(анъ)-Базара идетъ вверхъ. На переломѣ ея колонна Александрова [1]), а ниже Кутузовскій источникъ [2]). Прекрасный видъ, испорченный дождемъ. Въ Алуштѣ встрѣча съ Кеппеномъ [3]). На минуту въ Орестовъ домъ. Оттуда по высокому берегу въ Біюкъ-Ламбатъ. Сильный дождь. Видъ на Кастель. Алустонъ. Чудная дорога отъ Біюкъ-Ламбата. Темною ночью по крутизнѣ спускъ къ Карабагу. Поэтическій милый домикъ не на самомъ живописномъ мѣстѣ. Гротенъ. Дурная ночь. Простуда.

5. Пребываніе въ Карабагѣ. Цѣлый день дождь и поперемѣнно сильный вѣтеръ. Обходъ виноградника. До 170 сортовъ. Лучшій—віолетовый мускатъ. Кипарисъ. Фиговое, миндальное, орѣховое, каштановое деревья; лавръ; крупная рябина. Крымскихъ татаръ до 140.000; остальные русскіе, колонисты, греки, караимы. Татары степные чистые, татары горные смѣсь, ногайскіе татары въ Мелитопольскомъ уѣздѣ чрезвычайные разбойники. Русскіе по границамъ, въ центрѣ колонисты и менониты, молокане и духоборцы. Послѣ обѣда прогулка къ Кучукъ-Ламбату. Гора Кастель впереди. Хаосъ камней. Въ морѣ утесъ, имѣющій видъ церкви, и предъ нимъ монахъ. Преданіе о освященіи дома развратнаго владѣльца, коему монахи монастыря на Аюдагѣ отказали; одинъ монахъ согласился, замокъ разрушился, а монахъ въ камень. Владѣніе Бороздина, Андрея Михайловича [4]), въ Кучукъ-Ламбадѣ. Ввечеру луна. Потомъ сильная буря и дождь.

6. Переѣздъ изъ Карабага въ Никиту. Поутру рисовалъ. Въ девять часовъ отправились верхомъ черезъ Біюкъ-Ламбатъ въ Партенитъ. Татарская хижина въ Біюкъ-Ламбатѣ. Въ гостиной дивныя полотенцы. На очагѣ казанокъ, на полу пшено, въ альковѣ рябина. Женская часть. Хаосъ корзинъ, тряпья, жестяныхъ кувшиновъ, алькоранъ. Плоская кровля и трубы. Видъ на Кастель. Видъ на Партенитъ. Домъ муллы. Орѣховое дерево принца де Линя [5]). Его описаніе невѣрное. Переѣздъ

---

[1]) Въ память путешествія по Крыму императора Александра I въ 1824 году.

[2]) Сооруженный при князѣ М. С. Воронцовѣ, служившемъ въ молодости подъ начальствомъ Кутузова. Близъ мѣста, гдѣ сооруженъ фонтанъ, Кутузовъ въ 1774 г. былъ раненъ въ глазъ въ сраженіи противъ турокъ.

[3]) Съ академикомъ Петромъ Ивановичемъ Кеппеномъ († въ Карабагѣ въ 1864 году), съ 1829 г. жившимъ въ Крыму, гдѣ онъ былъ помощникомъ главнаго инспектора шелководства Стевена и изучалъ положеніе винодѣлія на югѣ Россіи и мѣстныя древности.

[4]) Сенатора и генералъ-лейтенанта († 1838), старожила Крыма (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 187).

[5]) Извѣстнаго австрійскаго посланника при Екатеринѣ II, сопровождавшаго ее въ ея путешествіи по Южной Россіи и получившаго имѣніе въ Крыму.

черезъ хребетъ Аюдагъ въ Артекъ. Видъ залива. Церковь. Въ экипажѣ до спуска. Спускъ темною ночью въ Никиту. Чудная дорога памятникъ Воронцову. Потемкина[1]) и ея тенденція къ прозелитизму. Гартвисъ[2]) и его жена, урожденная Розенъ изъ Дерпта.

7. Переѣздъ изъ Никиты въ Алупку. Поутру рисовалъ. Осматривалъ съ Гартвисомъ Никитскій садъ, учрежденный для обогащенія плодами жителей Крыма Ришелье, усовершенствованный Румянцевымъ и Стивенъ)[3]) (такіе же сады въ Пензѣ, Полтавѣ, Екатеринославлѣ). Корковый дубъ. Лавровая роща. Всѣ прелести лучшихъ климатовъ на воздухѣ. У Мюл(ь)гаузена[4]) въ Магарачѣ (Паузилиппо). Онъ зналъ и лечилъ Батюшкова въ первыя минуты сумасшествія[5]). Изъ Магарача черезъ Ялту и Оріанду. Царская Оріанда. (Сходъ къ морю и скаламъ. Взъѣздъ на высоту скалы, гдѣ былъ замокъ. Черепица. Стѣнка старая). Изъ Магарача въ Марзанду[6]). Церковь. Домики. Потомъ мимо дома Исленьева[7]) въ Ялту. Прекрасная долина. Молъ. Церковь. Таможня. Ауткинскій водопадъ. Оріанда: Царская, Дибичева, графа Витта. Перемѣна лошадей въ Мисхорѣ, пріѣхалъ темною ночью. Трактиръ. Семенъ Тимофѣевичъ Ягницкій[8]).

8. Пребываніе въ Алупкѣ. Поутру съ адъютантомъ гр(афа) Воронцова гуляли по саду. Верхній садъ весь изъ равняемыхъ скалъ, между коими чудныя растенія. Водопады. Аллеи. Пещеры. Нѣтъ далекихъ видовъ. Домъ изъ тесанаго гринштейна. Непонятно, какъ можно кончить къ пріѣзду императора. Поѣздка въ Гаспру черезъ Мисхоръ и Коренсъ. Мисхоръ. Прекрасная долина. Лавровая роща. Худая церковь. Домъ: Цанъ[9]) и куклы. Домъ Голицына[10]). Видъ на Симеисъ и

---

[1]) Татьяна Борисовна (рожденная княжна Голицына) извѣстная своимъ религіознымъ направленіемъ (ср. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 187).

[2]) Николаемъ Андреевичемъ Гартвисомъ, по иниціативѣ князя М. С. Воронцова, было устроено въ 1828 г. при Никитскомъ садѣ Магарачское училище винодѣлія. Н. А. Гартвисъ былъ потомъ директоромъ Никитскаго сада

[3]) Христіанъ Христіановичъ Стевенъ (р. 1781 † 1863), ботаникъ, былъ директоромъ Никитскаго сада.

[4]) У доктора Ѳедора Карловича Мюльгаузена.

[5]) См. Л. Майковъ, „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“, Спб. 1887 г., стр. 299, 320—323 и 325—327.

[6]) Описка, вмѣсто: Массандру.

[7]) Бывшаго одесскаго, а потомъ петербургскаго откупщика (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 190).

[8]) Адъютантъ князя М. С. Воронцова.

[9]) См. выше, стр. 279, прим. 4-е.

[10]) Извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына.

Ай-Петри. Дождь. Рисованье. Хор(о)шая уборка дру(гихъ) горницъ безъ индивидуальности. Гостиная съ гербами. Рыцарскіе шлемы. Обѣдалъ у Голицыной [1]). М-е Hartvis [2]). Возвращеніе съ нею въ Алупку. Отдалъ карту наканунѣ Орлаю [3]) для пересылки въ Симферополь Аполлосу Агаѳоновичу Безневу (?) [4]).

9, четвергъ. Переѣздъ изъ Алупки въ Бахчисарай. Выѣздъ въ 9 часовъ. Взъѣздъ въ виду Алупки. Ай-Петри. Сосновый и дубовый лѣсъ. Просвѣтъ на Симеисъ и Кикинеисъ. Взъѣздъ по крутизнѣ. Ошибка проводника. Утесъ и два вида совершенно противоположныхъ. Переѣздъ черезъ пажити, гдѣ холодъ и зима. Встрѣча съ Орловымъ [5]) и Гогенлоге. Спустились по зиг(з)агу. Конечный утесъ. Виды доро(гой) въ блескѣ воды. Мѣсто для отдыха. Рѣка, напоминающая Лучину [6]). Прелестныя мѣста съ просвѣтами на рѣку и утесы при яркомъ освѣщеніи. Видъ на долину, вверху утесы надъ рощами и рѣчкою. Видъ на долину внизъ. Обѣдъ у Меметъ мурзы; его сыновья Селаметъ Газанъ и Шеханъ Бей. Обѣдъ изъ: шорбы (супъ), бекъ балыкъ (форель), пилавы и сармы. Рисованье. Мулла. Хозяинъ извощикъ. Путешествіе въ темнотѣ до Бахчисарая. Скрыпъ арбы. Вершинка. Тихая ѣзда. Долина. Тополи и утесы. Равнина. Мѣсяцъ. Бахчисарай. Путешествіе пѣшкомъ. Городничій. Дворецъ. Осмотръ горницъ ночью. Дворъ. Пушкин(а) фонтанъ.

10, пятница. Поѣздка въ Чуфутъ-Калѐ. У меня Булгаковъ [7]), городничій, предводитель и адъютантъ графа В(оронцова). Осмотръ дворца. Ворота. Чоходары. Янычары. Куфическій камень. Диванъ. Кровавое мщеніе. Поправка дворца. Фонтанъ Пушки(на). Поливка. Длинный городъ. Утесы. Жилища бѣдныхъ и цыганъ. Закуре(н)ныя впадины. Рядъ лавокъ. Табакъ. Сады. Медрезѐ и памятникъ Менгли Гирея. Монаст(ырь) Успенск(ій). Маленькій храмъ на двухъ колоннахъ. Не монастырь, а церковь. Сторожъ съ же(но)ю и церковный причетъ. Служба въ нѣкоторые только дни. Прожекты съ 1811. Чуфутъ-Калѐ. Проводникъ караимъ. Переѣздъ черезъ рѣчку. Проѣздъ черезъ Іосафатову долину подъ Чуфутъ-Калѐ. Роща дубовая, замощеная гробами. Переѣздъ къ Тебе-Керменъ. Видъ отъ Чатырдага до Севастопольскаго рейда. Пере-

---

[1]) У княгини Анны Сергѣевны Голицыной, владѣнія которой находились по сосѣдству съ Гаспрою (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 203).

[2]) См. выше, стр. 357, прим. 2-е.

[3]) Адъютанту князя М. С. Воронцова, Александру Ивановичу Орлаю.

[4]) См. выше, стр. 355.

[5]) Генералъ-адъютантомъ графомъ (впослѣдствіи княземъ) Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.

[6]) Рѣку въ Швейцаріи, отличающуюся своею бурною стремительностью.

[7]) Меметъ бей Булгаковъ, владѣлецъ деревни Коккоза (см. „Русскій Инвалидъ“ 1837 г., № 281).

ѣздъ государевъ. Возвращеніе черезъ Чуфутъ-Калѐ. Видъ города. Живописность. Лица. Синагога и пальба. Памятникъ дочери Тохтамыша [1])? Окрестности. Гробница съ прекрасно сдѣланною надписью. Сводъ подъ нею. Прахъ встревоженъ. Завтракъ у караима. Пирогъ и варенье. Ворота. Сонъ до обѣда. Послѣ обѣда рисованье. Осмотръ харема, мечети и гробницъ ханскихъ..... Планъ Бахчисарая.

11, суббота. Сбирался ѣхать въ Каралесъ, но замедлили лошадями, и рѣшился остаться. Пріѣздъ Воронцова и Муромцева [2]). Прекрасный видъ собравшагося народа. Караимы въ бѣлыхъ чалмахъ. Сима Бобовичъ [3]), красн(ый) кам(золъ), зеленое бархатное нижнее платье. Горы, увѣнченныя народомъ. Татарки въ бѣлыхъ саванахъ. Пріѣздъ императрицы. К(нязь) Долгоруковъ [4]). Картиннѣе на царскосельскихъ линіяхъ. Освѣщенн(ые) мечети, дворы, горы. Гаремъ. Явленіе караимскихъ женщинъ и ихъ костюмъ. Марья Николаевна [5]) въ татарскомъ костюмѣ. Дервиши [6]) въ мечети. Поклоны. Лай. Круженіе. Молитва. Музыка изъ тамбуриновъ и скрипокъ и пѣсни. Чтеніе Бахчисарайскаго Фонтана.

12, воскресенье. Утромъ разговоръ съ гр(афомъ) Воронцовымъ. Рисунки у императрицы и прерванный разговоръ. Отъѣздъ въ дож(д)ь съ Адель-беемъ [7]) до Каралеса. Разорванные утесы и волдыри утесовъ. Татарская гостепріимность. Честность безъ всякаго доброжелательства. Каралесская долина. Грязь. Встрѣча съ Гаммерш(тейномъ) [8]) и Сиверсомъ. Пріѣздъ поздно въ Севастополь. Переѣздъ въ катерѣ на мокрыхъ шинеляхъ. Остановился въ комнатахъ Барановой [9]).

13, понедѣльникъ. Поутру съ архитекторомъ ходилъ по городу. Видъ

---

[1]) Памятникъ надъ гробницею Ненекеджанъ-ханымъ, дочери Тохтамышъ-хана, скончавшейся въ 1437 году.

[2]) См. выше, стр. 355, прим. 1-е.

[3]) Сима Бобовичъ († 1855), уроженецъ Евпаторіи, былъ караимскимъ хахамомъ (главнымъ духовнымъ лицомъ). О немъ см. В. Д. Смирновъ, „Грамота султана Османа II-го семейству іудейки Киры“, Спб. 1895, стр. 37—38, а также Архивъ князя Воронцова, т. 39, стр. 268.

[4]) Оберъ-шталмейстеръ князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 178 и 184).

[5]) Великая княжна Марія Николаевна.

[6]) Вертящіеся дервиши.

[7]) Съ мѣстнымъ помѣщикомъ княземъ Адиль беемъ Балатуковымъ (см. „Русскій Инвалидъ“ 1837 г., № 281).

[8]) Австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ, находившійся въ свитѣ эрцгерцога Іоанна.

[9]) Юліи Ѳеодоровны (впослѣдствіи графини), воспитательницы великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевенъ. Она находилась въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царскую семью въ Крымъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 178).

съ башни телеграфа. На башнѣ адмиральтейской. Рисовалъ бухту. Потомъ въ монастырь св. Георгія. Дорога пустынная. Излишняя колокольня; митрополитъ [1]) гостепріимный. Возвратился въ 7 часовъ, поѣхавъ въ двѣнадцать. Нашелъ Константина Ивановича [2]).

14. Переѣздъ въ Байдары. Осмотръ дока. Четыре шлюза. Установка корабля... Отъѣздъ въ 5 часовъ. Мерзкая коляска. Длинная дорога и грязь. Пустыня. Лагерь на ровномъ мѣстѣ. Синія горы отъ Чатырдага до Балаклавы. Мѣсто, откуда видъ на синія вершины и на Севастополь. Дорога все въ гору. Проѣздъ сквозь ворота. Спускъ. Видъ на Кадикой. Амфитеатръ, надъ кот(орымъ) мысъ Айя. Балаклава. Между горъ голыхъ тихой заливъ. Имя великаго князя даетъ квартиру. Кочубей [3]). Его ..... жена. Рисованье въ домѣ. Плаваніе до дверей залива. Грозное дыханіе моря. Въ нижней башнѣ. Балки, вода, трубы, надписи. Обѣдъ. Устрицы, плацинда. Дорога плохая. Долины внизъ открытыя. Облачное небо. Свѣтъ и тѣнь. Мускона [4]). Варнутка. Чудесный видъ Байдарской долины при вечернемъ освѣщеніи. Яркій общій свѣтъ. Свѣтъ красный сквозь облака. Пункты яхонтовые на багряной зелени. Фіолетовыя горы на зеленомъ полѣ. Деревья. Чалмы. То же, что глетчеры въ высотѣ. Бѣдность деревни.

15, середа. Переѣздъ изъ Байдаръ въ Алупку. Туманъ. Его разныя фазы. Выѣздъ въ ½ 8. Солнце. Взглядъ на Байдары сверху. Лѣсъ. Игра лучей въ лѣсу. Разнообразіе деревьевъ, форма стволовъ, мелколиств(енный) дубъ—малой ростъ. Кустарникъ и камни. Густой лѣсъ до Мердвена. Видъ въ прорѣзы. Завтракъ. Спускъ по лѣстницѣ (палка). Змѣя между разрушенія. Спуски и взъѣзды. Проѣздъ принцевъ [5]), пока рисовалъ. Встрѣча на тропѣ. Встрѣча съ татариномъ и его женою. Мухалатка. Имѣнье полковника Бюрно. Имѣнье Демидова. Мимо его воротъ. Кикинеисъ; живописныя хижины, мельницы, кровли, дѣти, прекрасные огороды, женщины. Сила. Примѣры. (Сила. Ея характеръ. Одна воля. Онъ. Нижній. Севастополь. Крымъ. Грузія. Кавказъ. Встрѣча съ нимъ на дорогѣ. Видъ на него съ башни въ Севастополѣ. Громъ пушекъ). Спускъ къ скалѣ Дива. Айменъ. Симеисъ. Взглядъ на Яйлу и Ай-Тодоръ. Скала Айя (?). Видъ на Алупку. Кепенъ. Въ трактирѣ. Болѣзнь отъ винограда.

---

[1]) Жившій въ Георгіевскомъ монастырѣ старый греческій митрополитъ Агаѳангелъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 183).

[2]) Арсеньева.

[3]) Князь Левъ Викторовичъ, сынъ канцлера князя Виктора Павловича.

[4]) Т. е. Мускомья.

[5]) Иностранныхъ принцевъ, присутствовавшихъ на маневрахъ въ Вознесенскѣ и затѣмъ поѣхавшихъ въ Крымъ.

16. Пребываніе въ Алупкѣ. Рисовалъ съ кровли. Свид(аніе) съ в(еликою) княгинею [1]).

17. Пребываніе въ Алупкѣ. Раевскій [2]).

18. Пребыв(аніе) въ Алупкѣ. Воронцовъ. Фикельмонъ [3]). Раевскіе. Прибытіе государя. Эрцгерцогъ Іоаннъ, принцъ Лихтенштейнъ [4]). Раевскій и обѣдъ въ палаткѣ. Потоцкая и Виттъ [5]). Иллюминація. Мои рисунки.

19, воскресенье. У обѣдни въ Хореисѣ. Въ Гаспрѣ, потомъ въ Мисхорѣ у Толстой и Нарышкиныхъ [6]). Обѣдъ въ домѣ подлѣ Тизенгаузенъ [7]). Отъѣздъ государя и великаго князя. Вечеръ у Воронцова. У меня Раевскій.

20. Пріѣздъ Зонтага [8]). Прогулка вмѣстѣ съ гр(афинею) Воронцовой [9]). Обѣдъ въ большомъ домѣ. У меня Зонтагъ и Голицынъ. За обѣдомъ подлѣ гр(афини) Шуазель [10]). Вечеръ у великой княгини [11]) съ гр(афомъ) Виттомъ.

21, вторникъ. Переѣздъ изъ Алупки въ Оріанду. У императрицы съ Воронцовымъ. Просьба, принятая сухо. Бобовичъ [12]). Фовицкій [13]) у меня съ Кеппеномъ. Отъѣздъ черезъ Мисхоръ. Встрѣча съ Потоцкою. Холодъ. Рисованье въ Хореисѣ. Посѣщеніе Мещерскаго [14]). У него

---

[1]) Съ великою княгинею Еленою Павловною, также прибывшею въ Крымъ.

[2]) См. выше, стр. 354, прим. 10-е.

[3]) См. выше, стр. 352, прим. 13-е.

[4]) См. выше, стр. 352, прим. 9-е.

[5]) См. выше, стр. 352, прим. 5-е.

[6]) У Льва Александровича Нарышкина и его жены Ольги Станиславовны, рожд. графини Потоцкой (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 204).

[7]) Около фрейлины графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ, находившейся въ свитѣ императрицы (см. тамъ же, стр. 178).

[8]) Мужа племянницы Жуковскаго, Анны Петровны Зонтагъ.

[9]) Женою графа М. С. Воронцова, графинею Елизаветою Ксаверіевною, рожд. графинею Браницкою.

[10]) Графиня Варвара Григорьевна Шуазель была дочь князя Григорія Сергѣевича Голицына, двоюроднаго брата графини Е. К. Воронцовой (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 187).

[11]) У великой княгини Елены Павловны.

[12]) См. выше, стр. 359, прим. 3-е.

[13]) Иванъ Михайловичъ Фовицкій (о которомъ см. выше, стр. 209, прим. 1-е). Онъ жилъ въ Крыму и въ сороковыхъ годахъ (см. „Русскій Архивъ“ 1884 года, книга третья, стр. 118).

[14]) Князя Сергѣя Ивановича Мещерскаго, свиты его величества генералъ-маіора (см. „Русскій Архивъ“ 1884 г., книга вторая, стр. 202).

Нессельродъ [1]). «Mon comte, vous êtes en Crimée comme si vous assistiez à un congrès» [2]). Бруно. Пріѣздъ ночью въ Оріанду. Scène galante interrompue [3]). Фикельмонъ. Интересный разговоръ о политикѣ, Пушкинѣ, драммѣ, романахъ, В(альтеръ) Скоттѣ, Шатобріанѣ, Тургеневѣ, исторіи.

22, середа. Рисовалъ на балконѣ. Прогулка съ Виттомъ. Завтракъ съ Потоцкою. Прощаніе. Повтореніе вчерашней сцены. Поѣздка къ водопаду черезъ Аутку. Ялта. Домъ Исленьева [4]). Планъ. Съ Зонтагомъ въ Массандру.

23, четвергъ. Рисовалъ. Разставанье съ Зонтагомъ. Въ Никитѣ на лошадяхъ. Спускъ къ Ай-Данилю. Давка вина. Выжимка. Погребъ. Стокъ вина. Броженіе. Труба въ воду. Изъ Ай-Даниля въ Юрзуфъ. Переѣздъ къ Аюдагу. Отсюда одинъ въ Артекъ. Патигъ. Голицына. Пріятный вечеръ и хорошій ночлегъ. Вечеръ съ Гагаринымъ.

24, пятница. Поутру въ садъ съ Патигомъ. Обвалъ. Переѣздъ черезъ Партенитъ въ Куч(укъ)-Лампадъ. Худая лошадь. Андр(ей) М(ихайловичъ) Бороздинъ [5]); его жена и дочь (Гагарина),—русскій безпорядочный домъ. Переѣздъ въ Карабагъ, оттуда въ Б(юкъ)-Лампадъ. Конецъ верховому странствію. Паденіе лошади. Скала могилъ и церковь. Переѣздъ ночью въ Алушту при лунномъ и звѣздномъ сіяніи.

25, суббота. Пребываніе въ Алуштѣ и переѣздъ въ Симферополь.

26. Неудачная поѣздка въ Карасубазаръ.

27. Пребываніе въ Симферополѣ. Обозрѣніе города. Базаръ. Цыганы. Виды. Обѣдъ у Муромцева. Визиты. Муравьевъ.

28. Поѣздка въ Саблы. Пр(іѣздъ) великаго кня(зя). Садовникъ Черновъ. Фанъ.

29. Выѣздъ. Переѣздъ въ Перекопъ. Завтракъ въ Трехабламачѣ. Вечеръ съ Спасскимъ [6]), который показывалъ свои сибирскіе и крымскіе рисунки. Встрѣча съ Потоцкимъ.

30. Переѣздъ въ Ново-Воронцовку. Болѣзнь Арсеньева. Осмотръ остатковъ укрѣпленій перекопскихъ. Валы. Ровъ. Остатокъ по берегу Сиваша. Пересыхающій Сивашъ. Бѣдный городишка. Перекопъ. Постой народное бѣдствіе. Артиллерійскій лагерь въ 4 верстахъ. Обѣдъ въ

---

[1]) Канцлеръ графъ К. В. Нессельродъ.

[2]) Т. е. Вы, графъ, въ Крыму точно на конгрессѣ.

[3]) Т. е. Прерванная любезная сцена.

[4]) См. выше, стр. 357, прим. 7-е.

[5]) См. выше, стр. 356, прим. 4-е. А. М. Бороздинъ былъ женатъ на Софьѣ Ивановнѣ Давыдовой. Ихъ дочь, Марья Андреевна, была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ.

[6]) Григоріемъ Ивановичемъ Спасскимъ († 1864), археологомъ.

Каховкѣ. Берцславль, городокъ на Днѣпрѣ. Въ Н(ово)-Воронцовкѣ ночлегъ. Ужинъ въ трактирѣ. Обѣдня въ Никополѣ.

1 (октября). Переѣздъ въ Екатеринославль. Пріѣхали поздно. Ностицъ[1]). Инзовъ[2]). Губернаторъ Пеутлингъ[3]). Губ(ернскій) предводитель Гарсевановъ[4]). Вѣсть о Родзянкѣ[5]). Спалъ въ домѣ уѣзднаго предводителя Василія Павл(овича) Невѣровскаго; жена его Настасья Ивановна, бывшая Дараганъ, институтка. Болѣзнь моя и Арсеньева.

2. Пребываніе въ Екатеринославлѣ. Ничего не видѣли, кромѣ своей горницы. Передъ домомъ широкая улица, какъ степь. Противъ оконъ домъ губернатора. У меня былъ ввечеру Подолинскій[6]), который читалъ мнѣ скучную поэму: Смерть Пери[7]). Скучную отъ чрезвычайной роскоши описаній, кои все главное поглотили.

3. Переѣздъ въ Кременчугъ. Читалъ Патерикъ[8]). Обѣдали въ Верхнеднѣпровскѣ. Ночевали въ Кременчугѣ. Торговля лѣсная. Длинный мостъ черезъ Днѣпръ. Ночевали у тульскаго купца Кожевникова. Черта русскаго человѣка: ура на улицѣ, плутовать въ горницѣ. Смушки и тулупы.

4. Переѣздъ въ Пирятинъ. До Хороля дождь.... Близъ станціи Семеновки Родзянка[9]). Хороль ничтожный городишка. Лубны, незначущій городокъ съ прекрасною физіономіею. Прелестныя окрестности, гора крутая въ городѣ. Историческаго много. Здѣсь взятъ Наливайко[10]) поляками. Родзянка и ея романъ[11]). Пирятинъ худшій изъ видѣнныхъ городковъ. Комнатка съ лягушками.

5. Переѣздъ въ Кіевъ. Холодъ и солнце. Встрѣча на станціи Смотрики съ генералъ-м(аіоромъ) Ирецкимъ и его женою. Кофе въ Яготинѣ, гдѣ будемъ обѣдать. Переяславль. Равнина. Церковь и евангеліе

---

[1]) Генералъ-адъютантъ графъ Григорій Ивановичъ Ностицъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 208).

[2]) Генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Никитичъ Инзовъ († 1845).

[3]) Д. с. с. Андрей Александровичъ Пеутлингъ.

[4]) Борисъ Егоровичъ Герсевановъ.

[5]) Быть можетъ, о поэтѣ Андреѣ Гавриловичѣ Родзянкѣ.

[6]) См. выше, стр. 352, прим. 1-е.

[7]) Была издана въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1837 году.

[8]) По свидѣтельству Н. П. Барсукова („Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга пятая, стр. 8) Погодинъ при своихъ свиданіяхъ въ Москвѣ съ Жуковскимъ въ 1837 г. убѣждалъ его приняться за переложеніе Кіево-Печерскаго Патерика.

[9]) См. выше, прим. 5-е.

[10]) Гетманъ малороссійскій.

[11]) Въ записной книжкѣ, содержащей въ себѣ дневникъ Жуковскаго за время пребыванія его въ Одессѣ, находится (на л. 10) такая памятная замѣтка: „Вѣра Гавриловна Родзянка. Лубны, Полтавской губ.“.

Мазепы. Церковь Мировича [1]). Остатки древняго вала и могилъ. Поѣздка на Альту. Часовня надъ каменнымъ крестомъ на мѣстѣ крови [2]). Альта, исчезающая въ камышахъ. Слѣдъ вала. (Вблизи усадьбы Кацевича [3]) и предводителя Иваненки [4]), съ коимъ я ѣздилъ). За обѣдомъ опять грубость Кавелина. Переѣздъ отъ Переяславля до Кіева. Бривары. Отсюда до Кіева шоссе. 4 версты песковъ. Мучительно длинный мостъ, и Кіевъ иллюминованный. Длинный взъѣздъ. Въ Печерской лаврѣ. Чудесная архитектура воротъ и церкви. Гробы Владиміра и Ѳеодосія и Михаила. Икона чудотворная. Колокольня. Чудное освѣщеніе луны. Во дворецъ. Свиданіе съ Гурьевымъ [5]). Мнѣ квартира въ домѣ Лопухина. У меня Уваровъ [6]) и Васильчиковъ [7]). Записка Максимовича [8]). У меня сужденія Уварова о здѣшнемъ университетѣ.

6. Пребываніе въ Кіевѣ. У меня Максимовичъ (Михаилъ Александр(овичъ). Съ нимъ къ Андрею Первозванному. Церковь Растрелли [9]). Внутренность совершенно церковь Зимняго дворца. Пѣшкомъ по берегу до Михайловскаго монастыря, гдѣ Иннокентій [10]). Чертово Беремище. Боричевъ взвозъ. Измѣненіе видовъ. Церковь Михаила [11]). Мощи Варвары мученицы. Старый гробъ и новая рака. Образъ мученицы съ укра-

---

[1]) Переяславскій полковникъ Иванъ Мировичъ († 1706).

[2]) На мѣстѣ убіенія св. страстотерпца князя Бориса.

[3]) Генерала Петра Михайловича Кацевича († 1840), бывшаго генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а потомъ командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

[4]) Переяславскаго уѣзднаго предводителя дворянства Николая Александровича Иваненка.

[5]) Съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-лейтенантомъ графомъ Александромъ Дмитріевичемъ Гурьевымъ (впослѣдствіи дѣйств. тайн. совѣтникомъ и предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта).

[6]) Министръ народнаго просвѣщенія (впослѣдствіи графъ) Сергѣй Семеновичъ Уваровъ.

[7]) Генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта, графъ (впослѣдствіи князь и предсѣдатель этого Совѣта) Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

[8]) Михаила Александровича (р. 1804†1873), извѣстнаго ученаго, профессора университета св. Владиміра; съ Максимовичемъ Жуковскій былъ знакомъ ранѣе (см. выше, стр. 217, прим. 4-е).

[9]) Церковь св. апостола Андрея Первозваннаго построена извѣстнымъ архитекторомъ графомъ Франц омъ Растрелли († 1777); имъ же былъ построенъ и Зимній дворецъ въ Петербургѣ.

[10]) Знаменитый проповѣдникъ Иннокентій (Борисовъ), впослѣдствіи архіепископъ херсонскій, въ то время архимандритъ и ректоръ Кіевской духовной академіи.

[11]) Св. архистратига Михаила.

шеніемъ чрезв(ычайнымъ). Образъ Михаила Архангела Александра I, присл(анный) изъ Парижа. Гробъ Святополка [1]) и его жены, привезшихъ съ собою мощи с(вятой) Варвары. Видъ съ балкона Иннокентія. Его кабинетъ. Св. Софія. Новая Десятинная церковь. Анненковъ[2]). Лохвицкій[3]). Соф(ійскія) ворота. Софійскій соборъ. Гробъ Ярослава. Чудная мозаика. Самый большой поперечникъ. Церковь Георгія перестроенная, и фундаментъ церкви Ирины. Остатки Золотыхъ воротъ. Оттуда видъ на университетъ. Обиженный старый Кіевъ Левашовымъ [4]). Лишки уступили мѣсто улицамъ. Къ Иннокентію. Съ нимъ на Подолъ. Обозрѣніе церкви Братскаго монастыря, построенной Мазепою. Славная Духовная академія, построенная Петромъ Могилою и Мазепою. Домъ контрактовый. Гостиный дворъ. Женскій и мужской монастырь. Видъ на старый Кіевъ. Къ Крещатику. Памятникъ Владиміру. Крестъ на столбу, весьма плохой; деревянныя доски съ подпорою. Весьма засл(уживаетъ) порицанія. Домой. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Тышкевичъ[5]). Кудашевъ. Барятинскій. Потоцкій. Браницкій. Олизаръ [6]). Илинскій. Филаретъ [7]). Иннокентій. Апраксинъ. Ротъ. Ридигеръ [8])..... Фридрихсъ. Уваровъ. Васильчиковъ. Балъ у Гурьева. Хозяйка [9]), жена Ридигера [10]), Швейковская...., гр(афиня) Илинская...

7. Пребываніе въ Кіевѣ. Поутру въ садъ. Видъ отъ Крещатика. Историческія воды. Подготовленія къ иллюминаціи и феерверку. Въ гимназіи. Задачи. Въ университетѣ: лекціи Новицкаго [11]) и Неволина [12]).

---

[1]) Великаго князя кіевскаго Святополка-Михаила († 1113).

[2]) Александръ Семеновичъ Анненковъ, отставной поручикъ, помѣщикъ Орловской и Курской губерній, возобновившій на свои средства Десятинную церковь въ Кіевѣ (см. Н. Закревскій, Описаніе Кіева, Москва. 1868, стр. 285—296).

[3]) Кодратъ Андреевичъ Лохвицкій, чиновникъ 5-го класса, производившій раскопки при возобновленіи Десятинной церкви въ Кіевѣ (см. тамъ же, стр. 286).

[4]) Бывшимъ въ 1833—1836 гг. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ (впослѣдствіи предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта) графомъ Василіемъ Васильевичемъ Левашовымъ († 1848).

[5]) Кіевскій губернскій предводитель дворянства графъ Германъ Юрьевичъ Тышкевичъ.

[6]) Кіевскій совѣстный судья графъ Густавъ Филлиповичъ Олизаръ.

[7]) Филаретъ (Амфитеатровъ), митрополитъ кіевскій († 1857).

[8]) Командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-отъ-кавалеріи (съ 1847 г. графъ) Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ.

[9]) Графъ А. Д. Гурьевъ былъ женатъ на графинѣ Евдокіи Петровнѣ Толстой.

[10]) Жена Ѳ. В. Ридигера, Луиза Карловна, рожд. Фиркъ.

[11]) Ореста Марковича, профессора философіи.

[12]) Извѣстнаго юриста, Константина Алексѣевича Неволина, бывшаго въ то время ректоромъ университета.

Въ Печерскъ. Аскольдова могила. Николаевскій монастырь. Печерскій соборъ. Рисовалъ. У митрополита. Обозрѣніе сада. Видъ съ балкона. Рисов(алъ) у Андрея[1]) и Золотыхъ воротъ. Къ Васильчикову. Голицына. Обѣдъ у великаго князя. Обозрѣніе пещеръ съ Досиѳеемъ и Иннокентіемъ. У митрополита съ великимъ княземъ. Долгій и значительн(ый) разговоръ съ гра(фомъ) Гурьевымъ.

8. Переѣздъ изъ Кіева въ Пирятинъ. Поутру обѣдня подъ землею. Осматривалъ церковь лавры и рисовалъ за Днѣпромъ. Обѣдали въ Яготинѣ. Кочубей. Деревянные домы.

9. Переѣздъ въ Полтаву. Обѣдъ въ Бѣлоцерковкѣ. Пріѣздъ поздній въ Полтаву. Квартира хорошая въ казенномъ домѣ. Камеръ-юнкеръ Бѣлуха[2]), зять Дьякова[3]). Ольшевскій, жандармскій полковникъ.

10. Пребываніе въ Полтавѣ. Представленіе. Губ(ернскій) предводитель Капнистъ, Ив(анъ) Вас(ильевичъ)[4]). Губернаторъ Могилевскій[5]). Директоръ гимн(азіи) кн(язь) Церетелевъ[6]). Дьяковъ. Аркадій Родзянка[7]). Къ обѣднѣ. Церковь Петра[8]) и мѣсто, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ побѣды. Институтъ. Прелестныя воспитанницы. Выставка. Гимназія. Лукашевичъ. Свѣтъ и нѣкоторые друзья. На шведскую могилу и въ монастырѣ. Послѣ обѣда у Дьякова; милая дочка и милая жена. Вечеръ писалъ къ Г.[9]).

11. Переѣздъ изъ Полтавы въ Харьковъ. Два климата физическій и моральный для народа. Въ природѣ физической=черты постоянныя, основныя. Въ политическомъ бытѣ=физіономія. Въ происшествія(хъ) современ(ныхъ)—выраженіе. Черты=основное, образъ, дан(ный) природою. Физіономія=результатъ многихъ послѣдствій. Выраженіе=ми-

---

[1]) Т. е. у церкви Андрея Первозваннаго.

[2]) Михаилъ Андреевичъ Бѣлуха-Кохановскій (ср. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 212).

[3]) Вѣроятно, генералъ-адъютанта Петра Николаевича Дьякова, (см. выше стр. 352, прим. 8-е).

[4]) Сынъ извѣстнаго писателя Василія Васильевича Капниста.

[5]) Тайный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Могилевскій. Въ письмахъ С. А. Юрьевича къ женѣ полтавскій губернаторъ ошибочно названъ Миклашевскимъ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 212).

[6]) Статскій совѣтникъ князь Николай Андреевичъ Церетелевъ, бывшій потомъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

[7]) См. выше, стр. 363, прим. 5-е. Родзянка поднесъ наслѣднику стихи на его прибытіе въ Полтаву (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 212).

[8]) Въ которой молился Петръ Великій послѣ Полтавской побѣды.

[9]) Буква написана такъ, что ее можно принять и за Г и за Б. Въ первомъ случаѣ это, вѣроятно, сокращеніе слова: Государынѣ.

нутное измѣненіе. Разныя несчастія дорогою. Два раза ломалась ось. Поздній пріѣздъ. Строгановъ [1]), Голицынъ, Трубецкой [2]).

12. Пребываніе въ Харьковѣ. У меня Каразинъ [3]), Малиновскій, Петровъ, Катерина Ивановна. Представленіе. Преосвященный [4]). Ректоръ коллегіума [5]). Графъ Панинъ [6]), Павловскій, ректоръ и математикъ [7]); графъ Генриховъ [8]). Квитка [9]), Нахимовъ сынъ Ивана, Скалонъ Срезневскій [10]). Въ институтѣ [11]). Инспекторъ Артемовскій [12]). Тѣснота. На выставкѣ. Главный продуктъ шерсть. Монополія купцовъ. Компанія. Откупщикъ Козинъ. У губернаторши [13]). У граф(ини) Генриховой [14]). Въ университетъ. Бѣдность и тѣснота. Умный и неуклюжій графъ Панинъ. У графини Строгановой [15]). Обѣдъ у великаго князя. Передъ обѣдомъ разговоръ съ гра(фомъ) Строгановымъ. Послѣ обѣда дома. Балъ. Блестящее общество. Коробьинъ. Жена Панина [16]). Зала съ cottage и кронштейномъ.

13. Переѣздъ изъ Харькова въ Константиноградъ. Встрѣча и обѣдъ

---

[1]) См. выше, стр. 351, прим. 7-е.

[2]) Харьковскій гражданскій губернаторъ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

[3]) Извѣстный Василій Назаровичъ.

[4]) Для имени оставленъ пробѣлъ; харьковскимъ архіепископомъ былъ преосвященный Мелетій (Леонтовичъ, † 1840).

[5]) Архимандритъ Іоаннъ Оболенскій.

[6]) Графъ Александръ Никитичъ († 1850), помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

[7]) Ректоръ университета Андрей Ѳедоровичъ Павловскій.

[8]) Шталмейстеръ графъ Александръ Ивановичъ Гендриковъ (см. ниже, прим. 14-е).

[9]) Григорій Ѳедоровичъ (Основьяненко), извѣстный малороссійскій писатель († 1843).

[10]) Извѣстный впослѣдствіи славистъ и академикъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (р. 1812 † 1880), въ то время адъюнктъ Харьковскаго университета.

[11]) Благородныхъ дѣвицъ.

[12]) Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, профессоръ Харьковскаго университета, малороссійскій поэтъ (р. 1790 † 1865).

[13]) Князь П. И. Трубецкой былъ женатъ на дочери фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна, графини Эмиліи Петровнѣ.

[14]) У графини Прасковьи Александровны Гендриковой, рожд. княжны Хилковой („Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 212). О ней см. выше, стр. 84, прим. 5, а также стр. 87 и 92).

[15]) Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ былъ женатъ на графинѣ Наталіи Викторовнѣ Кочубей.

[16]) Графъ А. Н. Панинъ былъ женатъ на Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой.

съ великою княгинею [1]) въ Новой Водолагѣ. Пріѣхали въ $^1/_2$ 7 въ Константиноградъ.

14. Изъ Константинограда въ Екатеринославль. Осмотръ Потемкинскаго сада, дома и собора. Гигантскій планъ. Громады. У губернатора Андр(ея) Александр(овича) Пеутлинга. Борисъ Егоров(ичъ) Гарсевановъ [2]). Нѣверовскій [3]). Гр(афъ) Ностицъ [4]). Лошаковъ.

15. Изъ Екатериносл(авля) въ Орѣховъ. Колонія Нейгаусъ. Переѣздъ черезъ Днѣпръ у Хортицъ. Орѣховъ бѣдный городокъ съ одною деревянною церковью. Исправникъ Власовъ. Предводитель Антоновичъ [5]). Записка о духоборцахъ. Ночевалъ въ домикѣ городничаго.

16. Изъ Орѣхова въ Бердянскъ. Проѣхали черезъ Ногайскъ и черезъ рядъ прекрасныхъ колоній менонитовъ. Пустыя мѣста, застроенныя порядочными домами. Хозяйство Корнеева и менонита Штейберга. Ногайскъ памятникъ Мезона [6]). Татарки съ кольцами въ носу.

17. Переѣздъ изъ Орѣхова въ Таганрогъ. Завтракали въ Маріуполѣ. Греческая живость лица женщинъ. Пріѣздъ весьма поздній въ Таганрогъ. Заблужденіе. Мой домъ у головы прекрасный.

18. Осмотръ Таганрога. Дворецъ Александровъ. (Зажженныя днемъ свѣчи). Больница. Гимназія. Выставка (сафьяны, сапоги, ...). Переѣздъ изъ Таганрога въ Аксайскую станицу. Таганрогъ, начавшій разцвѣтать городъ и могущій пасть. Двѣ стороны Воронцова. Взглядъ на Нахичевань, армянскій городъ по проѣздѣ черезъ крѣпость св. Димитрія. Прелестныя головки армянокъ въ окнахъ. Кавалькада изъ грековъ вплоть до Аксая. Аксай городокъ, стоящій на берегу Дона передъ лѣсомъ. Совершенная безвкусица въ постройкѣ и расположеніи домовъ. Балконы. Непріятный костюмъ женщинъ: пояса по грудямъ. Тулупы.

19. Прибытіе государя въ 2 часа пополудни въ Аксай. Онъ нездоровъ. Зубная боль. Переѣздъ мой изъ Аксая въ Новочеркаскъ. Остановился въ домѣ Леонова. Нынѣшнее раздѣленіе на округа и установленіе списковъ весьма удобно для службы казацкой. Атаманъ наказный Власовъ [7]). Ефремовъ [8]). Ввечеру отправился въ Новочеркаскъ.

---

[1]) Съ великою княгинею Еленою Павловною.

[2]) См. выше, стр. 363, прим. 4-е.

[3]) См. выше, стр. 363.

[4]) См. выше, стр. 363, прим. 1-е.

[5]) Полковникъ Павелъ Власовичъ Антоновичъ.

[6]) Графъ де-Мезонъ, французскій эмигрантъ, былъ начальникомъ ногайскихъ поселеній; на эту должность онъ былъ опредѣленъ извѣстнымъ дюкомъ де Ришелье. О плодотворной дѣятельности де-Мезона для ногайскихъ поселеній см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 г., книга первая, стр. 399.

[7]) Генералъ-лейтенантъ Максимъ Григорьевичъ Власовъ, умершій въ 1848 г. въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи.

[8]) Генералъ-лейтенантъ войска Донскаго.

подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра II), получившій наименованіе «Комитетъ по устройству С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги» и при немъ строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа Венкендорфа. Коммиссія вскорѣ была упразднена, и дѣлопроизводство ея передано во вновь образованный департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

При разсмотрѣніи вопроса о направленіи дороги, на основаніи произведенныхъ техническихъ изысканій, нѣкоторые члены Комитета заявили, что они считаютъ необходимымъ сдѣлать обзоръ мѣстности и по направленію къ Новгороду, и производство дополнительныхъ изысканій по этому направленію было поручено инженеръ-полковнику Мельникову. Въ донесеніи своемъ Мельниковъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе прямому направленію, безъ отклоненія къ Новгороду. Мнѣніе его раздѣляла и техническая коммиссія при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ и свое заключеніе представила на уваженіе Комитета С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Въ Комитетѣ вопросъ этотъ возбудилъ разногласіе. На журналѣ Комитета государь положилъ слѣдующую резолюцію: «дорогу устроить по прямому направленію, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгородъ, который не лишится тѣхъ выгодъ, коими пользуется». Независимо отъ такой резолюціи, государь развилъ свою мысль въ особой собственноручной запискѣ, копія которой хранится въ дѣлахъ Комитета.

Когда, такимъ образомъ, было окончательно установлено направленіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и опредѣленъ типъ ея колеи, оставалось озаботиться заготовкою необходимаго матеріала. При обсужденіи условій приступа къ сооруженію С.-Петербурго-Московской дороги императоръ Николай I повелѣлъ сообщить всѣмъ владѣльцамъ русскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ высочайшее желаніе: «дабы они поставляли со своихъ заводовъ потребное для сооруженія желѣзной дороги количество рельсовъ». Для избѣжанія необходимости заказывать за границей подвижной составъ, государь приказалъ передать изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ завѣдываніе главнаго управленія путей Александровскій казенный литейный заводъ. Но заводъ этотъ ни по внутреннему устройству, ни по состоянію имѣвшихся въ наличности механическихъ снарядовъ не могъ удовлетворять предъявленнымъ къ нему требованіямъ; вслѣдствіе этого было приступлено къ преобразованію всей системы производства поставляемыхъ заводомъ матеріаловъ; съ этою цѣлью заводъ былъ переданъ на срокъ 1844 по 1850 г. въ распоряженіе американскихъ механиковъ Уайненса и Гаррисона, съ которыми былъ заключенъ контрактъ на изготовленіе до 1848 г. потребнаго количества локомотивовъ и вагонныхъ тѣлѣжекъ. Кромѣ того заводское управленіе обязывалось обучить состоявшихъ на заводѣ мастеровъ всѣмъ родамъ механическаго производства, образовавъ изъ нихъ машинистовъ, кочегаровъ и т. п.

Николаевская [1]) дорога обошлась казнѣ — въ 76.000.000 р., т. е. по 125.000 р. за версту пути.

Замѣтнымъ, сразу ощутительнымъ результатомъ отстройки Николаевской дороги явилось удешевленіе цѣнъ на перевозку товаровъ изъ Москвы въ Петербургъ: прежде перевозка одного пуда груза обходилась отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к., съ открытіемъ же желѣзной дороги перевозка товаровъ между тѣми же городами стала стоить отъ 15 до 40 к. съ пуда. Уже одна эта перемѣна показывала, чего можетъ ожидать Россія отъ развитія своей желѣзнодорожной сѣти.

Трудъ г. Кислинскаго, безъ сомнѣнія, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей, не особенно богатой литературѣ по данному вопросу. **Н. К-ш-ъ.**

Разсказы и стихотворенія изъ Русской исторіи. Составилъ К. Елпатьевскій. Стр. 397, in 8°. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Сборникъ извѣстнаго педагога, г. К. Елпатьевскаго, приноровленъ къ новымъ программамъ по русской исторіи и съ большимъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ историческая христоматія. Составитель обнаружилъ въ немъ основательное знакомство съ литературой предмета и далъ своей книгой пространную и живую иллюстрацію къ сухому курсу краткаго учебника. Кстати сказать, хорошаго учебника по русской исторіи для младшихъ классовъ у насъ пока нѣтъ, да и историческая христоматія для учениковъ младшаго возраста является у насъ впервые, благодаря труду г. Елпатьевскаго. Нѣтъ сомнѣнія вслѣдствіе этого, что новый трудъ извѣстнаго педагога окажетъ большую услугу современной школѣ. Заключая въ себѣ около двухсотъ литературныхъ произведеній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и охватывающихъ всю русскую исторію въ главнѣйшихъ ея событіяхъ, книга его дастъ прекрасное освѣщеніе этихъ событій и лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, и уясняетъ ихъ смыслъ и значеніе во всемъ теченіи отечественной исторіи. **Н. П—ъ.**

---

[1]) Наименованіе это присвоено С.-Петербурго-Московской линіи по высочайшему повелѣнію императора Александра II, обнародованному 8-го сентября 1855 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~31-III-IV~~			1895, IX	
~~26.12.22 IV~~				